

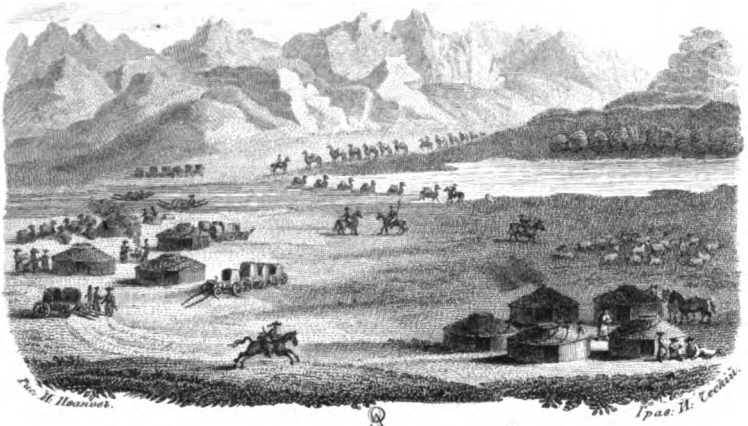
ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

КИТАЙ.

Ч. I.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
КИТАИ
ЧРЕЗЪ
МОНГОЛІЮ.

Переправа черезъ рѣку Хрѣ, 2 Сент. 1820.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1824.

Timkowski

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ КИТАЙ
ЧРЕЗЪ
МОНГОЛІЮ,
ВЪ 1820 И 1821 ГОДАХЪ.

Съ картою, чертежами и рисунками.

Печатано по Высочайшему повелѣнію,

Изданіемъ казенн.

С. Петербурга, въ Типографіи Медицинскаго Департамента

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

Переѣздъ до Пекина.

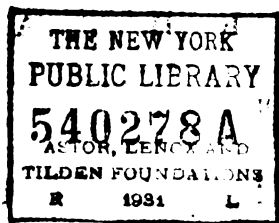
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Медицинскаго Департамента

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1824.

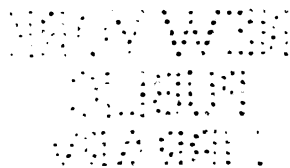
Ush

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ шѣтъ, чпобы, по напечатаніи, до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ С. Петербург-
скій Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей
книги, для доспавленія, куда слѣдуетъ, на основа-
ніи узаконеній. С. Петербургъ, Октябръ 2 дня
1825 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Судьба украсила мою жизнь событіемъ рѣдкимъ, незабвеннымъ: я видѣлъ Китай. Перемѣна Членовъ нашей Пекинской Духовной Миссіи — была къ тому поводомъ. Провожая новыхъ отъ границы Россійской до Пекина, а прежнихъ обратно въ отечество, и находясь въ синолицѣ Китайской около полугода, я велъ подробный Журналъ. Существеннѣйшими предметами сихъ Записокъ были:

а) Исторія путешествія ш. е. ежедневные переѣзды наши, остановки, достопамятнѣйшія приключенія и встрѣчи.

б) Хозяйственныя распоряженія мои къ успѣшному проѣзду Миссіи; мои сношенія по сему предмету съ чиновниками Манжурскими и Монгольскими, отъ Китайскаго Правительсва назначенными.

в) Описаніе пути между Кяхтою и Пекиномъ, съ изъясненіемъ подробностей о пошвѣ земли, о горахъ и рѣкахъ, о песчаной пустынѣ Гоби; сверхъ того о вѣрѣ, постановленіяхъ, обычаяхъ и хозяйствѣ Монголовъ — собратій Рос-

сійскихъ Бурятъ и единоплеменниковъ : Калмыкамъ.

Объясненіе Географіи шѣхъ мѣсць, по коимъ проѣзжалъ я съ Членами Миссіи, соспавляешъ главную часть моихъ наблюденій, сколько позволяли: шо мнѣ сдѣлать краткосць времени и стѣсненной положеніе въ кругу недовѣрчивыхъ иносстранцевъ. Наконецъ
 г) Важнѣйшія обстоятельство моего пребыванія въ Пекинѣ, соспояніе Россіянъ - Албазинцевъ, переселенныхъ Манжурами, въ концѣ XVII столѣтія; положеніе живущихъ шамъ Римско-Католическихъ вѣропроповѣдниковъ, обзорнѣе столицы Киша, посѣщеніе ея окрестностей и проч.

Ни объ одной странѣ Азии не было писано Европейцами столько много, сколько объ отдаленномъ Кишаѣ. Говоря нынѣ о сей землѣ, весьма трудно открытъ какіе либо предметы совершенно новые, подробности необыкновенныя: ибо ни одно Государство, въ теченіе вѣковъ, не подверглось меньшему измѣненію въ своихъ обычаяхъ, законахъ и языкѣ, какъ сія Имперія. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что свѣдѣнія наши о Средней Азии, къ областямъ коей принадлежатъ Монголія и Малая Бухарія, еще

довольно ограниченны. Кто не знает разнаго рода препяшшій въ сообщеніи съ шюль ондаленными справами, и кто не согласился, что извѣстія о находящихя подѣ Китайскою державою народахъ, собранныя на мѣсцѣ, изъ почтничковъ вѣрныхъ, во всякомъ случаѣ могутъ принести свою пользу для ученой Европы вообще и въ особенности для общества нашего, имѣющаго тѣснѣйшія съ оными связи?—Сіи причины, постигнушыя совершенно г. Дирекшоромъ Азіатскаго Департаментна Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Т. С. Родофинкинумъ, представлены былы на уваженіе г. Управляющаго симъ Министерствомъ Д. Т. С. Графа Карла Васильевича Нессельроде. Велико, незабвенно вниманіе сихъ особъ къ моему путешествію. По ходатайству Его Сіишельства, удостоился я Монаршаго пособія на изданіе составленныхъ мною Записокъ.—Желательно, чтобы онѣ могли послужить на будущее время руководствомъ (какого мы не имѣли) какъ для нашей Пекинскои Миссіи, такъ и для другихъ путешественниковъ по тѣмъ мѣстамъ, кошорыя въ нихъ описаны. Не менѣе того нужно ознакомить предварительно Членовъ Миссіи, кошорые впредь будутъ назначены въ Пекинъ, съ путешествіемъ ихъ въ Ки-

жай и съ главнѣйшими обстоятельствоми долговременнаго ихъ шата пребыванія. Незнаніе робко: многіе имѣють о сихъ предметахъ весьма темныя понятія. Припомъ навѣспія мои объяснятъ, коша въ вѣкопторой мѣрѣ, Монгольскія степи, ошкроютъ нынѣшнее положеніе Кипайской Имперіи, а можетъ бытъ дадутъ поводъ къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ Землеописателей и Иснѣпашелей природы, шѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ Европейцевъ одни только Россіане имѣють нынѣ право посѣщать Монголію и столицу Кипай. Свѣдѣнія о Монголіи, сообщенныя Плаць-Карциномъ, Рюйсбрукомъ, Марко-Поломъ, Армянскимъ Царемъ Гешпумомъ и Езуитами, по волю Императора Кансіа составлявшими карту Кипайской Имперіи, шакже Записки Доктора Беля, въ 1720 году бывшаго въ Пекинѣ съ Россійскимъ Посланикомъ Измайловымъ: всѣ сіи и подобныя имъ навѣспія, имѣя свою цѣну, впрочемъ ишолькоже поверхностны, сколько посвѣщенъ былъ переѣздъ собирающихъ оныя, а болѣе недоспапочно въ опношеніи къ мѣспной географіи и языку; ибо путешественники сіи не обрашались, кажется, на шо должнаго вниманія, Иные изъ нихъ преимущественно увлекались видами духовными, а другіе хотѣли удивитъ своихъ

сообщественниковъ разказами объ Азіатцахъ, чудными, увеличенными.—Вошь основаніе и цѣль моего изданія.

Въ изложеніи одаго (по совѣту челоѣка, мнѣнію котораго привыкъ я повиноваться) сохраненъ мною пощъ самый порядокъ, которому слѣдоваль я въ пунѣ, ш. е. записывая каждый день все случившееся со мною и достоѣное вниманія, ошросительнѣо видѣнныхъ мною земель и населяющихъ оныя народовъ. Въ семъ руководствовался я шакже примѣромъ извѣстнѣйшихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Китаѣ, каковы Докшоръ Вель, нашъ Агенствъ Лангъ, а равно Англичскіе Посланники къ Пекинскому Двору: Лордъ Макаршней и Лордъ Амгерстъ. Основательныя свѣдѣнія объ иностраннѣхъ земляхъ и народахъ пріобрѣтающаюся изъ донесеній путешественниковъ, оневидецѣхъ—извѣстій, шакъ сказать, живѣхъ. Такія донесенія, при всемъ ходномъ языкѣ правды и умѣренности, способствуюшъ къ успѣхамъ современниковъ, и могушъ бышь назидательны для пошомковъ.

На основаніи сего плана, я раздѣляль книгу мою, по историческому порядку, на шри Части, именно:

Первая Часпъ заключаецъ въ себѣ переѣздъ мой съ Миссією отъ Кяхты до Пекина. Въ началѣ приложенъ видъ нашей переправы черезъ рѣку Ирѣ. Я желалъ симъ хотя нѣсколько познакомиться Чипантелей съ мѣстоположеніемъ Монголіи, и вмѣстѣ показать, какимъ образомъ располагались станціи во время нашего, шакъ сказать, кочеваго путешествія. Въ концѣ сей Часпи находилъ планъ и фасадъ Россійскаго Монастыря и Посольскаго Двора въ Пекинѣ: шопъ и другой оняны съ напуры.

Къ сей же Часпи приобщена карта нашего пути отъ Кяхты до Пекина. Многие, можешь быть, упрекнутъ меня въ смѣлости, что я хотѣлъ представить себя Топографомъ, не имѣя права на сіе ичестиво. Я не оправдываюсь; но вожу причины, побудившія меня къ шому. На всѣхъ географическихъ картахъ, намъ извѣстныхъ, обширное пространство Монголіи представляется совершенно почти пустымъ; горы и рѣки изображены или не всѣ, или въ превращеномъ направленіи, или же подъ неправильными названіями. Говорю сіе впрочемъ, шолько вразсужденіи мѣстѣ, мною видѣнныхъ. Слова *Гоби* (несправедливо *Соби*, *Коби*) или *Шалио*, Монгольское и Кишайское названія песчаной полосы, пе-

рестъжающей Монголію отъ востока къ западу, изобразилъ на нѣхъ: картахъ: жайтбы единственную достопамятность сей страны. Имѣя въ рукахъ карту Азіи г-на Брюе, издана Парижѣ 1814, смотря на компасы и разчисляя по вѣрнымъ часамъ ходъ шавьюченыхъ верблюдовъ, всегда ровный и рѣдко перерывающійся отъ одной станціи до другой, я означалъ разстояніе мѣстъ, описывая подробности въ пушномъ Журналь. Названія горъ, рѣкъ, урочищъ и прочъ вриалъ я въ, которыхъ въ употребленіи умѣстныхъ жителей. На семъ основаніи, по возвращеніи въ общество, составлена подъ моимъ руководствомъ упоминаемая карта, единственно для объясненія нашего пуши. Желая, да и кѣво не жаржаалты, чтобы въ сіи пушныи и въ самый Кипай проникнулъ искушый, внимательный Топографъ, и представилъ земли сіи въ подлинномъ видѣ. Но исполненіе шаковыхъ ожиданій зависитъ отъ счастливаго спеченія обстоятельствъ; а счастье пришло.

Вторая Частъ содержитъ въ себѣ Записки веденныя мною въ Пекинѣ. Въ сей Части преимущественно заключающагося извѣстія о Кипаѣ, описаніи о Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Корей; тамъ же помѣщено краткое описаніе шоланца

Китайская съ планомъ оной. Книжка, изданная о семъ въ Парижѣ подь названіемъ Description de la ville de Peking, par MM. de P. Isle et Pingré, принята мною въ пособіе, какъ основанная на извѣстіяхъ ученыхъ Езуитовъ, кои жили нѣсколько лѣтъ въ Пекинѣ, и слѣдовательно имѣли всѣ средства дѣлать подробныя и точныя наблюденія о семъ городѣ. Сію Часть моихъ Записокъ украсилъ я двумя оригинальными изображеніями Манжура и Манжурки (рисованными въ Пекинѣ Китайскимъ живописцемъ), для яснѣйшаго понятія о наружности и одеждѣ народа, который, шому назадъ около 180 лѣтъ, въ числѣ немногихъ тысячъ воиновъ, руководимыхъ ищениемъ и отважностію покорилъ Китай—Имперію древнѣйшую, многолюднѣйшую изъ всѣхъ Государствъ нашего вѣка.

Третья Часть имѣетъ два отдѣленія. Въ первомъ крашко описано наше возвращеніе въ отечество. Въ началѣ сего отдѣленія помѣщено ваящельное изображеніе Шигемуні, основателя Ламайской вѣры, которую исповѣдуютъ большая часть Китайцевъ, всѣ Монголы, Калмыки и Буряты.

Въ заключеніе всего, во 2-мъ отдѣленіи прешней Частии сей книги помѣстилъ я обзорніе

Монголія въ общемъ видѣ. Это, нѣкоторымъ образомъ, есть собраніе свѣдѣній о сей странѣ, которая имѣла я прежде; а нынѣ повѣрилъ на мѣстѣ и дополнилъ, соображалъ, повпорюю, съ всею возможностью, *стѣсненною* пространствомъ земли, по которой мы ѣхали, и невѣжествомъ Монголовъ, кои насъ окружали. Снаписанческія свѣдѣнія большей части изъ нихъ ограничиваются знаніемъ своихъ спадъ и ближайшихъ мѣстъ своего Хопуна. Припомъ, по дѣйствительной ли неопытности, или по скрытности передъ иностранцемъ, они о важнѣйшихъ предметахъ прямо опзываются невѣдѣніемъ. *Одо самъ между чевъ, Ноимъ, п. е.* „впрочемъ, Господинъ, хорошенько шго не знаю, былъ опвѣтъ, коимъ обыкновенно Монголы опражали мое любознательство. По сей причинѣ, я долгомъ почелъ подкрѣпить мои слова замѣчаніями опытнѣйшихъ изъ соотечественниковъ и Китайцевъ, а равно сужденіями другихъ Европейскихъ Ученыхъ.— На память о Монголахъ я поставилъ пріятною обязанностію, передъ обзорніемъ Монголія, помѣстивъ изображение одного полудикаго Номада, Араши Тайцзія, достойнаго памяти по его честности и усердію, кои онъ показалъ въ проѣздъ Россійской Миссін. Оздѣленіе сіе

оканчивается описаніемъ жизни Будды или Шигемуни; при чемъ представлено его живописное изображеніе. Къ сей же часши приложено письмо, коимъ изволилъ почтить меня г. Президентъ Императорской Академіи Художествъ А. Н. Оленинъ, и кошорое содержитъ въ себѣ глубокія изслѣдованія объ извѣстной Ламайской молитвѣ *Омъ мани падме аумъ*.

Въ семь заключающся способы, кошорыми я руководствовался, для составленія моего *Путешествія въ Китай чрезъ Монголію*. Счастливымъ почту себя, ежели Читашели найдутъ въ семь повѣствованіи что либо новое, болѣе опредѣленное, словомъ: достойное ихъ просвѣщеннаго вниманія. Но ежели Судьба — пуши ея не исповѣдимы — приведетъ кого либо изъ нихъ въ страны, мною описанныя; ежели сей путешественникъ, взбираясь на крутизны Тумукья и Гуншуя, помясь въ пескахъ Дурминскихъ, или разгадывая замыслы Манжуровъ и Кишайцевъ въ пыльных обшляпелствахъ сего труднаго пути воспользуется моимъ урокомъ, избегнетъ моихъ неудачъ: то успѣхъ его и спокойствіе будущъ для меня утѣшительною наградою.

Егоръ Тиховскій.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

**ГЛАВА I. ОСНОВАНИЕ И ЦЕЛЬ ПРЕБЫВАНИЯ
Россійской Миссии въ Пекинѣ.
Приготовленія къ пути 1.**

**ГЛАВА II. Отправленіе Миссии изъ оте-
чества. Перевъздъ до города Урги,
въ Монголіи. 18.**

**Р. Борб, на берегу коей 1727 года заклю-
ченъ дружественный трактатъ между
Россією и Китаемъ, существующій до
нынѣ. 24.**

**Одежда, названіе и обрзанности Монголь-
скаго Духовенства. 25.**

Встрѣча съ Кундუმъ. 26.

Объясненіе Китайской монеты 27.

**Доказательства о высокомъ положеніи Мон-
голи 28.**

Аргаль или спелныя дрова. 29.

**Таинственная молитва послѣдователей Ши-
гемунія или Фо 32.**

Купшуня, Шигемуніевъ Первосвященникъ . 33.

Обб или поклонный холмъ 36.

Рѣка Ирб. 38.

Преданіе Палласа о желѣзѣ Монгольскомъ. 39.

Монгольскіе Шабинеры. 40.

	<i>Стран.</i>
Черта Манжурскаго характера	41.
Пекинскіе проводники Мисси	42.
Понятіе Монголовъ о переселеніи душъ	44.
Дикій лукъ и лень	45.
Гора Мингáдará	46.
Кирпичный чай	47.
Рѣчка Шара	49.
Опличительныя свойства Монгольскаго пле- мени	51.
Субурганъ или часовня	53.
Кипайскіе шѣргани въ Монголіи	54.
Починное устройство	55.
Рѣчка Бамы	57.
Что значить Богдоханъ	59.
Переходъ черезъ хребетъ Мангатай	60.
Рѣка Харá	62.
Взрваніе переселенію душъ. Дѣла черныя и бѣлыя	63.
Индійскій Браминъ въ Селенгинскѣ	64.
Руское - Кипайское нарѣчіе на Кяхтѣ	66.
Нѣсколько замѣчаній о хозяйствѣ Монголовъ	67.
Воспоминаніе о Кударѣ	68.
Движеніе Монголовъ при возрожденіи Ку- шухны	69.
Монгольскія заповѣдныя роуки	71.
Звѣровство Вана и Амбана	72.
Богдовы распоряженія по сему предмету	—
Жершвы Кушухны	76.

Причина дороговизны лѣса въ Кипаѣ . . .	77.
Монгольскія и Кипайскія вершны . . .	79.
Хадакъ, подносимый въ знакъ почтенія . . .	80.
Пѣсни Монгольскія	82.
Вспрѣча съ Гендунъ Тусулахчьемъ . . .	84.
Арашанъ, вода живописная	86.
Вѣсть о смерти Кипайскаго Императора —	
Трудный переходъ черезъ хребетъ Гуншү . . .	89.
Вспрѣча съ Селенгинскимъ Цзасакомъ . . .	90.
Монгольскія капища. Прибытіе въ Ургу . . .	91.

ГЛАВА III. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ УРГѢ . . . 94.

Представленіе Членовъ Миссіи Цзювану . . .	100.
Изображеніе Ургинскихъ Правителей . . .	105.
Присланные отъ нихъ подарки	107.
Свиданіе наше съ Ургинскимъ Заргучеємъ . . .	110.
Описаніе поржеспва, бывающаго при воз- рожденіи Купухпы	112.
Новые госпоинцы отъ Вана и Амбаня . . .	122.
Ургинскій Ямунъ или Приказъ	126.
Обозрѣніе города Урги	129.
Священная гора Ханбла	131.
Мое свиданіе съ сыновьями Вана	135.
Ургинскій Субурганъ. Вспрѣча съ Чжан- чжунъ Бэйломъ. Ургинскіе виды . . .	141.
Полиція въ УргѢ. Число жилищей	143.
Теплыя воды	144.

ГЛАВА IV. Продолженіе пути до южныхъ предѣловъ Халхаскаго Княжества.	146.
Замѣчаніе о рѣкѣ Толѣ Манжура Тулишэня, бывшаго въ Россіи 1712.	147.
Эпоха присоединенія Монголовъ Халхаскихъ подѣ державу Манжуро-Кипайскихъ Государей. Война съ Зюнгарскимъ Галданъ Бошохпу Ханомъ.	150.
Извѣстія объ Илійской области, прежней Зюнгари,	155.
Илійскій городъ Баргблъ	159.
Урумці	160.
Илі	162.
Тарбахпай	165.
Опзывъ Рюйсбрука объ аргалѣ	168.
Воспоминаніе о Чингисъ Ханѣ.	169.
Жалованье, получаемое опѣ Пекинскаго Двора Ургинскими Правителлями и чиновниками	170.
Число станцій между Ургою и Халганомъ	174.
Мнѣніе о сѣверной чертѣ пущыни Гобійской	178.
Гобійскіе сердолики, агапы и яшма	182.
Встрѣча съ Кипайскимъ купцомъ, Вдуцимъ на Кяхпу. Замѣчаніе о купцахъ Инааньсійскихъ	183.
Воспоминаніе о нашихъ Герояхъ	184.

Стран.

Монгольскіе анекдоты	186.
Гора Тонб, упоминаемая Гербиальономъ	187.
Китайскій обозъ съ цвѣточнымъ чаемъ	188.
Лучшія лошади у Халхасовъ въ окрестно- стияхъ горы Дарханъ	189.
Мое посѣщеніе горы Даркана, славной по имени Хана Чингиса	192.
Ночное путешествіе	193.
Жестокая буря	196.
Противорѣчіе Пекинскихъ проводниковъ	200.
Жертвоприношеніе въ память Чингисъ Хана	202.
Окончаніе Государственнаго праура для Монголовъ	—
Амбанъ западныхъ Урянговъ	203.
Трава <i>дерису</i>	205.
Алшайскій Дагунъ	—
Новое огорченіе со стороны Пекинскихъ проводниковъ	206.
Раздѣленіе путей, ведущихъ въ Кипай	210.
Разновидный каменный поясъ	211.
Древній памятникъ Зодчества Монголь- скаго	212.
Первый видъ на Гобию	214.
Лицевѣрное объясненіе Бишкешія	215.
Минеральное, разноцвѣтное поле	216.
Ключъ Гашунъ, имѣющій воду горькую съ сильнымъ запахомъ	219.

Распѣніе <i>Будурэундэ</i>	220.
Хищничесво Ламы.	—
Спешная вѣжливость Тайцзія.	221.
Торгъ съ Ламою о промѣнѣ верблюдовъ.	225.
Обозрѣніе капища <i>Абургайнъ Сумэ</i>	227.
Тусулахчи <i>Демипъ</i>	231.
Взаимные подарки.	233.
Богдохановы верблюды.	234.
Сѣверныя врапа Гоби.	235.
Значительная у насъ покража, учиненная Монголомъ.	237.
Подробность о казенныхъ Манжурскихъ заводахъ верблюдовъ.	—
Разпаніе съ Тусулахчіемъ <i>Идамомъ</i> , прово- жавшимъ Миссію отъ <i>Кяхпы</i>	240.
Оказываемая Кипайцами пощада воро- намъ.	243.
Неосновательность замѣчанія <i>Рюйсбрука</i>	244.
ГЛАВА V. Переездъ Миссии по Аймаку	
Монголовъ Сунитовъ. Кочевья	
Восточныхъ Сунитовъ.	248.
Еще видъ на Гобию.	—
Свѣдѣніе о Киргизахъ, 1819 года вѣдв- шихъ на поклоненіе Богдохану.	251.
Замѣчанія Кипайскаго путешественника о Хасакахъ и Киргизахъ.	253.
Кварцовый Обо.	257.
Курдэ, молишвенникъ для неграмотныхъ.	258.

Табунъ Богдохановыхъ лошадей.	263.
Неудобства Монгольскихъ степей.	264.
Преимущество пуши изъ Россіи въ Пекинъ на Цурухайшу.	266.
Холодъ въ Гоби.	268.
Раздѣленіе Гоби на сѣверную и южную	—
Вредная пища <i>суми</i>	269.
Соляное озеро.	271.
Сушицы Западные.	276.
Гесаръ Ханъ, Монгольскій Гераклесъ; его удивительные подвиги.	280.
Труднѣйшій переходъ по нашему пуши въ Монголіи.	299.
Кипайскій караванъ съ чаемъ.	—
Цахарскій Обб.	305.

ГЛАВА VI. Путешествіе по кочевьямъ

войска Цахарскаго до крѣпости Халганъ, лежащей въ Великой стѣ- нѣ Китайской.	307.
Погребеніе мершвыхъ у Монголовъ.	—
Спада Богдохановы.	310.
Монгольскіе духи-покровители.	—
О курипелномъ табакѣ.	312.
Воспоминаніе о 1806 годѣ.	313.
Жалованье, получаемое Цахарами.	314.
Соединеніе пушей, ведущихъ въ Кипай.	315.
Дорога въ Долонноръ.	316.

Цѣны за перевозку товаровъ отъ Халгана	
до Кяхны.	317.
Земляной валь, имѣющій сходство съ Пе-	
реяславскимъ.	318.
Городъ Кукухопѣ.	319.
О числѣ спадъ Богдоханскихъ.	320.
Воинскій спадъ Чингисовъ.	321.
Образованность Цахаровъ.	322.
Типуль новаго Бохдохана.	323.
Первый видъ Кипая.	325.
Городокъ Цаганъ Балгау.	328.
Сильная служба.	330.
Рубежь, отдѣляющій Монголію отъ Кипая.	331.
Спускъ съ Монгольской степи.	332.
Первая Кипайская деревня.	—
ГЛАВА VII. ПРИВѢТІЕ ВЪ ХАЛГАНЪ. ПРЕ-	
БЫВАНІЕ ВЪ ОНОМЪ.	335.
ГЛАВА VIII. ПЕРЕВЪЗДЪ МИССИИ ОТЪ ХАЛ-	
ГАНА ДО ПЕКИНА.	352.
Кипайскій анекдотъ	361.
Видъ Великой степи.	371.
Подробности объ оной	374.
Видъ Пекина.	383.
Въездъ въ сію Столицу.	384.
Объясненіе чершежа Россійскаго Монасты-	
ря и Посольскаго Двора въ Пекинѣ.	386.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ КИТАЙ
ЧРЕЗЪ
МОНГОЛІЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ОСНОВАНІЕ И ЦѢЛЬ ПРЕБЫВАНІЯ РОССІЙСКОЙ
ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ ПЕКИНЬ. СОСТАВЪ НОВОЙ
МИССІИ. ПРИГОТОВЛЕНІЯ ОНОЙ КЪ ПУТИ.

Генеральнаго Тракпаша, 14 Іюня 1728 года заключеннаго, между Россійскимъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ Графомъ Владиславичемъ и Кипайскими Миниспрами, о вѣчномъ мирѣ между обѣими Имперіями, въ спашьѣ V положено:

„Коеиъ [гуань] или домъ, кошорый нынѣ для „Россійскихъ въ Пекинѣ обрѣшаешся, будешъ для „Россіянъ и впредь прѣвзжающихъ. А чшо Россійскій Посоль, Иллірійскій Графъ Савва Владиславичъ предспавлялъ о поспроеніи церкви, сдѣлана „въ семъ домѣ вспоможеніемъ Вельможей, кошорые „имѣюшъ надсмопрѣніе въ дѣлахъ Россійскихъ.

Часть I.

I

„Въ семь домѣ будетъ жить одинъ Лама [Священникъ], нынѣ въ Пекинѣ обрѣцающійся, и прибавятся другіе при Ламы [Священника], копорые „прибудутъ, какъ рѣшено. Когда прибудутъ, даспся имъ кормъ, какъ дается сему, копорый прежде прѣхалъ, и при пойдѣ церкви поспавлены „будутъ. Россіянамъ не будетъ запрещено моли- „пня и почипати своего Бога, по своему закону. Кромѣ того чепыре мальчика учениковъ и „два побольшаго возраста, копорые по Руски и „по Лапынѣ знаютъ и копорыхъ Посоль Россій- „скій, Иллирійскій Графъ Савва Владиславичъ хо- „чепъ оспавипи въ Пекинѣ для изученія языковъ, „будутъ жить также въ семь домѣ, и кормъ даспся имъ изъ царскаго иждивенія; а когда выучапся, по своей волѣ да возмупся назадъ.“

На основаніи сего поспановленія, какъ извѣстно, имѣетъ пребываніе Россійская Миссія въ Пекинѣ, состоя изъ шести Членовъ духовныхъ и чепырехъ свѣпскихъ [1]. Первые назначаются для Богослуженія въ находящемся тамъ первокласномъ Срѣпенскомъ Монастырѣ и въ Успенской церкви, учрежденной особо въ ной часпи города, гдѣ сначала жили Россіяне, переселенные Кыпайскимъ Пра-

(1) Въ Журналѣ *Сибирскою Вѣстникѣ* 1822 года, кн. 4, 5, 6 и 7, помѣщена весьма любопытная, основательно изложенная статья: О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россія съ Кышаемъ, и о заведеніи въ Пекинѣ Россійской церкви и Духовной Миссіи.

вишельствомъ, по раззореніи нашей крѣпости Ал-
 базинской на рѣкѣ Амурѣ, въ 1685 году. Чпо ка-
 сается до Членовъ Миссіи свѣтскихъ или Спу-
 денцовъ; по главною цѣлю отправленія ихъ въ
 Пекинъ есть основательное изученіе языковъ Ман-
 журскаго и Кипайскаго, также повѣрка и раз-
 просраненіе свѣдѣній о Кипаѣ и проч. Тѣ и дру-
 гіе помѣщаются на обширномъ Россійскомъ по-
 дворѣ [1], коего часпъ, называемая дворомъ По-
 сольскимъ, содержишя опъ Правительсва Ки-
 шайскаго, а монастырскія зданія на счепъ Рос-
 сійскаго. Члены Миссіи посылаются въ Пекинъ
 обыкновенно лѣтъ на десяти; по проишествіи же се-
 го времени, смѣняющъ ихъ новыми. Продолжитель-
 ность переписки о семъ Министерства Иноспран-
 ныхъ Дѣлъ, именовъ Правительствующаго Сенапа,
 съ Пекинскимъ Трибуналомъ дѣлъ иноспранныхъ
 бываетъ причиною, чпо Миссіи наши оспаютъ
 шамъ и болѣе десяти лѣтъ.

По сему порядку въ сношеніяхъ Россіи съ Ки-
 шайскимъ Государствомъ, 1819 года назначена
 въ Санктпетербургѣ Миссія, на смѣну въ Пе-
 кинѣ находившейся съ 10 Генваря 1808. Въ Фев-
 ралѣ 1820 прибыли новые Члены въ Иркутскъ, а
 1 Юля явились въ Троицкосавскую крѣпость,
 извѣспную болѣе подъ именовъ Кяхты, будучи въ
 гошпвноспи, по предположенію высшаго Правитель-

(1) Смопрше приложенный къ сей Часпи чершежъ Россійскаго Мо-
 настыря и Посольскаго двора въ Пекинъ.

ства, выѣхавъ чрезъ мѣсяцъ за границу. О семъ послѣднемъ обстоятельстве свѣдѣ Г. Сибирскій Генераль Губернапоръ, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Михайловичъ Сперанскій, еще въ Маѣ даль знавъ письмомъ, опъ имени Иркутскаго Гражданскаго Губернапора, пограничнымъ Правителемъ Кипайскихъ дѣлъ, Главноуправляющему Цзюньвану [1] Князю 2 степени, и Амбаню или помощнику его, имѣющимъ пребываніе въ Монгольскомъ городѣ *Ургъ* [2], лежащемъ опъ Кяхты въ або верспахъ къ югу.

Новую Миссію сославляюпъ

а) Члены духовные:

1. Начальникъ Миссіи, Архимандритъ и Ордена

- (1) Я говорю Цзюнь вмѣсто Дзюнь; Доржи вмѣсто Дорджи. Звуки, доселѣ выражаемые у насъ буквами *дз* и *дж*, я рѣшился писать вообще чрезъ *цз* и *цж*, примѣняясь къ выговору самихъ Монголовъ и Кипайцевъ. Въ поническомъ ихъ словарь поны расположены попарно, какъ то: *банд-л'андъ*, *данд-т'андъ*, *гжанд-гандъ*, *цзанд-цандъ* и проч. Если написать *джандъ* и сдѣлать его оборотнымъ чрезъ выпущеніе *ж*, то выдепъ *дандъ*, а не *гандъ*; *дзандъ* съ выпущеніемъ *з*, шакже произведетъ *дандъ*, а не *цандъ*. Изъ сего опкрываепся, что вмѣсто *д*, въ оныхъ двухъ случаяхъ, надлежитъ писать *г* и *ц*, употребленіе которыхъ дѣйствительно естественнѣе выражаетъ помянутые звуки. Сіе можно бы разпространить и на другіе Азіатскіе языки.
- (2) Городъ сей у Монголовъ извѣстенъ подъ именемъ *Курѣня*. *Ургъ* или *эргѣ*, на ихъ языкѣ, значить дождь знашней особы; *курѣ* всякое огороженное мѣсто: то и другое относится болѣе къ жилищу ихъ Первосвященника Купухны, въ ономъ городѣ обитающаго. Наши Калмыки называютъ свои молищенныя дома и монастыри *Хуруль* и *Куря*.

Св. Анны 2 ст. Кавалеръ *Петръ* [до принятія монашества, *Павель Ивановичъ*] *Каменскій*; отъ роду имѣетъ 54 года. Онъ изъ духовнаго званія; родился Нижегородской губерніи, Макарьевского уѣзда въ селѣ Лысковѣ; обучался въ Нижегородской Семинаріи; былъ ученикомъ въ тамошнемъ Народномъ училищѣ; потомъ находился въ Московскомъ Университетѣ, для усовершенствованія себя въ наукахъ, откуда въ 1792 поступилъ ученикомъ въ С. Петербургскій Воспитательный Домъ. 1794 Каменскій отправленъ былъ въ Пекинъ, для изученія Китайскаго и Манжурскаго языковъ; по возвращеніи Миссіи изъ Китая 1808, находился при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Переводчикомъ въ чинѣ Коллежскаго Ассессора. По посприженіи въ монашество, произведенъ въ С. Петербургской Александро-Невской Лаврѣ въ санъ Архимандрита 30 Маія 1819, съ пожалованіемъ Кавалеромъ.

2. Помощникъ его, Иеромонахъ *Веніаминъ Моравецкій* 26 лѣтъ, изъ духовнаго званія; родился въ селѣ Майданахъ Волынской губерніи, повѣва Заславскаго; учился сперва въ Волынской Семинаріи, въ г. Острогѣ, а потомъ въ С. Петербургской Духовной Академіи; посприженъ въ монашество Сентября 1819.

3. Иеромонахъ *Даніилъ Сивилловъ* 22 лѣтъ; изъ духовнаго званія; родился въ селѣ Кѣпшѣ Пензенской губерніи, уѣзда Городищенскаго; учился въ

Пензенской Семинаріи, въ С. Пешербургской Медико-Хирургической Академіи, а попомъ въ С. Пешербургской Семинаріи; въ монашество вступилъ Септября 1819.

4. Геродиаконъ *Израиль Веретельниковъ* 31 года, изъ мѣщанскихъ дѣшей; родился въ губернскомъ городѣ Воронежѣ; въ монашество поспушилъ въ Софроніеву Пустыню [Курской губерніи, Рыльскаго уѣзда]; попомъ находился въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ произведенъ въ санъ Геродиакона, Септября 1819.

5. Старшій Причепникъ *Николай Вознесенскій* 20 лѣтъ; изъ духовнаго званія; родился въ С. Пешербургской губерніи, въ городѣ Софіи; обучался въ С. Пешербургскомъ уѣздномъ Пепропавловскомъ училищѣ.

6. Младшій Причепникъ *Алексій Исаковъ* 27 лѣтъ; изъ монашескихъ шпашныхъ служителей; сперва находился въ Ниловой Пустынѣ [Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда], а попомъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

б) *Студенты:*

7. 9 класса *Осипъ Павловичъ Войцеховскій* 27 лѣтъ, изъ духовнаго званія; родился въ селѣ Цебермановкѣ Кіевской губерніи, Липовецкаго повѣта; обучался въ Кіевской Академіи, попомъ въ С. Пешербургской Медико-Хирургической Академіи, отъ коей, за отличные успѣхи въ Медицинскихъ наукахъ, произведенъ въ званіе Лѣкаря.

8. 12 класса *Захарій Федоровичъ Леонтьевскій* 22 лѣтъ, изъ Оберъ-Офицерскихъ дѣшей; родился въ Ярославѣ; учился въ С. Петербургскомъ Педагогическомъ Инспиниушѣ, чшо нынѣ Университетъ.

9. 12 класса *Кодратъ Григорьевичъ Крымскій* 25 лѣтъ, изъ духовнаго званія; родился въ селѣ Дубровицѣ Могилевской губерніи, уѣзда Чериковскаго; учился въ Могилевской Семинаріи, и съ 1819 въ С. Петербургской Духовной Академіи.

10. 12 класса *Василій Кириловичъ Абрамовичъ* 24 лѣтъ, изъ духовнаго званія; родился въ селѣ Подлѣсцахъ Волынской губерніи, повѣша Кременецкаго; учился въ Волынской Семинаріи, попомъ въ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи.

По Высочайше конфирмованному шпану 4 Августа 1818 года, на ежегодное содержаніе сей Миссіи въ Пекинѣ отпускается:

	Рубли сереб- ромъ.
Архимандриту	2,000
Ему на наемъ служивелей и содер- жаніе двухъ экипажей: одного для него, а другаго для Миссіи . . .	1,000
Иеромонаху, помощнику Архимандрита	650
Иеромонаху, исправляющему долж- ность казначея	650
Иеродиакону	500
Двумъ Церковникамъ, каждому 500	1000
Тремъ Студентамъ, каждому 500 .	1500
Лѣкарю, или Студенту Медицины	700
На столъ, кошорый долженъ бытъ общій для всѣхъ Членовъ Миссіи, на ополеніе и освѣщеніе всего Рос-	

	Рубли сереб- ромъ.
оійскаго Посольскаго двора и на при- слугу для всеяже Миссіи	5,000
На содержаніе частныхъ учителей Манжурскаго, Кипайскаго и Мон- гольскаго языковъ, и на покупку бумаги	500
На церковныя пошребы	250
На содержаніе и обученіе Албазин- скихъ мальчиковъ [1]	1,000
На починки и поспройки въ Посоль- скомъ дворѣ и церквахъ	500
На покупку книгъ и проч.	500
На подарки учителямъ и проч.	500
И всего	16,250

Сверхъ того производился опъ Ки- шайскаго Двора въ годъ жалованья:	Серебромъ.	
	Рубли.	Коп.
Архимандриту	121	50
Двумъ Иеромонахамъ и Иеродіакону, каждому	121	50
Двумъ Церковникамъ, каждому	37	75
Чешыремъ Спуденшамъ, каждому	73	50
А всѣмъ вообще серебромъ	855	50

(1) Попомки нашихъ Албазинскихъ казаковъ; бѣдные младенцы, по суевѣрію матерей-Манжурокъ и по сщеченію другихъ обстоятельствошвъ, опъ самой колыбели нынѣ знакомищеса болѣе съ дикими мечшамн Шаманства. Ихъ-шо можно еще, содержащемъ и обученіемъ на сщещ нашей казны, сохранишь въ спасительномъ лонѣ православной Грекороссійской Церкви, и сдѣлашь изъ нихъ благочеспивыхъ единовѣрцевъ и полезныхъ сошрудниковъ.

Черезъ каждыя три года на плашье:	Серебромъ.	
	Рубли.	Коп.
Архимандриту	90	.
Монахамъ	67	50
Сшуденшамъ и Церковникамъ каждому	45	.
Всѣмъ .	562	50
Всѣмъ имъ сарацинскаго пшена (гиз) каждому въ мѣсяць 2 пуда, а на десять челоуѣкъ въ годъ, пудовъ	240	.
Получается дохода съ земель и до- мовъ, принадлежащихъ Монастырю, серебромъ	300	.

Для препровожденія новой Миссиіи отъ Кяхты до Пекина, а жившей тамъ съ 1808 года обрат-
но въ опечесиво, отправленъ былъ въ качествѣ
Приспава, Министрства Иноспранныхъ Дѣлъ
изъ Департамента Азіатскаго Коллежскій Ассес-
соръ и Орденовъ, нынѣ, Св. Анны 2 и Св. Вла-
димира 4 степени Кавалеръ *Вгоръ Фодоровъ*
Тимковскій.

Въ вѣдѣніе его назначены изъ Иркутской гу-
берніи: [1]

1. Въ должностъ Обознаго — Начальникъ погра-
ничной Цурухайшуевской Диспанціи, нынѣ 12
класса и Ордена Св. Анны 3 степени Кавалеръ

(1) Слѣдующія подробности помѣщаются здѣсь для того, дабы ос-
павишь въ извѣстности людей, бывшихъ за границею и своєю
дѣятельностію, спрости поведеніемъ и знаніемъ Монгольскаго
языка способствовавшихъ къ успѣшному переѣзду Миссиіи. Съ
живымъ удовольствіемъ произношу имена людей, кои дѣлали со-
цною всѣ трудности сего путешествія.

Евграфъ Ивановичъ Разгильдѣевъ 1, бывшій въ казачьемъ [1] опрядѣ 1807 и 1808, при сопровожденіи Пекинской Миссіи.

2. Переводчикъ Монгольскаго и Манжурскаго языковъ, нынѣ Коллежскій Регистраторъ *Андрей Петровичъ Фроловъ*, въ должностнн сей находящійся при Кяхтинскомъ пограничномъ Начальникѣ.

Сверхъ того данъ Приславу опрядѣ Сибирскихъ казаковъ, выбранныхъ изъ вѣдомства Троицкосавской пограничной Канцеляріи [нынѣ пограничное Управленіе]. Надобно сказать, что казачій опрядѣ назначаетсѣ только для препровожденія обоза; ибо съ первымъ шагомъ Миссіи за границу, она со всѣмъ имуществомъ казеннымъ и своимъ поступаетъ въ полную защиту Кипайскаго Правительсва.

3. Спаршина изъ Акшинской крѣпости, нынѣ 12 класса *Анжподистъ Ивановичъ Разгильдѣевъ* 4, и при немъ: а] Диспанціи Троицкосавской: Сопники, нынѣ 14 класса, Алексѣй Карповичъ Пепровъ и Иванъ Марковичъ Захаровъ. Казаки: Андрей Мѣдянской [плошникъ], Николай Воронцовъ. — б] *Кударинской*: казаки Гаврило Фроловъ [находился въ конвоѣ при Посольствѣ 1805 и 06, также сопровож-

(1) Казакъ есть слово Татарское. Ни одинъ изъ народовъ Турецко-Татарскихъ не произноситъ въ ономъ *о* вмѣсто *а*; Кипайцы, Манжуры и Монголы также говорятъ Хассака, а не Хоссака. Причины сіи побуждаютъ и насъ, вмѣсто козакъ, писать казакъ.

дать Миссію въ Кипай и обратно 807 и 808], Андрей Кожевниковъ 1 [бывшій въ конвоѣ 807 и 808], Ѳедоръ Максимовъ [кузнецъ], Семень Переваловъ, Андрей Кожевниковъ 2 и Пешръ Воробьевъ. — в] *Акашской*: Урядникъ Егоръ Разгильдѣевъ и казакъ Егоръ Перфильевъ. — г] *Чимдантъ-Турукуевской*: казаки Иванъ Токмаковъ, Владиміръ Мьльниковъ, Илья Еповъ, Филипъ Кобылкинъ, Тимоѳей Подпываловъ, Герасимъ Власьевской, Дмишрій Савашѣевъ, Иванъ Мирсановъ, Галакціонъ Васильевъ, Андрей Еповъ. — д] *Цурухайтуевской* Диспанціи: Урядникъ Александръ Горбуновъ; казаки Адріанъ Суринъ, Яковъ Кычаковъ, Алексѣй Шеспаковъ, Алексѣй Скорняковъ, Ипполитъ Софроновъ.

Всего со Спаршиною прирцдцашъ казаковъ.

На переѣздъ Членовъ Миссіи сдѣланы въ Иркутскѣ десяшь крытыхъ повозокъ, съ упряжью на при лошади въ каждую. Для доставленія шлжеспей, опъ Кяхты до Халгана и обратно, было загошвлено верблюдовъ 85; часпъ оныхъ куплена, а прочіе пожертвованы Буряшами. Подъ выюками вышло за границу 64 верблюда, оспальные же взяты въ запасъ. Лошадей 150 и быковъ, на пищу, 28; шъ и другіе добровольно выспавлены Буряшами безъ всякой платы. Сверхъ того, для перевозки ломкихъ вещей, принадлежавшихъ Членамъ Миссіи, оппущено шестъ однокодокъ, каждая въ одну лошадь.

Выше сказано, что Миссія еще въ Іюль приго-

повилась къ опъѣзду изъ опечеслва. Сего пре-
 бовала самая необходимостъ, дознанная бѣдспвен-
 ными опытами при позднемъ переѣздѣ чрезъ хо-
 лодныя и безправныя степи Монголіи, а особливо
 пустынею Гобійскою. Но провожатые, назначен-
 ные для Миссіи опъ Пекинской Палаты иносран-
 ныхъ дѣлъ, и на сей разъ не ранѣе 27 Августа
 явились въ Кяхшинскій Маймаченъ — порговую
 слободу Кипайскую, на самой границѣ прошивъ
 Кяхшы, опъ Троицкосавской же крѣпости въ 4
 верстахъ находящуюся.

Получивъ извѣстіе о помъ чрезъ пограничнаго
 Коммиссара, Коллежскаго Ассессора П. А. Пѣпу-
 хова, я, по обязанности Приспава Миссіи, того-
 же числа въ 2 часа по полудни опправился съ Обоз-
 нымъ и Переводчикомъ Фроловымъ въ Маймаченъ,
 для свиданія съ Пекинскими чиновниками, и для
 общаго опредѣленія главныхъ условій предспо-
 явшаго пупи.

Найденные тамъ провожатые были:

1. Въ должности Приспава, 7 класса [1] *Битхѣши*
 или письмоводитель, по фамиліи *Ченѵ*, равняющійся
 чиномъ нашему 14 классу, котораго неправиль-
 но называли Галайдá [2]. *Ченѵ-лоѵ* [лоѵ знач. госпо-

(1) По Кипайской табели о рангахъ. У нихъ чины, гражданскіе и
 военные, раздѣлены на семь степеней, изъ коихъ каждая
 подраздѣляется на младшую и старшую; есть еще 8 и 9 сте-
 пени, но люди сихъ чиновъ доспояншномъ ниже офицеровъ.

(2) Галáй Амбанъ или Галайдá собственно есть Вельможа 2 клас-
 са старшаго, командующій въ Манжурской гвардіи опрядами

дингъ] шарикъ лѣтъ подъ бо; имѣеть на шапкѣ, только внѣ сполицы [1], каменный непрозрачный шарикъ бѣлаго цвѣта, по коему считаеися въ шеспомъ классѣ, пропивъ нашего 12. — При немъ шолмачь *Чакдурѣ* лѣтъ 20, Монголь, изрядно говорящій по Кыпайски, и два *Нербы* или служившя изъ Пекина, отецъ съ сыномъ.

2. *Бошкѣ* или вахмиспрѣ, по фамилин *Ургентай*, 47 лѣтъ. Внѣ сполицы на шапкѣ носить шарикъ позлащенный, присвоенный Кыпайскимъ чиновникамъ 7 класса. Человѣкъ непрезвѣдый, какъ о помѣ предварилъ насъ Заргучей [2], чрезъ извѣстнаго на Кяхтѣ, по торговлѣ ревенемъ, Бухарца или Туркеспанца [3] Абдарайма. — При Бошкѣ также былъ

легкой кавалеріи, каковыя спановяшя на правомъ и на лѣвомъ крылѣ военного спрола.

- (1) Кыпайскіе чиновники, выѣзжая изъ Пекина по дѣламъ службы за Великую стѣну, пользуются правомъ носить шарикъ на своихъ шапкахъ, показывающій высшій чинъ слѣдующаго класса.
- (2) Должность чиновника, живущаго въ Маймаченѣ, по назначенію Пекинской Палаты иностранныхъ дѣлъ. Онъ завѣдываетъ сношеніями пограничными и торговыми, имѣя при себѣ одного Бошка. Чрезъ каждые три года, сіи чиновники смѣняюся новыми.
- (3) Сіе послѣднее названіе гораздо основательнѣе перваго; ибо жители области, на языкѣ Европейцевъ извѣстной подъ именемъ Малай Бухарія, сами называютъ себя Турками; говорятъ языкомъ Турецкимъ и исповѣдуютъ вѣру Магомешанскую. Впрочемъ сіи качества суть общія и другимъ Азіатскимъ народамъ, живущимъ отъ западной черпы упомянутой области на сѣверъ до границъ Россіи, на западъ до Каспійскаго моря, а на югъ до Авангиспана. Кажешся, было бы удобнѣ всю спрану,

Нерба́, полько на сей случай ошправившійся; говоряшь, изъ Пекинскихъ извоциковъ.

3. Со спороны Монголовъ Халхаскаго Аймака ш. е. Княжества, *Тусулахий*, по имени *Идамъ Цзанбъ*; чиномъ пропивъ Кипайскаго младшаго 2 класса; имѣепъ на шапкъ коралловый шарикъ рѣзной. Почтенный и бодрый спарикъ лѣтъ 65, нѣсколь-ко разъ бывшій курьеромъ въ Иркутскѣ, провожавшій Россійскія Миссиа по всему вѣдомству Халхасовъ въ 1794 и 1795, шакже 1807 и 1808.— При немъ племянникъ его Хя, пгѣлохранишель одного Монгольскаго Гүна, Князя 5 степени, *Цебѣкѣ Дорджи* 18 лѣтъ.

Проведя у Заргучея, пограничнаго Судьи Кипайскаго [чиномъ 6 класса, пропивъ нашего 12]

находящуюся въ означенныхъ предѣлахъ и населеную разными племенами болѣ Турецкаго происхожденія, называъ Туркестаномъ вообще, раздѣливъ его, по мѣрѣ политическаго состоянія и зависимости оныхъ племенъ, на нѣсколько частей, именно: 1) на *Сѣверный*, заключающій въ себѣ Большую, всю Среднюю и Меньшую Орды Киргизкайкасовъ или Туркестанъ Россійскій; 2) *Южный* Туркестанъ, или владѣнїа Хивинцевъ, Туркменъ и Каракалпаковъ; равнымъ образомъ Княжества, получившія свое наименованіе преимущественно опъ столицъ своихъ Хановъ, каковы: Большая Бухарія, Коканпъ, Ташкенпъ; наконецъ 3) *Восточный* Туркестанъ естъ спрана, у насъ называемая Малуою Бухаріей и нынѣ состоящая въ Кипайскомъ подданствѣ. Я не выдаю шаковаго мнѣнїа за рѣшишельное; по крайней мѣрѣ позволяю себѣ смѣлосъ, Малуою Бухарію называъ впредь Восточнымъ или Кипайскимъ Туркестаномъ, а жишелей ея Туркестанцами. О чемъ буду подробности говорить во II Части сихъ Записокъ.

около двухъ часовъ въ совѣщаніяхъ о доставленіи большихъ удобствъ въ путешествіи новой Миссіи, мы возвратились въ крѣпость.

Еще предстояло важнѣйшее обстоятельство: расположить въ нашу пользу вышеозначенныхъ проводниковъ, и склонить ихъ къ непремѣнному снабженію Миссіи юртами [войлочными палатками или, какъ иные выражаются, кибитками] и другими потребностями, необходимыми въ столь трудномъ пути и въ столь позднее время. Ознакомившись нѣсколько съ наклонностями Азіатцевъ, но еще болѣе уважая совѣтъ Начальника Миссіи, а равно по предварительномъ объясненіи съ г. Директоромъ Кяхтинской Таможни П. Ф. Голяховскимъ и г. Совѣтникомъ пограничной Канцеляріи Дриженкомъ, я послалъ 28 Августа, отъ своего имени, въ Маймаченъ съ казачьимъ Спаршиною и Переводчикомъ слѣдующіе подарки изъ вещей, полученныхъ мною на сей конецъ отъ Иркутскаго Гражданскаго Начальства:

Битхешію: Сукна чернаго цвѣта 8 аршинъ, лисиць 10, козловъ красныхъ 4 и зеленыхъ 5, погребецъ съ чайною посудой. Сверхъ того отправлено немалое количество лучшаго сахару, рому, водки и вина съ закусками.

Бошку: Сукна чернаго 5 аршинъ, плису чернаго 6 аршинъ, козловъ красныхъ 5 и зеленыхъ 5; также напитки и закуски.

Тусулахтію: Лисиць 3, плису 6 аршинъ, козловъ

красныхъ 4, зеленыхъ 3, саблю офицерскую; равнымъ образомъ нашипки съ закусками.

Августа 29 провожаемые Миссии, со всеми своими служителями, въ соупущствіи Кяхтинскаго Заргучея и жоннаго опряда пограничныхъ Монголовъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, прѣзжали около полудня въ Троицкосавскую крѣпость. Они посѣтили вопервыхъ Начальника Миссии, потомъ Совѣтника пограничной Канцелярии, Директора Таможни, а наконецъ сдѣлали сію честь и мнѣ.

Помянушій Туркеспанецъ Абдараймъ неоднократно исправлялъ должность Кипайскаго полмача при свиданіяхъ моихъ съ Заргучеемъ, а равно съ Бишхешіи и Бошкомъ, прибывшими изъ Пекина для сопровожденія Миссии. Сіи послѣдніе не умѣютъ говорить ни по Монгольски, ниже по Манжурски. За шаковыя услуги подарено Абдарайму сего числа 2 лисицы и козловъ черныхъ 4. Въспѣ съ симъ при посѣщеніи, сдѣланномъ мнѣ иностранными госпями, подарено родспвеннику Тусулахчія, Хя Цебекъ Дорчжію 2 черныхъ козла. Нербы Бишхешіа и Бошка получили отъ меня кусокъ чернаго сукна Мизерицкаго [Силезскаго]. Въ заграничной Азіи, не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ, каждое почти слово къ людямъ, до коихъ имѣешь надобность, должно бытъ подкрѣпляемо *вещественными* знаками признапельности, дабы глось просишеля сдѣлашь вышнымъ.

30 Августа, въ торжественный день тезоименитства Его Императорскаго Величества, по принесеніи Господу Богу молебствія въ Кяхтинской церкви, былъ обѣденный столъ у пограничнаго Коммиссара, къ коему приглашены изъ Маймачена Заргучей и Бошко съ почтеннѣйшими Кипайскими торговцами, а равно Пекинскіе провожатые Миссіи. Во время стола пили за здравіе Государя Императора, также Кипайскаго Богдохана, съ усерднымъ желаніемъ сохраненія вѣчной дружбы между обѣими Имперіями. Все сіе сопровождается было пушечными выстрѣлами, колокольнымъ звономъ и громкими хорами пѣвчихъ и солдатъ мѣстнаго гарнизона, бывшихъ въ парадѣ. Сей праздникъ сдѣлалъ пріятное впечатлѣніе на гостей вносипранныхъ, видѣвшихъ разительныя доказательства истинной, живѣйшей радости върноподанныхъ.

ГЛАВА II.

ОТПРАВЛЕНІЕ НОВОЙ МИССІИ ИЗЪ РОССІИ. —
Перевъздъ до Урги.

Согласно съ общими предварительными условіями, Россійско-Императорская Духовная Миссія на-
конецъ 31 Августа изготавилась къ отправленію
въ Пекинъ.

Въ 10 часовъ утра выступилъ нашъ обозъ изъ
Троицкосавской крѣпости. Вслѣдъ за нимъ Члены
Миссіи, въ экипажахъ г. Директора Таможни и г.
Совѣтника пограничной Канцеляріи, выѣхали изъ
Посольскаго дома вмѣстѣ со мною, въ сопровожде-
ніи своего казачьяго опряда, мѣстныхъ чиновни-
ковъ и жищелей. По прибытіи въ Кяхту, Члены
Миссіи и конвойные ихъ пошли въ церковь, гдѣ
шамашнее духовенство принесло молебствіе Го-
споду Богу о дарованіи направляющимся въ путь
благословенныхъ успѣховъ. Изъ церкви всѣ собра-
лись въ одинъ купеческій домъ. Обозъ съ казен-
нымъ скопомъ, подъ присмотромъ двадцати ка-
заковъ, опряженныхъ съ дозволенія Заргучея осо-
бо на два дня, для провожанія Миссіи, пропу-
щенъ за границу и двинулся на первую станцію,
вершахъ въ 7 отъ Кяхты расположенную; при
чемъ находился г. Начальникъ Троицкосавской
Дистанціи, 10 класса И. Ф. Островскій. По от-
правленіи обоза, Кяхтинское купечество уго-

спило объденнымъ споломъ сперва конвойныхъ казаковъ, коихъ часпъ немедленно выѣхала за границу; а попомъ всѣхъ Членовъ Миссiи. На сей прощальный обѣдъ приглашенъ былъ и Заргучей, вмѣстѣ съ нашими провожапыми и пограничными Монгольскими офицерами. По окончанiи спола, Начальникъ Миссiи со всѣми Членами, шакже вмѣстѣ со мною, Обознымъ и Переводчикомъ пошелъ въ церковь для послѣдняго поклоненiя опечеспвенному Храму Божию. Опспуда, сопуспствуемые Кяхшинскимъ духовенспвомъ, со креспами и при колокольномъ звонѣ, шли мы до самой черпы граничной. Не взирая на дождь, было великое спеченiе какъ усердныхъ соопечеспвенниковъ нашихъ, шакъ и любопыспныхъ Кипайцевъ изъ Маймачена. На предѣлахъ Россiи мы распались съ Кяхшинскими жипелями. Попомъ, заѣхавъ на коропкое время въ домъ Заргучея, гдѣ дожидались Пекинскiе провожапые, Миссiя вспушла въ обласпъ Кипайскаго Государспва въ 6 часу по полудни. Г. Дирекпоръ Кяхшинской Таможни и г. Совѣспникъ пограничной Канцелярiи, съ нѣсколькими членами шоргующаго сословiя еще провожали Миссiю верспъ около 3 до палашки, спспавленной Кипайцами на самой дорогѣ. Тушпъ Заргучей угоспилъ насъ часмъ; мы преспились съ соопечеспвенниками нашими и опсправились далѣе, подѣ часпымъ дождемъ. Впереди ѣхалъ конный Монгольскiй опрядъ человекъ изъ двадцати,

*

вооруженныхъ луками и стрѣлами; при нихъ офицеры: Закирохчїи, Мейренъ и Цзаланъ, также Цзангинъ, имѣющій на шапкѣ бѣлый шарикъ непрозрачный, каковую степень можно сравнить съ чиномъ Корнста, и Кундú, Монгольскій вахмистръ, носящій на шапкѣ шарикъ изъ желтой мѣди. За опрядомъ слѣдовали Бишхеси и Бошко въ Китайской коляскѣ [1] ш. е. крытой двуколесной шельжкѣ съ двумя небольшими окнами по бокамъ, копорую везли два почтовыхъ проводника на лошадахъ, за прикрѣпленный къ оглоблямъ поперечный шестикъ, держа оный на своемъ сѣдлѣ. Попомъ Члены Мисси въ двухъ линейкахъ, на Кяхтинскихъ почтовыхъ лошадахъ; возлѣ нихъ ѣхали верхомъ мы съ Обознымъ и Переводчикомъ, въ сопровожденіи десяти конвойныхъ казаковъ. Тусулахчи Идамъ находился съ Рускими безоплучно.

Въ семь порядкѣ проѣхавъ вершны 4, мы оспановились, въ 7 часовъ вечера, въ пригоповленныхъ для насъ чепырехъ юртахъ [2]. Въ одной помѣспились духовные Члены Мисси; въ другой Спуденпы, прешью занялъ я съ находившимися при

-
- (1) Въ сей коляскѣ, по одолженію одного изъ Ургинскихъ чиновниковъ, ѣхали они только отъ Урги до Кяхты и обратно до Урги; а послѣ верхомъ.
- (2) Юрта или кибитка по Монгольски *эврѣ*; а нѣсколько юртъ, стоящихъ вмѣстѣ, какъ бы степное село, также спанцію Монголы называютъ *уртѣ*. *Улѣдѣ* или *олѣдѣ*, на ихъ языкѣ, значить государство, народъ; *ордѣ* — дворець или чертогъ царскіе.

мнѣ чиновниками; въ послѣдней же расположились конвойные казаки. Здѣсь нашли мы весь свой обозъ и скопъ, пасшійся на лугу, кромѣ вьючныхъ верблюдовъ, коихъ слѣдовало *выдержать* п. е. не давая ни ѣсть, ни пить чрезъ 12 сутокъ; а равно бывшихъ въ запряжкѣ и подъ сѣдлами лошадей, *вызываемыхъ* осною п. е. удерживаемыхъ безъ корма въ продолженіи всей ночи, для большаго укрѣпленія силъ, согласно съ наблюденіемъ Сибирскихъ и Монгольскихъ хозяевъ.

По размѣщеніи Членовъ Миссіи въ юртахъ, линейки оправились обратно въ Троицкосавскую крѣпость. Съ ними должны были возвратиться въ Кяхту Цзангянъ и Кундуй, провожавшіе насъ ошъ границы. Когда они явились ко мнѣ, чпобъ извѣстивъ о своемъ опъѣздѣ и пожелавъ намъ счастливаго пути; по, сообразно введенному обыкновенію, подарено имъ по одному черному козлу. Подарки даются однимъ только спарцинамъ.

Часу въ десятомъ былъ ужинъ у Начальника Миссіи, на кошорый приглашены всѣ путешествовавшіе и наши провожаемые.

Мѣсто, на коемъ расположена сѣя спанція, называется *Гиланъ норѣ* [бѣлое озеро]. Обширная, правой богатая долина ошъ Кяхты простирается къ югу верстъ на 10; а съ запада къ востоку на весьма большое разстояніе, даже до нашего

Киранскаго караула. На В [1] оупь спанціи нахо-
дяпся два озера, на берега коихъ Заргучей Кях-
пинскаго Маймачена выгъзжаспъ лѣшомъ, для про-
гулки и звѣриной ловли.

Сентябрь.

1. По восхожденіи солнца, увидѣли мы большія
стада пасущихся овецъ, быковъ и верблюдовъ.
Во многихъ мѣспахъ на равнинѣ дымились юрпы;
со всѣхъ сторонъ слышанъ былъ ревъ стадаъ,
попощъ бѣгающихъ коней: вопъ первая картина
кочевой жизни, для многихъ изъ насъ совершен-
но новой, возбуждавшей пріятное мечпаніе о дав-
нихъ мирныхъ временахъ и беззаботномъ хозяй-
ствѣ папріархальнаго вѣка. Нѣкоторые изъ Мон-
годовъ, составляющихъ Кипайскую пограничную
спражу, явились къ намъ съ предложеніемъ мѣ-
няпъ верблюдовъ. Вспрѣчая преспяпспивіе со спо-
роны Кипайскихъ порговцевъ въ непосредствен-
ной покупкѣ или продажѣ чего либо на Кяхпѣ,
они ждали воспользоваться симъ случаемъ къ сво-
бодному поргу. Но какъ я надѣялся достапъ об-
держанныхъ и свѣжихъ верблюдовъ, по прибыпін
въ Ургу; шѣ прѣдложенія ихъ оспавлены безъ
вниманія.

Рано начали мы собирапъся въ пущь; но долго
ловили своихъ лошадей, не совѣмъ ручныхъ, а

(1) Вуквы, одпъ сполціи—В. З. С. Ю. или соединенно—ЮВ. СЗ.
показывающъ часпи, Сѣша: воспокъ, западъ, сѣверъ, югъ; а
равно юговоспокъ, сѣверозападъ и проч.

еще болѣе употребили времени на обовьюченіе верблюдовъ, весьма дикихъ. При поимкѣ лошадей, одна изъ лучшихъ въ казенномъ шабунѣ убѣжала за границу обратно, съ такою быспропой, что ни казаки, ни Монголы, шабунъ пасшіе, не могли догнашь ее.

Сперва опсправленъ обозъ п. е. навьюченные верблюды и одноколки. Въ 11 часу двинулись съ мѣста повозки, въ коихъ помѣщались Члены Миссіи; позадионыхъ шелъ казенный шабунъ, копорый гнашь приказано опъ меня, сколько можно медленнѣе, дабы онъ кормясь, непримѣпно подавался впередъ. При скопѣ находился Монгольскій спаршина съ 5 рядовыми, кромѣ нашего шабуннаго спароспы [Гаврило Фроловъ], смѣнявшагося на ночь двумя казаками. Для наблюденія за порядкомъ въ пупешествіи Миссіи, я предпочелъ ѣхать до самаго Пекина верхомъ, имѣя при себѣ Обознаго, Переводчика и одного казачьяго Сопника; почему и опсправился со спанціи послѣ всѣхъ, вмѣстѣ съ Тусулахчіемъ Идамомъ. Провожаемые наши, Кипайцы, еще съ упра пуспились впередъ.

Дорога, по коей мы ѣхали, еспъ лѣпняя почтовая между *Ургою* и *Кяхпой*, и лежиць прямо на югъ. Прежнія Миссіи, для объѣзда горъ, были проводимы по западной споронѣ, п. е. по правому берегу рѣки *Орхона*, впадающей въ *Ссенгу*; но сія дорога опдаленнѣе первой. По нейже ѣхало и по-

сѣднее Россійское Посольство къ Пекинскому Двору [1].

Опъ самой спанціи мы проходили низменными мѣстами, сославляющими берега болошной рѣчки *Борб*. Здѣсь - по Графъ Владиславичъ, по видамъ Пепра Великаго посланный Екаспериною I, осенью 1727 велъ жаркіе переговоры съ Манжурскими Министрами объ утверженіи границъ, о перебѣжчикахъ, о мѣстахъ Удинскихъ, о Послахъ и проч. и 21 Окпября тогоже года заключилъ доселѣ существующій Трактапъ вѣчной дружбы между Россією и Кипайскимъ Государспвомъ, размѣненый 14 Юня 1728. Симъ Трактапомъ, какъ выше замѣчено, открылъ намъ безпрепятственый пупъ въ столицу Кипая, почти неприступную для прочихъ Европейцевъ.

Опъ продолжавшихся во все лѣпо дождей, сіи дуга покрылись водою, и сдѣлались весьма топкими. Проѣхавъ версны 3, мы поднялись на высоту: опсюда еще видна Кяхша. Церковь, жилища друзей и знакомыя окреспности были для насъ послѣдними предметами, напоминавшими намъ опчеспво, и вмѣспъ залогомъ упѣшинспльных надеждъ. Высопою продолжали мы пупъ, въ прямомъ направленіи къ югу, чрезъ небольшой берсзовый и сос-

(1) Authentische Nachrichten von der Russischen Gesandtschaft nach China in den Jahren 1805 und 1806. Въ Веймарскомъ Журналѣ Geographische Ephemeriden (1806; Ч. XXI, стр. 219 — 237) напечатаны краткія записки, веденныя однимъ изъ спутниковъ сего Посольства;

новый лѣсъ. Пахатныхъ полей вовсе не видно; но правы довольно, по причинѣ дождей и по самому плодородію пошвы. Дорога, по мягкости песчаного грунта, глубоко выбита колесами. Вдали передъ нами возвышался хребетъ Синій, по Монг. *Кукуниру*, копорый примѣненъ еще изъ Троицко-савской крѣпости; а ближе, на воспочной споронѣ, гора Барсучья: такъ назвали ихъ встрѣтившійся съ нами Ламá въ красномъ плащѣ и желтой шапкѣ. Въ Монголіи и Кипаѣ, все покрывное симъ послѣднимъ цвѣтомъ — священо. Облеченный онымъ не имѣетъ нужды въ защитѣ и уважася повсюду, гдѣ бы онъ ни явился. Означенные два цвѣта, желтый и красный, закономъ предназначены для одежды духовенства Шигемуніева вѣроисповѣданія; обривая голова естъ также отличная примѣта Ламъ. Подъ именемъ *Ламъ* Монголы разумѣютъ всѣхъ Духовныхъ, старшихъ и младшихъ; напрошивъ шого у Калмыковъ, слѣдующихъ помуже вѣроисповѣданію, названіе сіе присвоено только высшимъ лицамъ, а въ общемъ смыслѣ, люди духовнаго состоянія извѣстны у нихъ подъ именемъ *Хуваракъ* [1]. Говорятъ, что слово *Ламá* естъ Тангушское или Тибетское и значить духовная мать; ибо люди, въ этопо снъ возведенные, обязаны любить всѣ души и живу-

(1) *Palmas* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, 1776 и 1801; Часть II. стр. 112.—*Бергманъ* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, 1804; III, 77.

ція пвари, спарались о сохраненіи оныхъ, объ успроеніи ихъ счасія своими молишвами и ученіемъ, съ такоюже горячностію, съ какою машь печешся о благополучіи своихъ дѣшей. — Скодь ни важенъ и пріапенъ сей долгъ людей сердобольныхъ; но мірскія блага, спраспъ спяжанія богашспвъ и власполобіе нерѣдко превозмогаюшъ, какъ увидимъ, высокій и благошворный обѣшъ жрецовъ Шигемуніевыхъ.

Гуспымъ лѣсомъ пробирались мы верспы 4; попомъ открылась большая, луговою правой изобилующая равнина между крупными скалами; по ней извиваешся съ ЮЗ на СВ рѣчка *Ибицьхъ*, копорая, принявши въ себя р. *Хангай*, вдаешъ съ лѣвой стороны въ Киранъ, сливающійся съ Чикоемъ. Сіи послѣднія двѣ рѣки шекунъ уже въ предѣлахъ Россіи, на воспокъ опъ Кяхпы. Рѣчка *Хангай* получила свое названіе опъ горы, изъ коей она выпешкаешъ, и на копорой водишся много дикихъ звѣрей.

Неподалеку опъ новой станціи, расположенной на правомъ берегу *Ибицьха*, вспрѣпилъ насъ станціонный Кундуй и привѣшспвовалъ, по обыкновеңцо спешнаго выпезя. Подѣхавъ ко мнѣ, онъ соскочилъ съ лошади, спалъ на лѣвое колѣно, уперся правою рукою въ бокъ и, коснувшисъ лѣвою въ локошъ оной, съ восклицаніемъ произнесъ: *Амуръ!* [миръ, спокойспвіе]; попомъ онапъ сѣлъ на лошадь и проводилъ насъ, вбродъ чѣрезъ рѣчку, до

самыхъ юрты, куда прибыла Миссія въ 4 часа по полудни, проѣхавъ опть *Гиланбора* 25 верспъ. Обозъ пришелъ, спустиа часа два. Погода во весь день была ясная и теплая.

На спанціи нашли мы очень много людей, собравшихся смотрѣть на проѣзжающихъ Россіянь, впрочемъ довольно имъ знакомыхъ, по сосѣдству ихъ съ Кяхтою и въ проѣзды нашихъ курьеровъ въ *Уреу*. Лама, примѣтившій, что изъ числа нашихъ верблюдовъ одинъ охромѣлъ, вызвался купить онаго за пять ланъ [1] серебра; что составляетъ на наши деньги 40 рублей ассигнац, тогда какъ верблюдъ стоилъ 150 р. — Вотъ первый опытъ правопы Ламы!

Вечеру я долгомъ почелъ угостить ужиномъ Бипхешія, Бошка и Тусулахчія; при чемъ находился и Опецъ Архимандритъ Пспиръ. Проведя часа три въ пріятельской бесѣдѣ, провожаемые удалились со всѣми знаками дружелюбія. По обычій госпей [чепыре ихъ юрты спояли опть нашихъ въ 50 шагахъ], ко мнѣ вошло нѣсколько Монголовъ. Съ ласкою подано имъ мяса и хлѣба; полученное они подносили ко лбу, въ знакъ благодар-

(1) *Лана* есть Кншайскій вѣсъ, содержащій около $8\frac{1}{2}$ золотниковъ, а потому равняющійся двумъ рублямъ серебра. Во всемъ Кншайскомъ Государствѣ не употребляется ни золотой, ни серебряной монеты, а *цянн* изъ желшой мѣди, по Монгольски *тжосъ*; изъ чего Сибиряки составили названіе *толъ* или *тхдъ*, который спонъ меньше копѣйки. Между частными людьми бывающъ въ обращеніи и ассигнаціонные билеты.

носпи, и попомъ или удалялись, или шупъже съѣдали. Примѣнно, что они любящъ печеный хлѣбъ.

Сенс. 2. Ночью былъ морозъ до 3 градусовъ по Реомюрову термометру. Въ долинахъ, спѣсненыхъ высокими горами, воздухъ всегда холоденъ. Припомъ опъ Кяхты, имѣющей положеніе весьма высокое [1], наша дорога, до самой Гобійской степи, почти на каждой верспѣ подымается выше, воздухъ дѣлается рѣже и прохладнѣе. — Докпоръ Г. находившійся 20 Декабря 1805 въ северной споронѣ Халхаскаго Аймака, въ 19 верспахъ опъ Кяхты, говоритъ между прочимъ, что высокое положеніе сей часпи Монголіи было одною изъ причинъ, побуждавшихъ его къ чрезвычайному употребленію шеплага чаю, безъ разстройства впрочемъ желудка [2].

Упромъ Тусулахчи присылалъ Хя Цебекъ Дорчжія сперва ко мнѣ, а попомъ къ О. Архимандришу, узнать о здоровьѣ. Вѣжливоспъ сію наблюдалъ онъ во все время провожанія Миссіи.

Опсюда долженъ былъ возвратиться Начальникъ Троицкосавской Диспанціи, провожавшій насъ до сихъ мѣспѣ съ 20 казаками, для пособія на-

(1) По замѣчанію Ученыхъ, путешествовавшихъ по Сибири, озеро Байкалъ лежитъ выше морской поверхности на 1715 фут. Селенгинскъ 1779 ф. а Кяхта 2400 ф. — слѣдовательно выше всѣхъ нагорныхъ городовъ по хребту Гарцу и въ Швейцарскихъ Альпахъ. — *Риттеръ Erdkunde*, 18:7; 470.

(2) *Geographische Ephemeriden* 1806; Ч. XXI, 224.

шему конвою въ усмирении рабочаго скопа. Прощаясь съ нашими соотечественниками, я вручилъ г. Осиповскому, для дальнѣйшаго опправления, донесенія мои въ Азіатскій Департаментъ и Г. Сибирскому Генералъ Губернатору, о выѣздѣ Миссіи въ Кипай.

Возвращавшіеся съ ними Цзангинъ и Кундуй, кои провожали насъ опъ Кяхинскаго Маймачена, награждены: первый, зеркальцемъ и саблею, а второму данъ чернѣй козель и зеркальцо. Цзангинъ весьма любовался полученною саблею; но Монголамъ болѣе нравился, по своему удобству, кортики или большіе ножи, употребляемые нашими охопниками.

Нужнымъ считаю замѣнить, что наши парусинныя палатки, по невозможности разводили въ нихъ огонь и по ихъ прозрачности, въ семь пущи бесполезны. А попому, не имѣя своихъ юрть, кои весьма удобны для ѣдущихъ по опкрытымъ спспямъ; не имѣя ни времени, ни способвъ дспавать дрова, *аргалъ* [1], воду, копорую иногда надлежало брать въ дальнемъ опъ ночлега распоніи, мы чувспвовали необходимость, почпи на

(1) Аргаломъ называютъ Монголы сухой скотской навозъ, употребляемый ими для оппалкиванія, преимущественно въ мѣсцахъ безлѣсныхъ. Навозъ рогатаго скопа, по своей удобогоримости и жару, предпочитается конскому; овечьего и верблюжьяго вовсе не употребляютъ. Здѣшнія дрова, болшею частію сырыя, далеко отбрасываютъ искры, и шѣтъ весьма порщитъ платье и вещи, въ юрть находящіяся.

каждомъ шагу, въ пособіи со стороны мѣстныхъ жишелей, а всего болѣе при перегонѣ скоша нашего, въ опводѣ хорошихъ пасбищъ; ибо Кипайскіе провожапые, по свосму равнодушію, нимало о семъ не заботились. По симъ уваженіямъ, я почиталъ себя обязаннымъ оказывать Монголамъ, не большими подарками, нашу признашельность за ихъ услуги и одолженія въ означенныхъ нуждахъ.

По сдѣланному опъ Тусулахчія предложенію къ скорѣйшему выѣзду, дабы успѣль засвѣп-ло переправиться черезъ р. *Ирѣ*, поднялись мы съ мѣспа часу въ 11. Мы не могли ранѣе оставишь своего ночлега, по причинѣ непривычки къ упряжкѣ нашихъ степныхъ лошадей. Монголы весьма дивились искусству и смѣлости казаковъ, вдругъ управлявшихъ шремя лошадьми, почти бѣшенными.

Проѣхавъ вершпы $1\frac{1}{2}$, поднялись мы на гору. Здѣсь намъ должно было распашься съ г. Оспровскимъ и казаками, кои опправились обратпо въ Кяхпу. Разлука съ людьми знакомыми всегда тяжела; а подѣ чужимъ небомъ горешпа.—Тусулахчи, доселѣ находившійся съ нами, поскакаль впередъ, оставя при насъ своего Хя.

Съ горы, въ лѣвой сторонѣ открылась глубокая равнина; на оной видно было нѣсколько юрпъ и скоша; коегдѣ спояли уединенныя березы. Спустившись внизъ, долго ѣхали мы тѣснымъ ущеліемъ, между крупыми высопами хребпа *Цаганѣ*

бла [бѣлая гора]. На низменныхъ мѣстахъ права
высока и густа; а вершины и скапы горъ одѣлы
мѣлкимъ лѣсомъ, преимущественно березникомъ;
листья онаго покрылись уже осенней желтзною.
День былъ жаркой; лошади и верблюды оспанавли-
вались безпреспанно, и шѣмъ замедляли проѣздъ
черезъ горы.

На высотѣ, почти въ половинѣ нашей дороги
опѣ *Ибичьха* до *Иро*, встрѣпили мы двухъ Мон-
головъ съ 7 верблюдами, возвращавшихся изъ
Урги. Они возили гостинцы Вану опѣ Кяхтин-
скаго Заргучея: эпо обыкновенная [у Кипайцевъ?]
жертва Кліенша свосму Папрону, за доставленіе
выгодной должності. Съ сей высоты представ-
ляется лоцина между обнаженными горами, на
то верспѣ проспирающаяся, съ примѣпною по-
катоспію до самой р. *Иро*. Мѣстами на косо-
горахъ видны были небольшія нивы, засѣяныя
просомъ, и нѣсколько правы, накошенной *горбуша-*
ми — косами на коропікой рукояпкѣ, каковыя
употребляюся и нашими Бурятами. Сѣно скла-
дывается здѣсь въ копны сырое.

Преспартый, незнакомый намъ Лама, ѣхав-
шій для обозрѣнія своей пашни, долго сопупствво-
валъ мнѣ. Онъ сидѣлъ верхомъ на сѣромъ иноходцѣ,
поднявши руку къ небу съ висящими на оной чеп-
ками. Тономъ, принятымъ Ламами для чпенія
молишвъ и весьма похожимъ на звукъ басовой
спруны или жузжаніе пчель, сѣдовласый жрецъ

Шигемунія дрожащимъ голосомъ, изрѣдка прерываемымъ пляжкими воздыханіями, безпреспанно вопорялъ извѣстную Тибетскую молишву *Омъ ма ни батъ ме хомъ*. — Всякій Шигемуніанинъ обязанъ сколь можно чаще пвердишь сію молишву, углубляясь въ благочеспивыя размышленія. Для памяти изображаютъ оную на холстѣ, на бумагѣ, на деревѣ, на камнѣ: въ храмахъ, юрпахъ и на дорогѣ. Доселѣ однакоже мы не знаемъ почнаго смысла сихъ выраженій благоговѣйной мольбы послѣдователей Шигемунія. Монгольскіе Ламы увѣряють, что слова *Омъ ма ни батъ ме хомъ* заключають въ себѣ силу шайнспвенную, многозначительную: посредствомъ оныхъ правовѣрный [ихъ] избавляется отъ бѣдъ жипейскихъ, улучшаетъ свои нравспвенныя достоинспва; на конецъ онѣ выражаютъ совершенспва Божеспвенныя. Форсперъ говоритъ [1], что у Неспоріанъ хотя существовали нѣкопорыѣ обряды, сходные съ Христіанскими; но они имѣли шакже храмы для идоловъ и, по примѣру Манихеевъ, вѣроашно слѣдовали правиламъ Шигемуніанской религіи. Они, подобно монахамъ Римско - Каполическимъ, носили чепки изъ 108 зеренъ, и молишва ихъ состояла именно въ сихъ словахъ: *Ном-Мани-Рета-Нуп*, конечно *Омъ ма ни батъ ме хомъ*. Опкрывая въ семъ исполненіе

(1) Histoire des découvertes et des voyages faits dans le nord. I, 172.

Сравнише мнѣніе Палласа въ его Nachr. ü. d. Mongol. Völker.

II; 77, 90 и слѣд.

правила послѣдовавшей Далай-ламы, Форстеръ продолжаетъ, что приведенныя слова не значатъ, согласно толкованію Рюйсбрука: *Боже, ты вѣдаешь сіе*, или, какъ увѣряетъ Мессершмидъ: *Господи помилуй насъ*; но что истинный смыслъ ихъ есть слѣдующій: „Начало и конецъ могущества Мани, [1] которъ держитъ въ рукахъ цвѣты Лотуса [водяной лиліи], внемлетъ творящимъ сію молитву, покровительствуетъ имъ и успроиваетъ ихъ счастье. Нельзя однако вѣрить и такому изъясненію. Одно только основательное знаніе Тибетскаго языка можетъ разрѣшить сей узелъ Шигемуніанской Богословіи, и сія честь всего ближе принадлежитъ нашимъ соотечественникамъ, дружнымъ съ Ламами въ предѣлахъ Россіи, и имѣющимъ непосредственныя связи съ Тибетцами, живущими въ Пекинѣ.

Упомянутый Лама, нашъ сопутникъ, весьма радовался скорому прибытію возродившагося Купухшы, которъ, появленіемъ своимъ на Куренскій престолъ, оживитъ сиропствовавшее нѣсколько лѣтъ Халхаское духовенство.

Хупухтү, на Тибетскомъ языкѣ, означаетъ Первосвященника вѣры Шигемуніевой. Монголы называютъ его Гегеномъ. Таковыхъ Хупухтү или, по принятому выговору, Купухшъ считается около десяти. Одинъ изъ нихъ, съ самаго обращенія Мон-

(1) Но кто сей высокій царь Мани, Manes rex summus, открытый Г-мъ Георги?—См. *Alphab. Tibet.* стр. 500.

головъ [въ XIII вѣкѣ] къ вѣроисповѣданію Индѣйскаго Пророка Шигемунни, по Китайски Фо, обитающъ по среди Монголовъ Халхаскаго Аймака, въ городъ Куренъ или Урэлъ. Кушухты занимающъ вторую степень послѣ Далайламы, верховнаго Первосвященника Ламайской или Шигемуніевой вѣры, копорый имѣетъ пребываніе въ Тибетѣ близъ главнаго города Хлассы [Ласса], въ капищахъ на горѣ Будаѣ. Монголы признаютъ Высочайшее Существо; Кушухты же почищаютъ его Намѣстниками, возраждающимися послѣ кончины и непричастными грѣху. Простой народъ вѣритъ, что имъ извѣстно прошедшее, настоящее и будущее. Ламы, ревностные ихъ поборники, поддерживаютъ сіе заблужденіе. Кушухты не имѣютъ однако столько силы, чтобы по собственному произволу могли являть себя въ новыхъ шѣлахъ. Далайлама, по мнимоу своему всевѣдѣнію, [нынѣ Пекинскій Дворъ] назначаетъ дѣтей, въ коихъ душа Кушухты должна переселиться или уже переселилась. Избранный для сего мальчикъ, большею частію изъ знатнаго семейства, воспитывается прилично будущему его званію, дабы попомъ порожественно наследовать прежнему Кушухтѣ. Когда душа Кушухты перейдетъ въ новое шѣло т. е. когда онъ умретъ, Ламы, въ соблюденіе принятаго обряда, стараются отыскать то мѣсто, гдѣ сей чудный Первосвященникъ паки возвратился на сей свѣтъ. По открытіи,

какъ бы нечаянно, гоповаго преемника, посылаюшъ старшихъ Ламъ для освидѣтельствованія его. Она берутъ съ собою нѣсколько вещей, принадлежавшихъ покойному Кушухтѣ; перемѣшиваютъ оныя съ другими и представляюшъ ихъ молодому человѣку, который хващаетъ первыя съ поспѣшностію, а послѣднія отвергаетъ. Потомъ дѣлаюшъ ему много вопросовъ касательно браней и другихъ важнѣйшихъ событій, случившихся при жизни его предшественника, и онъ отвѣтствуетъ на то удовлетворительно. Тогда, съ изъясненіемъ живѣйшаго воспора, все признаюшъ его за прежде бывшаго Кушухту и съ пышностію препровождаютъ въ Ургу, гдѣ отдаюшъ ему для жительства юрпу прежняго Первосвященника. Ламамъ поручается надзоръ за поведеніемъ новаго Кушухты до нѣкоторыхъ лѣтъ. Видѣть его можно только издали, да и сіе немногимъ позволяется. Нельзя не удивляться, что въ столь многочисленномъ собраніи Ламъ все происходитъ, какъ замѣчаетъ Бель [1], безъ прискоровъ и безъ споровъ; напротивъ, все они такъ согласны въ своихъ поступкахъ, что, кажется, движущая однимъ чувствомъ, стремятся къ одной цѣли. Халхасы увѣряюшъ, что ихъ Кушухта видѣлъ уже 16 поколѣній, и что наружность его обновляется при каждомъ обращеніи луны. Въ

(1) Белевы путешествовали чрезъ Россію въ Азіатскія земли; С. II. В. 1776.—II, 9. Онъ ѣздилъ въ Пекинъ 1720, вмѣстѣ съ Посланникомъ Измайловымъ, отправленнымъ отъ Петра Великаго къ дальновидному Кансію.

новолуніе Купухша имѣетъ лице юноши; въ полнолуніе, какъ у челоѣка среднихъ лѣтъ, и наконецъ сѣдовласая спарость возвращается къ нему, когда луна бываешъ въ послѣднемъ ущербѣ. — Но, довольно о Купухшѣ. Вечерніе лучи солнца касаются уже вершины горъ; а спанція еще не близко.

Близъ *Иро*, на воспочной сторонѣ нашей дороги возвышается крупная гора, составляющая уголъ хребта, копорый идешъ по правому берегу рѣки. Верхъ горы увѣнчанъ каменнымъ *Обо*. Каждая почпи примѣтная высота въ Монголіи украшается шаковыми *Обо* или поклонными холмами. Жители сихъ степей, подобно дикарю пустынь Африканскихъ, опытами убѣжденный въ существованіи Верховной силы, непостижимой, всемогущей, мнишъ, что сія сила разлипа во всѣхъ физическихъ предметахъ. По мнѣнію его, чѣмъ величественнѣе предметъ для глазъ, тѣмъ въ большемъ изліяніи долженъ въ немъ обитать сей благошворный Духъ: а пошому огромный камень, высокая гора, сѣнистое дерево, или широкая рѣка—дѣлаются предметами его благоговѣнія. Монголь воздвигаетъ тамъ съ поржесивеннымъ обрядомъ, по назначенію его *Ламъ*, холмы или *Обо* изъ кучи камней, изъ песку, земли или дерева, и предъ ними усердно поклоняешся Духу всеильному. Во время брани проситъ отъ него помощи для пораженія враговъ и защиты роднаго края; во дни людскихъ болѣзней, скопскаго падежа, или при дру-

гомъ несчастіи, онъ на помѣже мѣспѣ молилъ Духа-храниителя горъ и долинъ о пощаду. Всякой Монголь, проезжающій мимо Обо, за непремѣнный долгъ поспавляетъ сойпи съ коня и прошивъ южной стороны Обо, обрѣаясь лицомъ къ сѣверу, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, и броситъ туда что нибудь изъ своихъ вещей. Чаше всего случилось мнѣ видѣть на Обо пучки конскихъ волосъ, какъ залогъ молитвы Номадовъ о сохраненіи живопныхъ, всегдашнихъ спутниковъ ихъ. Сіи Обо служатъ еще указателями пути, и выславляюцца на границахъ. Не въ семь ли видѣ должно приниматъ и курганы, коими испещрены равнины Малороссіи и поля другихъ нашихъ губерній? Не вѣщаютъ ли они позднему попомству, что и въ сихъ мѣстахъ, за нѣсколько вѣковъ, блуждали кочевые народы, оставившіе намъ памятники своей спраспи къ завоеваніямъ, своихъ обычаевъ?—

Вышедъ изъ долины, мы поворопили мимо двухъ холмовъ на право, внизъ по *Иройскому* лугу, и черезъ нѣсколько верспѣ прибыли къ перевозу въ 7 часу вечера, пройдя въ сей день 25 верспѣ. Для переправы Мисси и обоза ея, собрано было много живелей, большею частію духовныхъ причепниковъ. Рѣка *Иро*, опѣ продолжавшихся во все мѣпо дождей, разлилась въ ширину саженой на 40 и сдѣла-лась весьма быспрою. Я приказалъ важнѣйшую кладь перевезти на батахъ [1]: это большія сос-

1) По Руски называюща *колыгали*. См. Словарь Рос. Академіи.

новыя бревна, внутри выдолбленныя; имѣютъ нѣкоторое сходство съ лодками, но весьма узки, а потому ихъ всегда сплавиваютъ по два. Между пѣтмъ, прѣискавъ выше перевоза мѣсто неглубокое, перевели мы по оному вбродъ верблюдовъ съ тяжестями, коихъ подмочка не была опасна. Хотя переправа производилась до 10 часовъ ночи дѣлательно; но всей клади не успѣли перевезти.

Въ началѣ сей книги приложенъ мною рисунокъ нашей переправы чрезъ *Иро*. За рѣкою, у подошвы сѣвернаго, успешнаго хребта виднея цѣпь навьюченныхъ верблюдовъ, выходящихъ изъ горнаго ущелія; на берегу лежатъ часть клади, которую перевозили на бабахъ; нѣсколько верблюдовъ идутъ по рѣкѣ вбродъ. На семь, лѣвомъ берегу спитъ Присавъ, отдающій приказаніе казаку. Нѣсколько вѣтв, спитъ Миссія; отсюда скачетъ Монголъ на лошади къ юршамъ, гдѣ помѣщались Кипайскіе провожатые Миссія; близъ оныхъ пасухъ, сидящій на быкѣ, гонитъ стадо овецъ.

Р. *Иро* беретъ начало верстъ за 200 отсюда, изъ горы *Гентей*; течетъ съ В на З, и прошедъ еще 20 верстъ, впадаетъ съ правой стороны въ *Орхонъ*. На Манжурскомъ языкѣ *Орхонъ* значитъ права. Увѣряютъ, что на лугахъ оной рѣки дѣлательно изобильныя пасбища, конми и берега рѣки *Иро* неменѣе богаты. Мы видѣли здѣсь многочисленныя стада овецъ, только *бѣлыхъ*, безъ роговъ, съ длин-

выми ушами и курдюкомъ, вообще подобныхъ овцамъ Забайкальскаго края, а равно Калмыцкимъ и Киргизскимъ; шабуны рослыхъ и тучныхъ лошадей, но изъ нихъ мало красивыхъ. *Иро* или *Юро*, по Монгольски, значить *благодарная*. Въ вершинахъ сей рѣки, по словамъ мѣстныхъ жителей, есть минеральныя, цѣлебныя ключи.

Извѣстный Ученый Палласъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на Журналъ путешествія Агенна Ланга съ караваномъ въ Пекинъ 1727 и 28, [1] объявляетъ, что по берегамъ р. *Иро* Монголы добываютъ желѣзную руду, и пригошляя проспую чугунную посуду, ошвозяпъ оную въ Кяхту на продажу. Преданія сего не подтвердили намъ здѣшніе жители, съ коими имѣли мы случай объ этомъ говорить. Можетъ быть, сія горная промышленность процвѣтала лишь за сорокъ, во время изданія въ свѣтъ означенныхъ записокъ; но теперь Монголы сами получаютъ желѣзныя вещи отъ Кипайскихъ купцовъ. Впрочемъ въ пескѣ, взятомъ со дна рѣки, много примѣшно блестящей дровы.

Вечеромъ приходили, изъ любопытства, въ юрту мою Ламы, перевозившіе Миссію. Посѣщенія сего рода въ степи обыкновенны: всякой являющейся для того полько, чшобъ посмотришь на ино-

(1) Tagebuch zweier Reisen, welche in den Jahren 1727, 1728 und 1736 von Kiachta und Zuruchaitu durch die Mongoley nach Peking gethan worden, von Lorenz Lange; mitgetheilt vom Prof. Pallas. Leipzig; 1781. стран. 7.

спранцевъ, получишь нѣсколько сухарей и выкуришь трубку пабаку, сидя у разведеннаго въ юрпѣ огня. Въ сихъ мѣстахъ живеть очень много Ламъ; ибо на *Иро*, выше станціи верспахъ въ 3 видно деревянное капище, а другое находится внизъ по рѣкѣ, верспахъ въ то опсеода. Сія часть Монголіи до *Урги*, и еще верспѣ бо за оную, населена Халхаскими Монголами *Шабинскаго* [*Шáби* по Монг. ученикъ, послушникъ] или Купухшина вѣдомства. Полагають, что до 30 т. юрпѣ или семей приписано къ престолу Купухшны опѣ усердія разныхъ Монгольскихъ владѣльцевъ. Собираемые съ Шабиновъ доходы, кромѣ личной службы по земскимъ повинностямъ, пасѣбы многочисленныхъ спадаъ Гегеновыхъ и проч. обращаются на содержаніе самаго Купухшны-Гегена и его Двора.

Септ. 3. Видя, что изъ обоза Миссіи оставались еще на шой споронѣ одноколки, послалъ я поупру своего Переводчика къ Бипхешу, просишь о переправѣ оныхъ и сказать, что не желая въ самомъ началѣ пути упомяшь нашъ скопѣ, къ дорогѣ непривыкшій, мы находимъ за нужное сего числа дать оному роздыхъ. Бипхешу изъявилъ на это свое согласіе. Одноколки поппчасъ были перевезены на лѣвый берегъ *Иро*. За успѣшную переправу всего обоза, при чемъ было употреблено пятнадцать Монгольскихъ работниковъ, подарилъ я станціонному Цзангину, оказавшему примѣрное усердіе, черный сафьянъ и, на раздѣлъ, двѣ юф-

певья кожи. За перевозъ чрезъ *Иро* каравана, 20 Септ. 1727, Монголы прсбовали опть Лапта по 10 коп. съ пуда: цѣна, по тогдашнему времени, весьма высокая.

При переправѣ, люди наши должны были бродить въ водѣ; опть чего казакъ Саватѣевъ получилъ жестокою горячку, коею въ послѣдствіи долго спрадалъ. Но, попеченіемъ Лѣкаря Войцеховскаго онъ избавленъ былъ почти опть смерти.

Около полудня пріѣзжалъ къ намъ провожающій Миссію Бошко Ургенпай и, непрезвыимъ видомъ своимъ, въ полной мѣрѣ подтвердилъ справедливость опзыва о немъ Кяхтинскаго Заргучея. Онъ безпреспанно переходилъ по изъ юрпы О. Архимандриша въ мою, по опть меня опяпть къ Архимандрипу; что ни попадалось ему на глаза, все хошѣлъ имѣшь: шубу, поясъ, поднось и проч. и проч. Я удовлетворилъ, сколько можно было, алчности сего Кипайца, подаривъ ему изъ своихъ вещей плапокъ, двѣ рюмки, два ножа. Не удовольствовавшись симъ, нашъ Бошко высокимъ пономъ, но очень нетвердымъ языкомъ, Монгольскимъ и Манжурскимъ вмѣспѣ, началъ изъяснять всѣ спрашныя неудобства, какія встрѣчаетъ онъ въ пупи, не имѣя у себя часовъ. Безъ нихъ — говорилъ онъ — не знаю, когда надобно выѣзжать со спанціи, сколько въ дорогѣ спѣшишь, въ копоромъ часу пріѣзжаемъ на мѣсто, и п. п. Бошко открывалъ сіи важныя причины и возвратившемуся въ Кяхту г. Оспровскому, съ намѣреніемъ, дабы онъ

о помѣ объявилъ мнѣ; но долго припворялись мы непонимающими словъ г. Ургента, и довольствовались однимъ сожалѣніемъ о его замѣшательствѣ отъ недоспадка вещи, споль ему нужной. Подспрекаемый своимъ корысполубіемъ, онъ началъ лвно просить, чшобы мы подарили ему часы. Сколькo ни уклонялся я отъ исполненія сей неумѣстной просьбы, но дабы скорѣе избавитъ ся отъ шакого чрезвычайнаго поспипителя, принужденъ былъ отдать ему свои собственныя, серебряныя. Бошко, получивъ сію добычу, вышелъ изъ юрпы, былъ посаженъ на лошадь, и отправился въ свой спанъ.

Вскорѣ потомъ явился ко мнѣ Монголъ, приведшій казенную лошадь, которая убѣжала еще съ первой спанціи. Она поймана въ Троицкосавской крѣпости, и по сношенію пограничнаго нашего начальства съ Заргучемъ, прислана къ намъ. За труды, подарено было сему Монголу зеркальцо. Онъ осыпалъ насъ усерднѣйшими желаніями благополучнаго пути.

Въ 5 часовъ по полудни ѣздилъ я, вмѣстѣ съ Обознымъ и Переводчикомъ, поспипить Бишхещи и Тусулахчія. Мы приняты были ласково, а особливо послѣднимъ. Онъ называлъ меня младшимъ своимъ *братомъ*, что означашъ у Монголовъ пріятельскую вѣжливостъ; изъвлялъ свое удовольствіе, что провозажетъ уже пятую Россійскую Миссію и проч. Въ юрпѣ Тусулахчія мы замѣпи-

ли болѣе убранства, нежели у Кипайцевъ. Онъ сидѣлъ на разоспленномъ войлокѣ, окруженный Ламами и просѣыми Монголами, и примѣтно гордился изъявленіемъ нашей къ нему признапельности. Въ разговорахъ, между прочимъ, давалъ онъ настоящую цѣну нашимъ Пекинскимъ провожаемымъ. Бипхени, по словамъ его, былъ дряхль и шѣломъ и духомъ; вовсе неопытенъ въ дѣлахъ, и получилъ настоящую должность не даромъ, въ твердой надеждѣ извлечь для себя изъ оной немалую прибыль. Бошко самъ обнаружилъ свой характеръ, какъ выше упомянуто. Нербы ихъ, или слуги, также съ неменѣе корыстными видами оправились изъ Пескина, для провожанія Россійской Миссіи. Служивши сего рода, по принятому въ Кипаѣ обыкновенію, суть изъ вольныхъ людей; находясь при чиновникахъ, не исключая и Министровъ, безъ всякой платы или получая самую незначительную. Они вмѣшиваются во всѣ распоряженія господъ своихъ: бывающъ заступниками или соперниками просителей, даже руководствуютъ рѣшеніемъ дѣлъ, и при всѣхъ случаяхъ извлекаютъ великія выгоды какъ для своихъ господъ, такъ и для себя. Ежели сдѣланъ будетъ доносъ на чиновника въ злоупотребленіи; то прежде всего допрашиваютъ его служившей. — Черезъ часъ, возвратились мы въ нашъ станъ.

Едва лишь я вступилъ въ юрту свою, какъ явился станціонный Цзангинъ съ убѣдительнѣй-

шею просьбою, чѣобы наши Спуденты перестали ловить рыбу, чѣмъ они тогда забавлялись. Начальникъ Миссіи пошчасъ удовлетворилъ требованію Монгола, почипающаго рыбу неприкосновенною, вѣрояпно, по его понятію о преселеніи душъ, заимствованному вмѣстѣ съ религією изъ Индіи.

Сент. 4. Ночь была довольно теплая. Миссіа опправилаь впередъ въ 9 часовъ утра.

Лишь только поднялись мы съ мѣста, какъ жены Монголовъ, по обязанности пещись о домашнемъ хозяйствѣ, пошчасъ явились къ разобранію чепырехъ юрпъ, имъ принадлежавшихъ. Въ самое короткое время онѣ кончили свою работу, навьючили быковъ, и все увезли съ собою. Провожатые наши помѣщались въ юрпахъ, кои на таковой конецъ всегда готовы у содержателей почтовыхъ станцій; а для Миссіи станціонные спаршины заимствовали юрпы отъ окрестныхъ жителей. Сей жребій обыкновенно падалъ на людей слабыхъ и бѣдныхъ: богатые находятъ тамъ средства избавляться отъ повинностей.

Съ великимъ шрудомъ поднялись повозки на крутую, песчаную гору, въ вершѣ отъ нашего ночлега находящуюся. Оставшійся хребтъ на правомъ берегу р. *Иро* представлялся намъ огромною, зубчатою стѣной: обнаженныя вершины его порчашъ въ видѣ острыхъ пирамидъ; одна отрасль горы пропаянулась, какъ бы особой валъ, почти до перевоза. На 3 видны синѣющія горы, за ко-

ими печетъ *Орхонѣ*, верспахъ въ 20 отъ нашей дороги. Проспанное, холмистое поле изобилуетъ хорошею снепною правою. Во многихъ мѣстахъ растетъ дикій лукъ, *Allium scorodoprasmum* Lin. и дикій ленъ, *Linaria* или *linum peregrine* Lin. Сіе послѣднее растѣніе весьма походитъ на сѣянный ленъ; но различается тѣмъ, что само собою ежегодно отъ корня возраждается; имѣетъ правяный, нѣсколько соленой и горькой вкусъ; оно сильно растворяетъ и смягчитъ, а сокъ его и перегнанная черезъ него вода исцѣляютъ язвы и проч. Дикій ленъ растетъ на невоздѣланныхъ мѣстахъ, по горамъ Сибирскимъ и даже въ С. Пешербургской губерніи [1].

Днемъ было споль жарко, какъ бы среди лѣта; вершины горъ препяпсовали вѣтру прохлаждать воздухъ. Верблюды наши начали привыкать къ работѣ и шли гораздо спокойнѣе, нежели въ первые два дня. Тусулахчи Идамъ, какъ и всегда, ѣхалъ съ нами вершъ 7 отъ станціи; попомъ отправился впередъ, дабы все приготошить къ принятію Миссіи. Для провожанія насъ, оспавилъ онъ Кундуя съ однимъ Шабинцемъ.

Раза два поднимались мы на возвышенія, и попомъ спускались въ долины. Ѣхали прямо на югъ, пересѣкая тѣсную равнину *Мангиртуйскую* [снепнаго лука], простирающуюся на великое разсто-

(1) *Свергинъ*, Нач. основ. Естественной Исторіи; царство произрастѣній; 1794. II, 127.

яніе проспирающуюся отъ В къ З. Дорога оспалась въ споронѣ, а мы пробирались на высоту *Мангиртуй* по неубинному мѣспу. На вопросъ мой: отъ чего не примѣнно здѣсь дороги? — находившійся при насъ Кундуй сказалъ, что тупь проѣзжаютъ только люди, слѣдующіе по дѣламъ службы, верхомъ; что впрочемъ и по сему направленію еспь у нихъ дороги зимняя, весенняя, лѣпняя и осенняя, по коей нынѣ проходила Миссія. Дороги сія геремяются, для лучшаго содержанія почповыхъ лошадей на свѣжемъ подножномъ кормѣ, въ каждое время года. На равнинѣ шеперь не видно было кочевьевъ, по недостатку воды; а переходящъ сюда окрестные Монголы зимою: иногда правы бываетъ здѣсь довольно, вмѣсто воды можно употреблять снѣгъ, а близъ спояція горы служатъ имъ защишою отъ холоднаго вѣпра.

Отпѣхавъ отъ р. *Иро* верспъ 20, мы достигли до высоты, на коей лежитъ огромный камень, а вправо возвышается гора *Наринъ Кундуй*; на вершинѣ и у подошвы оной роспущъ большія сосны. Вообще мѣспа сія имѣютъ весьма пріятное положеніе. Вдали на З, не подалеку отъ успья рѣчки *Сельби*, впадающей въ *Орхонъ*, почни до облаковъ поднимается гора *Мингáдарá* [тысячи превышающая]. Сказываютъ, что близъ оной еспь много каменныхъ капищъ, изъ конхъ въ самомъ большемъ помѣщается до 4000 Ламъ, во время торжественныхъ собраній.

Съ высоты спускъ, по узкой пропиккѣ, былъ весьма затруднителенъ для повозокъ. Наконецъ вспутили мы въ пѣсную лощину; на оной роспешъ много *алтаганы* [золотарникъ, *Robinia pugnata*]. Довольно также настѣяно здѣсь проса, которое шеперь уже было сжато; колосья онаго гораздо меньше, въ сравненіи съ просомъ Малороссійскимъ. Изъ сей лощины поворопивъ на лѣво, чрезъ небольшую высоту, покрытую зеленоватымъ плиннякомъ, мы спустились на самый правый берегъ р. *Шары*, проѣхавъ всего около 30 верстѣ. На станцію, съ прехъ споронъ окруженную горами, Миссія собралась въ 4 часа по полудни.

Здѣсь приготоваены были для насъ четыре прекрасныя юрты: для Начальника Миссії и для меня убранны дабою, грубою кипайкою, съ цвѣпными коймами; а на землю посланы спеганные войлоки. Таковыми удобствами обяваны мы были дружескимъ спараніемъ Тусулахчія Идама. По распоряженію его, сварено было для казаковъ двѣ чаши кирпичнаго чаю.

Скажу нѣсколько словъ о кирпичномъ чаѣ. Монголы и большая часть народовъ, кочующихъ по всему проспрансиву Средней Азіи, обыкновенно употребляютъ сей чай для пипья и пици. Кипайцы ведутъ имъ значительный поргъ; но сами никогда не пьютъ его. На чайныхъ заводахъ, находящихся большею частію въ Кипайской губерніи Фуцзянь, Фокіен, при изгошвлени всякаго

рода чаю, опбрасываютъ увядшіе, нечиспые и испорченныя лиспья и спсбелки чайнаго дерева, примѣшиваютъ къ нимъ клейкія вещсспва, по шомъ сжимаютъ оныя въ продолговатыхъ формахъ и сушатъ въ печахъ. Сія по бруски Россіяне называютъ, по виду ихъ, *кирпичнымъ* чаемъ. Монголы, Буряпы и прочіе жипсели Забайкальскаго края Сибири, равно Калмыки, для пригошвления его берутъ небольшой кусокъ чайнаго кирпича, полкуютъ оный въ особенной спупкѣ, мѣлкій порошокъ всыпаютъ въ чугунную чашу, спощую на огнѣ съ горячею водою; попомъ варятъ долго, причемъ кладутъ нѣсколько соли и молока. Иногда примѣшиваютъ шуда муки, поджаренной на маслѣ: такой чай или бульенъ извѣстенъ подъ особымъ названіемъ *затурана*. Я пивалъ кирпичный чай пого и другаго пригошвления, и нашелъ оный довольно вкуснымъ, по крайней мѣрѣ весьма пипапсельнымъ: все зависиптъ опъ испуспва и опрлптности повара. Надобно еще сказать, что бруски кирпичнаго чаю служатъ вмѣсто ходячей монсшы, по шорговымъ сдѣлкамъ у вышешомянутыхъ народовъ, поже и въ Даурин.

На сей спанціи явились ко мнѣ Шабинскаго вѣдомсства Даргуй, или ппшисопный начальникъ [1]

(1) У нашихъ Калмыковъ *Дарага* называется владѣльческій казначей или расходчикъ. — Въ Исторіи о Татарахъ *Абулгазія*, Т. I, на стр. 266 сказано, что какой-шо Туркеспанскій Каверъ Ханъ спсылалъ, для развѣдыванія, въ область Уйгуровъ своего *Даругу* ш. е. главнаго надъ полицією. Тамъже въ прилѣч.

и Халгачи, тіривранникъ ивъ штапта Купухшы, должны проводитьъ Миссію до Урги. Они были приняты мною благоеклонно, и угощены чаемъ и водкою. Обязанность сія на нихъ возложена по предписанію Шанцабы, главнаго эконома, управляющаго имѣніемъ и дѣлами боготворимаго Купухшы-Гегена. Сей Шанцаба, какъ говорятъ, имѣетъ жалованья оныя Богдохама особыя преимущества и печать, которая обыкновенно употребляется Азіатцами, вмѣсто собственноручной подписи, для утвержденія бумагъ.

Сент. 5. Во всю ночь дулъ сильный вѣтеръ съ З. Утро было холодное. Монголы, приспавленные, кромѣ нашихъ часовыхъ, къ обозу Миссіи, вѣдъ ночью вокругъ онаго верхомъ, подавали сигналъ крикомъ, подобнымъ вою горнаго вѣпра.

Утромъ въ 10 часу Бипхеши приходилъ съ посвященіемъ къ Начальнику Миссіи и ко мнѣ.

Прошекающая возлѣ нашихъ юрты рѣчка *Шард* [желтая, по цвѣту воды, происходящему оныя песчанаго грунта] начинается оныя хребта *Тыреету*; течетъ оныя Ю въ прямомъ направленіи къ С; попомъ дѣлаетъ крушой поворотъ на З, и вливается въ *Орхонъ*. Близъ станціи, гдѣ мы нынѣ расположились, впадаетъ въ *Шару* рѣчка *Куйтунъ*. Въ *Шарѣ* водится одна мѣлкая рыба; а въ *Орхонѣ*, въ недалекомъ разстояніи отсюда протекающемъ,

объяснено, что сей чинъ повинъ удержанъ въ Персіи, и во всякомъ городѣ есть одинъ *Даруга*.

Часть I.

4

есты осетры, а болѣе шайменей (*Salmo fluviatilis*) и ленковъ; при весеннемъ разливіи водъ, большая рыба входитъ иногда и въ Шару. Мимо насъ пролепали цѣлыя стаи дикихъ гусей, утокъ и журавлей.

Монголы здѣшніе весьма зажиточны; ихъ бодрый видъ и опрятная одежда служили ятому доказательствомъ. Мы видѣли по ту сторону Шары много юрты, безчисленныя стада овецъ и лошадей. Близъ станціи ходило нѣсколько буйволовыхъ коровъ, коихъ молоко весьма уважается Монголами. Праздные Ламы не оставляли насъ своими посвѣщеніями. Казалось бы, сему степному духовенству надлежало бытъ образованнѣе просполюдимовъ; но опытъ удословрилъ насъ въ противномъ. Я предлагалъ собравшимся ко мнѣ Ламамъ прочесть нѣсколько написанныхъ Монгольскихъ словъ; они съ великимъ трудомъ разбирали оныя. Напрошивъ того, станціонный Цзангинъ чиналъ евободно. Конечно, онъ обращается около письменныхъ дѣлъ по должности; а Ламы занимающія болѣе чтеніемъ Ганжүра — духовной книги Тибетской, коея смыслъ для нихъ слишкомъ высокъ и еодержаніе коей знаютъ они, болышею частію, только по виду буквъ.

Бывшій Цзангинъ сей станціи, видный спарикъ лѣтъ 70, нарочно прискакалъ къ намъ верхомъ, для засвидѣтельствованія Начальнику Миссіи своего почтенія. Съдой Монголъ провожалъ нѣкогда наши

Миссиа и сокрушается шеперь, что бремя лѣтъ препятспивуешъ ему ѣздитъ верхомъ шакъ быспро, какъ въ молодоспи. Онъ весьма завидовалъ длиннымъ и густымъ волосамъ бороды О. Архимандриша. Монголы или не имѣюшъ вовсе бороды, или только самую рѣдкую; опшускаюшъ усы и, подобно своимъ единоплеменникамъ, Буряшамъ и Калмыкамъ, высоко подбриваюшъ голову; опспавленные же волосы заплепаюшъ въ косу. Не могу согласитъся съ объясненіемъ нѣкопорыхъ, будущи народы Монгольскаго племени для шого опспавляюшъ косу, чтообы, на случай переправы чрезъ глубокія рѣки вплавъ, привязывашъ оною къ головѣ лукъ, важнѣйшее свое оружіе, и плѣмъ сохраняшъ его опъ подмочки. По моему мнѣнію, въ такомъ случаѣ легко, и весьма удобно можно прикрѣпляшъ лукъ шуркомъ къ спишъ и даже къ шеѣ.

Часа въ шри по полудни прошелъ по другому берегу *Шары* Кипайскій караванъ на 25 верблюдахъ, по дорогѣ въ Кяхшу. Мы не могли узнать досповѣрно, для чего провожаемые вели насъ новою дорогой, а не пою, по коей Миссиа проходили до сего времени и по коей шель означенный караванъ. Сшарая дорога однимъ пересѣдомъ болѣе, но за шго гораздо удобнѣе для шяжелаго обоза. На сей спанціи соединяешся она съ почшовой.

Сент. 6. Холодный сѣверный вѣшерь дулъ ночью съ небольшимъ дождемъ; вѣшерь продолжался во

✱

весь день. Со станціи *Усть-Куйтуна* мы опсправились въ 10 часу упра. По моей просьбѣ, Тусулахчи приказаль, сего дня и въ послѣдствіи, станціоннымъ Монголамъ окрючить п. е. ловить арканомъ нашихъ лошадей, упряжныхъ и верховыхъ. Монгольскія лошади весьма способны для быстрыхъ и крупныхъ поворотовъ; а въ хорошемъ окрючникѣ пощчасъ можно примѣнить искуснаго наѣздника: онъ крѣпко держится на сѣдлѣ и дѣлаеть чрезвычайно смѣлыя движенія, пока накинеть арканъ на шею шой именно лошади, копорая нужна и копорая между шѣмъ примѣшно спараетса опъ него ускользнуть.

Черезъ *Шару*, имѣющую здѣсь около 10 сажень ширины, перѣхали мы вбродъ и шли по лугу на В версны 2; потомъ долго взбирались на опшлогую гору, на вершинѣ коей, по лѣвую сторону дороги, лежишь громада дикихъ камней. Проѣхавъ съ верспу къ Ю, спустились по крутому песчаному косогору на лѣвый берегъ р. *Шары*. Лугъ покрышь высокою травой и кустами ильмовыми. Тупъ видѣли мы нѣсколько копень сѣна. Груншь земли песчаный. У подошвы высокаго хребта, оспававшагося вправѣ, продолжали мы путь верспъ 7, опчаспи сосновымъ лѣсомъ, коимъ покрышь и весь хребетъ, получившій опъ того названіе *Кутулъ нарасу* [сосновый боръ]. Потомъ приближились къ Монгольскому кашицу, споящему близъ дороги, у

само́й подошвы горы *Гунту́ Самбу́*. На успушѣ горы бѣдѣтся *Субурга́нъ* или *Бунха́*.

Субурганъ естъ родъ часовни, сооружаемой богашыми людьми для очищенія грѣховъ и въ надеждѣ будущаго воздаянія. Онъ предспавляесть видъ пустой пирамиды, сложенной изъ дерева или камня, и только въ южномъ боку имѣющей небольшое опверснїе. Внутрь Субургана, при освященїи, кидаютъ нѣсколько сопей глиняныхъ сполбиковъ или конусовъ, по Монгольски *Цаца́*, почипаемыхъ за символическое изображеніе богопворимыхъ лицъ. Таковыя Цаца, по настоящему, должны бышь соспавлены изъ девяти драгоцѣнностей, какъ шо: золопа, серебра, разныхъ дорогихъ камней, жемчуга и ш. п. Но какъ весьма немногіе въ соспоанїи имѣють достпапочное количество таковыхъ мапериаловъ; шо разрѣшаесть упопрелять для сего глину, въ копорую однакоже, при чпенїи успановленныхъ моливъ, должна бышь примѣшана хоша малая часпъ изъ вышесказанныхъ веществъ; а дабы придаць Субургану полное достпоанство, надлежитъ внести шуда неменѣе 100 Цаца. Впрочемъ дѣйспвительное число оныхъ зависить ошъ произвола, достпапка и благочеспїя спроипелей. Монголы оказывають къ Субурганамъ большое уваженіе: вдуцій мимо обязанъ остановишься, сдѣлашь передъ нимъ при земныхъ поклона и, обойдя при раза вокругъ сей часовни, въ видѣ жерпвы бро-

сипш въ оную чшо нибудь изъ своей собспвенности, волосъ съ головы или хопя бы щепку.

Споящее на берегу *Шары* капище выпроено изъ дерева, въ видѣ домика; наружныя спѣны его покрышы бѣлою краской, а кровля красною. Внутри, передь кумирами шлоось нѣсколько благовоныхъ Тибетскихъ свѣчей, пемнокраснаго цвѣща, пригошьяемыхъ изъ древесной коры съ мускусомъ. Двое Ламъ чипали книгу Ганжуръ, заключающую священныя таинства. Бывъ углублены въ свое мрачное заняше, они едва взглянули на Рускихъ посѣщителей.

Отъ капища ѣхали мы лутомъ версты 2, попомъ перебрались вбродъ на правый берегъ *Шары* и продолжали пушь по ровной и гладкой дорогѣ. На лѣвой споронѣ у насъ шянулись цѣпью кремнистыя горы, а съ правой извивалась по лугу рѣка. Мѣстами видны были юрпы кочующихъ Монголовъ. Иногда переѣзжали мы и чрезъ небольшіе холмы. Пошва земли каменистая; камни лежатъ въ самыхъ колеяхъ: по всему видно, чшо никогда никакая рука не прудилась здѣсь надъ улучшеніемъ дороги.

На половинѣ пуши вспрѣтили мы обозъ Монгода, везшаго изъ *Урги* на 16 одноколкахъ [въ каждую впряженъ одинъ быкъ], сахаръ леденецъ, принадлежащій одному Кытайскому купцу въ Кяхтинскомъ Маймаченѣ. Вдали на берегу *Шары* стода бѣлал палашка какого-шо Кытайскаго продавца,

Торгаши сего рода скипаются по Монголіи съ разными незначительными поварами, и вымѣниваютъ на оныя у степныхъ жителей барановъ и быковъ, коихъ послѣ опгоняютъ на продажу въ Кишай. Это родъ нашихъ мѣлочныхъ купцовъ, кои вѣдаютъ съ поварами по отдаленнымъ мѣстамъ Россіи.

Близъ высокой горы *Урмухтү*, споящей съ лѣвой стороны и въ ущелии коей бываетъ зимняя станція, спустились мы на самый лугъ р. *Шары*. Отсюда до нашего ночлега оставалось еще около 6 верстъ. На лугу споятъ нѣсколько ивъ; правы густы и высоки: сколько бы споговъ сѣна поспавлено было здѣсь нашими поселянами! Теперь бродитъ здѣсь скопъ, изминая ногами шучныя пажити.—Перѣхавъ опять вбродъ черезъ *Шару* у горы *Керѣту*, лежащей къ В, Миссія прибыла въ 4 часу по полудни на станцію *Урмухтүй*, расположенную на обвалившемся лѣвомъ берегу. Сего дня подались мы впередъ на 25 верстъ.

Вечеру распались мы съ Цзангиномъ Цыдѣномъ, провожавшимъ Миссію отъ *Усть - Куйтуна*. Онъ изъ владѣній Цеценъ Хана по выбору назначенъ станціоннымъ старшиною. Изъ всѣхъ чешырехъ Ханствъ [1] отправляются на почповья станціи

(1) Монголія раздѣляется на нѣсколько Аймаковъ или Княжествъ, какъ это объяснено будетъ ниже, въ III Ч. сей книги. Главнѣйшимъ изъ нихъ почивается Аймакъ Халхаскій или Халхѣ (по Монг. заслона, врага). Оный подраздѣляется на чешыре Ханствъ

по сей дорогѣ, на каждую: Цзангинь, Кундуй и 4 рядовыхъ. Старшины получаютъ жалованья по 10 ланъ [20 руб.] серебромъ въ годъ. Если они исправны; то отпускаются въ сей должности нѣсколько лѣтъ не смѣняясь, и живутъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и стадами. На каждой спанціи положено держать въ готовності по 8 лошадей и 4 верблюда, для проѣзжающихъ по волю Правительства. Ближайшія къ дорогѣ Хансина даютъ людей; а дальнія отпускаютъ сумму на содержаніе ихъ и скотъ для почтовой ѣзды, натурою или деньгами.

По случаю чувствительной перемены температуры [поутру въ 8 часовъ было только 5 град. тепла], нѣкоторые изъ Монголовъ приходили къ намъ въ шулупахъ и шапкахъ, опушенныхъ куньиимъ мѣхомъ, а преимущественно бѣлою овчиной.

Сент. 7. Ночью былъ морозъ; въперъ по прежнему дулъ съ С, и день былъ пасмурный. Многіе изъ казаковъ нашего конвоя почувствовали припадки сильной простуды; слѣдствіе переправы черезъ *Иро*. Припомъ нельзя не замѣтить, что Сибирскіе простодюды ослабляютъ здоровье свое, впрочемъ весьма крѣпкое, излишнимъ употреблені-

ва, конкъ главные владѣльцы имѣютъ наследственные титулы:

- 1) *Туншэту Хань*, кочуешь въ верховья р. Селенги; 2) *Цецэнъ Хань*, по р. Жерулюю, на востокъ отъ Кяхшы; 3) *Цзасахтф Хань*, имѣешь пребываніе при южной подошвѣ Алтайскаго хребта, по р. Цзабахану; 4) *Саймо Ноинъ* живешь въ степи Гобійской, на югъ отъ Урги.

смъ кирпичнаго чаю, который пьютъ они раза три въ день, а нѣкоторые чаще. Здѣсь оставлена мною Цзянину Гуръ Чжѣпу захворавшая казенная лошадь съ пѣмъ, чтобы оную отдалъ намъ, при возвращеніи изъ Кытая; еслиже она падетъ, то съ нашей стороны не взыскивать съ Монголовъ, коль скоро представлятъ шому ясныя доказательства.

Навьюченные верблюды пошли со станціи въ 8 часовъ утра, а въ девятомъ отправились и повозки, въ сопровожденіи двухъ Монголовъ. При табунѣ находилось теперь 8 человекъ. Версты $1\frac{1}{2}$ ѣхали мы по луку *Шары*, которую оставя позади, поднялись на отрасль горы *Банги*, известную подъ названіемъ *Хусуту́* [березовая]; шуть лежишь дорога въ небольшомъ оврагѣ. Пройдя отъ станціи верстъ 7, вступили мы на равнину *Цайдамъ* [солончакъ], получившую сіе названіе отъ соли, обыкновенно испареніями выступающей изъ земли на поверхность здѣшнихъ степей. Лощина *Цайдамъ* ограничивается рѣчкою *Баинъ* [богатая], которая течетъ съ В на З, и впадаетъ съ правой стороны въ р. *Хару́*. *Баинъ* извиается у подошвы высокихъ горъ. Глазамъ нашимъ представлялся, влѣво на юговостокъ, сперва хребетъ *Мангатай* [крушой], коего западная отрасль называется *Тулукэй* [тѣмы въпрровъ, или обуреваемый вихрями]. Въ ущеліяхъ *Мангатая* водился много дикихъ козъ, изубрей [родъ олсней], лисицъ, сиенныхъ кошекъ, по Монгольски *Манулажи* называемыхъ; изрѣдка

попадаются и медвѣди. Вершины горъ покрыты березникомъ.

Означенною лощиной ѣхали мы верспъ 8; потомъ поднялись на нижнюю отрасль горы *Ундуръ уланъ* [высота красная], и продолжали путь наклоненною къ Ю равниной верспъ 5, до самой станціи, пропивъ коей переправились черезъ рѣчку *Байнъ* вбродъ, проѣхавъ сего дня 20 верспъ. Толпа Монголовъ вскорѣ окружила наши повозки; болѣе всего обращали на себя ихъ вниманіе колеса, окованныя желѣзными шинами. Монгольская шельга обыкновенно бываетъ о двухъ колесахъ, кои обращаются подъ одною вмѣстѣ съ осью. Колесо дѣлается изъ двухъ брусковъ, обитыхъ накрестъ и обложенныхъ, вмѣсто обода, округленными клиньями; въ самый же центръ онаго наглухо закрѣпляютъ ось.

Начиная съ высоты *Ундуръ уланъ*, о коей сказано выше, идешь на 3 внизъ по рѣчкѣ *Баину* шѣсная равнина, почти до самаго *Орхона* простирающаяся. Сія долина граничитъ къ Ю съ хребтомъ *Тумукеемъ*, а на СЗ съ горами, не столь высокими, но весьма острыми. Вблизи станціи и на противоположномъ берегу *Баина* стояло около 20 юртъ; большія стада пучныхъ овецъ и лошадей показывали доспашокъ жипелей и плодородіе степей. Станція расположена у подошвы хребта *Тумукейскаго*, на самомъ берегу р. *Баина*. Мы говоримъ просто *рѣка Байнъ*; въкопорые же пишутъ:

рѣка *Байнѣ-голд*; р. *Шара-голд*, р. *Хара-голд* и проч. Слово *голд* на Монгольскомъ языкѣ значить *рѣка*; а потому излишне, кажется, повпорять названіе, показывающее одно и тоже, какъ по употребленію нашими Географами въ словахъ: рѣка *Амѹ-дарья* [рѣка]; рѣка *Сырѣ-дарья* [рѣка]; озеро *Зайсанъ-норѣ* [озеро], *Куку-норѣ*, *Кара-кулѣ* и проч.

Видя луга, покрытые хорошою травой, мы намѣревались провести здѣсь слѣдующій день, чтобы покормить опощавшихъ верблюдовъ. Тусулахчи на это соглашался; но Кишайскіе проводники очень спрелились въ *Ургу*, и намъ въ этомъ опказали.

Сенс. 8. Поутру Бишхеси явился ко мнѣ, и самъ началъ изъяснять причины, по которымъ они не согласились дневать сего числа на *Байнѣ*. Главнымъ по тому предлогомъ послуживъ онъ необходимостью послѣзнить въ Курень или *Ургу*, дабы заехать тамъ Вана, копорый получилъ уже указъ отъ Богдохана [1] о сопровожденіи Его Величества на ловлю дикихъ звѣрей въ восточной Монголіи. Какъ бы по ни было, но я вынужденъ былъ, въ присутствіи Начальника Миссиа, замѣзнить Бишхесію, что мы и сами желали бы, сколько можно, скорѣе достигнуть Пекина, какъ цѣли нашего путешествія; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что съ тяжелымъ обозомъ нельзя

(1) Названіе Кишайскаго Государя на Монгольскомъ языкѣ; означаетъ Священный Царь. На языкѣ Кишайскомъ пишуть его: *Хуанди*—Премудрый Государь.

ѣхашь шагъ поспѣшно, какъ на почтовыхъ подводахъ; чпо силы скопа всегда надлежишь берегашь въ началъ пуши и проч. Положено на другой день имѣшь роздыхъ на р. *Харь*. Потомъ заѣхалъ къ намъ Тусулахчи, и увѣрялъ въ своемъ поспоянномъ усердіи.

Въ 9 часу ухра обозъ двинулся съ мѣста ночлега. Мы ѣхали прямо на Ю, медленно поднимаюсь на высоты *Тумукел*. Изъ горы бѣжитъ ключъ чистой, холодной воды и спускаясь съ журчаніемъ по камнямъ внизъ, скрывается въ землю не далеко отъ *Баина*, съ копорымъ, вѣроятно, имѣетъ подземное сообщеніе. Гора состоитъ изъ краснаго гранита, коего большіе куски разбросаны по оплогоспямъ. Вершина ея и ущелія заросли березникомъ, жимолоспью (*Lonicera tatarica*) и кустами красной смородины (*Ribes rubrum*), на коихъ довольно еще сохранилось ягодъ, невзирая на осеннее время. Не сполько намъ пріятенъ былъ вкусъ ягодъ, какъ самый видъ сего произведенія природы, находящагося повсюду въ садахъ нашего опечества. Поднимаясь на гору, догнали мы плѣжку, въ коей ѣхалъ Бишхени и Бошко; но они вскорѣ насъ оставили и поспѣшили впередъ. Идамъ не оплучался ни на шагъ, пока мы совсѣмъ не поднялись на хребетъ.

На самой вершинѣ онаго насыпанъ изъ камня огромный Обѣ. Опсюда по крупному косогору спуспидись мы въ долину *Тумукейскую*, прилегаю-

щую къ рѣкѣ *Харь*. Какое близкое сходство вообще между равнинами, прилегающими къ рѣкамъ *Иро*, *Шарь*, *Харь*! Спѣсненныя двумя хребтами, онѣ всѣ упираются въ правые берега рѣкѣ. На послѣдней изъ нихъ растетъ высокая и густая трава. Проехавши версты 3 битою дорогою, поворопили мы на лѣво къ В. Перейдя небольшую высоту, уѣхали версты 2 пѣснымъ ущелиемъ, имѣя съ правой стороны высокія горы; а съ лѣвой, почти надъ самою головою висящіе огромные камни. Проводники Монгольскіе уѣхали съ передовою частью нашего обоза; а мы оспались одни, въ совершенной неизвѣстности, куда идти? Одна измятая верблюдами права указывала намъ дорогу. По узкой тропѣ мы съ великимъ трудомъ поднялись на высоту, составляющую промежутокъ въ хребтѣ *Шара Кутулъ*. Тутъ находилась небольшая березовая и осиновая роща; много также красной смородины. Съ сей высоты открылось къ В. необозримое пространство, наполненное дикими, обнаженными горами; острия вершины ихъ, подобно волнуемому морю, синѣлись грядями. Тою же тропинкой, по опасному косоугору спустились мы на ЮВ въ лоцину, по коей пройдя верстѣ 5, оспальное пространство пробирались по порфяному лугу *Хары*, имѣющей въ семь мѣстѣ много прошекъ и острововъ. Противъ самой станціи переправились вбродъ, по указанію выѣхавшихъ на встрѣчу Монголовъ, на лѣвый берегъ рѣки. Стан-

ція расположена на лугу, не подалеку отъ горы, лежащей на ЮЗ и называемой *Кукү голу* [синій камень].

Рѣка *Харá* [черная] гораздо болѣе *Шары́*; вода ея темноватаго цвѣта, отъ каменистаго дна и большой глубины. Она течетъ съ В на З по широкому лугу, изобилующему изрядною травой; по берегамъ ея возвышаются горы. *Харá* также впадаетъ въ рѣку *Орхонъ*. Кочевьевъ здѣсь примѣшно мало; а по причинѣ ненастной погоды, не много къ намъ прїѣзжало и посѣлителей. Вечеромъ ко мнѣ явились только, по должностнн, здѣшней станціи Цзангинъ и Кундуй, въ красномъ плащѣ съ желтыми пеплицами. Плащи съ рукавами у Монголовъ въ большомъ употребленіи. Если Монголъ отправляется изъ дома, а особливо по дѣламъ службы; то хотя бы погода была ясная и разсвоеніе переѣзда не далѣе одной станціи, плащъ всегда привязанъ у его сѣдла, какъ у нашихъ кавалеристовъ.

Сент. 9. Роздыхъ.

Всю ночь шелъ дождь; при осенней сырости, день былъ пасмурный. Кромѣ чепырехъ юрты, должны мы были раскинуть, въ первый разъ, и свои палатки для защиты вьюковъ отъ подмочки дождемъ.

Начальникъ Миссін вмѣстѣ со мною, также Обозный и Переводчикъ, были упромѣ съ взаимнымъ посѣщеніемъ у Бишхэши, Бошкá и Тусулахчія. По-

сѣдній, какъ ошець въ семействѣ, сидѣть посреди Монголовъ. Мальчикъ лѣтъ 7, сынъ здѣшняго Цзангина, читалъ Монгольскую азбуку. Узнавши, что въ прошъ день Кипайцы праздновали половину средней осенней луны, я, по возвращеніи, послалъ имъ и Тусулахчию напишковъ и сухихъ фруктовъ.

Послѣ обѣда ходили мы на близъ лежащее болото спрѣляшь дикихъ упокъ. Попомъ, взявшимъ изъ Кяхты неведомъ ловили въ *Харъ* рыбу, коей здѣсь весьма много. Занятіе сіе, чуждое Монголамъ, привлекло не мало зрительей. Труды наши награждены были изрядною ловлею. Но Тусулахчи Идамъ, яко ревностный почиапелъ Мешемпсихизма, подѣхавши къ намъ съ племянникомъ своимъ, убѣдительно просилъ, чтобы мы всю пойманную рыбу бросили опять въ воду; въ чемъ мы сдѣлали ему полное удовольствіе.

Въ объясненіе сего происшествія скажемъ, что нравственное ученіе Шигемунія предполагаетъ десять пляжкихъ грѣховъ или *герныхъ* дѣлъ, съ сѣдующимъ раздѣленіемъ а) грѣхи *плотскіе*: убійство, грабежъ, блудъ; б) *словесные*: ложь, клевета, сквернословіе, спрацаніе, наконецъ в) *душевные*: мщеніе, зависть и опспуленіе опъ правилъ вѣры. Все пропшнвоположное сему соспавляетъ равномѣрно десять важнѣйшихъ добрыхъ или *блныхъ* дѣлъ. Умерщвленіе не только подобныхъ себѣ; но, по общему понятію о переселеніи душъ, даже самыхъ ничшожныхъ насѣкомыхъ почиается грѣхомъ.

Никакой Лама, никакой благочестивый Монголь не рѣшился самъ убить животное; хотя употребленіе на пищу зарѣзанное другими позволено, вѣроятно въ помянутомъ уваженіи, что степи, неудобныя къ земледѣію, не представляютъ для пропитанія жителей ничего другаго, кромѣ мяса. Напротивъ того, каждый долгомъ своимъ признаеть избавивъ отъ смерти не только человека, но и самую муху, бабочку и п. п. Вопль причины, убѣждающія Монголовъ къ пощадѣ птицъ, рыбы. Набожный поклонникъ Шигемунія даруетъ имъ свободу при всякомъ удобномъ случаѣ, еслибы стоило ему даже нѣкоторыхъ издержекъ. Справедливостъ сего подтверждается примѣромъ, за сполнѣ случившимся, о коемъ упоминаеть Бель [1] въ своемъ путешествіи въ Китай. Прогуливаясь, говоритъ онъ [въ Селенгинскѣ, городѣ Иркутской губерніи, неподалеку отъ Китайской границы], на берегу рѣки Селенги увидѣлъ я между нѣсколькими мальчиками, удившими рыбу, престарѣлаго человека, коего видъ и одежда меня удивили. Онъ скупаль всю пойманную рыбу, и съ важностію кидалъ оную опять въ воду одну за другою. Я старался вступитъ съ нимъ въ разговоръ; но онъ сколько былъ занятъ, что совсѣмъ не обращаль вниманія на мои слова. Тотчасъ я узналъ, по одеждѣ и по шафранной полоскѣ на его лбу, что это Индѣйскій Брамниъ. Онъ пришелъ въ шу

(1) Тамъ же, стр. 13.

спрану, по обѣщанію, съ нѣсколькими своими еди-
ноземцами для поклоненія Кушухпѣ. Семидесяти-
лѣтній Браминъ казался чрезвычайно довольнымъ,
что могъ возвратити свободу опять сей рыбѣ.
Разумѣя нѣсколько по Руски и по Португальски
[невѣрояшно!], онъ сказалъ послѣ, что дѣлалъ по
по правиламъ своей религіи: души его пріятелей
и родственниковъ можетъ быти переселились въ
тѣла рыбъ; а попому онъ счелъ долгомъ освободити
ихъ отъ смерти, тѣмъ болѣе, что религія
ихъ не позволяеть убивать никакого животнога,
ниже ѣсти ихъ мясо. Они питаются одними про-
израстѣніями.

Возвращаться должно было намъ чрезъ пропо-
ки и болопо; почему Тусулахчи предложилъ мнѣ
свою лошадь, для переѣзда до станціи верспы
полпоры. Сѣдло его, сдѣланное въ обласпи Соло-
новъ [на берегахъ Амура], коимъ онъ щеславил-
ся, показалось мнѣ слишкомъ неудобнымъ; ибо у
Монгольскихъ, равно и Китайскихъ сѣдель спре-
мена споль коропки, что для Европейца невозмо-
жно на нихъ держаться. Станціонныя лошади здѣсь
рослы и весьма пучны. Возвращаясь, мы видѣли
женщину, доившую кобылицъ. Монголы, подобно
нашимъ Башкирцамъ и Калмыкамъ, пьютъ кобылье
молоко, а нѣкоторые доятъ верблюдицъ, каковое
обыкновеніе существуетъ и у Киргизцевъ. Берг-
манъ замѣчаетъ при семъ, что неумѣренное упо-

прѣбленіе кобыльаго молока производишь боль въ гмазахъ [1].

Подъ вечеръ, нѣсколько Монголовъ, услышавъ пѣсни казаковъ, собрались въ нашъ спанъ. Сами провожатые наши долго слушали, и примѣрно, что Руская мелодія непротивна ихъ слуху. Бошко, сидя между шѣмъ въ юртѣ О. Архимандриша, зашверживалъ нѣкопорыя слова Рускія, на примѣръ: баранъ, овца, конь, *водка*, *рюмка* и проч. Слова верблюдъ и ш. п. по спеченію шрудныхъ согласныхъ, онъ никакъ не могъ выговорить. Впрочемъ дознано, что Манжуры и попомки Монголовъ, соединившихся съ Манжурами при завоеваніи Кипая, имѣють гораздо болѣе способности къ произношенію Рускихъ словъ, нежели Кипайцы. Доказательствомъ сему можетъ служить испорченное и смѣшное нарѣчіе, на коемъ производяшъ важныя коммерческія дѣла Шааньсіицы [торговцы изъ Кипайской Губерніи Шааньси] на Кяхтѣ съ нашими купцами, копорые никогда не учашия по Кипайски. На примѣръ: лошадь они называютъ *лошка*, вмѣстѣ *замъсяцѣ*, Федоръ *фетелѣ*, двадцать пять монетъ [копѣекъ] *туцети пяти мониса* и проч. Кипайскіе купцы составили даже большіе словари на семъ непонятномъ нарѣчіи.

Вечеру посѣпилъ насъ одинъ Лама, очень высокаго роспа и заика. Съ великимъ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на насъ и на вещи наши. Между

(1) Nomad. Streif. unter den Kalmlücken; I, 327.

прочимъ онъ сказалъ, что по причинѣ худыхъ кормовъ въ 1819, и жестокоснн минувшей зимы, падежъ скота у нихъ, весною сего 1820 года, былъ споль великъ, что у многихъ хозяевъ изъ 200 скотинъ оспалось не болѣе пяти. Опъ сего жишели весьма запрудняются нынѣ вразсужденіи своего продовольствія. Ежели въ спадахъ довольно коровъ и овецъ, по Монголы пишаются ихъ мясомъ: въ пропивномъ случаѣ, они довольствуются молокомъ и сушенымъ сыромъ [*бисалакъ* и *хурутъ*]; опчасн употребляютъ и [просовое] пше-но *Шарá будá*. Для разогнанія же скорбей жишейскихъ, пригошвляютъ и пьютъ, шолько въ лѣпную пору, особенный родъ вина изъ молока. Они сами жалуются, что зимою въ юртахъ своихъ много шерпятъ опъ холода; маленькихъ дѣшей должны закушивать въ шулуы и звѣриныя кожи. Изъ шерсни овечьей валяютъ войлоки, для домашняго употребленія. Изъ конскихъ волосовъ дѣлаютъ веревки: для сего Монголы спригутъ у жеребятъ по первому году гривы, и сверхъ того ежегодно весною обрѣзываютъ онія у своихъ лошадей, исключая жеребцовъ и кобылицъ. Лошадь спройная, имѣющая гордую шею, съ осприженною гривой получаетъ видъ грозный, довольно красивый. Ремеслъ и заводовъ здѣшніе Монголы не имѣютъ никакихъ. Есть, правда, у нихъ кузнецы; но весьма неискусные. Лѣсъ жишели береговъ *Хары́* доспаетъ съ хребта *Тумукѣя* и *Мангапáл*.

*

Здѣшніе жипели не весьма достапачны. Упромѣ приходилъ къ намъ одинъ нищій, лѣтъ 20; мы надѣлили его хлѣбомъ и кускомъ кирпичнаго чаю. Бѣднякъ сей обратился было и къ Бипхепи; но его проводили опшуда въ шолчки. При необыкновенной холодности Кишайцевъ, поже разумѣть должно и о Манжурахъ, мы примѣнили въ обращеніи ихъ съ Монголами чрезмѣрное высокомѣріе.

Сенш. 10. Въ 9 часовъ обозъ пустился впередъ, оставилъ здѣсь больного верблюда на сбереженіе. Во все упродуль провизительный сѣверный вѣперъ, а днемъ было мрачно.

На правомъ берегу р. *Хары* оставили мы хребтъ *Мангатай*, опъ коего на В въ дальнемъ разстояніи поднимается опдѣльно гора *Дулоши*. Вершина ея, подобно Савойскому Монблану, имѣетъ видъ кочки или горба верблюжьяго: испинно спенное сравненіе! Еще далѣе къ В, видна была гора *Мандайб*, высочайшая изъ всѣхъ нами видѣнныхъ и весьма сходствующая съ горою *Могойту* [змѣиная], копорая сповишь на правомъ берегу нашего Чикоя, надъ Кударинскою крѣпосью. Кпо былъ въ Кударѣ, шопъ конечно не преминулъ посѣщитъ Могойшу и сосѣдственныя Бурятскія капища: опшуда представляются взору вашему виды обширные, величественные, пріятные.

Съ верспу ѣхали мы опъ спанціи подошвою горы, споящей къ З; попомъ поворопили на право къ югу, вверхъ по рѣчкѣ *Борó*, впадающей въ *Хару*

съ лѣвой стороны, возлѣ бывшаго нашего ночлега. Рѣчка *Борó* течетъ по равнинѣ съ Ю на С крупными излучинами; берега ея покрыты пучною травой. На лугу и по соседственнымъ оплодоспямъ мы видѣли много юрты и скота. Роды хлѣба, котораго засѣваютъ здѣсь довольно, состоятъ изъ проса, ячменя и пшеницы; послѣднюю побилъ ранній морозъ. Просо и другой хлѣбъ, по созрѣннн, вырываютъ здѣсь съ корнемъ, а иные жнутъ; молотятъ лошадьми, пуская ихъ на снопы. Вообще долина, орошаемая рѣчкою *Борó*, весьма удобна для земледѣлія; почву составляютъ песокъ безъ щебня. По берегу, близъ пашни ходили стада журавлей, весьма непугливыхъ; а на рѣкѣ плавали стадами дикія утки, въ коихъ безъ труда можно было стрѣлять. Громъ огнестрѣльнаго оружія привлекалъ къ намъ любопытныхъ Монголовъ, коимъ болѣе извѣстны лукъ и стрѣлы, нынѣ облагаемая только кровію дикихъ звѣрей.

На сей долину, имѣющей протяженія къ Ю верстѣ около пятнадцати, мы безпрестанно встрѣчали толпы Монголовъ, возвращавшихся съ поклоненія Кушуктъ-Гегену. Сей верховный, семидѣлный Намѣстникъ Пророка Шигемунія недавнимъ появленіемъ своимъ въ Ургѣ, произвелъ сильное движеніе въ усердныхъ къ своей вѣрѣ Халхаскихъ Монголахъ. Спарики и дѣши, мужчины и женщины въ богатомъ платьѣ, въ собольихъ шапкахъ, на лучшихъ своихъ коняхъ и верблюдахъ спремн-

лись большими толпами: одни поспѣшали къ Кушухтѣ, а другіе ѣхали обратно въ кочевья, оживленные лицезрѣніемъ чуднаго ошрока, неся въ домы его благословеніе.

Гладкою, прямою дорогою проѣхавъ опть *Хары* 15 верстѣ, миновали мы долину *Цзунъ мѣдо* [сипо деревъ] на правомъ берегу р. *Борѣ*, гдѣ останавливались Миссіи наши въ 1794 и 1807, у подошвы горы *Ноина* [господинъ]. Подавшись впередъ еще версты 3, поднялись мы на большой холмъ *Маништу* [мѣшо молишѣ]; тамъ спойшъ Обо. Направо къ 3 гора *Байнѣ гжирухѣ* [богатое сердце], а влево синѣтся за р. *Борѣ* высокій хребетъ *Ноинѣ*. На южной споронѣ холма попался намъ на встрѣчу большой караванъ поклонниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣздили даже въ Тибетъ для принятія своего Феникса—возродившагося Кушухты-Гегена: они перевозили сего юнаго жреца, со всею его свипою, на своихъ собспвенныхъ верблюдахъ. Халхасы, опть набожнаго усердія, собрали оныхъ болѣе пысячи; измученный скопъ доказывалъ ошдаденіе и шрудносшь совершеннаго имъ пупи. Особенное вниманіе въ семъ караванѣ обращалъ на себя верблюдъ—бѣлый, какъ снѣгъ, и росшомъ превосходившій всѣхъ, какихъ мы до того видѣли. Монголы знаютъ Рускихъ, знаютъ и шо, что многіе изъ нашихъ говорятъ ихъ языкомъ; а потому со всѣхъ споронѣ осыпали насъ громкими жславіями здоровья и спокойствія: *Мендѣ! Амѣрѣ!*

Опгь означеннаго холма ѣхали мы еще около 4 верстгь покашою дорогою. Не подалеку опгь спанціи вспрѣшилъ меня Кундуй, высланнѣй Тусулахчѣмъ для освѣдомленія о моемъ здоровьѣ; послѣ сего онъ поскакалъ съ шѣмъже привѣтспвіемъ къ О. Архимандриту, ѣхавшему съ прочими въ слѣдъ за обозомъ. Нѣкопорые изъ Членовъ Миссіи, какъ шо Іеродіаконъ и Спуденшы, нерѣдко предпочипали ѣхашъ верхомъ. Черезъ рѣчку *Борó* переправились мы въ 3½ часа по полудни, проптивъ спанціи *Хоримтѣ*, расположенной на правомъ берегу, у подошвы *Ноина*. Провѣхали сего дня 23 версты.

На ЮЗ опгь нашихъ юрпгь спойпгъ гора, въ видѣ огромнаго землянаго вала, оканчивающаяся каменнымъ упесомъ, копорѣй называецпся *Хоримтѣ* [мѣсто пиршестпвѣ]; вправо на 3 опкрываецпся лощина, по коей печешъ р. *Борó* изъ озера сегоже имени; а нѣсколько влѣво гора *Угельмб*, на вершинѣ коей спойпгъ Обо.

По прибытіи на спанцію, нѣкопорые изъ Членовъ Миссіи, пользуясь теплою вечернею погодою, пошли было для прогулки въ ближнія роцци *Ноина*. Тусулахчи прислалъ ко мнѣ попчасъ своего служпшеля, а вскорѣ и самъ пришелъ съ просьбою, удержашъ Миссіонеровъ опгь ихъ намѣренія; ибо въ помъ лѣсу, по его словамъ, много было медвѣдей, кои легко могли расперзашъ посѣпшпшелей, невмѣвшихъ ничего для своей обороны. Посланъ

казаки объявиши о семъ отправившимся, и они немедленно возвратились. Изъ словъ Тусулахчиева служителя мы узнали послѣ, что лѣсъ *Ноинскаго* хребта есть заповѣдной. Тамъ Монгольскіе пограничные Правители, Цзюнванъ и Амбанъ, прѣвзжая изъ *Урги* со свитою, забавляющіяся ловлею звѣрей. Въ одну осень занимающіяся охою на *Боро*; а въ другую на горахъ, по ту сторону *Куреня* или *Урги*. Кочующіе въ сихъ мѣстахъ Монголы обязаны смотрѣть, чтобы никто не только не ловилъ звѣрей, но не смѣлъ бы даже ногою ступить въ сіи мрачныя мѣста забавы вельможей ихъ. Осенью прошлаго года не было охоу на *Боро*, какъ и въ прочихъ мѣстахъ; ибо вся Халха съ благоговѣйнымъ нетерпѣніемъ ожидала времени, когда осчастливиши оную своимъ прибытіемъ Куншухта. Нынѣ же Ванъ намѣренъ занимать звѣриною ловлею за *Ургой*. *Бѣдо*—такъ называютъ Монголы Кипайскаго Государя—отправляясь изъ Пекина на охоу въ лѣснй дворецъ *Желѣ* [за Великою стѣною, въ юговосточной части Монголіи] посылаетъ указы всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ Монголіи: однимъ, занимающіяся звѣриною ловлею въ своихъ владѣніяхъ; а другимъ, чтобы для того явились въ *Желѣ*. Лучшая, или почему нибудь рѣдкая добыча, въ особенности же дикіе кабаны приносятся въ даръ Его Величеству. Сказываютъ, что на Ванскую охоу отправляютъ до 500 человекъ лучшихъ всадниковъ и стрѣлковъ изъ Халхаскаго

Аймака. Звѣрей сгомяюшъ въ кучу; одинъ только Ванъ, Амбанъ и Манжурскіе чиновники ихъ свисты спрѣляютъ въ сіе собранное стадо оныхъ. Ни одинъ изъ Монголовъ, подѣ спрогою казнію, не смѣетъ пускнсть шуда спрѣлы; а могутъ бишь, преслѣдуя только пѣхъ звѣрей, конъ вырвущя изъ круга: Азіатская прихоть! Здѣшнее урочище служитъ мѣстомъ главнаго пребыванія и побѣдныхъ пировъ сихъ пышныхъ звѣролововъ.

Вечеромъ Бошко былъ у О. Архимандрита и спрашивалъ, между прочимъ: Есть ли въ Россіи Мандарины? [1]—Приславъ Миссіи какого чина въ сравненіи съ чиномъ Бипхеша, и въ какой находишя службѣ, гражданской или военной? и п. п. Онъ очень сѣпсывалъ, что вчера [по Кип. календарю половина IX Луны] ночью мѣсяцъ плавалъ въ густыхъ тучахъ: предзнаменованіе неблагопріятное для суевѣрнаго Кипайца!

Сент. 11. Обозъ ошправился въ 8 часовъ утра.

Сперва ѣхали мы на 3 почши версшу, мимо горы *Угежылд*, потомъ поворотили на югъ и продолжали путь дощиною *Арангатá* верстъ 5. Въ вершину сего ущелія, по большей часни, выгоняюшъ къ Вану изъ лѣсовъ *Ноина* звѣрей для спрѣлыбы. Нынѣшній Юнь Ванъ ѣздитъ на охоту вер-

(1) *Мандаринъ* слово Поршугальское, происходитъ отъ Лашинскаго глагола *mandare повелѣвать*. Китайцы вовсе не употребляютъ сего названія. Чиновникъ, на ихъ языкѣ — *Гуанъ*, вельможа или Минисиръ—*Дажинъ* и *Чжунтанъ*.

хомъ; напропивъ шого Амбанъ, по слабости здоро-
ровья, выходишь пѣшкомъ, и припомъ на ко-
ропское время.

Скоро поднялись мы на гору *Гуранцзатд* [оселоч-
ная, сланцовая или шиферная]; дѣйствительно,
даже на поверхности оной видны слои шифера. Съ
сего хребта съѣхали, верхомъ, по крупному спу-
ску въ глубокую и узкую лощину *Гужикту* [оп-
логой подъемъ] по Сибирски *танигусь*. По горамъ,
осѣняющимъ долину, съ лѣвой стороны росшесть
дикій персикъ, а съ правой березовыя рощи. Сею
долиной ѣхали мы верстъ 6, мало по малу подни-
маясь въ гору, и попомъ взошли на высоту, со-
стоящую изъ голаго камня. Съ великимъ шрудомъ
спустились верблюды до горнаго ручья *Сусукту*,
на берегу коего спояло нѣсколько юртъ. Отъ
станціи *Хорилту* до сего ручья можно положить
верстъ 15. Оставляя прямую дорогу черезъ хребетъ
Хусуту [березовый], по причинѣ великой крупиз-
ны онаго, ѣхали мы на 3, внизъ по ручью верстъ
5. Перешедъ ручей, весьма грязный, въ помѣже
ущелии поворотили мы опять на Ю, и долго под-
нимались на большую, но къ счастью, оплогую
гору *Нарасоту* [сосновая]. На вершинѣ ея споятъ
большая сосна, по видимому, весьма уважаемая
Монголами: она вся обвѣшана лоскутками холста,
чешками и шому подобными приношеніями. Впра-
во, на скалѣ горы росшесть березникъ, а въ лѣвѣ
порчашъ пирамидальныя дикіе камни. На сей горѣ

дороги изъ сѣверныхъ Халхаскихъ кочевьевъ соединяющія въ одну, копорая ведетъ къ *Ургь*.

Съ горы, подъ крупнымъ дождемъ, ѣхали мы покапою оплогоспію вершны 4, мимо небольшихъ озеръ; а попомъ около вершны ровною дорогой до спанціи *Хунцѣлѣ*, такъ называемой по имени ручья, разсѣкающаго долину. Прибыли на мѣсто въ 3 часа по полудни, проѣхавъ всего 25 верспѣ. Спанція расположена вправо отъ дороги, на болотистой долинѣ, окруженной горами, изъ коихъ нѣкоторыя покрыты березовыми рощами; а опдѣлившаяся къ востоку, довольно оспрая, имѣетъ на вершинѣ высокой Обо. Долина протянулася съ С на Ю; по пучнымъ ея пажислямъ много ходило овецъ и буйводовъ. Сіи послѣдніе, необыкновеннымъ своимъ видомъ и черною, косматою шерспью, весьма пугали нашихъ лошадей.

И сего дня безпреспанно встрѣчались съ нами Монголы, возвращавшіеся изъ *Урги*. Одинъ столѣпній Лама, едва сидѣвшій отъ дряхлости на лошади, будучи поддерживаемъ двумя послушниками, насъ привѣтспивовалъ. Принявъ и меня съ казачьими Офицерами за учениковъ, пожелалъ намъ хорошихъ успѣховъ въ наукахъ, когда прибудемъ въ Пекинъ. У многихъ Ламъ верхъ шапки покрытъ овчиною, кося длинная шерспь, окрашенная желшою краской въ Тибетскомъ вкусѣ, придаетъ наружности ихъ какую-шо особенную значипсленоспъ. По пущи съ нами ѣхало, между прочимъ,

одно многочисленное семейство съ береговъ рѣки *Иро*, изъ числа подвласныхъ Амбаню Бэйсе [онъ провожалъ Россійское Посольство въ 1805 и 1806] Князю 4 степени, живущему на службѣ въ городѣ *Улсугу*, на 3 оупъ р. Селенги. Мужчины, Ламы и люди свѣтскіе, а равно женщины и дѣти, всѣ ѣхали верхами на лошадяхъ. На верблюды взяли они въ корзинахъ двухъ мальчиковъ лѣтъ по семи [одного возраста съ новымъ Кушухпою], для посвященія въ духовный санъ. Монголы за непремѣнный долгъ считающъ имѣть изъ своей семьи хопя одного сына въ ономъ званіи; такое дѣйствіе набожности наполнило сію справу великимъ множествомъ Ламъ. Тѣже Иройскіе Монголы гнали въ жершву Кушухпѣ - Гегену шабунъ лошадей, состоявшій изъ одного жеребца, 10 кобылъ, 6 жеребенковъ и 3 мереновъ; нѣкоторые изъ нихъ весьма спашвы и легки. На вопросъ мой о цѣнѣ одной изъ лошадей, Монголъ объявилъ бо кирпичей чаю, кош на здѣшній вѣсъ спояптъ 12 ланъ или, на наши деньги, 24 рубля серебромъ, около 100 руб. мѣдью: цѣна, судя по достоинству лошади, невысокая.

Въ 6 часовъ вечера прошелъ мимо нашего спана Кипайскій обозъ съ поварами изъ *Ургинскаго* Маймачена въ Кляпу [по Кипайски *Чагта*] на 100 педѣгахъ, изъ коихъ въ каждую запряжено по одному быку. Не подалеку же отъ насъ остановились на почлегѣ Кипайскія одноколки съ шпро-

евымъ лѣсомъ съ береговъ *Орхона*, состоявшимъ большею частью изъ сосновыхъ брусевъ, длиною аршина въ 4 и болѣе и различной толщины; вели оный въ Халганъ. Безлѣсный съверъ Кипая крайне нуждается въ семъ матеріалѣ, который и продается тамъ на вѣсъ. Всякой можешь судить о цѣнѣ дерева, привезеннаго за 1000 верстъ по сухому и самому прудному пути. Съверная часть Монголіи, собственно Халхаскаго Княжества, въ комъ беруть начало свое рѣки, сопавляющія потомъ достояніе Россіи, есть богатый магазинъ скопа и другихъ естественныхъ произведеній, необходимыхъ для Кипайскаго хозяйства. Обращеніе сего запаса къ съверу можетъ быть сколько выгодно для одной стороны, столько же выгодно для другой.

Сенп. 12. Ночью морозъ 4 град. по Реом. а по утру сильный иней. Монгольскіе караульные у нашего обоза вѣдять только до полуночи; потомъ сходятъ съ лошадей и спокойно засыпаютъ.

Сія станція содержишся опъ Хошунъ или дивизіи служащихъ Монголовъ, а не Шабиновъ. Даргуй и Халгачи, весьма для насъ услужливые, оправились еще вчера на слѣдующую станцію ихъ вѣдомства. Здѣсь во всемъ была неисправность: дрова дали намъ сырые, лошадей нашихъ Монголы ловили медленно, и сіе предоспавлено было имъ только по недоспашку въ нашемъ шабунѣ хорошихъ окрочныхъ лошадей: такъ называются пѣ

лошади, на кои садился человекъ съ арканомъ, для поимки другихъ.

Въ осьмомъ часу утра мы двинулись съ мѣста ночлега. Около 9 часовъ сошелъ иней и сдѣлалось весьма тепло.

Проѣхавъ верспъ 5, мы поднялись на невысокую отрасль хребта *Хуцѣлѣ*; потомъ шли верспы двѣ лощиной, опъ коей влѣвъ на В видѣли два озера. За вторую, довольно крупную отраслю погоже хребта, имѣли на правой споронѣ нѣсколько маленькихъ озеръ, подлѣ коихъ спояшъ бѣдныя юрпы. Далѣе опъ дороги на З, видѣвъ хребетъ высокихъ горъ, покрытыхъ березовымъ и сосновымъ лѣсомъ, копорый также заповѣдной. Хребетъ сей называется *Гурбѣнѣ уртѣ нирѣ* [при длинныя хребта], и получилъ сіе имя опъ трехъ главнѣйшихъ въ немъ ущелій, на кои выгоняютъ дикихъ звѣрей, когда выѣзжаетъ на охоту Ургинскій Ванъ. Всѣ близлежащія лѣсистыя горы исключительно оберегаются для шаковыхъ забавъ сего полномочнаго Генералъ Губернапора въ Халхаскомъ Княжествѣ. Изъ помянушаго хребта вытекаетъ рѣчка *Бургутѣй*, копорая имѣетъ направление съ З на В, и соединяетъ съ рѣчкою *Кѣселѣ*, впадаетъ съ лѣвой спороны въ рѣку *Хару*. *Бургутѣй* проходитъ у подошвы хребта, на правомъ берегу споящаго и извѣснаго подъ симъже именемъ. На лугу спояло много юрпъ, ходили большія стада овецъ и рогатаго скота. Мы видѣли

адѣсь у жишелей и козъ; но сей скопъ естѣ болѣе удѣль недоспапочныхъ.

Верспъ 5 шли мы неровною дорогой по уваламъ; попомъ перебравшись черезъ шпрешю и послѣднюю опраслъ *Хунчала*, спустились на каменную равнину Бургулшайскую, по которой лежишь дорога верспъ на 7 до самой станціи, учрежденной при рѣкѣ *Бургултай*, на обширной и весьма ровной долинѣ, окруженной Нарѣнскими высопами.

За верспу до станціи выѣхали къ намъ на встрѣчу Даргуй и Халгачи; они указали мѣсто, для удобнѣйшей переправы вбродъ черезъ *Бургултай*. На станцію прибыла Миссія въ половинѣ перваго часа по полудни, проѣхавъ сего дня 20 Рускихъ верспъ; что составляешъ 40 Монгольскихъ *Газарѣ* [поприць], почти сполькоже Кишайскихъ *Ли*, изъ коихъ каждая, по увѣренію людей свѣдущихъ, заключаешъ въ себѣ 285 Рускихъ сажень: слѣдовательно 35 сажень болѣе нашей полуверспы. Признаюсь, я не измѣрялъ сего проспрансва; ибо видѣль ясно, что пракпическіе опыты Геометріи въ *Жишаѣ*, для иноспранца, супъ дѣло весьма трудное, непозволимельное.

Между прочими поклонниками Кушухшы-Гегена, встрѣщилсъ съ нами, на половинѣ дороги, знакомый Лама съ рѣки Ибицьха, о коемъ упомянуто выше, и копорый успѣль уже съѣздитъ въ *Ургу* на поклоненіе обогшворенному дѣшищу. Лишь

только онъ приближился къ намъ; по соскочилъ съ своей лошади, вынулъ изъ запазухи *Хадакъ* и накрывъ онымъ бумажный ящикъ съ Кипайскими масляными хлѣбцами, все сіе поднесъ мнѣ, жслая успѣха въ пупи и на всю жизнь благословеній Ге-гѣна. Въ опившъ за шаковую вѣжливоспъ, я съ своей спуроны подарилъ сему учпивому жрецу хороншій ножикъ. Лама съ благодарноспію принялъ доказательсво нашего къ нему вниманія и съ восхищеніемъ одобрялъ намѣреніе наше посѣпить, въ проѣздъ чрезъ *Уреу*, капища Кушухпы-Гегена.

Любопытныя чпшатели спросятъ можетъ бытъ: чпо значить *Хадакъ*, поднесенный мнѣ Ламою? Помѣщаю здѣсь краткое описаніе сего обычая послѣдователей ученія Шигемуніева, какъ полкуепъ оный Монгольское духовенсво. Хадакомъ называепся шелковый плашокъ желпаго, чаще перловаго цвѣпа, съ шаковыми узорами, имѣющій въ длину 1 аршинъ, въ ширину 5 вершковъ, иногда болѣе а иногда менѣе. Монголы, по примѣру Тибетцевъ, вѣшаютъ оный передъ кумирами, для украшенія и въ видѣ жерпвы, подкрѣпляющей ихъ молишвы ко Всевышнему. Младшіе подносятъ его старшимъ, какъ дань уваженія, преданности, и наконецъ равныя дарятъ другъ друга хадаками, для взаимнаго убѣжденія въ пріязни и усердіи. Родспвенники и друзья спавяшъ въ полѣ, надъ шѣломъ умершихъ ближнихъ своихъ, большую стрѣлу, привязывая къ ней описанный плашокъ. Помню, чпо въ Мало-

росси, на сельскихъ кладбищахъ видалъ я развѣвѣвающіяся планки на небольшихъ копьяхъ, прибитыхъ къ надгробному кресту и водружаемыхъ, кажется, только надъ могилами Казаковъ, умершихъ въ безбрачномъ состояніи. — Всякій Хадакъ предварительно долженъ быть освященъ Ламою, съ чтеніемъ уснановленныхъ молитвъ, и тогда уже получаетъ онъ высокія свойства свои и силу.

Бошко нашъ — не могу умолчать о семъ незабвенномъ соупникѣ — сего дня предспавлялъ мнѣ новыя изыясненія о необходимости имѣть ему хорошія бритвы, Европейское огниво, споловый ножикъ и вилку, и въ особенноти зажигательное стекло въ серебряной оправѣ, какое видѣлъ онъ у *Цахара* [Захарія Леонпьевскаго], Студента нашей Мисси. Сіе послѣднее находилъ онъ чрезвычайно выгоднымъ, для раскуриванія трубки, вдуци верхомъ. На сей разъ Бошко получилъ скромные подарки: нѣсколько шрушу и кремней.

Сенш. 13. Роздыжъ.

Ночью иней. Во всю ночь ярко свѣпилъ мѣсяць. Пошпру Бишхени присылалъ къ Начальнику Мисси и ко мнѣ спараго Нербу, для освѣдомленія о здоровьѣ. Пошомъ съ подобнымъ же порученіемъ приходилъ опъ Тусулахчія Хя Цебекъ Дорчжи, коему, въ награду за примѣрную услужливостъ, подарилъ я пару пистолеповъ изъ желшой мѣди и фунтъ пороху. Молодой наѣздникъ восхищался пистолепами опъ чистаго сердца.

Часть I.

6

Въ 1 часу по полудни угощаль я дорожникомъ объѣдомъ Бипхэши, Бошкѣ и Тусулахчія; при чемъ находился также О. Пешрѣ. Провожатые съ удовольствіемъ приняли шаховый знакъ нашего дружескаго расположенія. Кипайцы веселились; но Тусулахчи былъ задумчивъ, и не имѣлъ уже чиновнаго шарика на своей шапкѣ: причина сему открылась въ послѣдствіи.

Во весь день дулъ сильный вѣтеръ съ ЮЗ. Юрпы для насъ поспавлены были весьма вѣтря и безъ дверей; жишели здѣшніе одѣпы худо, много попадалось и непрезвѣжъ: примѣтно, что городъ близко.

Часу въ 8 вечера поднялся жестокой сѣверо-западный вѣтеръ, предвѣспникъ ненастья. Изъ числа Монгольскихъ караульныхъ, нѣкопорые напѣвали свои народныя пѣсни. Я позвалъ къ себѣ двухъ, подчиваль ихъ водкою, и Монголы, въ угодноств намъ, продолжали свое пѣніе: одинъ высокимъ теноромъ, другой басомъ. Мелодія всѣхъ пѣсней одинакова: болѣе унылая, но довольно спройная [1]. Конь, лучший поварицъ шепнаго жишеля, играетъ большую ролю и въ пѣсняхъ Монгола.

„Здѣсь вскормилъ онъ, на открытой степи, коня соловаго, быспраго какъ спирѣла, красу многочисленныхъ спадѣ, диво цѣлаго Хошунѣ. Зовешъ ли

(1) Говорящъ, что пѣсни прежнихъ Зюнгаровъ также заунывы. Если бывало въ пикую ночь, сѣвши въ кружокъ, они начинали пѣть, что прогали и извлекали слезы у слушателей.

Богдо на охоту, Идамъ спремился въ лѣса Харачинскіе [близъ Жехэ]; разишь козъ и оленей, люшыхъ вепрей и барсовъ ужасныхъ; всѣ люблююся опвагою всадника и быспрошою коня. — А памъ младый Цырѣнь снаряжаешся на службу Ханскую къ Россійской границѣ, въ караулъ Менцзинскій; молился Бурханамъ домашнимъ, прощаешся съ опцомъ и маперью; жена съ гореспью пляжкою сѣлаешъ воронаго коня; задумчивый всадникъ спѣшишь на сѣверъ; спешъ безмолвная вокругъ его, лишь вѣспръ пущынный шумишь въ пернапыхъ спрѣлахъ, и лукъ упругій спучишь по Солонскому сѣдлу; Цырѣнь ѣдешъ шемнымъ лѣсомъ незнакомымъ, видишь синія горы чужія. Ласка сосѣдей казаковъ, храбрыхъ и добрыхъ, иногда поконишь его; но мысли всегда несущся на холмы роднаго Хошуна. — Тѣни воинспвенныхъ предковъ видящся въ сонныхъ мечпахъ юному попомку, слабому духомъ, спѣсенному чуждою силой. Гдѣ нашъ Чингисъ Ханъ, грозный и мудрый? Пѣсни о подвигахъ славныхъ уныло раздающся въ скалахъ Ононскихъ и на зеленыхъ берегахъ Херулюна. — Кшо памъ ѣдешъ по гладкому берегу Шары, пихо напѣвая любимыя слова? Чей бурый иноходецъ [Чжорó-морі] пакъ быспро мчищся? Кого ищешъ глазами сей Башуръ веселый, проѣзжая мимо бѣлыхъ юрпъ? Сердце знаешъ, кшо памъ живешъ; скоро онъ переспанешъ посѣщаеш сія горы; его пылкій иноходецъ достащешся женѣ. — Конь гнѣ-

*

дой, конь вихрю подобный, гошовъ къ ристанію на многолюдномъ Обо; ржешъ и легкимъ копытомъ спучишь по оспрымъ камнямъ, сердитый гложешъ бразды. Уже по данному знаку всѣ пустились къ назначенной цѣли; пучи песчанья прикрываютъ бѣгущихъ, и конь гвѣдой, всегдашній побѣдитель, первый доспигаетъ мешы, оспая далеко за собою рспивыхъ соперниковъ,, и проч. Вопъ содержаніе слышанныхъ мною пѣсень Монгольскихъ!

Септ. 14. На разсвѣтѣ часпый дождь. Вершины горъ пемнѣли въ густомъ шуманѣ. Въ 7 часовъ ушра, по случаю праздника Всемирнаго Воздвиженія Чеспнаго Св. Креста, чипаны были часы въ раскинушой палапкѣ; а вчера духовные Члены Мнестіи служили всеощную [1].

Со станиціи мы опсправились въ то часу. Сперва ѣхали гладкою долиной около верспы до большаго холма. Перебравшись черезъ оный, продолжали путь лоциною верспы $2\frac{1}{2}$ до высокой, но оплогой горы *Наринской*.

Поднимаясь на сію гору, встрѣчали мы много Ламъ и проспыхъ Монголовъ, возвращавшихся изъ *Урги*. Въ числѣ ихъ находился и спарой Тусулахчій Гендунъ, управляющій цѣлымъ Хошуномъ Монголовъ, кочующихъ на Селенгѣ, близъ нашей границы. Онъ былъ весною сего года въ Иркутскѣ,

(1) Сіе богослуженіе совершаемо было нашими Духовными во всѣ Воскресные и Праздничные дни, въ передній путь до Шелына и обратный въ Россію.

въ числѣ курьеровъ опть Вана. Въ его вѣдвнїи находилса нѣсколько карауловъ по границѣ съ Россїєю. Примѣрно, Гендунъ весьма богатъ: на нѣсколькихъ верблюдахъ везли его походную юршу, весьма чиспую; пакже вели много верховыхъ лошадей. Жена его сидѣла въ Кипайской коляскѣ, въ которую запряжена была лошадь въ шорахъ; подлѣ шла ея верховая лошадь. Сѣдла женскїя у Монголовъ почно пакїяже, на какихъ ѣздятъ и мужчины, только вмѣсто кожанаго чепрака [*кыгымѣ* по Монг.] покрываюцца коврами хорошей работы.

Оптъѣхавъ еще $2\frac{1}{2}$ верспы, мы перещли черезъ рѣчку *Наринѣ*; попомѣ верспы 2 взбирались на гору, съ коей уже показую дорогою ѣхали верспы 4 до рѣчки *Куя*, соединяющейса на В съ *Бургултаемѣ*. По *Нарину* и *Кую* луга обширныя, пучныя. На берегу послѣдней рѣчки ходило стадо буйволовъ, конхъ вообще здѣшнїе хозяева держашъ много. Оптъ *Куя* верспѣ 6 ѣхали мы у подошвы высокихъ горъ, вверхъ по теченїю ручья *Арашана*, который извиаепса съ Ю на С, и впадаетъ въ *Куя* съ правой спороны. Усилившїйся дождь съ сѣвернымъ вѣтромъ провожалъ насъ долго. Поцпомѣ посыпалса мокрый снѣгъ и совсѣмъ испорчилъ дорогу: сдѣлалось весьма грязно, верблюды сѣдзїли и падали подъ вьюками. Съ великимъ спрудомъ проѣхавъ около 18 верспѣ, наконецъ доспигли мы въ 2 часа по полудни до станцїи, расположенной на самомъ *Арашанѣ*. Подъ сїмъ названїемъ обык-

новенно Монголы разумѣютъ воду минеральную, цѣлительную; но въ высшемъ смыслѣ слово *Арашанъ* означаетъ священные, чудесные ключи жизненной воды, съ сладостнымъ журчаніемъ спрующіеся въ Шигемуніевомъ раѣ. Почему именно дано сіе имя ручью, на коемъ мы оспановились, въ почности не извѣстно. Кажется, близость пребыванія Ургинскаго Купухшы-Гегена разпространяетъ свястость его, въ понятии суевѣрныхъ, и на окрестныя воды.

Черезъ часъ по прїѣздѣ, Бошко отправился впередъ въ *Уреу*, для донесенія Вану и Амбаню о приближеніи Миссіи. Передъ отпѣздомъ явился онъ ко мнѣ, для освѣдомленія о числѣ лошадей и соспоявіи нашего обоза. Членовъ Миссіи было 10, да конвоя 33 человека; что же касается до обоза, то въ ономъ находилось 84 верблюда, 149 лошадей и 25 быковъ.

По отправленіи Бошка, Тусулахчи Идамъ чрезъ Переводчика Фролова увѣдомилъ меня, что онъ получилъ отъ Вана указъ о послѣдовавшей Августа 23 дня кончинѣ Кишайскаго Богдохана Цзяцина, на 61 году отъ роду. Вѣсть сія была принята мною съ немалымъ смущеніемъ; ибо смерть Государя легко могла воспрепятствовать продолженію нашего пути. Я тотчасъ объявилъ о семъ важномъ общоимпериальствѣ Начальнику Миссіи. О. Архимандритъ, между прочимъ, привелъ на память,

что одинъ Кипайскій сановникъ [1], сопровождавшій посольство изъ бывшей Зюнгарии, получивъ на дорогѣ извѣстiе о кончинѣ своего Государя Канси [знаменипата современника Петра Великому, Людовику XIV, Карлу XII и проч.] сполько былъ пронупъ онимъ, что, для сокрыпшя печали своей онъ спунниковъ, удаллся въ горы и шамъ оплакивалъ споль важную поперю, пока не получилъ разрѣшеня онъ новаго Императора [Юнчжена], продолжашъ пушъ въ Пекинъ. Мы замѣпили, что на чиновникахъ Кипайскихъ и Монгольскихъ шапки были уже безъ шариковъ и киспей; даже служители сняли свои киспи. Чиновники должны сверхъ того надѣшъ бѣлую одежду, а равно, какъ и проспой народъ, не бришъ волосовъ на головѣ: въ семь соспонишъ ихъ шрауръ, продолжающійся спю дней.

Сенц. 15. Во всю ночь дулъ сильный вѣсперъ; на

(1) Вошъ собспвенныя слова сановника сего, по фам. Вочжү: Во исполнение Богдоханова указа, я принявъ оное посольство (въ концѣ 1722), малыи дорогами опсправился въ пушъ. Проходя пезади Халкаскихъ кочевьевъ, вдругъ услышалъ я, что Его Величество Шеньцзугожинъ Хуанди (Канси) переселился уже въ небесныя жилища. Ся вѣспъ поразила меня, какъ громовой ударъ. Я пришедъ въ великій спрахъ, не звалъ что начашъ; не могъ ни пици принимашъ, ни спашъ. Въ день должностъ моя шребовала скрывать онъ вѣрпнаго мѣ посольства шакую важную перемѣну; а пошому и въ одеждѣ не дѣлаа ни малаго измѣненя, бродилъ я и шовился, какъ ума липенный. При ночлегахъ же, уходя въ уединенныя мѣста, въ горы и долины, я надѣвалъ знакы сѣшования и совершалъ мои поклоненя съ воздѣшавъ къ себу руку, изъ глазъ дла не слезы, крозь

разсвѣтъ морозъ до 6 град. по Реом. Скопъ опгъ ненаспья дрожалъ, и я никакъ не рѣшался пишья сего дня впередъ; но Бипхеши просилъ, чпобы мы не останавливались, пакъ какъ нынѣ Ванъ ожидаетъ Миссію въ *Ургу*.

Сего числа, какъ день коронованія Государя Императора и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, по упру чипаны часы опгъ правлено молебспвіе. Во время церковнаго нашего пѣнія, на сихъ великихъ высотахъ Азіи, Монголы шолцами собирались вокругъ падашки слушаць оное,

Бипхеши и Тусулахчи приходили ко мѣ съ погъ священіемъ. Предметомъ разговора было полученое извѣспіе о смерти Богдохана. Я изъявилъ чувспва своего сожалѣнія о поперѣ ихъ Государя. Тусулахчи зналъ о семъ обспіюпшельспвѣ дня за два; но ему предписано было опгъ Вана не прежде объявиль объ ономъ Кипайскимъ проводникамъ и Россійско-Императорскоу Миссіи, въ Пекинъ слѣдующей, какъ на послѣдней спанціи подъ *Ургою*. Наслѣдникъ вспупилъ на пресполь Кипайскій; но не извѣспно, копорый именно изъ многихъ сыновей покойнаго Цзяцина.

Трудно было собратъся намъ въ пупъ. Монголы не оказывали ни малѣйшей помощи; даже самому Тусулахчию, на приказанія его, возражали грубоспями попому толькo, чпо они Шабинскаго, духовнаго, вѣдомспва: эпо родъ бывшихъ у насъ Моноспырскихъ креспьянъ. Жители здѣшніе бѣдны.

Весьма много нищихъ приходили просить милоспшыни; получаемый хлѣбъ и мясо ѣли они съ алчностію. И сіи бѣдняки влекушя изъ дальнихъ мѣстъ на поклоненіе Кутухпъ-Гегену,

Наконецъ, оставя на сей станціи убившагося наканунѣ верблюда, мы ошправились далѣе. Снѣгъ опъ солнечныхъ лучей началъ шаять: сдѣлалось грязно и скользко. Опъ самаго почши мѣста ночлега поднимались вершъ 5 на хребетъ *Гунту*—высочайшій изъ всѣхъ, чрезъ кои мы доселѣ переходили. На лѣво опъ дороги много юрпъ; а на право глубокая долина. Бишхеши, шолько на сей разъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ своей Кишайской повозкѣ; а Тусулахчи усердно помогалъ намъ къ совершенію сего шруднѣйшаго переѣзда до *Урги*. Верблюды, взбираясь на хребетъ, скользили и падали безпрестанно. Повозки достигли вершины оваго шакже съ большимъ шрудомъ.

На самой вершинѣ *Гунтуя* стоипъ огромный Обо, воздвигнутый усердными поклонниками Кутухпъ; шущъ водружены каменные и деревянные столбики съ Тибетскими надписями, непоняшными шполькоже для насъ, какъ и для Монгольскихъ Ламъ. Вѣроятно, што и здѣсь начершана шайшпенная молишва *Омъ ма ни батъ ме хожд*. На сихъ горахъ росшеть много дисшвенницы, сосны и березы; а шеперь лежалъ шамъ снѣгъ на нѣсколко вершковъ опъ земли; къ 3 возвышающя ушесы *Гунтуя* почши до облаковъ.

Лишь только взобрались мы на вершину горы, какъ встрѣпилъ насъ молодой Цзасакъ лѣтъ 20, съ береговъ рѣки Селенги, нынѣ возвращающійся изъ Урги, куда ѣздилъ онъ на поклоненіе. Окружали его Монголы подвласпнаго ему Хошуна, вооруженные луками и стрѣлами; сверхъ того ѣхала съ нимъ жена, мать, меньшей брантъ и сестры, съ многочисленною свитой, верхами на спальныхъ лошадяхъ. Во всемъ примѣтно было значительное богатство; особливо женщины отличались свѣжими, румяными лицами и дорогимъ своимъ нарядомъ: платье изъ лучшаго синяго атласа; шапки собольи; поясы изъ шелку, плетенные вмѣстѣ съ серебромъ и весьма крупными кораллами, коими украшены были даже сѣдла ихъ. Прелестныя всадницы безъ робости подѣхали къ намъ и удостоили насъ своего вниманія. Цзасакъ есть наследственный начальникъ особаго Хошуна или дивизіи Монгольской, состоящей обыкновенно изъ 2,000 семей; впрочемъ Хошуны сіи числомъ людей неравны. По молодости Цзасака, Хошуномъ его управляетъ старшій Тусулахчи [полковный командиръ] Гендунъ, съ коимъ мы встрѣпились вчера. Цзасакъ остановился подлѣ меня и спрашивалъ: откуда мы ѣдемъ, долго ли пробудемъ въ Пекинѣ, какая именно цѣль нашего путешествія и проч. Наконецъ, желавъ намъ счастливаго пути, онъ отправился далѣе.

Въ 2 часа по полудни мы едва были въ состояніи продолжать свой путь. Спускъ съ

хребта довольно крупной, и вся дорога устлана булыжнымъ камнемъ, снесеннымъ съ горъ дождевыми пошоками. Опъ *Гунту* до *Урги* ѳхали мы верстъ 18 по наклоненной къ Ю лоцинѣ, между высокими горами. Лоцина сіи орошается быспрою рѣчкой *Сѣльби*, чрезъ копорую, по причинѣ крутыхъ ея излучинъ, надобно переѣзжашъ вбродъ нѣсколько разъ. Она беретъ начало въ сѣверо-восточныхъ горахъ, а впадаетъ въ р. *Толу* въ самой *Ургѣ*. По дорогѣ мы видѣли много юрпъ и буйволовъ, коихъ шеляпа паслись на самой вершинѣ каменныхъ утесовъ; не понятно, какъ могли они взойти на шакія крупизны и памъ держашъся. Во многихъ мѣстахъ роспуть ели и диспенницы въ прямой черпъ, какъбы искусвомъ насажденные.

Верстъ за 7 до *Урги*, на правой сторонѣ дороги небольшое капище; а съ лѣвой, или восточной, въ пѣсномъ ущельѣ стоишъ другой храмъ, выспроенный изъ дерева и покрышый бѣлою краской. Проѣхавъ еще версты 2, увидѣли мы влѣвъ опъ дороги огромное капище, сооруженное по правиламъ Тибетскаго зодчеспва. Горы, въ видѣ амфишеспра, окружаюшъ оное. На самомъ верху южной скалы выложено бѣлымъ камнемъ нѣсколько огромныхъ буквъ Тангупскихъ или Тибетскихъ, означающихъ, по опзывамъ провожавшихъ насъ Монголовъ, извѣспную молишву ихъ *Омъ ма ни батъ ме хомъ*.

По закатѣ уже солнца, прибыла Миссія въ Ургю на Руское подворье, лежащее къ востоку отъ спана Купухмы - Гегена, и въ 2 верстахъ отъ праваго берега р. Тобы. Ургу, при вечернемъ шуманѣ и потому, что большая часть оной состоятъ изъ юрты, примѣнили мы не далѣе, какъ версты за три. Всего проѣхали сего дня 25 версты.

Споявшіе у воротъ Монгольскіе караульные съ луками и стрѣлами, къ счастью, не пускали черни, собравшейся смотрѣть Рускихъ путешественниковъ. Подворье наше, какъ и всѣ жилища Ургинскія, обнесено высокимъ часпokoломъ. На первомъ дворѣ стояла караульная палатка; а на второмъ поставлены для насъ были чепыре огромныя юрты, за конми находился сарай, или Китайской домикъ о двухъ покояхъ; направо еще дворикъ, гдѣ стояла юрта Тусулахчія, а на лѣво двѣ такіяже для Бипхеши и Бошка. Первые ворота довольно широки; но какъ во вторыя, по шѣсношѣ ихъ, повозки наши не могли пройти; съ позволенія распорядившихъ путь двухъ Закирохчиевъ [офицеровъ], кои одѣшны были въ бѣлые — праурные кафшаны, разобрали часпokoлъ. Такимъ образомъ всѣ десять повозокъ и шесть одноколокъ могли въѣхать на второй, впрочемъ довольно шѣсный дворъ; гдѣ и размѣстились шакъ, что ящики съ верблюдовъ были сложены въ кучу посреди двора и прикрыты войлоками, а сухари и другія вещи, для сбереженія отъ подмоч-

жи, внесены были въ домикъ, въ коемъ помѣщалась Россійская Миссія въ 1807 и 1808, и копорый нынѣ весьма запущенъ.

Бошко Ургеншай встрѣпилъ Миссію на подворьѣ. Вечеромъ явился въ юрпу мою Тусулахчи Идамъ съ Закирохчѣмъ Дарма Цзѣпомъ, смопришелемъ нашего двора. Я долгомъ почелъ прилично угостить сихъ добродушныхъ Монголовъ.

Г Л А В А III.

ПРЕВЫВАНІЕ ВЪ УРГЬ.

Сентября 16. Ночью морозъ 7 град. по Реом. лерм. Утро было ясное, попомъ въ 8 часовъ пошелъ мокрый снѣгъ.

Бишхэши, Бошкó и Тусулахчй въ 7 часу ѣздили къ Ургинскимъ Правителямъ, Цювѣану и Амбаню, съ донесеніемъ о прибытіи Миссии. Возвращаясь опшуда, Тусулахчи Идамъ посѣпилъ меня и объявилъ, что хопя онъ и просилъ позволенія опправиться въ свои кочевья; но Вану угодно, чтобы Идамъ, какъ довольно знающій обращеніе съ Рускими, проводилъ Миссію даже до Сунйпскаго рода Монголовъ п. е. по всѣмъ кочевьямъ Княжества Халхаскаго. Извѣстіе сіе приняли мы съ удовольствіемъ.

Въ 10 часовъ посѣпилъ Начальника Миссии и меня посланный опъ Вана и Амбаня Заргучей Ургинскаго Маймачена Хоай, бывшій въ Пекинъ, со стороны Кишайскаго Правительсва, учипелемъ Манжурскаго и Кишайскаго языковъ у Гг. Каменскаго, Липовцова и Новоселова до 1808 года. Съ нимъ пришли два Бишхэши [Манжуры] изъ Ургинскаго Ямуна [приказъ] и Теригунъ Харцагай Мергенъ, бывшій весною сего года въ Иркутскъ курьеромъ. Первые шрое одѣпы были, сверхъ шелковыхъ каштановъ сняго цвѣша, покромъ весьма похожихъ

на Рускіе, въ бѣлые [праурные] кафтаны; а сверху имѣли Магу́зцы, корошкій полушубокъ съ широкими рукавами изъ бѣлой мерлушки, шерстью вверхъ. Имъ сопутствовали провожающіе Миссію Билхеші, Бошко и Тусулахчи, также много служилей. Разговаривали чрезъ нашего Переводчика, на Монгольскомъ языкѣ. Посѣщители спросили о здоровьѣ моемъ, благополученъ ли былъ переездъ Миссіи отъ Кяхты до *Урги* а равно, сколько времени располагаемся пробывъ здѣсь?—На послѣднее отвѣчалъ я, что, опасаясь при позднемъ времени медлить, не желалъ бы съ Миссіею останавливаться въ *Ургѣ* долѣе 4 или 5 дней. Они съ примѣшнымъ убѣжденіемъ совѣщивали намъ дать себѣ совершенный отдыхъ. Съ моей стороны общительство сіе предоставлено было на произволь Ваня и Амбана; а припомъ я изъявилъ искреннюю благодарность за ихъ попечительныя распоряженія о Миссіи въ пути и за честь, кою они насъ удостилили освѣдомившись о нашемъ здоровьѣ. Манжурскіе чиновники не преминули объявить мнѣ, что ихъ *Хуанди переселился на небо*. Я отвѣчалъ изъявленіемъ участія въ потерѣ столь кропкаго Государя и надеждою, что добродѣтели преемника упѣшаютъ народъ. Равнымъ образомъ они дали мнѣ знать, что Вану и Амбаню угодно принять Миссію на слѣдующій день. Я сказалъ при семъ, что не только всѣ Члены Миссіи желаютъ лично свидѣтельствовать Ургинскимъ Пра-

випелямъ свое почтеніе; но что я обязанъ, по должности Пристава, исполнить сіе по препорученію Иркутскаго Губернатора, опъ коего и привезъ къ нимъ подарки. Теригунъ Харцагай пошчасъ сдѣлалъ вопросъ: „Опъ кого присланы подарки, опъ Генераль Губернатора или опъ правящаго должностъ [1]. Гражданскаго Губернатора?“ Опъ послѣдняго, сказалъ я. Между разговорами Заргучей Хоай-лое поднесъ мнѣ свою шабакерку: — учтивоспъ, общая Кишайцамъ, Манжурамъ и Монголамъ. Постѣпители были угощены чаемъ и закусками.

Заргучею Хоаю лѣпъ за бо. Онъ весьма еще бодръ, вѣжливъ [2], и пользуется особеннымъ доврїемъ Вана. Изъ двухъ Бишхѣшіевъ, старшїй Сунъ шихъ и скромень; а младшїй Танбай весьма говорливъ, за нѣсколькo лѣпъ былъ на Кяхтѣ въ должностѣ Маймаченскаго Бошка, изрядно говоритъ по Монгольски. Онъ объяснялъ Хоаю на Кишайскомъ языкѣ существеннѣйшіе предметы нашего разговора.

По опъѣздѣ госпей, приходили съ почтеніемъ

-
- (1) Иркутскїй Вице-Губернаторъ Сп. Сов. Ив. Сем. Зеркальевъ.
 (2) Сіе качество не есть обыкновенная черта Манжурскаго нрава.—Хоай показалъ особенное усердіе къ Рускимъ и при разбирательствѣ дѣла, на Кяхтѣ въ 1819, о нашихъ перебѣжчикахъ за границу изъ горнаго Нерчинскаго завода. Онъ опредѣлялъ наслощую цѣну вещамъ, захваченнымъ перебѣжчиками, тогда какъ Соловы все похищенное у нихъ оцѣнили впаіоро дороже. Хоай-лое умеръ въ началѣ 1821.

къ О. Архимандриту и ко мнѣ 13-лѣтній сынъ провожающаго Миссію Тусулахчія Идама, Цырѣнъ Дорчжі, обучающійся въ Ургѣ. Слѣдуя Азіатскому обычаю, я подарилъ ему, для новаго знакомства, левантиновый плашокъ и пару бригивъ.

Тусулахчи Идамъ приводилъ къ намъ въ 12 часу рекомендовавъ назначенныхъ опъ Вана приспавами Миссіи, на время пребыванія оной въ Ургѣ, Тусулахчія Дѣмипа и Закирохчія Дармацзапа, о комъ сказано выше. Первый, имѣя лѣтъ подѣ 55, слабъ здоровьемъ; но весьма ловокъ и чрезмѣрно учпивъ въ разговорахъ. Онъ, между прочими Монгольскими чиновниками, находился на Кяхтѣ въ 1809 и 1810, во время переговоровъ Вана съ Иркутскимъ Губернашоромъ Трескинымъ.

Вскорѣ за ними явился ко мнѣ Теригунъ Харцагай и объявилъ, что Ванъ поручилъ ему дѣлать съ нами время, дабы мы не скучали, находясь между иностранцами. Харцагаю лѣтъ 60; онъ ближайшій родшвенникъ Вану, смѣлъ и довольно ловокъ. Всѣми средспвами убѣждалъ онъ меня бытъ предъ нимъ *откровеннымъ* . . . Между прочимъ, Харцагай сказалъ, что Ванъ, получивъ изъ Пекина съ нарочнымъ извѣстіе о кончинѣ Богдохана Цзяцина, когда уже Миссія находилась въ дорогѣ, кошѣлъ было остановишь оную или даже заспавишь возвратишь въ Кяхту. Но принявъ во вниманіе предприняшыя шруды и самыя издержки нашего Правительства, рѣшился, подѣ своею опѣшшвен-

носпію, пропустивъ Миссію до самаго Кипая. Мы узнали однакоже опъ Тусулахчія Идама, чпо по сему предмету Ванъ послалъ Бухя [курьера] въ Пекинъ, и Миссія должна въ *Ургь* ожидать разрѣшенія.—Вошъ причина, по коей насъ убѣждали *отдохнуть здѣсь подольше*.

Въ 2 часа по полудни опяшъ приходилъ ко мнѣ Теригунъ Харцагай съ Тусулахчіями Идамомъ и Демишомъ. Въ присущствіи О. Архимандрита, госпи любопытствовали, въ чемъ именно состояшъ подарки, привезенные опъ правящаго должностъ Иркутскаго Губернатора. Я сказалъ, чпо сіе мнѣ не извѣстно. Между шѣмъ объявилъ я Теригуну о желаніи своемъ и Начальника Миссіи, поднесши подарки Вану и Амбаню, въ знакъ особеннаго къ нимъ почтенія и въ память о нашей признательностпи за ихъ благосклонностъ. Монголы одобрили шакое намѣреніе. Пошомъ разспрашивали они о моемъ имени: „*Танай нѣре кенъ би?*“,—первый вопросъ въжливости у всѣхъ незнакомыхъ Монголовъ; о чинѣ, о лѣпахъ и проч. Они любопытствовали знашъ, какихъ Россія имѣешъ сосѣдей? окончилась ли спрашная война съ Французами? Далеко ли опъ насъ Англія?—На чпо сдѣланы опѣшты, сообразные съ обспояпельствами и моимъ положеніемъ. Монгольскіе чиновники сказали пошомъ, чпо Англичане давно не привозяшъ *дани* Богдохану; чпо Посольства ихъ, года за 4 предъ симъ, покойный Цзяцинъ не допустилъ къ себѣ, приказавъ, по воз-

никшему неудовольствію, въ самый часъ аудіенціи отправишь оное обратно изъ увеселительнаго дворца своего, лежащаго близъ Пекина. Вошъ какія мысли почерпнушы изъ Кипайской полишки Монголами — сими воинспвенными паспухами!

Часу въ 4 слышанъ былъ въ Гегеновыхъ капищахъ неспройный звукъ роговъ и бубновъ. Эшо было, по словамъ сидвшихъ у насъ Монголовъ, церемоніальное шествіе Ламъ вокругъ капищъ съ хоругвями, совершаемое ежедневно, при многочисленномъ собраніи поклонниковъ.

Сенс. 17. Ушромъ было холодно. Свѣгъ полько прорывался; но гущія шучи носились вдали, на вершинахъ хребта *Гунтуйскаго*. Теригунъ, Тусулахчи Демишъ и Закирохчи, пришедъ въ 8 часовъ ко мнѣ, объявили, что сего упра можемъ мы отправиться къ Вану и Амбаню, верхомъ на Монгольскихъ почповыхъ лошадяхъ, изъ коихъ около 200 содержипся въ *Ургѣ* двумя ближайшими Ханспвами п. е. Тушешу и Цеценовымъ, да 100 лошадей Шабинами. Вообще опъ Вана дано приказаніе, дабы во все время пребыванія Миссіи въ *Ургѣ* опускашь намъ, въ случаѣ выгздовъ, изъ сихъ лошадей, для сбереженія нашихъ къ дальнѣйшему пуни.

Вскорѣ потомъ приходилъ проспиться съ нами меньшій сынъ Тусулахчія Идама, опсправлявшійся въ свои кочевья; съ нимъ послалъ я въ подарокъ спаршему его брату пару бришвъ. Г. Разгильдѣевъ 1, побуждаясь признашельностію къ усердію

Тусулахчія Идама въ препровожденіи Миссіи, подарилъ сыну его хорошаго иноходца. Сегоже утра явились къ намъ съ почтеніемъ при сына Тусулахчія Демипа, изъ коихъ средній, опть роду лѣтъ 15, посприженъ въ Ламы. Они всѣ вообще скромны, имѣюшь смуглыя, румяныя лица и весьма богато были одѣты. Въ знакъ памяши о Рускихъ, двумъ меньшимъ подарено по леванпинному плащку. Попомъ и Теригунъ Харцагай приводилъ своего внука, находящагося въ шпанѣ Ванскихъ сыновей, коему данъ шакойже подарокъ. Сія часпые, впрочемъ недорогіе подарки были слѣдспвіемъ нашей гоповности къ удовольствовенію молчаливымъ ожиданіямъ посѣпипелей; но еще болѣе прѣбовало шото сомнипельное положеніе Миссіи касательнo дальнѣйшаго пупи. Намъ нужно было привязашъ къ себѣ приближенныхъ къ Вану: подаркомъ, даннымъ сыну, доволенъ былъ и родишель.

Наконецъ въ 10 часовъ собрались въ юрпу мою Бипхеша Чевъ и Бошко Ургеншай; вскорѣ прѣехали бывшіе у насъ вчера два Бипхешія здѣшняго Ямуня, Сунъ и Танъ, съ приглашеніемъ насъ къ Вану и Амбаню. Начальникъ Миссіи съ Геромонахомъ Веніаминомъ опсправились въ одной повозкѣ, Геромонахъ Давилъ съ Геродіакономъ Израилемъ въ другой, гдѣ положены были подарки Вану и Амбаню. Опть Россійскаго подворья до Ванскаго дома, лежащаго къ ЮЗ почши на верспу расспонія, мы шли въ шакомъ порядкѣ: впереди ѣхали

на лучшихъ Монгольскихъ лошадяхъ 12 казаковъ, но два въ рядъ, съ своимъ Спаршиною; за опрадомъ слѣдовалъ я, верхомъ же на своей лошади, имѣя у себя съ правой стороны Обознаго, а съ лѣвой Переводчика; попомъ повозки, окружаемыя Спуденшами и церковниками. Свишу нашу замыкалъ Сопникъ съ двумя казаками. Всему опряду предшествовали Ургинскіе чиновники, а въ сплронъ ѣхали наши провожашыя Бишхешы, Бошко и Тусулахчи; сверхъ того Теригунъ Харцагай, Тусулахчи Демипъ, Закирохчи и нѣсколько Монголовъ. Разительная противоположность въ лицахъ, одеждѣ, въ самыхъ лошадяхъ, нашихъ и Монгольскихъ, придавала сему шествію особенную, пріятную песпрошу. Тамъ мелькали бѣлые солпаны на казачьихъ киверахъ, и лучи солнечныя ярко опражались на ихъ сабляхъ и лакированныхъ перевязяхъ; а здѣсь блиспали ашласныя кафшаны Монгольскіе, и вѣшеръ игралъ красными леншами ихъ шапокъ. Все сіе могло бы, кажется, послужить предметомъ карпины, если не изящной, то по крайней мѣрѣ довольно оригинальной.

Подѣхавъ къ дому Вана, поспроенному изъ дерева, въ скромномъ Кипайскомъ вкусѣ, мы слѣзли съ лошадей, вышли изъ повозокъ, и опправились на дворъ. У воротъ спояло человекъ 20 Княжескихъ шѣлохранителей въ кипайчашыхъ бѣлыхъ кафшанахъ. Не имѣя перевязей, они держали свои песаки въ лѣвыхъ рукахъ.

Заргучей Хоай встрѣшилъ насъ, и спавъ на лѣвую сторону, у Кипайцевъ почешнѣйшую, провожалъ О. Архимандрита; за ними слѣдовалъ я съ Бишхени Ченомъ, а пошомъ прочіе. Главныя воропа были ошпершы; въ нихъ спояла Ванова коляска и носилки; все спроеніе приходилъ въ вешхость. Миновавъ два щипа или запершыя воропа на внупреннемъ дворѣ, орошаемомъ ручьемъ и приосѣненномъ березами, вошли мы въ шѣсную переднюю комнашу, въ коей на сподикѣ, прошивъ дверей, спояли Кипайскіе фарфоровыя кувшины и лаковые ящички. Здѣсь также находилось нѣсколько воиновъ, подобныхъ первымъ. Изъ передней, на право, вспутили мы въ проходную комнашу, крайне шѣсную: эшо пріемная зала. Въ оной большое окно во всю шѣсну, коего рѣшетка заклеена понкою бѣлою бумагой; а въ самой срединѣ вставлено большое стекло. Подлѣ окна, на проспомъ диванѣ находился сподикъ, близъ коего въ бѣлыхъ полушубкахъ, овчиною къ верху, сидѣли поджавши ноги: Ванъ выше ошъ входа въ комнашу, а ближе къ дверямъ Амбанъ. На другомъ сподикѣ, близъ шѣсны я примѣшилъ Англійскіе споловые часы; но кажешся, они спояли. Сперва вошелъ Начальникъ Миссін вмѣспѣ со мною, Разгильдѣевымъ і и Фроловымъ. Я засвидѣтельспвовалъ, чрезъ своего Переводчика на Монгольскомъ языкѣ, почпеніе обомъ Ургинскимъ Прависелямъ ошъ имени Иркутскаго Губернашора. Ванъ спросилъ: здоровъ ли Гу-

бернашоръ, и проч. Пошомъ внесены два ящика съ подарками и пославлены передъ Ваномъ и Амбанемъ, по принадлежності. Ванъ, принявъ оныя съ выраженіемъ благодарности, сказалъ: „Взаимныя „подарки существуяють у насъ издавна, по сосѣдней дружбѣ; а пошому, когда вы будеше возвращащяся въ опечесство, шо и мы пошлемъ госпинцы Губернашору.“ Посмопрѣвъ въ лежащій на сполникѣ списокъ, сказалъ: „А, эшо Маіоръ“, [1] „эшо Далама“, [2] и посадилъ насъ проптивъ себя въ шакомъ порядкѣ: Заргучей, Вишхеши Чень, Архимандритъ и я. Пошомъ вошли Члены Миссіи. Ванъ встрѣпилъ ихъ сими словами: „А, эшо Хараламы [черныя священники, монахи]; эшо ученики.“ Симъ послѣднимъ совѣпывалъ, по прибытіи въ Пекинъ, учиться прилѣжно, ничего не щадя для оправданія успѣхами своими воли Правительсва, и веспи себя, какъ прилично людямъ благовоспитаннымъ, честнымъ и понимающимъ достоинство своего опечесства. Подали намъ по чашкѣ чаю съ сахаромъ. Ванъ привѣпсшвовалъ пошомъ О. Архимандрита на Манжурскомъ языкѣ,

(1) Снѣгъ шишуломъ пользовался я во все время моего пребыванія въ предѣлахъ Кипайскаго Государства, согласно официальному извѣщенію со стороны нашего Правительсва. Кипайцы прибавляли къ шому свое *Лбе*, а Монголы *Ноинъ*, что означаетъ *востопинъ*. Прочихъ чиновниковъ и Спудейшовъ Миссіи называли по имени, ш. е. Евграфъ-ноинъ, Андрей-ноинъ и ш. д.

(2) На Монгольскомъ языкѣ значить старшій Священникъ: шакъ имевущий въ адъшнихъ бумагахъ Начальниковъ нашей Миссіи.

примолвя, что онъ помнишь, когда О. Петръ былъ еще ученикомъ Пекинской Миссиі и проч. Амбанъ съ своей стороны спросилъ его на помѣже языкъ, сколько ему лѣтъ, долго ли учился въ Пекинѣ и п. п. Ванъ, узнавши Переводчика Фролова, сказалъ: „А, помнишь, ты былъ у насъ весною съ Капитаномъ Васи́лемъ.“ Ургинскій Князь подъ симъ именемъ разумѣешь Типулярнаго Совѣтника Новоселова, Переводчика языковъ Манжурскаго и Монгольскаго въ Иркутскѣ. Онъ въ Февраль 1820 года опвозилъ отношеніе Губернапора, о назначеніи новой перемѣны Россійской Миссиі.

Послѣ сего изъявилъ я желаніе мое и Даламы [Архимандрита] поднесли Вану и Амбаню нѣсколько Рускихъ вещей. Ванъ съ опличною ласкою возразилъ, что мы напрасно пѣтъ озабочиваемъ себя; впрочемъ онъ не желаетъ опвѣчать на вѣжливостъ нашу опказомъ, въ уваженіе того, что мы споль издалека ѣдемъ. Тотчасъ внесены были и споставлены передъ Ваномъ и Амбанемъ, опъ имени Начальника Миссиі, разныя хрустальныя вещи, взяныя на Кяхтѣ. Попомъ я поднесъ Вану пару писполоповъ лучшей работы, со шныками на пружинахъ; красивую опвершку для винповъ, искусной чеканки мѣдный баульчикъ для пороха, фунповъ десять лучшаго пороху, и наконецъ Разгильдѣвымъ і предспавлена зрительная шрубка и бѣлая юфшевая кожа. Амбаню подарено мною 25 аршинъ камлошу, *коригневаго* цѣпа

[любимаго въ Кипаѣ], лучшей доброты. Какъ шопъ, такъ и другой приняли сіи приношенія съ благодарностію. Наконецъ Ванъ спрашивалъ меня о лѣпахъ моихъ, о моей родинѣ; гдѣ служу, въ Москвѣ или въ Пешербургѣ; получивъ же отвѣтъ [что еще прежде ему извѣстно было] о службѣ моей въ Пешербургѣ, примолвилъ: „А, эшо шамъ, гдѣ вашъ Государь Императоръ имѣетъ пребываніе.“ Ванъ пожелалъ намъ ошдохнушь послѣ пушевыхъ безпокойствъ. Уходя, я не преминулъ похвалиться заботливостію о Миссіи провожатыхъ нашихъ: Бѣшхеніа, Бошка и Тусулахчіа. Ванъ, съ удовольствіемъ выслушавъ сіе, сказалъ: „Да, вы пребудите ихъ помощи въ вашихъ пушевыхъ нуждахъ, и они обязаны содѣйствовать вамъ во всемъ.“ Заргучей провожалъ насъ, по прежнему, до самыхъ воротъ и разспаваясь съ нами, пригласилъ на завтра къ своему обѣду.

Вопъ легкое изображеніе нынѣшнихъ Ургинскихъ Правипелей:

ВанЪ, по имени Юндунъ Дорчжі, есть природный и Удѣльный Князь Монгольскій, считающій поколѣніе свое отъ Чингисъ Хана; но супругъ ближайшій родственникъ покойному Кипайскому Императору Цзяцину. Отъ роду ему лѣтъ 55; роста высокаго и ровнаго, крѣпкаго сложенія; имѣетъ полное, мужественное и вмѣстѣ пріятное лице съ Азіатскою, горделивою осанкой. При особенной природной остротѣ ума и хорошей памяти, бу-

лучи воспитанъ при Пекинскомъ Дворѣ, Юнь Ванъ имѣеть всѣ достоинства или способности придворнаго Азіатскаго Вельможи: проницательнъ, хитръ, довольно оборотливъ и пріятель въ разговорахъ; когда нужно, учливъ и ловокъ въ обхожденіи, и въ семъ отношеніи подходитъ даже къ Европейцу. Сколько замѣнить можно, любитель наукъ, словесности и художества; хорошо самъ пишетъ и говоритъ совершенно на трехъ языкахъ: на Китайскомъ [на семъ языкѣ написалъ много хорошихъ стиховъ], Манжурскомъ и Монгольскомъ; знаетъ много словъ Русскихъ. Служивъ долгое время при Дворѣ въ Пекинѣ, онъ видалъ не однократно Европейцевъ; былъ въ церемониальномъ придворномъ шпакѣ во время пребывания въ Пекинѣ Англійскаго Посланника Л. Макарснея, 1793 и 1794, и находясь при настоящей должности близъ границы нашей, около 30 лѣтъ, не только не имѣеть національной холодности къ Европейцамъ; но еще крайне любопытенъ и даже пристрастенъ ко всему Европейскому. Большой любитель Европейской музыки, и самъ имѣеть хорошій слухъ. Характера вообще твердаго и живаго; довольно добръ и скромень; умѣеть управлять своею частію; но, по видимому, корыстолюбивъ и скупъ.

Ургинскій *Амбанъ* или Генераль, присылаемый изъ Пекина только на три года, есть поваряцъ Вана, у котораго впрочемъ онъ находится въ совершенной зависимости. Нынѣшній Амбанъ изъ

хорошей Манжурской фамиліи, слишкомъ бо льшѣ, небольшого роста, сухощавъ; имѣеть довольно простое лицо, но въ разговорахъ и обхожденіи въжливъ и пріятель. Не имѣеть національной надменности; крошкѣ; по видимому, добродушенъ и болѣе молчаливъ. Бѣденъ, по случившимся — какъ говорятъ — особеннымъ, непріятнымъ обстоятельствомъ съ опцемъ его.

Мы возвращились домой поуже дорогою и въ томъ же порядкѣ; но подпа любопытныхъ сдѣлалась еще многлюднѣ. Наши провожаемые весьма довольны были моимъ отзывомъ о нихъ передъ Ваномъ, а особливо Тусулахчи Идамъ, который съ признапельностію сказалъ мнѣ: „Г. Маіоръ поступилъ гестно!“

Черезъ часъ по нашемъ возвращеніи, принесены опъ Вана, для О. Архимандриша и меня, сладкія закуски на 17 блюдахъ; 3 кувшина Китайскаго вина, приготавлиаемаго изъ сарацинскаго пшена и называемаго *шаусинъ*, 6 фунповъ чернаго чаю; также О. Архимандришу и мнѣ по два, а прочимъ путешественникамъ по одному куску Кишайской шелковой матеріи. На обершкахъ было написано, кому именно предназначалась она: *Даламъ, Маіору* и проч. Для казаковъ прислано особо два ящика кирпичнаго чаю, по 36 кирпичей въ каждомъ. За шаковые знаки вниманія, просилъ я Теригуна Харцагала изъявить Ургинскому Князю чувствительную нашу благодарность; при чемъ пили за

здоровье Его Свѣшлоспи. Вань, какъ послѣ намъ объявлено, былъ весьма доволенъ нашею признательностью. По заведенному обыкновению, принесшимъ госпинцы подарено: Теригуну Харцагаю сабля, сафьянъ красный и зеленый; Ванскому Бишхешю сабля и красный сафьянъ, а шеспи служилымъ по шелковому плашку.

Равнымъ образомъ опъ Амбана принесли намъ подобныя же госпинцы; но въ меньшемъ количествѣ. Принесшему оныя Нербъ подаренъ зеленый сафьянъ.

Вечеромъ пили чай у меня Демипъ, Закирохчи и Харцагай. Сей послѣдній естъ попомокъ извѣснаго Тулишена [1], бывшаго Посломъ опъ Кипайскаго Богдохана Кансиа у Калмыцкаго Аюки Хана, въ 1712, для вооруженія его противъ Зюнгаровъ. Онъ считаесть себя также въ родствѣ одному изъ Кипайскихъ Посланниковъ, присланныхъ къ Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ.

Склонивши рѣчь къ нынѣшнему перевѣзду Миссиа, я изъясилъ Харцагаю желаніе опыскашь чеспнаго хозяина, у коего можно было бы намъ вымѣняшь нѣсколько верблюдовъ, приобыкшихъ къ шрудной дорогѣ по Монгольскимъ, камениспымъ степямъ. За немѣнїемъ оныхъ въ самой *Ургѣ*, Тусу-

(1) Любопытное пушешествіе сего Манжура изъ Пекьяна, чрезъ Селенгинскъ, на берега Волги, съ описаніемъ земель и обычаевъ Россійскихъ, переведено съ Манжурскаго языка извѣстнымъ Переводчикомъ Ал. Леонщевымъ. С. П. В. 1782.

лахчи Демипшъ — одинъ изъ богатѣйшихъ Хатхаскихъ скопныхъ заводчиковъ — вызвался надѣлать намъ десяшкомъ хорошихъ верблюдовъ, когда мы будемъ проѣзжать чрезъ его кочевья, въ Гѣбби находящіяся, верстъ за 300 отъ *Урги*. Мы приняли сіе предложеніе съ особенною благодарностію.

Сент. 18. Въ залогъ признательности къ Хоай-лос, О. Архимандритъ сего ушра отпраздновалъ ему въ Маймаченъ гостинцы; равнымъ образомъ и съ моею стороны, чрезъ Переводчика Фролова, послано Хоаю въ подарокъ три аршина чернаго сукна и полпуда бѣлаго мыла. Съ возвращеніемъ г. Фролова, пріѣхали два Нербы или служителя Заргучея благодарить за подарки, и вторично просить къ обѣду всѣхъ Членовъ Миссіи.

Часу въ 10 пріѣзжалъ къ намъ Бисхепи Танъ вмѣстѣ съ Теригуномъ и прѣбывалъ списка, какія вещи поднесены Вану и Амбаню собственною отъ Начальника Миссіи, и какія отъ меня. Причиною сему Танъ предспавлялъ, будтобы Сайшъ Ванъ и Амбанъ позабыли, что каждому изъ нихъ подарено. Долго отклонялся я отъ сихъ подробностей. Танъ просилъ убѣдительно, и ему пересказано было на словахъ; но онъ объявилъ, что не полагается на свою память. Ипакъ, мы принуждены были прѣбуемый рееспръ написать на Монгольскомъ языкѣ и ему вручить, извиняясь, что незначительнымъ своимъ приношеніемъ навлекли сколько заботъ. Между тѣмъ, Танъ воспо-

миналь о Кяхтѣ, рассказывалъ о покойномъ Директорѣ Кяхтинской Таможни Вонифанпьевѣ, о необыкновенной шѣлесной его силѣ, о преимуществѣ Рускихъ домовъ передъ дымными юртами Монгольскими и проч. Теригунъ Харцагай и Тусулахчи Идамъ, пупть бывшіе, спросили меня: нѣсть ли еще шакого камлопа, какой поднесень опъ меня Амбаню? Я опвѣчалъ, чпо не имѣю.

Въ 12 часу опправились мы въ Маймаченъ къ Заргучею: духовные Члены Миссиі въ повозкахъ; а я съ Спуденшами и конвоемъ, верхомъ, на Монгольскихъ лошадахъ. Насъ провожали Бишхени Ченъ, Бошко Ургенпай, Тусулахчи Идамъ съ своими служилелами, и Теригунъ Харцагай, безошлучно при мнѣ находившійся. Опъ Русаго подворья до Маймачена, можно положить разспояніа верспы 4 къ В, вверхъ по рѣкѣ Тóль. Дорога неровная, а подъ самую шорговою слободою усѣяна бульжникомъ.

Ургинскій Маймаченъ гораздо болѣе занимаепъ проспранспва, нежели Кяхтинскій [1], шолько въ первомъ все спроеніе деревянное и довольно вешное. Улицы широки, но грязны; много лавочекъ съ мѣлочными шоварами. Народъ, при нашемъ проѣздѣ, собирався толпой и бѣжалъ за нами вслѣдъ, не взирая на крикъ двухъ полицейскихъ

(1) Главнѣйшіа подробности о Кяхтинской шорговой слободѣ на Кяхтѣ, помѣщены въ *Журналъ Сѣверноли Архивъ* 1823; сшран. 418—430.

служителей, кои ослушныхъ разгнали, по Китайскому уставу *благотиня*, длинными плешми. Заргучей встрѣшилъ насъ на дворѣ; привѣспшваль ласково и попомъ ввелъ во внупреніе покои, гдѣ нарочно пригоповлена была зала для гостей. Домъ и пѣснѣе, и неопряпнѣе жилища Заргучея Кяхпинскаго. Прѣхавшіе съ нами Монгольскіе чиновники посажены были у входа въ комнату, за особымъ столомъ; а Бишхеси и Бошко вмѣспѣ съ нами. Хозяинъ всѣхъ угощаль дружески; вспоминаль о своихъ ученикахъ Гг. Липовцовъ и Новоселовъ, и былъ доволенъ опзывомъ моимъ, что имя сего учителя — Хоай-лое — извѣспно и въ сполницѣ Россійской. Во время обѣда, Заргучей спросиль меня, долго ли располагаемъя оспаваться въ *Урегъ*? Я опспвчаль, что по его убѣждению, мы предназначили для сего семь дней, прожили при, а попому и хопѣли бы опсправивъся въ путь дня черезъ чепыре; впрочемъ, какъ Вану будешъ угодно. Заргучей все еще совѣповаль намъ *отдохнуть*, присовокупивъ, что нынѣ дни холодные и ненаспные, и что онъ избравъ [по Китайской Аспрологія] спаспливый день къ нашему опспѣзду, доложилъ о помъ Ургинскимъ Правителямъ. Намъ не оспавалось инаго, какъ благодарилъ за спакое усердіе.

Послѣ обѣда, выпивъ по чашкѣ чаю безъ сахару [вмѣспо кофе], распались мы съ Заргучемъ и опсправились домой въ 3 часа по полудни. Прощалься,

Теригунъ Харцагай и Тусулахчи Идамъ спановились передъ Заргучеємъ на колѣно: обрядъ сей наблюдается Монголами передъ всѣми чиновниками Кипайскими. Манжуры, Китайцы, и Монголы, даже въ самыя большія церемоніи, не снимають шляпы; но оказываютъ почтеніе едва замѣшнымъ опущеніемъ внизъ рукъ и колѣнопреклоненіемъ. Передъ Князьями и Генералами они преклоняють колѣна при раза, каждый разъ подвигаясь нѣсколько впередъ, а передъ Государемъ кланяются до земли девять разъ въ при пріема, какъ у насъ говорится, *трижды по трижды*.

На обратномъ пути въ городъ, мы видѣли много палатокъ, принадлежавшихъ Монголамъ, кои стеклись на поклоненіе Кушухшѣ. Тамъ стоялъ небольшимъ лагеремъ Цеценъ Ханъ, а на дняхъ ожидали прибытія Тушешу Хана. Вообще собралось въ *Урау* много Халхаскихъ вельможъ и простаго народа, готовились великолѣпныя празднества; но смерть Бодохана все разстроила. Подданные, духовные и свѣтскіе, должны носить по сему случаю прауръ около трехъ мѣсяцовъ; а Ламы обязаны, первые 49 дней, чинить особыя молишвы объ упокоеніи преставившагося опъ земли.

Для объясненія празднествъ, совершаемыхъ Монголами при появленіи новаго Кушухшы-Гегена, я неизлишнимъ нахожу упомянуть здѣсь о такомъ торжествѣ, бывшемъ 1729 года, по случаю возведенія одного изъ сихъ Первосвященниковъ.

Обрядъ сей совершаемъ былъ въ прежней Ургѣ, на рѣчкѣ *Сельби*, впадающей въ *Орхонъ*.

Юня 22, во 2 часу дня ш. е. по восхожденіи солнца, убрано было въ Ургѣ сборное капище. Пропивъ входа поставленъ кумиръ Бурхана Аюша [1]. По лѣвую сторону находился престолъ, украшенный дорогими каменьями и парчами; а поперекъ черезъ все капище усроены были деревянныя лавки для сидѣнія Ламъ. Туда явились: прежняго Купухшы сестра, ири Монгольскіе Хана [Тушешу, Цасахшу и Цеценъ], также присланный изъ Пекина опъ Богдохана Юнчжена Амбанъ или Генераль, кошорый имѣлъ на шапкѣ павлиное перо; а равно владѣльцы Дарханчинъ Цююванъ опецъ молодого Купухшы, Цеценъ Ванъ и другіе знатные Монголы. Число Ламъ проспиралось до 26.000, а проспаго народа, мужей, женъ и дѣтей спеклось болѣе 100 ш. человекъ. По собраніи знатнѣйшихъ людей въ капище, вынесли изъ онаго 200 копьевъ съ позлащенными маковками и липыми звѣрями вверху; ихъ поставили въ два ряда. Равнымъ образомъ спояли въ линіи 200 человекъ съ бубнами и съ большими мѣдными трубами. Между сего спроя 6 Ламъ вынесли изъ капища, на креслахъ, прежняго Купухшы сестру, за кошорою шли Ханы, Ваны и всѣ прочіе почетные люди, въ великолѣпной одеждѣ, до юрты молодого Купухшы, жившаго у опца своего Дарханчинъ Цююва-

(1) Ему Шангенуіане моляща о продолженіи жизни.

ла [і], разспояніемъ за верснцу онъ капища. Черезъ часть, Монгольскіе Вельможи и спарѣйшіе Ламы вывели изъ юрпы возродившагося Кушухту подѣ руки и посадили его на пригошовленную въ богатомъ уборѣ лошадь; вели оную за повода Хубилтанъ [перероженецъ] и Далама [спаршій Лама], Чжанчжунъ-Вановъ племянникъ. При выспушеніи ихъ изъ юрпы всѣ Ламы начали пѣть Кушухтѣ похвальныя гимны и играли на всѣхъ инструментахъ; между пѣтѣмъ знашныя люди и просной народъ кланялись ему съ сердечнымъ умиленіемъ, поднимая руки вверхъ. Кушухта ѣхалъ тихо до самой ограды; за нимъ несли на носилкахъ прежняго Кушухты сеспру, кошорая названа и ему сеспрою. Попомъ слѣдовали приславный онъ Далайлама спарѣйшій Лама Номохонъ, Кипайскій Амбанъ, всѣ Ламы, Ваны и прочіе знашныя Монголы; а просной народъ шелъ по обѣ стороны. Внутрь ограды шло 6 юрпъ съ золотыми маковками, обвѣшанныхъ разноцвѣтными парчами. Добхавъ до ограды, всѣ оспановились. Ближніе Ламы почтительно сняли Кушухту съ лошади и провели черезъ южныя ворота въ ограду; гдѣ онъ пребылъ съ полчаса, какъбы для освидѣтельствованія прежняго своего жилища. Изъ ограды проводили подѣ руки въ большое сборное капище спарѣйшіе Ла-

(1) Сей Монгольскій Князь былъ женатъ на родственницѣ Кипайскаго Императора Юнчжана. Семейство его осчастливлено возрожденіемъ въ ономъ Кушухты, по совѣту Далайламы.

мы, также сеспра его, Богдоханскій Амбанъ и всѣ прочіе вельможи. Вошедъ въ капище, присланный опгъ Далайламы Хубилганъ Номохонъ и другіе Ламы-Хубилганы посадили его на престоль. Амбанъ Объявилъ всему народу Богдоханово повелѣніе, чшобы опдаващъ Кушухпгъ должныя почести. Всѣ присущспивовавшіе немедленно поклонились ему прижды до земли. Попомъ поспавили на споль передъ Кушухпу нѣсколько серебряныхъ колокольчиковъ [хонхо], копорыми обыкновенно дѣйспвуютъ Ламы во время службы; а одинъ колокольчикъ, копорый онъ будшобы прежде употреблялъ, удержали, для испыпанія, дѣйспвишельно ли онъ сіе узнаешъ. Кушухпа, посмопрѣвъ на нихъ, сказалъ ближнимъ своимъ Ламамъ: для чего же вы любимаго моего колокольчика не принесли сюда съ прочими? И шогда всѣ Ханы, Ваны, Ламы и народъ единогласно воскликнули: шы испинно Первосвщеникъ нашъ и спарый Кушухпа!

Послѣ приспупила къ Кушухпгъ сеспра его, для принятія благословенія. За него слѣдовали Китайскій Амбанъ, ближніе спарвйшіе Ламы, также Ханы и прочіе знаные люди. Получивъ оно, всѣ удалились. Кушухпа оспавался въ капищѣ до самаго вечера, для благословенія Ламъ и проспаго народа.

Іюня 23, въ 1 часу дня, присланный изъ Пекина Амбанъ и прочіе вельможи собрались въ шуже капище; а проспой народъ споялъ около онаго.

*

Въ 3 часу, по восхожденіи солнца, старѣйшіе Ламы привели переродившагося Купухпу подъ руки изъ ограды въ оное капище и посадили его на престоль. Амбанъ представилъ ему присланные отъ Китайскаго Императора подарки, а именно: золотой подносъ, въсомъ въ 300 ланъ [около 28 фунтовъ], у котораго въ срединѣ вставлено 8 драгоценныхъ камней. На подносъ были положены Хадаки, 1000 ланъ [2 п. руб.] серебра и 81 кусокъ золотыхъ и серебряныхъ парчей, изъ которыхъ на каждомъ написано, что за работу дано по 300 ланъ [600 руб.] серебра; также 81 блюдо съ конфетками и разныя другія вещи. Все сіе Амбанъ поднесъ Купухпѣ съ глубочайшимъ почтеніемъ, объявивъ при томъ отъ Его Богдоханскаго Величества поздравленіе. Наконецъ, испрашивая благословенія, именемъ Богдохана произнесъ онъ слѣдующее: „Какъ злато неплѣнно, такъ и пы, великій жрецъ, будь неплѣвненъ; какъ сіяетъ камень драгоценный, такъ да будетъ пвое сіяніе, и какъ при жизни родителя нашего пы сохранялъ Государство наше, такъ и нынѣ, подъ моею державою, великій жрецъ, будь милосивъ къ нашему Государству и охраняй оное!,,

Купухпа принялъ подарки, и далъ Богдохану благословеніе, наложивъ на голову Амбана обѣ руки. Послѣ сего онъ благословилъ Ламъ и простой народъ, кои воображая, что они получаютъ сіе

благословеніе оиъ самаго Бога, вступали въ капище съ великимъ спрахомъ, одинъ за другимъ.

По полудни, въ ознаменованіе сей великой радости, раскинули въ полуверстѣ оиъ капища чешыре шапра и много палатокъ, оставя въ срединѣ великую площадь для борьбы. Въ шапрахъ сидѣли Хапы и прочіе вельможи. Борцовъ выводили съ двухъ споронъ; на каждой находилось по 268 человекъ, изъ копорыхъ одна половина была Тушешу Ханова, Цеценъ Ванова и Дарханъ Ванова; другая же Цзасахшу Ханова, Цзюнванова и Баршу Бейлева. Борцы соспязались до самаго вечера: копорый одолѣвалъ, того имя записывали; а копорый упдалъ, того не допускали уже больше до борьбы. Такимъ образомъ оспалось наконецъ шолько 35 побѣдителей.

Іюня 24 собрались опяшь въ капище всѣ Монголы, и служили Кушухпгъ молебень.

Іюня 25 Цзасахшу Ханъ съ Цеценъ Ваномъ оиъ себя поднесли Кушухпгъ подарки, соспоявшіе въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, въ шелковыхъ матеріяхъ, Хадакахъ и чаѣ. Прочіе Монгольскіе владыцы и проспой народъ равными жертвами изъявляли свое усердіе. Причемъ одинъ проспой Монголь, Цеценъ Ванова Хошуна, пригналъ въ подарокъ 300 лошадей. Случившіеся шогда въ Ургъ Кипайскіе кушцы, собравшись, поднесли Кушухпгъ 150 кусковъ апласу и 400 ящиковъ чаю кирпичнаго,

Іюня 27 продолжалась опять борьба. День былъ весьма жаркой, и борцы опъ зноя и пыли пришли въ изнеможеніе; почему Ханы изъявили Ламамъ желаніе, чшобы пошелъ дождь. Въ это самое время надвинулась съ запада туча, полился дождь, а пошомъ вскорѣ сдѣлалось опять ясно, чшб суевѣрный народъ подлинно опносилъ къ дѣйствію Ламъ.

Іюня опъ 28 до 3 числа Іюля была каждый день борьба.

Іюля 3 Ханы и прочіе Монгольскіе владѣльцы съ народомъ поѣхали къ рѣкѣ Орхону на урочище Ураху, въ разспояніи опъ Урги за 50 верстъ, и взяли съ собою упомянутыхъ выше 35 борцовъ.

Іюля 5 былъ въ Ураху конской бѣгъ, разспояніемъ на 18 верстъ. Пущено вдругъ 1110 лошадей; изъ нихъ лучшими признаны только 100 переднихъ лошадей, кошорымъ всѣмъ даны были славныя имена; а хозяевамъ ихъ подарки и нѣкоторыя преимущества. [1]

Іюля 6 пускали на помѣже урочищъ, на разспояніе 16 верстъ, 1627 шестилѣтнихъ лошадей; владѣльцамъ спа первыхъ даны подарки.

Іюля 7 былъ опять конскій бѣгъ, изъ 995 чешырелѣтнихъ лошадей соспоявшій, на разспояніе 12 верстъ; послѣ чего хозяева первыхъ 100 лошадей награждены по примѣру прежнихъ.

(1) *Бергманъ* говоритъ, чшо и Калмыки, весьма любящіе конскія ристанія, хозяину лучшаго скакуна-побѣдителя давали въ награду до 500 овецъ. — *Nomad. Streif. I, 99.*

Означенныя лошади прехъ синашей числомъ 3732, собраны были онгъ всѣхъ Монголовъ Халхаскаго Княжества.

Тогожь дня, по окончаніи конскихъ ристаній, раздѣлили привезенныхъ изъ Урги борцовъ на двѣ части, однихъ на Тушешу Ханову, а другихъ на Цасахшу Ханову спорону. Они боролись долго, и оспалось главныхъ борцовъ только семь, которыхъ повезли назадъ въ Ургу.

Во время ристаній и борьбы, на помѣже урочищъ стрѣляли изъ луковъ въ цѣль за 25 сажень. 302 человекъ пускали, каждый чешыре стрѣлы вдругъ: шѣ, копорые попадали въ цѣль всѣми чешырьмя или хопя према стрѣлами, признаны были за опличныхъ стрѣлковъ; оныхъ оказалось 25 человекъ.

Юля 8 всѣ Монгольскіе владѣльцы возвратились въ Ургу; а 9 дня поушру стрѣляли оспальныя 25 стрѣлковъ, на помѣже мѣсцѣ у шашровъ, гдѣ борцы прежде боролись. По полудни поставлена была у Кушухпиной ограды богато убранная юрта, въ которую вывели Кушухшу изъ ограды подъ руки. Предъ нимъ несли разныхъ кумировъ и курящееся серебряное кадило. Когда онъ вступилъ въ юрту и сѣлъ на престолъ, тогда всѣ знатные люди сѣли, каждый на своихъ мѣсцахъ. Помомъ вынесли изъ ограды въ серебряныхъ кувшинахъ вареной кирпичный чай, и подали въ чашкахъ Кушухшѣ и сеспрѣ его. Ку-

шухша, опивавши оный, отдасть назадъ и велѣтъ разлитъ по всѣмъ кувшинамъ, изъ кошорыхъ подносили сперва Хулбилганамъ и Даламамъ, а послѣ Ханамъ и прочимъ знашнымъ людямъ, каждому наливая въ его чашку; если же у кого оной не случилось, шѣмъ наливали чай въ руки. Всѣ пили оный съ великою окопою, почиая напитокъ сей за свяшую воду, пошому чшо даелся имъ опъ самага Кушухшы.

Послѣ 7 борцовъ состязались между собою съ 10 часа дня до перваго ночи; при чемъ побѣдителемъ оспался Монголь Цеценъ Ванова Хошуна, называемый Бабей Бицизанъ, по естѣ *плотный слонъ*. По окончаніи борьбы, проводили Кушухшу въ его жилую ограду, съ шакоюжъ церемоніей, какъ и вспрѣшди; а вельможи съ народомъ разошлись по домамъ.

10 Юля былъ у Тушешу Хана въ шапрѣ обѣдъ, на кошоромъ присушествовали всѣ знашные люди и великіе Ламы. Послѣ обѣда спрѣляли изъ луковъ вдалъ. Спрѣлковъ было со спа цзасаковъ по одному, всего 100 человекъ, однакожъ искуснѣйшими найдены шолько десять, кошорымъ опредѣлили шѣже награды, какія давались борцамъ.

Юля 11 въ 4 часу дня собрались всѣ Ханы и прочіе вельможи къ Кушухшѣ въ ограду, и совѣшались шамъ до вечера, какія имена назначишь спрѣлкамъ и борцамъ, для народнаго извѣстія и для пошомспивенной ихъ славы. Напоследокъ они

единогласно назвали перваго борца, которому было имя *плотный слонъ*, обыкновеннымъ *львомъ*; а прочимъ дали каждому по порядку, инымъ звѣриныя, а другимъ птичьи имена. Получившій названіе, сперва молился Кушухиѣ, а потомъ кланялся всѣмъ Ханамъ и Ванамъ по три раза въ землю, и подносилъ каждому по Хадаку. Послѣ бралъ его Халгачи и водилъ около ограды, объявляя всему народу имя его и опличіе. Первому борцу пожаловали ружье, панцырь, 15 быковъ и коровъ, 15 лошадей, 100 барановъ, 1 верблюда, 1000 кирпичей чаю, нѣсколько кусковъ апласу, также нѣсколько лисицъ и выдръ; а прочимъ каждому по соразмѣрности его силы и искусства. Такимъ же образомъ опредѣлена была и спрѣлкамъ награда; при чемъ послѣднему борцу и спрѣлку досталось по 2 коровы и по 2 барана.

Юля 12 разѣхались всѣ Ханы, Ваны, Ламы и прочіе знашныя люди, также и простой народъ по своимъ кочевьямъ; чѣмъ шоржешво сіе окончилось.

Имя прежняго Кушухши и по немъ новаго перерожденца: Чжабцзюнь Домбо Хушухшү Гегень. Такъ называется Кушухша и нынѣ [1820] возродившійся.

Подобныя сему празднества Монголы совершаютъ каждое лѣто по своимъ Аймакамъ, собираясь на *Обѣ*.

Сенш. 19 Провожающіе Миссію Бишкеши и Бошко, опгвзжая въ Ургинскій Ямунь — приказъ, посьпили меня въ 7 часовъ упра для того, чшобъ рѣшишельно узнать, на какіе предметы потребуемъ мы разрѣшенія опъ Вана. Я находилъ нужнымъ: 1] имѣшь для Миссіи, на пупи опъ *Урги* до Халгана, со спороны мѣспныхъ жипелей чешыре юршы, дрова и воду, почно пакъ, какъ получали мы сіе опъ Кяхпы до *Урги*; 2] оставишь въ вѣдѣніи Заргучея нѣсколько казачьяго провіанша, сосполяшнаго изъ сухарей, до нашего возвращенія; 3] позволишь мнѣ видѣшь Купухшу-Гегена, по примѣру прежнихъ Приспавовъ Россійско-Императорскихъ Миссій [Кол. Секр. Игумновъ представлялся Гегену въ 1794]; а если сіе запруднипельно по чему либо, то 4] посъпишь Шанцабу, главнаго правишеля дѣлъ Купухшы, и 5] если и то не возможно; то по крайней мѣрѣ дозволишь мнѣ съ чиновниками, Спуденшами, а равно казакамъ безпрепятственпо выходишь въ городъ. Кипайцы, выслушавъ меня, уѣхали.

Въ 10 часу упра доспавлены госпинцы опъ Вана и Амбана Начальнику Миссіи и прочимъ, за поднесенные подарки. Таковы условія пріапельскихъ связей и вѣжливоспи Азіапцевъ: первый шагъ къ знакомству долженъ бышь сопровожденъ подаркомъ; за полученную же вещь всякій спарается показашъ свою признательносинь хопя самою бездѣлкою. Овидій весьма правъ, сказавши

Vulgus utilitate amicitiam probat: Чернь корыстью цѣнишь дружбу. — Намъ прислано нѣсколько кусковъ шелковой Кипшайской матеріи, синяго ашласу и узорчатой таффы. Принесшимъ сдѣланы ошь меня приличные подарки.

Черезъ полчаса пришли въ юрпу мою, гдѣ находился погда и Начальникъ Миссін, Бипхешн Чень и Бошко, возвратившіеся изъ Ямуна. На просьбу нашу они объявили: а] что Ванъ, засѣдавшій въ Ямуна, не согласился на опводъ юрпы для Миссін въ передній пупъ, попому что сего *прежде* не бывало; припомъ Миссінъ ѣдепъ на *своемъ коштѣ* и по своей надобности. Примъшнвъ наше огорченіе, и когда Начальникъ Миссінъ сказалъ, что мы весьма поспрадаемъ ошь спужи въ Гоби, провожапые успокоивали насъ шѣмъ, что они надѣюпся своими распоряженіями доспавляпъ намъ по двѣ юрпы, аргаль и воду. б] Видѣпъся мнѣ съ Купухлюю-Гегеномъ не можно, попому что онъ усшалъ ошь совершеннаго имъ дальняго пупи и ошь пого, что благословлялъ болѣе спа тысячъ народа, его поклонниковъ. Наконецъ в] для сбереженія нашихъ сухарей, мы должны сами пріискапъ благонадежнаго купца въ Ургинскомъ Маймаченѣ.

Поздно вечеромъ былъ у меня Тусулахчи Идамъ. Ошь него узнали мы, что хоша онъ и не былъ у Вана и Амбана при докладѣ о нашихъ шребованіяхъ; но, по особенному дѣлу, являлся къ Вану.

послѣ, и узналъ о насполющемъ смыслѣ рѣшенія моея просьбы. Оноо соспоилтъ въ шомъ, что Вангъ о непремѣнномъ снабженіи Миссіи юрпами до самаго Халгана, приказанія дашь не можешъ и не въ правѣ. Ибо, во первыхъ, Миссія будешъ ѣхашъ по шакой дорогѣ, гдѣ нѣшъ посполенныхъ спанцій, а припомъ власпъ Его Свѣшлосши [какъ пограничнаго Генералъ Губернапора въ Халхасахъ] просшираешся только на мѣста, ближайшія къ Россійской границѣ; но что за всѣмъ тѣмъ Миссія не останешся безъ юрпъ въ дальнѣйшемъ пуши. Что касаешся до свиданія нашего съ Кушухшою-Гегеномъ, то иноспранцамъ сіе не возбраняешся. Но, примолвилъ Идамъ, Рускимъ извѣспно, что Гегенъ еспъ рожденіе челоувѣческое, неопышный ребенокъ, кромѣ своего природнаго языка, другаго незнающій; слѣдовапельно, какимъ образомъ можно Рускимъ привѣспшвовашъ его. Сверхъ того, обогшворяемый опрокъ шаже носилъ прауръ по смерши Богдо. Въ слѣдующемъ году, при возвращеніи, можно будешъ видѣшъ намъ и Кушухшу-Гегена и его Шанцабу, кошорый весьма озабоченъ нынѣ приеомомъ поклонниковъ и приносимыхъ ими жерпвъ. Тусулахчи пошомъ спросилъ меня, долго ли мы располагаемся прожипъ въ *Урегъ*? Опвѣспшвовано, что при первомъ свиданіи съ здѣшними чиновниками, назначили мы, по ихъ убѣжденію, для опдыха семь дней: прожили 4, оспаешся пробышъ еще 3 дня. Идамъ съ усмѣшкою возразилъ: а еже-

ли сверхъ 7, Миссія должна будетъ оспаться въ Ургь еще 10 дней? — Я сказалъ, что все зависить отъ воли Вана и Амбана. Но мы нимаго не сомнѣваемся въ ихъ добромъ къ намъ расположеніи; они конечно не пожелаютъ намъ ничего вреднаго. Миссія провела уже на Кяхтѣ два мѣсяца, въ напрасномъ ожиданіи Кипайскихъ проводниковъ, и если будетъ еще здѣсь задержана; то, по причинѣ поздняго времени, скопѣ нанѣ со всѣмъ разспроится въ Гоби отъ холода. Идамъ, какъ и всѣ прочіе Монгольскіе чиновники, извинялся, что по возвращеніи въ Маѣ Ургинскихъ курьеровъ изъ Иркутска, отношеніе Губернашорское поспасъ послано было съ нарочнымъ отъ Вана въ Пекинскій Трибуналъ иносранныхъ дѣлъ. Но Бипхеси и Бошко, по видимому, высланы для провожанія Миссіи поздно, и ѣхали слишкомъ медленно, не болѣе одной или двухъ спанцій въ день; отъ Пекина же до Кяхты считашется около 60 спанцій. Какъбы то ни было, я все предоспавилъ благоусмотрѣнію Вана и Амбана: но если опоздавши, подвергнемся, по прежнимъ примѣрамъ, какому либо бѣдспвію въ предлежащемъ пуши; то они должны будутъ поправитъ могущее произойти отъ того разспройсво. Разгильдѣвъ і проводилъ Идама до самой его юрты. Прощаясь, Тусулахчи сказалъ, что Миссія, вѣроятно, должна прожить еще въ Ургь до 5 числа X Луны [по нашему Календ. до 1 Октяб-ря], къ кошорому времени долженъ возвратиться

изъ Пекина курьеръ, посланный опгъ Вана съ докладомъ о позволеніи ему предспасть, для засвидѣтельствованія подданнической вѣрности новому Богдо; а писано ли что нибудь о Миссиі, Идамъ ничего не объявилъ. Опять неизвѣспность, опять ошдаленіе предмета непергѣливыхъ нашихъ ожиданій!

Будучи у меня Тусулахчи Идамъ рассказывалъ, что нынѣ Ванъ и Амбанъ, съ Заргучеемъ и своими Бипхеші, каждое ушро собираются въ Ямунъ въ праурныхъ одеждахъ, и совершаютъ печальный обрядъ по смерти Богдохана. Сіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ комнагѣ спавягъ небольшой ящикъ, наполненный землею — общимъ удѣломъ смертныхъ; собравшимся Членамъ присудствія подносятъ чай съ молокомъ въ оловянныхъ чашкахъ; [1] они должны опплеснуть нѣсколько чаю на лежащую предъ ними землю, и попомъ уже липъ оный, проливая слезы гореспи о потерѣ своего владыки. Обрядъ сей продолжается во всѣ сто дней праура, ежели на прекращеніе онаго не послѣдуешъ опгъ новаго Государя милоспиваго указа.

Сверхъ того опгъ Идама узнали мы, что въ *Ургинскомѣ* Ямунѣ разсмаприваюшя вообще всѣ дѣла Халхаскія: полишическія опносительпо границы, военныя, внушреннія и судныя, вспрѣчающія

(1) По Кишайскому обыкловенію, Члены въ мѣстахъ присудственныхъ пьютъ чай, и могутъ даже куришь шабакъ.

ед у Монголовъ сего Удѣла. Приговоры дѣлаются на основаніи печатныхъ законовъ; рѣшеніе Ямуна подносится на утвержденіе Вана и Амбая, его совѣтника и прокурора. По дѣламъ обыкновеннымъ приговоръ исполняется, по утвержденіи Ваномъ; а въ дѣлахъ особенной важности, онъ всякій разъ испрашиваетъ разрѣшенія опъ Пекинскаго Чжур-гана [Палаша иностр. дѣлъ]. Наказанія соразмѣряются преступленіямъ; при допросахъ дѣлаются пытки: какъ шѣ, шакъ и другія жестоки. Наказанія безчеловѣчны: колесованіе, разрываніе на части живаго преступника чепырьмя лошадьми, вареніе ногъ въ кипящей водѣ и проч. и проч.

Въ *Урегъ* не рѣдко опускали намъ дрова совершенно сырыя; но и шѣхъ не могли мы рѣшительно претребовать. Вообще въ продолженіе пущи Пекинскіе чиновники давали намъ чувствовашь, что Миссія вдепъ на *своемъ коштъ*: каковое условіе съ примѣльнымъ щчаніемъ повпоряется въ бумагахъ Пекинской Палаты иностранныхъ дѣлъ. Карауль и снабженіе дровами нашего подворья производятся, по очередно, Шабинцами и подданными Хановъ Тушешу и Цецена, какъ ближайшими къ *Урегъ*. Караульные по ночамъ весьма безпокояптъ, ударяя колошущками въ рукахъ; симъ же образомъ часовые, въ началѣ каждаго часа ночью, бьютъ смѣну.

Здѣсь много лепашь пщицъ съ красными носами и ногами, извѣстныхъ у Монголовъ подъ именемъ *Уланъ - хашуту* красноноски. Г. Типулярный

Совѣтникъ Первущинъ, провожавшій Миссію въ 1807 и 1808, въ Журналѣ своемъ назвалъ оныя галками съ желпыми носами; но по нашему замѣчанію, они имѣюшъ крикъ, похожій на чирикание снѣгиря.

Сего дня видѣли мы небольшой опытъ Кишайской чеспноти. Толмачъ находящагося при нашей Миссіи Бипхечи, осправляясь въ Маймаченъ по своимъ дѣламъ, вызвался купить и для насъ сарацинскаго пшена 20 гиновъ [29 фунт.], получилъ деньги за все количество онаго; но доставилъ прѣмя гинами менѣе и сверхъ того, по цѣнѣ, лишняго взялъ около 5 чинъ или 1 руб. серебромъ.

Сент. 20. Тусулахчи Идамъ приходилъ часу въ 8 ко мнѣ и вновь спрашивалъ, не имѣю ли шочно шакого камлошу, какой подаренъ опъ меня Амбаню. Хопя Идамъ сказалъ при семъ, что камлошъ нуженъ для Ванова старшаго сына, Арабданъ Дорчжія, который собирався вскорѣ ѣхать въ Пекинъ; но по часпымъ о сей маперіи вопросамъ Монгольскихъ чиновниковъ, и прямо и спороною, можно было замѣпить, что оная или повправилась Вану, или чувспво соперничества усиливало его пребовање, попому что и снѣгаго сукна [каковое въ подарокъ Амбаню прислано опъ имени Иркупскаго Губернашора] не разъ спрашивали у насъ Вановы приближенныя. Къ сожалѣнію, мы не имѣли ни того, ни другаго. Въ разговорахъ Идамъ сказалъ, что со мною желаетъ познакомиться старшій

сынъ Вана, наслѣдникъ его; на сіе съ моею споронъ изъявлена полная готовность.

Въ 10 часовъ утра ѣздили мы осматривать городъ, верхомъ на Монгольскихъ лошадяхъ. Въспѣ со мною опсправились оба казачьи Офицера и Переводчикъ, съ премея казаками; шакже Геродіаконъ Израиль, Спуденшы и церковники. Насъ провожали Тусулахчи Демипъ, Закирохчи Дармацапъ и нѣсколько Монголовъ. Со двора пустились мы прямо къ здѣшнимъ капищамъ и черпогамъ Купухшы-Гегена, кои опъ нашего подворья опстоятъ почти на верспу къ западу. Ограда, довольно высокая, препяшпвовала намъ обзоръ совершенно архипекшуру сихъ зданій, споящихъ одно возлѣ другаго. Капища обращены съ юга на сѣверъ, имѣють крыши зеленыя, а на верху одной блиспаепъ зубчащая рѣпешка, ярко вызолоченная. Купухша живепъ внутри ограды въ особой юрпѣ, по обычаю степныхъ народовъ. Извѣспно, что и самыя Монгольскіе Ханы донинѣ всегда помѣщающся въ юрпахъ или кибишкахъ; чему примѣры видимъ шакже въ Ханахъ Бухарскомъ, Хивинскомъ и проч. Далѣе опъ капищъ на сѣверъ, огромное деревянное зданіе — школа, въ коей Ламы обучающся чипать Тибепскія книги и играють на духовыхъ инспрументахъ. Мы выѣхали нарочно въ шакое время, когда всѣ, по здѣшнему обыкновенію, объдають; собираются же на моленіе подъ вечеръ. Несмотря на шо, вѣбѣжали на вспрѣчу намъ мно-

гочисленные толпы Монголовъ, духовныхъ и свѣшскихъ, и весьма затрудняли нашъ путь. Шанцаба выслалъ къ намъ для провожанія двухъ своихъ Халгачей. Позади школы находится особый домъ, для пригोовленія кушанья Хуваракамъ или Ламскимъ ученикамъ, коихъ здѣсь живетъ болѣе тысячи на Гегеновомъ содержаніи. На сѣверовостокъ опть капищъ нѣсколько юрпъ, въ коихъ живетъ Шанцаба; возлѣ оныхъ споншъ зданіе, гдѣ хранился казна Кутухшы: оно имѣетъ видъ простого крестьянскаго дома, съ земляною кровлей. На сѣверозападной же споронѣ кладовыя для припасовъ; у воротъ коновязь, къ коей споняютъ верблюдовъ, лошадей, овецъ и прочій скотъ, приводимый опть усердныхъ поклонниковъ въ даръ Кутухшѣ. Капища спонятъ на обширной площади. Передъ южными, главными вратами оныхъ есть небольшое пространство, окруженное деревянными столбами съ перекладинами, кои покрыты красною краской: нупъ совершаются Ламскія церемоніи; а на особомъ деревянномъ обрубѣ, въ южной споронѣ онаго круга, поютъ молитвы и жгутъ благовонныя вещества во дни установленныхъ празднествъ. По бокамъ площади находятся дворы, обнесенные часпоколомъ: въ каждомъ есть обширная юрпа, ушвержденная на столбахъ, обшпанная бѣлою кшайкою и служащая частнымъ храмомъ каждаго Халхаскаго Ханства. Ургинскіе граждане, духовные и свѣшскіе, всѣ живутъ въ юр-

пахъ, изъ коихъ нныя приосвнены распуццими на дворахъ ивами. Улицы шакъ шѣсны, что въ оныхъ съ трудомъ могуць развѣхашся два человекъ верхомъ.

На лѣвомъ берегу *Толи*, прошивъ капищъ возвышается огромная гора *Ханъ-ола* п. е. Царь-гора. [1] На одномъ изъ низшихъ утесовъ ея выложены изъ бѣлаго камня огромныя буквы на языкахъ Манжурскомъ, Кишайскомъ, Тибетскомъ и Монгольскомъ, означающія слова *небесная радость*: шакъ чувства Халхасовъ по случаю возрожденія Купухны! Величиною самихъ буквъ хотѣли показашъ доспоинство сего высокаго поржества. Надпись видна ясно даже изъ Рускаго подворья. Вер-

(1) А. В. Игумновъ, живущій нынѣ въ Иркутскѣ, въ извѣстїяхъ своихъ о Монголіи, напечатанныхъ въ *Сибирскихъ Вѣстникѣ* 1819; Ч. V, стр. 13, пишеть относительно сей горы: „Ханъ-ола славится у Халхасовъ по шрехгодичнымъ собранїямъ. Тамъ производится народная перепись, начинающа всякія полезныя предпрїятїя и полагающа мѣры прошивъ неправыхъ приязанїй и вражды Монголовъ между собою. Въ полуденной сторонѣ горы воздвигнушь храмъ, котораго великолѣпіе соопшвѣстнуешъ важности сего собранїя. Гора спремнннста съ сѣверной, и полога съ южной стороны. Длина ея простираешся до 40 верствъ, а вышина относительно къ горамъ, находящимся на южномъ рубежѣ Сибири, незначительна.“—Сіе сравненїе можно ошнесши шолько къ Сибирскимъ гольцамъ, или шакимъ горамъ, кои имѣють весьма большую высоту надъ поверхностью Байкала, и коихъ граничныя вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Но въ общемъ ошношенїи къ поверхности Средней Азіи, Ханола, по своему положенїю, несравненно выше оныхъ горъ.

шина горы покрыта лѣсомъ; въ ущельяхъ ея поставлены юрты караульныхъ [*Цагда*], дабы нога смершнаго не осмѣлилась спустить въ сѣи мѣсна, посвященныя живому кумиру-Гегену. Въ дебряхъ сихъ царствуютъ вѣчная тишина, и дикія козы ходящъ шамъ безшрепешно многочисленными стадами.

Подъѣзжая къ рѣкѣ *Толъ*, видѣли мы большой лагерь недавно прѣхавшаго сюда Тушепу Хана. Съ площади спустились мы къ рѣкѣ *Сельби*, имѣющей много рукавовъ и не подалеку опскуда впадающей въ *Толу*. По луку много заливовъ и небольшихъ озеръ. Близъ Ванскаго дворца, на равнинѣ указывали намъ мѣсто, гдѣ во время порожественныхъ случаевъ бываетъ у Монголовъ борьба, спрѣмяніе изъ луковъ и конскіе бѣги. Наружность Ванова дома нимаго не предвѣщаетъ, чтобы подъ симъ низкимъ кровомъ жилъ Вельможа, — воспианный при Дворѣ довольно уповченномъ и пышномъ; попомокъ Чингисъ Хана, имѣющій за собою въ супружествѣ Царевну Кишайскую; Ванъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ Князей Монгольскихъ, и наконецъ Министръ, коего учаспіе въ предпріятіяхъ Европейцевъ извѣстно на берегахъ Финскихъ, а бышь можетъ опражается и на горделивой Темзѣ. Домъ обнесенъ частоколомъ; вокругъ онаго распушь березки, между коими бѣлѣются юрты; черезъ дворъ, предъ окнами сихъ скромныхъ палатъ, проведенъ ручей, текущій изъ сѣверныхъ горъ. Вообще Кишайцы и люди, образованные по

ихъ вкусу, любящъ природу и заботящся о перенесеніи ея красоты даже въ города: разумно о садахъ, цвѣтникахъ и ш. п.

Отъ Ванова дома поворопили мы на лѣво по лугу и проѣхали мимо его садика, болѣе похожаго на огородъ, обнесенный тыномъ и лежащій отъ дома саженьхъ въ 60 къ югу, между *Сельби* и *Толою*. Въ семь огородѣ видны маленькія озера, колодезь, нѣсколько грядъ съ капустою и спарая бесѣдка, окруженная ивами; двѣ красивыя лошади паслись шамъ на лугу.

На возвращномъ пути проѣхали мы близъ дома, въ коемъ обыкновенно имѣютъ пребываніе Ургинскіе Амбани. Сей домъ опспоняетъ отъ Ванова жилища на воспокъ около полуверсны, между двумя протоками рѣчки *Сельби*; черезъ одинъ изъ оныхъ сдѣланъ на сваяхъ длинный мостикъ, по коему можно только ходитъ пѣшкомъ или проѣхашъ верхомъ на лошади. Вообще палаты Ургинскихъ Правителей большое имѣютъ сходство съ деревенскими домами нашихъ небогатыхъ помѣщиковъ. Амбаневъ домъ нѣсколько ближе къ Рускому подворью; куда мы и возвратились въ 2 часа по полудни.

Черезъ часъ О. Архимандритъ, съ прочими Членами Миссін, хотѣлъ было при ясной погодѣ прогуляться по берегу *Толы*; но Бисхешн Чень не далъ проводника, извиняясь, будшобы все еще не имѣетъ на шо официальнаго разрѣшенія отъ Вана

Находившійся на дворѣ Тусулахчи Демишъ утверждалъ прошивное, замѣнивъ, что Кипайскіе—Пекинскіе чиновники любящъ много церемоніаловъ. „А мы, Монголы, сказалъ онъ, докладываемъ Вану „на всякомъ мѣсцѣ и во всякое время.„ Онъ вошелъ по сему предмету въ объясненіе съ Кипайцами, и недоразумѣніе кончилось тѣмъ, что нашимъ людямъ позволено выходить со двора.

Въ слѣдствіе сего опущены были въ городъ конвойные казаки, въ сопровожденіи шѣхъже двухъ Халгачей, о коихъ упомянуто выше и кои, по возвращеніи нашихъ людей, были награждены приличными подарками. Старшій изъ нихъ родился въ степи, прилегающей къ рѣкѣ *Херулюну* (Kerlon) и живешъ здѣсь при Дворѣ Купухшы на собственномъ содержаніи; а младшій, по виду болѣе похожій на Европейца, съ береговъ *Орхона*. Халгачи сіи сказывали намъ, что на споль Купухшъ присылается особая сумма отъ Богдохана. Спада Гегеновы неприкосновенны: одни покомъ паспухи пользуются шерстью и кожами издохшаго скота. Напротивъ того самъ Купухша-Гегенъ посылаетъ ежегодно *известное* число лошадей и барановъ къ Богдохану и Далайламъ.

Сенш. 21. Упромъ посѣщили меня Теригунъ Харцагай и Тусулахчи Идамъ. Первый объявилъ, что по желанію моему, сыновья Вана расположены сего дня принящъ меня по полудни.

Во 2 часу отправился я въ домъ Вана, вмѣстѣ съ Обознымъ, казачьимъ Спаршиною и Переводчикомъ, въ сопровожденіи чепырехъ казаковъ, Бошка Ургеншяя, а равно Харцагая, Закирохчія и нѣсколькихъ Монголовъ. У главнаго входа стояли шѣлохранишеди въ помѣже порядкѣ, въ какомъ мы видѣли ихъ 17 Сеншября. Пройдя мимо двухъ запершыхъ воротъ или щиповъ, поворошили мы влѣво на шѣсныій дворикъ, изъ коего вспунили прямо въ комнашу или учебную залу, съ перегородкою. Тамъ нашли мы трехъ спаршихъ сыновей Вана, ожидавшихъ насъ. Спаршій Теригунъ Тайцзи, по имени Арабданъ Дорчжі, лѣтъ 32; средній 25; меньшей 23 лѣтъ. Росла всѣхъ прое небольшая; спаршій сухощавъ и имѣетъ быспрый взглядъ; два младшіе дородны, и самыій меньшей весьма походишь на ошца. Они одѣшны были въ черныя курмы.

Вошедъ въ комнашу, я засвидѣтельствовалъ всѣмъ премъ Киязьямъ почпеніе, и въ залогъ признашельности за вниманіе къ намъ ихъ родишеля, а равно для перваго пріязненнаго знакомства, поднесъ имъ опъ себя 6 аршинъ краснаго сукна и сполько же синяго казмиру; сверхъ иного шабакерку съ бронзовымъ медальіономъ, поднось, двѣ серебряныя споловыя ложки, ножницы, пару споловыхъ ножей съ вилками и спальныя щипцы съ подспавкою, самой понкой работы; двѣ пары вышшыхъ Казанскихъ сапоговъ, двѣ сафьяныя,

оловомъ выложенныя коробочки для курительнаго табаку, двѣ банки душистой помады и двѣ склянки лучшихъ духовъ. Опъ имени О. Архимандриша подарена имъ пара хрустальныхъ граненыхъ ночниковъ, весьма искусно сдѣланныхъ на Санкшпешербургскомъ заводѣ, и еще нѣсколько другихъ стекляннхъ вещей.

Агасы [Князь] приняли наши подарки съ особеннымъ удовольствіемъ, сказавъ однако, что мы, вхавъ споль издалека, слишкомъ себя затрудняемъ подобными приношеніями. Меня посадили пропивъ себѣ; всѣмъ поднесли по чашкѣ чаю съ сахаромъ. Старшій Князь предложилъ мнѣ понюхать душистаго табаку изъ его Кипайской шабкерки, и спрашивалъ, каково вхали мы опъ границы, нравишься ли намъ *Урга*, скоро ли опправимся впередъ и п. п. Описывая на все приличнымъ образомъ, я изъявилъ благодарность за ласковый пріемъ, оказанный Ваномъ новой Миссін, и просилъ о продолженіи таковаго вниманія вообще къ признашетьнымъ ихъ сосѣдямъ — Россіянамъ. Подъ конецъ нашей бесѣды Теригунъ Харцагай, находившійся съ нами безоплучно, какъ родственникъ и воспитатель молодыхъ Князей, обратилъ вниманіе мое на 5 виншовець, висѣвшихъ съ сошками на стѣнахъ комнапы: всѣ Руской работы, обдѣланы позолошою на Монгольскій вкусъ. Съ сими ружьями Князь сами вѣдѣтъ на охоту спрѣляпъ дикихъ козь, особливо во время обзорѣ-

ніа своихъ спадѣ. Я изъявилъ сожалѣніе, что выѣхавъ изъ С. Петербурга по дѣламъ службы наскоро, не могъ взять съ собою своихъ ружьевъ, примолвивъ, что нынѣ въ Россіи оружейныя фабрики доведены до совершенства. — Мы разспались дружески. Великое множество Монголовъ, во все время нашего свиданія съ Князьями, смотрѣли въ открытыя окна, и съ примѣпнымъ удовольствіемъ слушали наши привѣтствія дѣшамъ своего вельможи.

Такимъ образомъ двукратно имѣли мы случай проходить чрезъ попѣ дворъ, гдѣ Графъ Головкинъ съ достоинствомъ поддержалъ честь Русскаго имени прошивъ уничтоженія, каковое приговорено было Кипайскимъ высококомъриемъ и личною гордостію Ургинскаго Вана. Здѣсь поставляютъ причиною непринятія Россійскаго Посольства въ Пекинъ пвердоспѣ характера Посла. Такъ отозвались Министры Кипайскіе въ 1816 году Англійскому Посланнику Лорду Амгерцу [1], копорый вопро-

(1) *Voyage en Chine, ou le journal de la dernière Ambassade Anglaise à la Cour de Peking, par M. H. Ellis. 1818.* Въ сей книгѣ Ч. I, на страницѣ 147 сказано: L'allusion faite (Лордомъ Амгерцомъ) à la Russie leur (Кип. вельможамъ) donna occasion d'observer, que l'Ambassade Russe n'avait pas été admise, en consequence du refus fait par l'Ambassadeur (Гр. Головкинымъ) d'exécuter le cérémonial voulu.—По извѣстіямъ изъ Лондона отъ 13 Октября 1822, Лордъ Амгерсъ назначенъ Генералъ Губернаторомъ въ Остъ-Индію. Назначеніе сіе должно, кажется, содѣйствовать дальнѣйшему развитію плановъ Калькутскаго Правительсва.

чемъ, такъ сказать, въ глазахъ Богохана, но не выдавши его, принужденъ былъ выѣхать изъ дворца Юань-Миньюаньскаго [Хайдянь], лежащаго въ 8 верстахъ отъ Пекина.

Мы возвратились въ свой станъ поюже дорогой, мимо Ургинскаго Ямуна. На пути встрѣтили Бухарскій караванъ съ кирпичнымъ чаемъ, на 140 верблюдахъ шедшій изъ Ургинскаго Маймачена въ городъ *Уллусту* [пополисное мѣсто], копорый лежитъ отъ рѣки Селенги на сѣверозападъ, близъ хребта Алтайскаго. Въ городъ *Уллусту*, по словамъ Тусулахчія Демипа, на верблюдахъ приходящъ изъ *Урги* въ 40 дней — время, копорое обыкновенно употребляютъ Кипайскіе купцы для перевѣзда съ товарами, на перемѣнныхъ верблюдахъ, изъ Халгана въ Кяхшу п. е. разстояніе около 1200 верстъ. Въ *Уллусту* живеть Цзяньцзюнь, по Монг. Чжанчжунъ п. е. Манжурскій Корпусный Генералъ всѣхъ войскъ Халхаскаго Княжества. Тамъ находящся многочисленный Кипайскій гарнизонъ, съ большими запасами пшена и казеннаго серебра на жадованье войску,

Въ 3 часа Обозный и Переводчикъ опправлены были мною въ Маймаченъ для разныхъ покупокъ. Заргучей давалъ имъ своего проводника, а припомъ согласился принявъ на сбереженіе часмъ казачьяго провіанта. Между пѣмъ, Начальникъ Миссін и Члены оной ходили со мною прогуливаться на берегъ р. *Толы*, въ сопровожденіи одного карауль-

наго. Сей послѣдній съ молчаливымъ негодованіемъ долженъ былъ раздѣлять шаковое, для него непонятное удовольствіе. Монголы, какъ почти и всѣ Азіяпцы, привыкли ѣздить верхомъ, гвнялся и даже считаютъ неприличнымъ ходишь пѣшкомъ. Перешедъ къ востоку черезъ два мостика, усвоенныхъ на рукавахъ быстрой *Сельби*, которая протекаетъ близъ нашего подворья, видѣли мы, къ югу, домъ Амбана Бѣйсе [о коемъ сказано выше] изрядной архитектуры; а равно небольшой домикъ для жищя Кипайскихъ чиновниковъ, прѣзжающихъ въ *Уреу* по дѣламъ службы. Изъ *Сельби* проведены небольшіе каналы для спуска воды въ огороды, при сихъ домахъ заведенные. Ближе къ рѣкѣ *Толъ*, сповишь домъ Ургинскаго Амбана, подлѣ коего изъ тойже рѣчки сосавленъ небольшой прудъ. Лугъ выбитъ скопомъ: пощіе, спущанные верблюды гложушь одну землю.

Сентя. 22. Часу въ 10 упра Теригунъ Харцагай и Хя Баянъ привезли О. Архимандришу и мнѣ взаимные гостинцы отъ сыновей Вана, соспоявшіе изъ Кипайской шелковой манеріи. Доставившимъ оныя подарено: двумъ Хя по зеркальцу и по 2 аршина плису, а премъ служителямъ ихъ по 1 аршину онаго.

Когда они удалились, прѣхаль Заргучей Хоайлое проспичься съ нами. Когда я возобновилъ къ нему просьбу о скорѣйшемъ выѣздѣ Миссін; то Заргучей отвѣчалъ, что онъ знаетъ только свои Май-

маченскія дѣла, а въ Ямунѣ не имѣешь большаго вѣса: если же прѣхалъ съ нами проспиться, то къ сему побужденъ былъ одними слухами, что мы собираемся уже въ пушъ. При всей неопредѣлительности шаковаго опъзыва, мы приняли оный за радостное предвѣстіе скорого освобожденія опъ Ургинскаго роздыха.

Вечеромъ собрались ко мнѣ, по обыкновенію, Теригунъ Харцагай, Тусулахчій Идамъ и Демипъ и Хя Баннъ. Долго разговаривали мы о времени нашего опъезда изъ *Урги*. Демипъ извинялся, что онъ не въ силахъ намъ пособишь, и что мы останемся здѣсь, можешь быть, до 1 Октябрия; ибо Ванъ и Амбанъ желаюшь, чтобы Миссія опдохнула совершенно. Я жаловался на сырость, примѣшно разспроившую здоровье Членовъ Миссіи, на худой кормъ для скопа, сказавъ, что сбереженіе сего послѣдняго, какъ имущества казеннаго, лежитъ на моей опвѣстивенности; а потому я весьма опасаюсь, чтобы пуспившись въ Гобійскую степь сподъ поздно, не преперпѣшь такой же гибели скопа, каковая случилась въ проѣздъ Миссіи 1807 года. Я опкровенно сказалъ Тусулахчію Демипу, что онъ самъ хозяинъ, и вѣрно понимаетъ причины шаковой заботливости. Онъ спросилъ, чего мы болѣе желаемъ: опогнашь ли нашъ скопъ вдаль, на лучшія пасбища, или ѣхашъ изъ *Урги*? — Мы всѣ единогласно опвѣчали: ѣхашъ! Монголы обѣщали о семъ подумашъ.

Сентя. 23. После обѣда ходили мы прогуливаться по дорогѣ въ Маймачень, мимо дома Бейсе. Хотѣли было идти на берегъ рѣки Толы; но провожавшій насъ Монголь сказалъ, будтобы шамъ весьма шонко. Отъ дома Амбаня Бейсе косогоромъ пошли мы на лежащій къ востоку холмъ, на которомъ стоитъ *Субурганъ* — Монгольская часовня. Оный строится въ видѣ пирамиды, издвигеніемъ одного Гуна [князя 5 степени]. Квадратное основаніе его сдѣлано изъ непесаннаго булыжника; швы замазаны глиною на соломѣ; стѣны выведены изъ сѣраго кирпича, а внутренняя пещера наполнена пескомъ со щебнемъ. Близъ Субургана встрѣшили мы Чжанчжунъ Бейлэ [князя 3 степени], по имени Намчжиль, который имѣетъ свое кочевье въ Гобійской степи. Онъ, подобно Халхаскимъ Ханамъ, явился въ *Ургу* на поклоненіе новому Кутухшъ - Гегену, а еще болѣе по случаю смерти Кипайскаго Богдо. Всѣ они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, что скажетъ новый Государь. Бейлэ лѣтъ 45; довольно тучень; бороды не имѣетъ, какъ и всѣ почти Монголы. Съ примѣшнымъ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на Рускихъ, а особливо на одежду монашескую; немало также удивлялся, слыша, какъ правильно говорятъ наши по Монгольски, и что Начальникъ Мисси и Переводчикъ Фроловъ хорошо владѣютъ Манжурскимъ языкомъ. Бейлэ въ шелковомъ синемъ кафтанѣ, въ

сопровожденіи пяти служителей, возвращался на прекрасномъ ворономъ конѣ изъ Маймачена.

Съ холма видъ обширный и величественный: внизъ по *Толы* открывается городъ съ блестящими капищами. Съ юга приосѣняюгъ оный длинныя пѣни Ханолы, а съ сѣвера гряда высокихъ горъ служить ему защитой отъ холоднаго вѣтра. На западѣ споягъ дома Вана и Амбаней, множество городскихъ юртъ, обширные луга и синѣющія вдали горы. Въ восточную сторону видны луга и горы по верховью *Толы*, Маймаченъ, а тамъ опять поднимающіяся обнаженные граниты. Великое множество палатокъ, въ коихъ помѣщаются прѣхавшіе на поклоненіе Гегену; бродящіе около нихъ лошади и верблюды придаюгъ большую живость симъ мѣстамъ, носящимъ на себѣ оппечашокъ какъ по пуспшты и дикоспи.

Самый климатъ Ургинскій весьма суровъ. Естественную сырость мѣстоположенія, спѣсненнаго горами, изъ коихъ выпекаетъ много ключей, усугубляетъ высокая гора Ханола, закрывая городъ съ юга и пѣмъ лишая оный благошворныхъ дѣйствій теплаго вѣтра. Здѣсь шакъ холодно, что даже огородная зелень, которую Маймаченскіе жители разводягъ въ своихъ огородахъ, не всегда избавляется отъ губительнаго инея и упренныхъ морозовъ. Живущіе въ *Ургѣ* Кишайцы прибѣгаюгъ къ пособію Кяхшинскихъ своихъ огородовъ, коихъ произведеніями пользующся и пограничные Россіи-

не. Черезъ 2 версты ниже *Урги*, есть мѣсто, несравненно удобнѣйшее для большаго поселенія.

Спустиась съ холма опять въ городъ, мы прошли мимо дома, на лѣвомъ берегу *Сельби*, въ коемъ живешъ Ахай Гунъ, Ургинскій Полицмейстеръ. Дворъ, какъ и всѣ прочіе, обнесенъ часпоколомъ; въ ономъ нѣсколько деревянныхъ кладовыхъ и юрпъ; юрпа хозяина обтянута синею дабой. Здѣшній Полицмейстеръ разбираешъ городскія дѣла вмѣстѣ съ Шанцабою [по Тибеш. Цянцзой или Чякцзобъ], пошому что большую часть Ургинскихъ гражданъ составляетъ духовенство, коему Шанцаба даешъ судъ во всѣхъ случаяхъ. Говоряшъ, что въ расправу сію не токмо другіе Ламы, но и самъ Кушухпа не всшупаешся. Въ *Ургѣ* полагаюшъ около семи тысячъ жителей; въ шомъ числѣ до 5 ш. однихъ Ламъ.

Вечеромъ вмѣстѣ съ Разгилдѣевымъ 1-мъ посѣщилъ я Тусулахчія Идама: шамъ нашли мы Теригуна Харцагая и Закирохчія. Гости шушили надъ Тусулахчіемъ, что онъ рѣдко бываешъ у насъ, и пѣмъ какъбы вызываешъ приходшъ къ себѣ. Идамъ — богатый Азіатскими метафорами, основанными на явленіяхъ самой природы — въ доказательство того, что мы, по молодости своей, должны чаще его посѣщашъ, какъ старика, сказалъ: старое дерево, стоящее отдѣльно, скоро валяшся; а поддерживаемое вѣтвями молодыхъ деревъ, можешъ еще прощивостояшъ бурямъ. Тусулахчи

объявилъ намъ, что они имѣли уже совѣщаніе о нашемъ дѣлѣ и Теригунъ, съ нами сидѣвшій, черезъ часъ отправился къ Вану съ донесеніемъ. Я не преминулъ въ семъ случаѣ просить Теригуна принявъ участіе въ положеніи Миссіи.

Сенп. 24. Въ 9 часу приходилъ ко мнѣ смопритель нашего подворья Закирохчи Дармацзапъ. Онъ нѣсколько разъ былъ по дѣламъ службы въ Улсутуь, куда на почтовыхъ лошадяхъ переѣзжалъ отъ Урги дней въ 16: дорога весьма прудная, надобно пробираешься по хребтамъ высокихъ горъ и черезъ быспрыя рѣки. Онъ же сказывалъ, что за 8 дней ѣзды отъ Урги, на западъ, есть въ горахъ минеральные теплые ключи, болѣе сѣрные, Aqua hydrothionica; что доказываетъ самый запахъ сѣры, чувствуемый издалека. Монголы, по совѣту своихъ Ламъ, прибѣгаютъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ къ помощи сихъ водъ; но памъ никакого не сдѣлано успройства: выкопаны только ямы въ каменистой почвѣ, куда, какъбы въ ванны, садятся прѣзжающіе больные, и получаютъ исцѣленіе отъ недуговъ.

Черезъ нѣсколько времени, Бишеши и Бошко возвратились изъ Ямуна. Съ мрачнымъ видомъ они объявили намъ, что Ванъ, принявъ во вниманіе положеніе нашей Миссіи, а равно и то, что она отправляется на основаніи Тракташа, когосвятость при настоящей династіи Манжурской ненарушима, далъ наконецъ разрѣшеніе продол-

жасть намъ путь; если же послѣдуетъ изъ Пески-на какое либо особенное повелѣніе касательно Миссіи, то онъ успѣетъ дать намъ знать и въ дорогъ. Съ чувствомъ живѣйшей радости приняли мы сію вѣсть. Тотчасъ я велѣлъ казакамъ пригнать въ *Ургу* нашъ шабунъ, дабы на другой же день выступить опсюда.

Во время обѣда, явился ко мнѣ Бишхени. Нельзя было не замѣтить на лицѣ его сильнаго негодованія. Вечеромъ О. Архимандритъ сдѣлалъ у себя угощеніе какъ провожаемыхъ, такъ и Монгольскихъ чиновниковъ, находившихся при нашемъ поворѣ. Бишхени и Бошка оспавались въ юртѣ Архимандрита не долге получаса. Когда же удалились опшуда Теригунъ Харцагай, Тусулахчи Идамъ, Демишъ и Закирохчи; то Манжуры опять пришли къ Начальнику Миссіи. Туть раскрыли они всю досаду свою на Монголовъ за то, что Ванъ сего дня не принялъ къ себѣ ни Бишхени, ни Бошка; а только объявлено имъ въ Ямунѣ, что наканунѣ вечеромъ Теригунъ Харцагай, въ слѣдствіе единогласнаго мнѣнія старшихъ Монгольскихъ чиновниковъ, предсавлялъ Вану о необходимости Миссіи ѣхать впередъ; на что Его Свѣщность и далъ разрѣшеніе. Таковой оборотъ дѣла весьма огорчилъ спесь Кипайскую. Колкія насмѣшки на счетъ Монголовъ и самыя порицанія сыпались изъ устъ Бишхени и Бошка.

Г Л А В А IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПУТИ ДО ЮЖНЫХЪ ПРЕДЕЛОВЪ
ХАЛХАСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Сентября 25. Ночью морозъ простирается до 6 градусовъ по термометру Реомюра. Мы поднялись въ 4 часа утра, въ 8 часовъ отправили нашъ обозъ изъ *Урги*, и наконецъ въ 10 часу, просиявъ съ Теригуномъ Харцагаемъ, почтеннымъ Тусулахчиемъ Деминшомъ и Закирохчиемъ Дармацапомъ, оставили грязное Ургинское подворье, къ душевному удовольствию всѣхъ Членовъ Миссіи.

До воспочнаго Субургана, о комъ выше упомянуто, мы шли пѣшкомъ, пользуясь ясною и теплою погодой. Намъ безпрестанно встрѣчались поклонники Гегена, спремившіеся шолпами въ его капища. Новый Закирохчи, копорому надлежало проводить насъ до слѣдующей станціи, чѣмъ не отправившись въ путь безъ благословенія Купухшы Гегена, въ глазахъ нашихъ сдѣлалъ близъ шогоже Субургана нѣсколько земныхъ поклоновъ, обращаясь умиленнымъ лицомъ къ кумирнямъ. Тусулахчи Деминшъ, не по долгу службы, но по дружескому расположенію, какъ говорилъ онъ, проводилъ меня вершины 3 отъ *Урги*; а пошомъ возвратился, для дозесенія Вану о благополучномъ выгздѣ Миссіи.

Отъ самой *Урги*, вверхъ по рѣкѣ *Толь*, ѣхали мы въ прямомъ направленіи къ востоку верши 10,

по дорогѣ, усыянной камнями. Маймачень оспался у насъ вправѣ; позади огородовъ видно было нѣсколько деревянныхъ крышъ, успроенныхъ надъ могилами умершихъ здѣсь Кипайцевъ. Пошомъ перребрались мы черезъ рѣчку *Улютуй*, шекущую съ сѣвера на югъ и впадающую въ *Толу* съ правой стороны. Въ вершинахъ оной рѣчки содержался до сего нашъ табунъ: дѣйствительно, правы намъ вовсе не было примѣтно; а лежашъ одни камни. Съ лѣвой спороны опгъ нашей дороги цѣпъ горъ; а съ правой возвышается царствевная Хан-ола, за *Толою*. Сія рѣка дѣлишя шущъ на многіе рукава, болге или менге глубоки; вода ея, какъ и во всѣхъ почпи горныхъ рѣкахъ, шекущихъ по щебню, весьма прозрачна. Прошивъ горы *Байнѣкжирухѣ* [по Монг. богатое сердце] прсрѣхали мы на лѣвый берегъ *Толы*. Два Монгола Шабивскаго вѣдомства распоряжали переходомъ вбродъ: шеченіе рѣки весьма быспрое.

Манжуръ Тулмшенъ, вхавшій по симъ мѣспамъ въ Россію 1712 года, говоритъ [1], что рѣка *Толы*, во время его проѣзда, въ началъ Септября имѣла опгъ дождей большое наводненіе; вбродъ перейппи было не возможно, а для перевоза не имѣлось никакихъ судовъ, и они нашлись принужденными, въ ожиданіи уменьшенія прибылой воды, спозашъ при ней шрое суюокъ. Путешественники ловили шущъ рыбу; поймали болге деслппи судаковъ и шукъ, изъ

(1) См. приведенное выше его Путешествіе, стр. 26 и слѣд.

коихъ каждая была длиною болѣе аршина. Помомъ заспрѣлили ружьемъ на Ханолъ весьма большаго оленя. „Рѣка *Толы*, продолжаешъ Тулишенъ, выходящъ изъ подошвы западной спороны горы *Гентей*, и проишкая на западъ, вливаешся въ *Орхонъ*, текущій изъ горы *Хангай*; она обходитъ шъ мѣста, гдѣ Чжабцзюнь Домбо Кушухша [прежде] и Тушешу Ханъ кочуютъ, спремилса къ сѣверозападу и наконецъ соединяелса съ Селенгою. За *Толою* на сѣверной споронѣ естъ при горныхъ хребста, называемые Сонгитъ; тамъ въ оврагахъ при большіе меночника, извѣстные подъ названіемъ Сельби. Горы весьма высоки, съ оспрыми ущесами; переэды чрезъ нихъ весьма прудны и шѣсны. Въ оврагахъ роспешъ густая шрава и спедюшся прекрасные цвѣшы, кои блескомъ своимъ поражающъ взоры, предспавляя пріятную каршину.“

Ипакъ, мы за *Толою*. На разспояніи отъ Кяхшы до *Урги* намъ все еще казалось, что пушешивуемъ по внутрешней обласи, прилегающей къ границѣ Россійской и населенной нашими Бурияшми: сполько сходспва въ видахъ и произведешіяхъ природы. Но первый шагъ за *Толу* открываешъ, что мы уже въ чужой землѣ. Выпивши спаканъ свѣжей воды изъ рѣки—последней до самой Кишайской Великой сѣшны, мы двинулись въ камеништыя, мрачныя пуспыни Монгольскія.

Отъ лѣваго берега *Толы* дорога принимаешъ направление къ юго-воспоку, удерживая оное почти

до самаго Пекина, исключая небольшихъ излучинъ между спанціями. Верспъ 15 ѣхали мы все въ гору, по обломкамъ камней. Съ правой спороны на нѣсколько верспъ прилегаетъ къ дорогѣ отрасль Ханомы; на оной торчатъ огромные камни, какъ бы исполины, поднявшіеся для того, чшобъ по-смотреть на знакомыхъ Россіянъ. Самая вершина сей горы покрыта соснами, липвенницами, опчасни же березою. Изъ хребта вытекаеть много ручьевъ, кои соспаляютъ рѣчку *Кулѣ*, впадающую въ *Толу* [1]. По низменнымъ мѣстамъ, у подошвы хребта паслись стада буйволовъ. На разстояніи отъ берега *Тола* до высоты *Налихи* видѣли мы близъ дороги много юртъ, весьма бѣдныхъ; у каждой почти изъ оныхъ стояли новые окрюки [для поимки лошадей], спицы и круги для юртъ и ш. п. Всѣ сѣи деревянныя издѣлія продаются жителямъ Гобійской степи, совершенно безлѣсной.

Прѣхавъ верспъ 15 отъ *Тола*, мы поднялись на высоту, отъ коей верспъ 5 шли до *Налихи*. Съ оной высоты увидѣли мы впереди обширную равнину; а долина, просширающаяся къ *Толѣ*, скрылась уже отъ нашихъ глазъ. Пошва земли перемѣнилась въ мѣлкій щебень. На лѣвой споронѣ предспаляются глазамъ обнаженныя каменные горы, въ коихъ печеть *Толѣ*. Въ одной изъ глубокихъ пропащей оныхъ горъ, по словамъ Монголовъ, должны хранишься несмѣшныя сокровища золота и

(1) См. карту, приложенную въ сей Часши.

серебра, занесенныя въ давнее время хищниками. Спрашныя бездны и вредныя испаренія не позволяють проникнуть пуда опважнѣйшимъ изъ смершныхъ.—Мѣсна сія вообще достопамятны въ Исторіи Халхаскаго Княжества по бышвамъ Монголовъ, во время нападенія на сію страну знаменитаго Зюнгарскаго владѣльца Галдана, въ концѣ XVII вѣка: эпоха присоединенія Халхасовъ подъ зацщипу и подданство Манжуро-Кипайскихъ Государей.

Скажемъ о семъ обстоятельствѣ нѣсколько подробнѣе, основываясь на извѣстіяхъ самихъ Монголовъ.

*

По смерти Халхаскаго Алпанъ Хана въ 1657 году, принялъ владѣніе послѣ него старшій сынъ Лобзанъ Тушешу Ханъ; а другой его сынъ былъ первымъ Монгольскимъ Купухшою. Около того времени Шигемуніева вѣра въ Монголіи сполько уже разпроспранялась, что изъ владѣвшихъ въ одномъ Халхаскомъ Княжествѣ шрехъ независимыхъ Хановъ, каждый хотѣлъ имѣть въ своемъ Аймакѣ особливаго, отъ другихъ независимаго Первосвященника. Тушешу Ханъ прребовалъ первенства своему брашу Чжабцзюнь Домбо Купухшнѣ, потому что опецъ ихъ былъ знаменистѣйшій Ханъ Монголіи, и что въ Чжабцзюнь Домбу вселился первый Монгольскій Купухша. На прошивъ того, Цзасхшу Ханъ доказывалъ преимущество сына своего

Кунтухшы Галдана [1] пѣтъ, чпо обирающій въ немъ Бурханъ Махагалланъ [2] несравненно сильнѣе Бодди Садо Дарнапу [3], вселившася въ Лобзано-

(1) Здѣсь открывається противорѣчіе относительно происхожденія Галдана. Вообще счищаютъ его сыномъ того Батуръ Хунъ Тайцзіа (Коншайши), владѣтеля Олушскаго или Зюнгарскаго, кошорый, по разпространеніи Россіаки завоеваній въ южной Сибири, сдѣлаася извѣстнымъ Московскому Двору своимъ съ нимъ сношеніями. Впрочемъ, сосѣдство земель Цасахшу Хава съ областію Зюнгаровъ легко могло дать поводъ къ такой сбивчивости. Сравните извѣстія о войнѣ Галдана съ Халхасами и Кишайцами: а) *Дюгалда*, въ его книгѣ Description de la Chine et de la Tartarie Chinoise, на основаніи записокъ Езуита Гербильона; Ч. IV, стр. 55-62. б) Г. *Липовцова* (Надв. Сов. и Переводчика Кипч. и Манж. языковъ при Азіатскомъ Департ. Мин. Иностр. Дѣл) Обзорѣіе Зюнгариі, напечат. въ Сибирскомъ Вѣспникѣ за 1821 годъ. Сія любопытная справъа, написанная весьма искуснымъ перомъ, доказываетъ глубокія свѣдѣнія въ Китайской Исторіи, пріобрѣтенныя сочинителемъ во время пребыванія въ Пекинѣ съ 1794 по 1808.

(2) Куниръ сего Вурхада бываетъ снѣго, чернаго, или же бѣлаго цвѣта; онъ имѣетъ ужасное пламенное лице, при глаза и шесть рукъ; иногда изображаютъ его ѣдущимъ на слонѣ или урѣдѣ человѣческомъ съ головою слона. Вообще почитаютъ его воднымъ божествомъ; другіе же полагаютъ его мѣспребываніе въ справшой лѣсной пустынѣ, лежащей въ юговосточной частн сѣва и называемой Серигунъ Чичерликъ.

(3) Сіе священное лице степеню ниже Вурхана; но, подобно Индѣйскому Врамѣ, естъ заслупникъ рода теловѣческаго: прошивоборшуваетъ алымъ духамъ, пріемлетъ души умирающихъ, достойныхъ блаженства онъ вводитъ въ назначенное для нихъ жилище, исподволь освобождая отъ мученій и шерающихся грѣшниковъ. Его изображаютъ на картинахъ въ легкомъ одѣвнн, съ пріятною наружностью, съ двумя руками и съ великимъ мможешвомъ лицъ, въ шри рада сложенныхъ въ видѣ конуса.

ва брата. Для рѣшенія сего важнаго спора, положено было собрать Сеймъ. Но Тушешу Ханъ, не дождавшись шого, велѣлъ захваченному имъ въ плѣнъ подданному Цзасахшу Хана опсрубить голову, и плѣло его, привязавъ къ лошадиному хвосту, опсвезти къ Цзасахшу Хану, съ объявленіемъ, что онъ впредь не можетъ присылать ему лучшихъ извѣстій. Послѣ сего Гаданъ Купухша опсправился въ Тибетъ къ Далайламѣ, при кошоромъ онъ провелъ первыя лѣта юности, бывъ въ числѣ опспличныхъ Ламъ, и просилъ о снятіи съ него духовнаго сана. Далайлама опсвѣчалъ темно, неопредѣлительно и. е. что онъ ему на шо ни да, ни *нѣтъ* сказать не можетъ, а все предоспавляетъ собспвенному его произволу. При шакомъ разрѣшеніи, Гаданъ назвалъ себя Ханомъ съ шишуломъ Бошохпу, кошорый принадлежалъ дошолъ однимъ шокмо Чингисовымъ попомкамъ; принялъ вооруженный Аймакъ опца своего Цзасахшу Хана въ свои повелѣнія и началъ войну съ Тушешу Ханомъ, съ шакою яростію, что нѣкошорые Монголы, опновываясь на преданіи опсцовъ своихъ, доселѣ воспоминающъ съ ужасомъ о погдашнемъ кровопролитіи и спрахѣ Гаданова имени. Всякій бѣжалъ, куда шолько можно было, и многія штысячи Халхасовъ померли съ опсчаянія и голода. Тушешу Ханъ, съ братомъ своимъ Купухшомъ, принужденъ былъ сначала спсаться бѣгшвомъ; а наконецъ не нашелъ къ избавленію своему другаго сред-

спва, какъ опдашь себя въ покровительство Манжуровъ, кои въ то время овладѣли Кишайскимъ Государствомъ. Для переговоровъ о помѣ, самъ брагъ его Кушухша поѣхалъ въ Пекинъ и принягъ былъ шамъ опмѣнно ласково. Посланныя на помощь Тушепу Хану Кишайскія войска, сополяшнїя по большей часпи изъ вспунившихъ въ подданство прежде того Даурскихъ и Монгольскихъ малыхъ Аймаковъ, разбивъ упомяннаго многими сраженїями Бошохпу Галдана, принудили его бѣжашъ въ Зюнгарию. — Такъ говоряшь о семь Монголы.

Императоръ Канси [второй Манжурскій Государь на Пекинскомъ престолѣ] шѣмъ съ большею дѣлительностію принялъ участіе въ бѣдспвенномъ междуособїи Халхаскаго Княжества, что Пекинскій Дворъ пвердо рѣшился порабощить всю Монголію своему владычеству. Пягъ многочисленныхъ ополченїй, соспавленныхъ изъ опборныхъ воинновъ, гошovy были вышупить изъ Кишай въ Монголію. Самъ Императоръ, для лучшаго успѣха въ начашой имъ войнѣ, принялъ главное надъ ними начальство и повелъ ихъ прошивъ Галдана [1]. Слѣдспвія скоро показали великое неравенство въ военномъ искусствѣ сихъ

(1) Журналъ сего похода ведень О. Гербильономъ, находившимся въ службѣ Кишайской; онъ взягъ былъ Кансіемъ въ поле для географическихъ наблюденїй о Монголіи. Записки его напечатаны у Дюгальда въ IV Часпи, особливо на сшран. 385 и слѣд.

двухъ непріятелей. Сколько Кышайскій Государь дѣйствовалъ оспорожно, располагая движеніями своими съ особеннымъ благоразуміемъ, столько напрошивъ того Бошохпу Ханъ показалъ нерадѣнія и невѣжества въ своихъ распоряженіяхъ. Чрезвычайное пресвосходство непріятеля въ силахъ и многочисленная артиллерія скоро привели Олушовъ въ замѣшательство и обратили ихъ въ бѣгство. Послѣ сей несчастной битвы Галданъ не могъ помышлять о сопротивленіи Кышайцамъ, и старался только о спасеніи хопя оспацковъ разбишаго своего войска; но непріятель вездѣ пересѣкалъ ему дороги. Едва успѣлъ онъ дойти до горы Терелжи, какъ встрѣчилъ его пушк. Фянгу, Кансіевъ полководецъ, и довершилъ въ Іюнь 1696 поражение, на копоромъ жены и дѣти Галдана со многими Олушскими военачальниками взяты въ плѣнъ побѣдителямъ. Сіе происшествіе сколько бѣдственно было для Галдана, столько полезно для Кансіа, копорый, подъ видомъ защитника Халхаскихъ Хаповъ, присвоилъ себѣ надъ ними неограниченное господство. Преперѣнное поражение, невозвратная уштрапа завоеваній и ропотъ подвластныхъ привели Зюнгарскаго Бошохпу-Хана Галдана въ совершенное отчаяніе. Онъ не могъ пережить своего несчастія, и умеръ въ слѣдующемъ году отъ жестокой печали; а если вѣрится опъзыву самаго Кансіа, Галданъ пресѣкъ жизнь свою принявшимъ ядомъ. —

Не излишнимъ считаю присовокупить здѣсь описаніе бывшей Зюнгаріи, сдѣланное однимъ Кыпайскимъ Чиновникомъ [1], жившимъ три года въ шѣхъ мѣстахъ.

Спрана, лежащая на сѣверъ отъ хребта Имауса или *Снѣжнаго* [Himala, а по Кып. *Сюэй-шань*] принадлежала Зюнгарамъ. Послѣ неоднократныхъ вторженій Манжуровъ въ Зюнгарію, невзирая на мѣры предосторожности, установленныя мужественными Ханами Цеванъ Раптаномъ и Галданъ Цырѣномъ, междоусобныя вражды Давація и Амурсаны довершили погибель сей раззоренной области. Въ 1756 году она присоединена къ Имперіи Кыпайской и составляетъ нынѣ сѣверную полосу снѣжныхъ горъ. Сей хребетъ, счисляя отъ крѣпости Цзіюй [2], отъ востока къ западу имѣетъ протяженія болѣе 9,000 *ли* [3] и служитъ рубежомъ между южною и сѣверною полосами до самой Яркѣи; отсюда поворачивъ на югозападъ, уходитъ въ Индостанъ, гдѣ новый сдѣлавъ поворотъ къ западу, перелетъ въ неизвѣстныхъ спранахъ. Славнѣйшія и высочайшія изъ горъ сего края находятся:

а) Подлѣ Харашара хребетъ *Юлмусѣ*, болѣе 100 *ли* имѣющій въ окружности. Воды онаго чисты, правы пучны и мѣста привольны для пасбищъ.

(1) Записки его напечатаны въ Пекингѣ на Кыпайскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Сц юй. сынъ цзюнь лу*, ш. е. Описаніе Западнаго края.

(2) Въ сѣверозападномъ углу Кыпая; отъ оной начинается Великая стѣна, идущая пономъ къ востоку.

(3) Каждый двѣ *ли* равняются цочии нашей верстѣ.

б) У Ярляни гора *Миржай* [собственно Капшашъ]. Она вся состоитъ изъ бѣлой яшмы, а далѣе на западъ превращается въ ледяную гору, ставшую ужасною и труднѣйшею для перехода; но несмотря на сіе, чрезъ нее проложена большая дорога изъ Ярляни въ Индію. Сей хребетъ искони служилъ хранилищемъ льдовъ и снѣговъ, коихъ потоки, зимою и лѣтомъ, низвергались съ южной стороны горъ, разливаясь по южной полосѣ, и орошая собою разные города, наконецъ все соединяются въ озеро Лобъ.

в) Близъ Урумци хребетъ *Бѣдо*, на кошоромъ при шпичатѣ вершины отражаютъ солнечныя лучи льдомъ и снѣгами, на подобіе кристалловъ; касаясь облаковъ, онѣ закрываютъ собою солнце и луну.

г) Между Или и Ушемъ *Ледяная* гора [Мусуру], кошорая вся сребрилась отъ лежащихъ на ней льдовъ; чрезъ сію Ледяную гору проложена дорога изъ южной полосы въ сѣверную, именно изъ шакъ называемой малой Бухаріи ш. е. В. Туркестана въ Илійскую область.

По сѣверную сторону оной горы лежатъ почтовая станція Гакца Хархай, а по южную Терме Хада, одна отъ другой отстоящая на 120 ш. е. около 60 верстъ. Какъ пойдешь отъ Гакца Хархая на югъ, то прежде всего предстанетъ взору необозримое снѣжное море. Зимою снѣги бывають весьма глубоки; а лѣтомъ ледъ,

снѣгъ и шопя. Люди и скотъ проходятъ вдоль нагорья, боковыми излучистыми пропями. Кпо, по неоспорожности, оступился въ снѣжное море, шопя навсегда погружается въ ономъ. Прощедъ сими пропами 20 ли [около 10 верстѣ], очутишся у Ледяной горы, на кошорой нѣтъ ни песку, ни травы, ни деревьевъ; но повеюду ужасныя, высочайшія скалы возгроможденныя одна на другой въ нѣсколько рядовъ, и всѣ состоятъ изъ одного льда. Когда посмотришь въ щелины ледяныя; но внизу представляется одна мрачная пустоша, и во все не видно дна. Шумъ водъ, подъ льдами шекующихъ, ошдается подобно грому. По снѣмъ льдамъ ходятъ, набросавъ лошадиныхъ и верблюжьихъ копей; а въ крупныхъ мѣстахъ высѣкаютъ ступени, за которыя цѣпляются при входѣ и спускѣ, но безпрестанно скользятъ; кпо же неоспорожно ступишь одинъ шагъ, мгновенно низвергается въ пропасти. Люди и скотъ, при переходѣ чрезъ сію гору, шянутся вереницею и всѣ дрожатъ отъ ситраха. Индѣ встрѣчаются каменя малыя въ кулакъ, а большія въ нѣсколько сажень величины, и шполятъ иногда на шонкой ледяной подпоркѣ; путешествующіе неминуемо должны проходитьъ подъ ними. Если же въ дорогѣ заспигнешь ночь; по надобно сыскашь большой камень и на немъ лечь. Въ тихую ночь слышны пріятныя шопы, какъ будто звуки разныхъ музыкальныхъ орудій: это есть эхо, происходящее отъ треска

ближнихъ и опдалсныхъ льдовъ. Дорога также не всегда черезъ одно мѣсто лежитъ. Есть одинъ священный звѣрь, не волкъ и не лисица; каждое утро идушь слѣдовъ его, и когда по нимъ идушь, то не бываетъ ошибки. Есть еще орелъ, пепельнаго цвѣта; заблудившіяся съ дороги идушь на голосъ его, и возвращающа на надлежащій путь. Далѣе къ западу горныя вершины, очевидно сползающія, покрыты дремучимъ лѣсомъ, издали темнѣющимъ; но не возможно взойти на оныя. Черезъ 80 ли [40 в.] спавція Терме Хада. Здѣсь съ ужаснымъ стремленіемъ низвергается рѣка, выходящая изъ подъ горъ ледяныхъ; она течетъ на юговосшокъ, раздѣляется на многія опрасли и впадаетъ въ О. Лобъ. Отъ Терме Хада къ югу, на четыре дни пути, лежатъ обнаженныя степи, гдѣ не растетъ ни одной былинки. На 80 или 90 ли отъ спавціи, повсюду огромные камни; скотъ на пастбища долженъ проходить разсѣлинами ихъ. Упскій Комендантъ, ежегодно посылаетъ чиновниковъ приносить жершву Ледной горѣ; молишва же на сей случай прислана изъ Чиноположенельной Палаты Пекинской.

Въ поясненіе вышесказаннаго присовокупимъ, что льды собственно лежатъ на самой вершинѣ упоминаемой горы, вдоль хребта, на неопредѣленное пространство въ длину; но въ ширину по хребту не болѣе $\frac{2}{3}$ версты. Ежедневно утромъ по 10 человекъ съ обѣихъ сторонъ прорубаютъ спупе-

ны для восхода и спуска; но сія спускени послѣ полудня заглаживающа опть шаяніа. Лѣпомъ, во время дождей, здѣсь идетъ свѣгъ. Хребещъ сей вообще сиоль высокъ и спремнисптъ, чпо неминуемо должно было чрезъ Ледяную гору проложити дороги съ сѣверной спороны въ южную. Иногда льды прескаюцца подь ногами путешественниковъ, и люди погибаюцца въ свѣхъ прещинахъ. Магомешане ш. е. жишели Воспочнаго Туркешана предъ восходомъ на сію гору, приносятъ овна въ жерыву и попомъ пускаюцца въ пушь. При подошвѣ сей горы пакже всегда идуптъ свѣги; но дождей не бываештъ. Наконецъ думашъ надобно, чпо выше упомянутой священный звѣрь и орелъ, еслибъ не было костей, набрасываемыхъ по дорогѣ, не посъщали бы сей горы, и не могли бы служити проводниками по какому - то сверхъестественному внушенію.

Въ упоминаемой странѣ, прешней Зюнгаріа, извѣстной пеперь у Кышайцевъ подь именемъ Илійской обласши, находяцца города: *Баргѣлѣ, Урумци, Или, Тарбахтѣй.*

1) *Баргѣлѣ* лежитъ на сѣверозападѣ опть города *Комуна* или *Хами* чрезъ 300 ли; на югъ граничитъ съ *Комуномъ*, къ сѣверу съ *Халкаскимъ Княжесшвомъ*, на западѣ съ *Урумци*. Въ семъ мѣспѣ поставленъ сильный гарнизонъ; опредѣленъ одинъ Генералъ съ 1000 семейныхъ солдатъ *Манжурскихъ*, и одинъ Генералъ съ 3000 *Кышайскаго* войска. На-

рода переселенно туда очень довольно. Жары и стужа, прошивъ прежняго, перемѣнились. Климашъ собственно очень холодеетъ. Иногда въ Юнѣ снѣгъ падаеть хлопьями, и нельзя обойтись безъ шубы; но въ послѣднихъ годахъ можно спало сѣять пшеницу, ячмень и просо.

2.] Городъ *Урумци* построень при мысѣ Красной горы. Здѣшнія мѣстоположенія пріятны; земля повсюду тучная, имѣеть пасбища и воды превосходныя, и очень способна какъ для земледѣлія, шакъ и для скоповодства. Въ 1765 году опредѣленъ здѣсь Главнокомандующій съ двумя Генералами. Опъ стараго города чрезъ 8 ли, на осьми холмахъ еще построень городъ, имѣющій въ окружности болѣе 10 ли, копорый наименованъ Гунгу. Въ немъ поселено 3000 семейныхъ солдатъ Манжурскихъ съ 78 человеками офицеровъ; сверхъ сего 2000 семейныхъ солдатъ Кипайскихъ, при которыхъ болѣе 100 офицеровъ. Въ спаромъ городъ поставленъ одинъ Инспекторъ съ 3000 войска, въ копоромъ болѣе 100 высшихъ и низшихъ офицеровъ. Недавно изъ Ганьсу [обласъ въ губерніи Шаньси] перевели туда много поселянъ, да изъ Имперіи отправлено нѣсколько тысячъ преспушниковъ: всѣ они разселены на земляхъ Чжанкѣй и Манасъ и распакали шамошнія степи. Въ Урумци шорговья улицы обширны; народъ опвсюду спекаешся въ великомъ множествѣ; чайныя шракширы, корчмы, комедіаншы, *маленькіе пльсельники*, разные масперовые и

рабочіе находящся шамъ въ большомъ числѣ. Повсюду видно богатство и изобиліе. Въ 1775 году Императоръ Цяньлунъ переименовалъ сей городъ самостоятельнаго областью Дихуа; въ немъ построены: гимназія, два капища, областная и уездная школы. Съ западной стороны городъ окружается грядою песчаныхъ горъ, изъ коихъ во множествѣ добываютъ каменное уголье. На юговосточной сторонѣ города возвышается хребтъ Богдо Ола.

Неподалеку отъ Урумци, въ 30 ли на западъ отъ станціи Бырке Булакъ, говорятъ, есть мѣсно, имѣющее болѣе 100 ли въ окружности, покрытое лепучимъ пепломъ. Если бросишь шуда какую нибудь вещь: пощчасъ появишся пламя, и вещь во мгновеніе превращается въ пепель. Если бросишь камень; то подымешся черный дымъ. Зимомъ, когда выпадешъ глубокій снѣгъ, здѣсь вовсе не бываетъ онаго. Мѣсно сіе обыкновенно называется *пламенѣмъ*, и пищцы не смѣютъ лепашъ чрезъ оное. — Равнымъ образомъ на границѣ между Урумци и Или есть мѣсно, проспирающееся на 90 ли въ окружности. Издали оно кажется покрыто снѣгомъ; а земля подобна солончакамъ и послѣ дождя швердѣетъ. Если бросишь шуда камень; то издается звукъ дерева, ударяющагося о желѣзо [не лава ли?] Если люди или скотъ, по ошибкѣ, зайдушъ шуда на нѣсколько шаговъ отъ краю; то навсегда погру-

жаются въ пропаснь. Сіе мѣсто называютъ *пепельною лмой*.

3] *Или* принадлежалъ Зюнгарамъ и состоялъ резиденцію Хана ихъ. Въ 1754 Амурсанъ [1], посорившись съ Ханомъ Зюнгарскимъ Даваціемъ, съ Аймакомъ своимъ пришелъ въ городъ Кукухотъ [Гуйхуачень], и всунилъ въ подданство Кипая. Императоръ Цяньлунъ принялъ его, приказалъ ему идти съ войсками противу Давація, и земли сего послѣдняго были завоеваны. Послѣ сего Олуши сряду нѣсколько лѣтъ оплагались и производили смяшенія, во время копорьихъ около милліона Зюнгаровъ обоего пола истреблено оружіемъ, и спрана сія опустѣла. Государь приказалъ Главнокомандующему съ Манжурскими и Кипайскими войсками поселиться въ Или и завѣдывать обѣими Ливіями: *сѣвѣрною*, Илійскою областію, и *южною* п. е. Восточнымъ Туркешаномъ. Генералы, Правители, Инспекторы Кипайскихъ войскъ и помощники ихъ, всѣ состоятъ подъ распоряженіемъ Главнокомандующаго [по Манж. Цзяньцзюнь]. Онъ же завѣдываетъ Олушами, Торгоушами и разными Туркешанскими ордами.

(1) Амурсана былъ послѣдній Ханъ Олушскій, умершій въ Россіи; но онъ, какъ буншовщикъ, ошложившійся ошъ Кипайской Имперіи, не считается въ числѣ Хановъ. Жена его привезена была въ Пекинъ, гдѣ въ народной шюрѣхъ родила сына. Сей принцъ воспитанъ былъ въ заключеніи весьма дурно: во шюремшики всегда называли его принцемъ. Онъ умеръ 40 лѣтъ ошъ роду.

При рѣкѣ Или [1] основанъ городъ, болѣе 8 ли въ окружности имѣющій, обыкновенно называемый *Или*, но отъ Императора Цяньлуна переименованный *Гуйюанемъ*. Главкомандующій имѣетъ здѣсь всегдашнее пребываніе. Солонскіе, Сибоскіе, Цахарскіе, Олупскіе и управляющіе Туркеспанскими городами Генералы живутъ при Главкомандующемъ внутри города. Изъ Сиани отправлено сюда 3800 солдатъ Манжурскихъ съ семействами и при нихъ 128 офицеровъ. Болѣе 2000 преступниковъ изъ Китая переселено для казенныхъ службъ; а по сему войска шамъ очень много и великое спеченіе торговыхъ людей. Войска Манжурскія, Китайскія, Солонскія, Цахарскія, Сибоскія, Олупскія и Туркеспанскія болѣею частію размѣщены въ окружности города. Въ 15 ліяхъ на востокъ отъ Или находятся горы, называемыя Хонгоръ; въ нихъ много каменнаго угля, а внутри есть и желѣзные руды.

Въ полуверстѣ отъ города протекаетъ рѣка Или; она соснавляется изъ рѣкъ Хаша и Парцини или Тегиса. Принимая множество горныхъ ключей, р. Или расширяется и течетъ съ великою быстротою, крутыми излучинами; для переезда находящаяся лодки; въ ней много бѣлой рыбы и выдръ. Чрезъ 700 ли отъ города на сѣверозападъ, она скрывается въ пески. На южной сторонѣ рѣки есть об-

(1) Народы, говорящіе Турецкимъ языкомъ, какъ то: наши Ташкеры, Киргизы и Бухарцы эту рѣку называютъ *Или*.

ширная долина, на которой поспроено восемь карауловъ, заселенныхъ 1000 человекъ гарнизона Сибирскаго съ семействами. Они раздѣлены на восемь знаменъ и имѣютъ Главноуправляющаго съ помощниками. Между ими живутъ и Туркестанцы, занимающіеся земледѣіемъ. Сѣверовосточная спорона покрыта дремучими лѣсами, гдѣ есть волки и дикіе бараны. На западѣ камышевыя болоша, въ которыхъ много водятся дикіихъ козъ и кабановъ. На западѣ отъ города есть двѣ рѣчки Хоргосъ и Цициханъ, около которыхъ кочуютъ 600 человекъ Солонцовъ и 400 Даурцевъ военныхъ съ семействами.

Илійское вѣдомство обширно и имѣетъ множество горныхъ дорогъ. Къ сѣверозападу и югозападу граничитъ оно съ иноспранными владѣніями; къ сѣверу смежно съ Тарбахшаемъ; на югъ Новая или Туркестанская Линія, а на востокъ прилежитъ оное къ Урумци. Для огражденія съ сѣверной стороны, учреждено 12 спанцій военныхъ и 30 карауловъ. Земля сія собственно соспавляла кочевья Зюнгаровъ, которые пинались отъ скошководства; а о земледѣіи пеклись мало. Для расположенныхъ здѣсь Китайскихъ войскъ пошребенъ спалъ провіантъ; почему и распахали степныя мѣста. 6,000 семействъ Туркестанскихъ обѣвають землю и вносятъ въ казну хлѣбъ, котораго только что доставалъ на выдачу провіанта. На жалованье и фуражъ офицерамъ и солдатамъ, а равно на соль и зелень

ежегодно изъ Имперіи доставляютъ сюда болѣе 500,000 ланъ [1 мил. рублей] серебра, да нѣсколь-ко тысячъ кусковъ апласу и гродешуру для про-мѣна Хасакамъ или Киргизамъ на скотъ, кошорый продается съ публичнаго торга и деньги упоп-ребляютъ на войско. Сверхъ того собирается по-земельнаго и пошляна болѣе 40,000 ланъ серебра, кошораго, со вносимою въ Туркешанскихъ горо-дахъ вмѣсто подашей хлопчатною бумагою, хол-стомъ и проч. достапочно на годовое содержаніе. Какъ деньги здѣсь, по рѣдкости своей, были доро-ги; по въ 39 лѣтѣ Цяньлуна [1774] дозволено съ городовъ Аксу, Яркяни и Бюгура, въ зачепъ хлѣ-ба, брашь до 8000 гиновъ мѣди, изъ кошорой че-каняпся деньги на Илійскомъ монепномъ дворѣ. Одному изъ Генераловъ предписываепся, съ 500 солдапъ, объѣзжашъ единожды въ годъ Хасакскія или Киргизскія границы, для собранія ясака. Бе-решся одна голова со спа коровъ и одинъ баранъ съ тысячч. Олушскіе Тайцзи и чиновники Тур-кешанскихъ городовъ въ концѣ каждаго года, по очереди, отпрапляютъ къ Кишайскому Двору съ данію. Хасаки ѣздяпъ въ Пекинъ чрезъ при года; а для Киргизовъ не положено срока. Если же они пріѣзжашъ; по обыкновенно вмѣспъ съ очередью Туркешанскою, въ исходѣ года.

4] *Тарбахтай* опъ природныхъ жипелей име-нуешся *Таштавою*. Округъ онаго зависѣлъ опъ ор-ды Олушской. Еспъ еще мѣспа Яръ и Чухучу

[Чугучакъ], въ кошорыхъ Амурсана имѣлъ свои кочевья. Послѣ 1755 года Зюнгары побѣдили его. Амурсана бѣжалъ на сѣверъ [въ Россію] и мѣста сія оспались пущыми. Войска Кипайскія, покоривъ Или, овладѣли и сею землею. Пространство ея обширно: къ югу до самой Или имѣетъ она 18 станицъ, къ сѣверозападу до Хасакаской границы [Большой орды] на семь дней, къ западу до Хасаковъ же на три дни пущи, къ сѣверовостоку простирается до самыхъ предѣловъ Россіи, почши на 500 ли, и караулы двухъ Государствъ споятъ одинъ противъ другаго. Прежде пограничное Начальство имѣло пребываніе на сѣверозападѣ; но тамъ очень холодно. Зимой снѣгъ выпадаетъ около 10 фушовъ глубиною; а лѣпомъ множествомъ ядовитыхъ змѣй, особенно мошекъ; почему мѣсто-пребываніе Генераловъ перенесено въ Чухучу, которое Кипайскій Государь переименовалъ Тарбахшасмъ. Здѣсь построили земляной городъ, въ кошоромъ опредѣлены два экспедишора, три пнсаря, одинъ Комендантъ и семь караульныхъ Офицеровъ. По введеніи сюда гарнизона, попребенъ спалъ провіантъ; почему и водворили 1000 пахатныхъ солдатъ Кипайскихъ, съ однимъ Полковникомъ, да изъ Или по очереди опправляющъ сюда 1500 Манжуровъ и Монголовъ, для спражи. Ежегодное жалованье доставляютъ имъ опчаспи серебромъ, опчаспи шелковыми матеріями, кошорыя промѣниваютъ Хасакамъ на быковъ, овецъ, верблюдовъ и

лошадей, продаваемых съ публичнаго шорта; вырученные за нихъ деньги упошребляюптъ въ расходъ. Когда въ 36 лѣто Цяньлуня [1777] Торгоушы [Калмыки] пришли въ подданство; тогда болѣе 3000 человекъ, изъ поколѣнія Князя Цебекъ Дорчжия, поселены на восточной споронѣ города, на чешырехъ спойбицахъ по рѣкѣ Хобокъ и хребту Зарі, гдѣ они по своей волѣ перекочевываютъ. Произведенія сей земли супъ рыба и всякаго рода дикіе звѣри; много дикихъ кабановъ, бурыхъ медвѣдей и сайгъ. Тамъ водится пшца, величиною съ домашнюю курицу; часно садится на деревья, по чему и называется древесною курочкою; она имѣетъ перья зеленыя подобно попугасвымъ.

Симъ заключаю крашкія извѣстія о географическомъ положеніи Зюнгари, нынѣ Илійской области. [1]

Впередѣ по нашей дорогѣ горы спановящія ниже и глаже; не примѣпно ни большихъ впадинъ, ни выпуклостей: кажется, все мало по малу сливается въ одну массу, чшобы соспавить Гоби—сію высочайшую плоскость Средней Азии. Прѣхавъ еще верспъ 5, прибыли мы въ 4 часа по полудни на спанцію *Налиха*, опспоящую опъ *Уреи*

(1) Полное собраніе прежнихъ свѣдѣній о сей странѣ можно читать у *Риттера*, въ его учебномъ швореніи *Erdkunde*, 1817; Ч. I, стран. 478—487.

въ 35 верстахъ. Жишели здѣсь гораздо бѣднѣе въ сравненіи съ шѣми, кои кочуютъ по сѣверную сторону *Урги*. Много мальчиковъ подбѣгало къ намъ просить милоспѣи, невзирая что здѣсь видны были стада овецъ и верблюдовъ, кои въ сихъ мѣстахъ весьма росли* и шучны.

Спанція влѣвъ опъ дороги, близъ небольшого озера. Для Мисси изготовлены были только двѣ юрты; но по прѣгованію моему, Бисхени употребилъ провожавшаго насъ Халгачи пославилъ еще одну юрту, особо для Спуденшовъ. Здѣшнія юрты весьма неудобны, шѣсны и вѣшки; припомъ, вмѣсто дровъ, надлежало употреблять какъ для пригоготовленія кушанья, такъ и для нагрѣванія юрты, *аргалъ* часто сырой, да и топъ Монголы опшускали намъ не щедро, сберегая оный для себя на зиму. Впрочемъ аргалъ есть вещество, хорошо горящее, и, не издавая прошивнаго запаха, производитъ мало дыму, но много жару. Даже посреди юрты сильнаго Монгольскаго повелителя, Мынгэ Хана, горѣлъ на очагъ коровій навозъ съ шерновымъ куспарникомъ и полынью, въ то время [въ Январѣ 1255], когда предспавлялись ему Посланники, справедливыѣ проповѣдники Французскаго Короля Людовика IX или свяшаго, въ числѣ коихъ былъ и монахъ Вильгельмъ Рюйсбрукъ, родомъ изъ Брабанпа, болѣе извѣспный подъ именемъ Рубруквиса [1].

(1) Rubruquis въ книгѣ *Voyages en Asie, par Bergeron; 1735. Ч. I, стр. 71.*—Пушешествіе Рюйсбрука въ Монголію объяснено *Штрэн-*

Провожавшему Миссію опть *Урги* Закирохчию Ханспва Цеценскаго, при оптьѣздѣ его опскода въ Хошунъ, я подарилъ аршинъ плицу. Сей Закирохчи, ѣдучи вмѣстѣ съ нами, разспрашивалъ, съ какими народами граничитъ Россія, а равно любопытствовалъ знатъ о положеніи нашихъ чиновниковъ, войска, и п. п. Мы спарались, по возможности, изъяснитъ величіе нашего Государства въ подлинномъ видѣ. Съ своей спороны словоохотный Закирохчи опть чистаго сердца обнаружилъ передъ нами скудныя познанія въ Испоріи и Географіи. Онъ сказалъ, что впереди мы будемъ проѣзжать мимо горы *Дарханъ* [кузнецъ], такъ названной по шому, что знаменитый въ лѣтописяхъ Монголіи Ханъ *Чингисъ* [кошорому дали сіе имя, будшобы по голосу пшицы, пролетѣвшей во время его избранія], бывъ до того времени простымъ кузнецомъ, ковалъ у подошвы оной горы *жельзо*. Кажется, это одна аллегорія, дающая понятіе о томъ мѣстѣ, конемъ Чингисъ, сынъ княжескій, родившійся неподалеку опскода на берегу р. *Онона*, разилъ въ свое время Монголовъ, Тибетцевъ и жипелей Ки-

селемъ въ *Geschichte der geographischen Entdeckungen*: 288—299, и *Форстеромъ*, въ его *Histoire des découvertes et des voyages, faits dans le nord*; Ч. I, стран. 157—186. Впрочемъ объясненія сіи болѣе способствуютъ успѣхамъ Вибліографіи, нежели озаренію свѣдѣній о Монголіи, переданныхъ Рюйсбрукомъ и другими путешественниками, нѣкогда посѣщавшими Монгольскія степи.

шая, сдѣлавшись въ ономъ родоначальникомъ славной Юанской династїи. Закирохчи полагалъ, что нѣкошорые даже изъ Европейскихъ Государей должны происходить опъ Чингисъ Хана, имѣвшаго свои владѣнія въ Россїи и другихъ сосѣдственныхъ странахъ:— догадка, нелѣпность коей нѣтъ нужды доказывать. Мы узнали опъ него, что въ разныхъ мѣстахъ Монголіи видны еще развалины домовъ Чингисовыхъ, каковыя по мнѣнію его должны быть, вѣроятно, и въ Россїи. Монголы съ удовольствїемъ слушали нашъ опъзвѣтъ, что и Европейцы признають Чингиса знаменитымъ героемъ.

Закирохчи сказывалъ, что Ургинскій Ванъ получаетъ изъ Пекина жалованья въ годъ 1200 ланъ серебра, около 2500 рублей серебр. и 40 кусковъ канфы [шелковая матерія, подобная ашласу], да въ споль 720 ланъ. О жалованья Амбаня ему неизвѣстно; а споловыхъ получаетъ и онъ 720 ланъ п. е. около 1500 рублей серебромъ въ годъ. Сверхъ того Ванъ, происходящій опъ Чингисъ Хана, имѣетъ свой собственннй Хошунъ, изъ коего даюшся ему служивели и паспухи. Управление пограничными дѣлами и Кяхпинскій шоръ доставляютъ ему великія выгоды. Служащїе въ Ургь Манжуры получаютъ жалованье изъ Пекина; а Монгольскїе чиновники, какъ и просполюдимы, будучи всѣ на военномъ положенїи и освобожденные опъ подапей и пошлины при шоргахъ, опправляютъ всѣ должности по управленїю народомъ и службу военную, на соб-

спвенномъ иждивеніи; въ случаѣ же бѣдности, съ пособіемъ опъ Хошунныхъ начальниковъ.

Сего дня встрѣчались мы съ Монголами, кои свѣщили въ *Уреу* на поклоненіе Купшухтѣ-Гегену. Между прочимъ, прошелъ караванъ матери одного весьма богатаго Ламы въ *Гоби*. Она сидѣла въ Кипшайской двуколесной шельжкѣ, везомой верблюдомъ; а свипа ея, мужчины и женщины, вѣхали верхами на верблюдахъ. Сіе живошное преимуще- ственно употребляеица здѣсь для переѣздовъ; ибо верблюдъ несравненно долѣе, нежели лошадь, можетъ переносить голодь и жажду, неразлучныхъ спутниковъ въ сихъ степяхъ. Нѣкопорые изъ Монголовъ привѣщпвовали насъ по Руски: *здравствуй!* Переѣзды Россійскихъ Миссій, и провожаніе Посольства въ 1805 и 1806 годахъ, познакомили и здѣшнихъ жишелей съ нашимъ языкомъ.

Вечеромъ Тусулахчій Идамъ прислалъ для Начальника Миссін и для меня по кувшину кирпичнаго чаю, варенаго съ молокомъ, и нѣсколь- ко пворогу, кислаго и весьма неопряпно приго- шовленнаго. Сіи знаки гостепріимства были оказы- ваемы намъ во все время пушеспествія по Монголіи.

Воду на сей спанціи получали мы изъ колод- ца, близъ юрпъ находящагося и обложеннаго де- ревомъ; вода глубиною на одинъ аршинъ, весьма чистая и прѣсная. Скопъ поили изъ небольшого

озера. Земля здѣсь во многихъ мѣстахъ покрыта солончаками.

Сенп. 26. Ночью морозъ 5 град. по Реом. Упрочно и тепло, какъбы лѣшомъ. Со станціи оправились мы въ 10 часу. Опъ мѣста ночлега вѣли верспъ 10 по холмистой равнинѣ, до высокаго хребта *Бурулинъ даба* [сѣдая гора]; у Ланга названъ 7 холмовъ, у Первущина Бурумо. У подошвы онаго сполло восемь юрпъ, но скопа примѣшно было мало. Взойдя на вершину горы, копорая увѣчана высокою насыпью — Обо, къ С видипе обширную равнину, по копорой мы вѣли; еще далѣе снѣжущія горы Ургинскія; нѣсколько вправо и ближе, каменные горы по *Толь*, а вдали на СВ длинный хребетъ горъ *Алтанъ улугуй* [золотая колыбель], коихъ свѣжныя вершины ярко опражали блескъ солнечныхъ лучей. На югъ впереди опкрываешся длинная равнина, спѣсенная невысокими горами. По дорогѣ мѣстами много камней; но она болѣе покрыта щебнемъ и хрящемъ. Коегдъ попадаются: полевой шпатъ бѣлаго и желшоватаго цвѣта, красный гранитъ, преимущественно же камни известковые. Опъ Бурула до слѣдующей станціи, верспъ около 30, дорога идепъ по небольшимъ уваламъ, въ иныхъ мѣстахъ превосходя гладкостію самое лучшее шоссе. Провѣхавъ около 18 вер. оставили мы, влѣвъ опъ дороги, высокую гору *Хангай*. Гора сія имѣетъ видъ огромной кучи, какъ бы насыпанной изъ мѣлкихъ камней. Опъ оной спу-

спились мы въ долину, которую орошаетъ рѣчка *Хангай*, протекающая по луку, влѣво отъ дороги. Юрты бѣдныя; но около нихъ ходили большія стада овецъ и козъ. Вездѣ бѣлѣются солончаки. Наконецъ пройдя отъ горы верстѣ 12, мы прибыли на станцію *Гахці худукѣ* въ 5 часу вечера. Пройшли сего дня 40 верстѣ. Для Миссіи приготовлено было при юрты весьма вѣхія: въ одной помѣщались Духовные, въ другой Студенты съ церковниками, а прелѣю занималъ я съ прелѣю своими чиновниками. Казаки спростили себѣ биваки изъ вѣчныхъ ящиковъ.

Сент. 27. Мы рѣшились на сей станціи дневать, дабы накормить скотъ нашъ, въ окрестностяхъ *Урги* совершенно опощавшій. Травы на сей станціи довольно хороши; но воды мало.

Юрты наши расположены были вправо отъ дороги, на покатои долини, которую окружаютъ горы, подобно амфишеспру. На горахъ лежатъ зеленые камни, въ видѣ разсѣяннаго стада овецъ; а чрезъ горы пропущены скопомъ дорожки къ роднику. Въ сихъ мѣстахъ водится много козъ. Жители одѣты бѣдно; но ни одинъ не являлся къ намъ для испрошенія милосердія, какъ по было на минувшей станціи.

Послѣ обѣда приходилъ къ намъ провожающій Миссію Бошко Ургеншай. Настоящая дорога ему не извѣстна; ибо люди, отправляемые по дѣламъ

службы, вѣдуть обыкновенно по другой, собственно почтовой, которая лежитъ далѣе къ западу, какъ означено на прилагаемой картѣ. По сей послѣдней дорогѣ отъ *Урги* до Халгана счищаютъ 45 [справедливѣе 42] станцій; а по настоящей, коммерческой, которая извѣстна подъ именемъ *Дарханской*, потому что идетъ по западной спорной горы *Дарханъ*, полагаютъ только 37 ночлеговъ. Причина сей разности отъ того происходитъ, что почтовая дорога идетъ отъ Халгана не прямо въ *Ургу*; но сперва въ мѣстечко *Саиръ усъ*, гдѣ есть почтовая Экспедиція, и живетъ нѣсколько чиновниковъ изъ Пекинскаго Трибунала иностранныхъ дѣлъ. Тамъ дорога раздѣляется: одна идетъ въ *Хобду*, другая на *Или* и претя въ *Ургу*. По дорогѣ почтовой, подобно какъ отъ Кяхты до *Урги*, для проѣзжающихъ находяся гошомыя юрты; а здѣсь и наши проводники занимаютъ юрты мѣстныхъ жителей, высылаемые по назначенію Хошуновъ.

Начальникъ Миссіи и я, вмѣстѣ съ Обознымъ и Переводчикомъ, посѣщали ввечеру Бипхешу, у кого нашли Бошка и Тусулахчія. Намъ угощали по степному, вареною бараниною. Бипхеша жаловался, что проѣхавъ отъ *Урги* около 160 ли [80 верстъ] верхомъ, онъ чувствуетъ расстройство въ здоровьи; я, изъ сожалѣнія къ его старости, предложилъ ему свою повозку. Чень-мое не рѣшался принять такого предложенія.

Сент. 18. Солнце вошло сквозь тучи. Упрости было тепло; но около полудня начал сильно дуть, по прежнему, сѣверо-западный вѣтеръ; въ 3 часа небо опять зашмидлось облаками, въ коихъ скрылось солнце.

Въ 10 часу ушра мы пустились далѣе. Опѣ *Галца худука* вѣхали верстѣ 10 долиною: въ правѣ здѣсь изобиліе, по причинѣ бывшихъ лѣтомъ сильныхъ дождей; пошва земли — мѣлкій хрящъ. Мы прѣехали долиною къ пому мѣсцу, гдѣ окончились сопровождавшія насъ высопы; шущъ находящся двѣ горы: на СВ *Богболъ* [слуга], на ЮЗ *Ургунъ* [широкая], какъ бы сполбы воропѣ, сквозь кои выходимъ на обширную равнину *Борельжубъ*, проспирающуюся на необозримое разспояніе. Тущъ представилась, нѣсколько влѣвъ, синѣющая гора *Байнъ улѣнъ*. Провожавшій насъ Монголъ объявилъ, что она сповнѣ уже по ту спорону р. *Херулона*, на лѣвомъ берегу ея. *Херулонъ* беретъ свое начало не подалеку опѣ нашей дороги; шечепѣ на Ю между горами, попомъ поворачиваетъ къ В и впадаетъ въ р. Хайларѣ, а сія въ Аргунѣ. На 3, верспахѣ въ 15 опѣ насъ, возвышалась гора *Байнъ Цохто* [богатый Цохто]. Провѣхавъ равниною верспѣ 13, приближились мы къ хребту *Цзамѣнъ шандѣ* [дорожный колодезь], у подошвы коего оспанавливалась Миссія въ 1807. Здѣсь нѣсколько солонечныхъ озеръ: бѣлая, горькая соль весьма глубоко покрываетъ землю по самой

дорогѣ. Пасбища въ сихъ мѣстахъ весьма ушучняюшъ скопѣ, а особливо барановѣ.

Опѣ хребта *Цзажынъ шанда* ѣхали мы еще верспѣ 12, до спанціи *Чжиргаланту* [изобиліе], по крушымъ уваламъ, кои усѣяны кварцомъ и другихъ породъ камнями. За версшу выѣхалъ на встрѣчу къ намъ спанціонный Бошко съ рядовымъ Монголомъ. Бошко привѣщспвовалъ насъ подобно Ибичьскому Кундую [і Сенц.], ш. е. подѣхавъ ко мнѣ, пошчасъ соскочилъ съ лошади и спавъ на колѣно, воскликнулъ: *Амурѣ!* [миръ, спокойствіе]. Пошомъ, сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ: *какова для насѣ Монгольская вода* ш. е. здоровы ли мы; благополученъ ли нашъ пупъ? и ш. п. съѣлъ онъ на лошади и проводилъ насъ до спанціи, куда Миссія прибыла въ половинѣ 6 часа вечера, проѣхавъ и сего дня не менѣе 35 верспѣ.

Спанція *Чжиргаланту* лежишъ влѣво опѣ дороги; названіе получила по весьма высокой горѣ, сполщцей нѣсколько впереди опѣ нашихъ юршъ. Воду для себя мы брали и скопѣ поили изъ запрудившагося ключа, который вытекаешъ изъ означенной горы. Мѣста сіи принадлежатъ Хошуну Амбаня Бейсе, находящагося на службѣ въ городѣ *Улясуту*.

Сенц. 29. Ночь теплая; на упренней зарѣ поднялся съ сѣверозапада вѣперъ, который днемъ усилился чрезвычайно. На сей, какъ и на прежней спанціи, караульные Монголы, въ доказательство

своего бодрствованія, вѣдя ночью около нашихъ юрпъ, спучали палочками, или выпягивали за-унывныя пѣсни.

Въ 8 часовъ утра мы двинулись съ мѣста нашего ночлега.

Передъ отправленіемъ нашимъ, явился ко мнѣ провожающій Миссію Бишхэши, съ изъявленіемъ своего желанія ѣхать въ повозкѣ. Я съ удовольствіемъ опдалъ ему свою кибишку, кошорую онъ употреблялъ до самаго Халгана.

Отъ станціи шли мы по каменистой дорогѣ, довольно пѣснымъ ущелиемъ верспѣ 8, до двухъ высокихъ скалъ. Гора *Чжиргаланту* оспалась влѣвъ. По шойже сторонѣ дороги протекаетъ ручей, или справедливѣе, цѣпь небольшихъ озеръ, на конхъ имѣли мы олучай застрѣлить нѣсколько упокъ. Безпреспанно встрѣчали мы набожныхъ Пилигримовъ, вхавшихъ на поклоненіе Ургинскому Купухнѣ-Гегену.

По опдогой высонѣ, мимо огромныхъ камней, разбросанныхъ по скашамъ горъ или шорчащихъ въ видѣ развалинъ древняго зданія, поднялись мы къ двумъ упесамъ, одинъ опъ другаго весьма близко споящимъ и называемымъ *Удынъ амъ* [отверстыя враша]. Нѣкопорые изъ провожавшихъ насъ Монголовъ называли упесь, направо опъ дороги или къ 3 споящій, *Харá ниду* [черный глазъ], а восточный *Ушхи* [легкое]. Проѣхавъ сіи враша, направо въ полуверспѣ опъ дороги, видѣли мы коло-

десь у подошвы скалы: вода самая чистая и пресная. Тупъ осматривались наши Миссіи въ 1807 и 1808 годахъ.

Многіе полагають, что оупъ *Удынь ама* начинается Гобійская степь. Отсюда пойдуть къ югу мѣста открытыя, совершенно сухія, а почва состоитъ болѣе изъ песку и дресвы. Но и на семь пространствъ, до кочевьевъ Цахарскаго рода Монголовъ, есть горы, и довольно высокія. По мнѣнію Халхасовъ, *Гоби* начинается оупъ самаго лѣваго берега р. *Толы*; ибо далѣе на югъ, въ степи нѣтъ ни лѣсовъ, ни рѣкъ.

Оупъ *Удынь ама* до слѣдующей спавціи, верстъ 20, вѣди мы открытою равниной: дорога во многихъ мѣстахъ лежитъ по песчаному грунту, Усклившійся сѣверозападный вѣтеръ преслѣдовалъ насъ густыми лучами песку и обломками засохшихъ растеній. Травы здѣсь, въ нынѣшнемъ году, весьма хороши. На каждой, такъ сказать, верстѣ возобновлялось въ насъ чувство сожалѣнія, для чего Китайское Правительство не приняло Миссіи въ свои предѣлы, въ началѣ Августа; что, для нашего скопа, составило бы значительное облегченіе.

По ровной и гладкой дорогѣ я сдѣлалъ повѣрку, и узналъ, что верблюды, подъ вьюкомъ не менѣе 10 пудъ, свободнымъ шагомъ проходятъ въ часъ $3\frac{1}{2}$ версты. Сіе наблюденіе служило основаніемъ въ

опредѣленіи пространства, какое: проѣзжали мы
отъ одного ночлега до другаго.

Не доѣзжая вершны 3 до спанціи, сворочили
мы съ большой дороги влѣво; ибо юрты для насъ
были поставлены ближе къ колодцамъ, при подо-
швѣ высоты *Будд*. За вершну встрѣпили насъ
церемоніально спанціонные спаршивны, Цзангиль
и Кундуй, съ своими рядовыми. Въ сопровожденіи
ихъ, мы прибыли на спанцію въ 3 часа по полуд-
ни, проѣхавъ всего около 28 верстъ.

Спанція называется *Giltseentdi* [блесница]
и находится въ Хошунѣ Чжанчжунъ Бейлэ [Князя
3й степ.] Намчжйла, пого самого, съ конемъ вы-
дѣлись мы въ Урелъ 23 Селен. Хошунъ его сопро-
водитъ изъ 8 Сомуновъ [эскадронъ или: полкацакъ,
солдн], изъ коихъ въ каждомъ считается по 150
человѣкъ спроевыхъ Монголовъ. Вдали къ СВ, вер-
шинахъ въ 30 отъ спанціи, виднѣ хребтъ горъ,
попавшійся вдоль по правому берегу рѣки Хе-
рулюна. Долина, на коей мы расположились для
ночлега, имѣетъ примѣшную покатость къ озна-
ченному хребту.

Здѣсь для насъ приготовлена была въ деревян-
ныхъ ушапахъ вода, крайне нечистая и сомнительная.
Въ верствѣ отъ юрты находится чешыре колод-
ца. Скопъ нашъ, выросшій большою частью при
рѣкахъ Селенгъ, Чжидъ, Чиновъ и проч. не могъ
почти пить изъ корыта, что случилось еще
первый разъ въ продолженіе нашего пути.

*

Для черпанія воды изъ колодезь, слѣдуетъ имѣть съ собою высмоленыя кожаныя вѣдра. Тусулахчи Идамъ довольно снабжалъ насъ аргаломъ и водою. Мы однакоже изъявили ему общее наше неудовольствіе за то, что минувшія спаниціи слишкомъ далеко расположены были одна отъ другой, такъ что мы въ четыре дня опоздали отъ *Урги* около 150 верстъ; таковая послѣдствіемъ весьма обезсилѣла наши поціи скотъ. Тусулахчи сознался, что действительно убавлена одна спаниція. Причинныя тому онъ не объявилъ; но мы полагали, что сіе сделано было по просьбѣ мѣстныхъ жителей, дабы имъ скорѣе избавишься отъ провожанія олушеслѣдственныхниковъ. Идамъ обещалъ впередъ располагать коняги на нѣхъ самыхъ мѣстахъ; на коняхъ прежняя Миссія оспанавливалась.

Сентя 30. Дневка. Ночь была теплая, а на рассвѣтъ морозъ. Упрямъ безпреспанно приходили къ намъ съ предложеньемъ Монголы; всякой спрашивалъ въ продажу бобровъ, моржану п. е. коралловъ и проч. Мы рѣшительно объявили, что не имѣемъ ничего продажнаго: ибо ѣдемъ по службѣ, а не для торгу. Съ своей стороны предлагали они мерлушку и сырыя кожи.

По приглашенію Бишхенши, обѣдали сего дня у него Начальникъ Миссии, я, Обозный и Переводчикъ; шунтъ же были Бошмо и Тусулахчи. При выходѣ послѣ обѣда изъ хорты Бишхенши, Идамъ, проща-

ясь, спалъ передъ нимъ на колыно: — пятгосныйй обрядъ сшепнаго уничтоженія!

Бывшіе у меня вечеромъ спанціонные спаршины на вопросы мои объявили, что опть сего урочища до Халгана они переходяпть, на верблюдахъ, недѣли въ три: вдушъ безъ дневокъ, съ полуночи до полудня, а попомъ даюпть скошу ошдыхъ. Они большею часпю гоняюпть въ Халганъ верблюдовъ порожнихъ, для перевозки опшуда въ Кяхпу различныхъ пятгосней. Опть Халгана въ Кяхпинскій Маймаченъ поспѣваюпть съ поварами на верблюдахъ, коихъ перемѣняюпть на пуши [какъ шо дѣлаюпть и Киргизскіе вощики], дней въ сорокъ и сорокъ пять. За доставленіе, извощики берупть со 100 гиновъ [$3\frac{1}{2}$ пуда] по $1\frac{1}{2}$, по 2 и по $2\frac{1}{2}$ ланы серебра: плата не опредѣлена, а соразмѣряется по обстояптельствамъ.

На сей спанціи мы должны были подковать нѣкопшорыхъ изъ нашихъ лошадей, кои сбивъ свои копыща на камняхъ, начали хропашъ; быковъ шакже подковали.

О к т я б р ь.

1. Мы поднялись въ 4 часа но опправились въ пушъ не прежде 9 часовъ упра. Холодный воспощный ввпшерь дулъ до 2 часовъ по полудни, и было сумрачно.

Сперва надлежало взойши на выспу, опспасъ горы Буди. Опть Гилтегентя верспы черезъ 3, выгъхали мы опашъ на большую дорогу. Съ возвышенія, впереди верспахъ въ 50, примѣпна уже го-

ра *Дархандь*, известная по Чингисъ Хану и весьма почитаемая Монголами. Верснть 10 ѣхали мы довольно крупными увалами. Спустившись въ долину *Шаръ худукъ*, видѣли шамъ, вправо отъ дороги, колодезь съ хорошею водою; а въ лѣво большое солонечное озеро, у подошвы горы *Ерхету*, имѣющей небольшую опрасль.

Изъ долины, отъ коей до слѣдующей станціи *Гото* или *Муготу* верснть 10, мы поднялись на гору *Халцанъ*. Тупъ открылась на всѣ спороны обширная степь, пересѣкаемая неглубокими оврагами. Въ споронѣ отъ дороги бѣдѣлись спада пасущихся овецъ и коегдѣ разбросанныя юрпы; что придавало нѣкоторую живость симъ скучнымъ степямъ. По высотѣ *Халцанъ*, на самой дорогѣ, мы находили много не совсѣмъ чистыхъ сердоликовъ, обломки яшмы, агатовъ и другихъ разноцвѣсныхъ камней.

Съ высоты *Халцанъ* спустились на обширную равнину: шамъ ходило болѣе тысячи овецъ, принадлежащихъ одному богатому Ламѣ. Пастухъ сказалъ намъ, что хорошій баранъ съ овчиною спонпъ 2 ланы [4 руб. серебромъ], овца 1½ ланы. Подъѣзжая къ станціи, видѣли мы также нѣсколько рогатаго скота, крупнаго и шучнаго. За верснью до станціи, близъ нашей дороги находится колодезь съ чистою водою. Къ сожалѣнію, мы испыщали, что мѣстные жители, при нашемъ приближеніи, вычерпываютъ изъ колодцевъ почти

всю воду для себя и для напоенія своихъ стадъ. На мѣсто Миссія прибыла въ 2 часа по полудни, проѣхавъ сего дня впередъ 23 версты.

Нынѣшняя станція расположена въ долину, изобилующей правою. На 3 есть еще колодезь. Впередѣ и черезъ дорогу бѣлѣются изсякшія солонечныя озера.

Станціонныя Монголы, присланные для провожанія Миссія изъ опдаленныхъ Хошуновъ, находились уже болѣе 20 дней на станціи, въ ожиданіи пріѣзда нашего. Продолжительное пребываніе наше въ *Ургь* родило въ нѣкоторыхъ мысль, что мы, по случаю кончины Богдохана Цзяцина, должны будемъ возвратиться въ отечество. Здѣшніе политики считали страшнымъ предзнаменованіемъ впусценіе иностранцевъ въ Государство въ то самое время, когда новый Богдоханъ возшелъ на престолъ.

Во время прогулки моея, встрѣтилъ я одного Шаньсійскаго купца [1], везшаго на десяти вер-

(1) Извѣстно, что торгъ съ Россіями на Кяхтѣ присвоили себѣ Китайцы одной только губерніи Шаньси (Shansi); впрочемъ они же по большей части торгуютъ шелковыми товарами въ Пекинѣ и Кантонѣ. Шаньсійцы сверхъ того имѣютъ особенный промыселъ, снабжая деньгами новоопредѣляемыхъ изъ Пекина чиновниковъ къ богатымъ должностямъ въ провинціяхъ. Они даютъ такимъ Новичкамъ потребную сумму серебра: но развѣдавъ прежде о выгодахъ мѣста, о крѣпости ихъ силъ, также о лѣпахъ и здоровьѣ ихъ родителей; ибо съ смертію отца, Китайскій чиновникъ поспѣваетъ осмалывать службу на три года, для кошея праура. По томъ кредитору сопустившему

блюдахъ шовары въ Кяхту. Онъ говоритъ по Руски Кяхтинскимъ Россійско-Китайскимъ нарѣчіемъ. На разпросы наши Шааньсіецъ отвѣчалъ, что изъ Халгана съ легкими вьюками ѣдешь онъ 16 дней, что впереди кормы для скопа весьма хороши, исключая 3 или 4 перевозовъ. Мы поручили сему купцу извѣстить о насъ Кяхтинскихъ чиновниковъ.

Вечеромъ посѣпилъ насъ Тусулахчи. Я встрѣтилъ его жалобою на ослушаніе Монголовъ, провожающихъ нашъ шабунъ: не взирая на всѣ насповнія нашего шабуннаго спаросшы [по Монг. *Алуней дѣмалѣ*], Монголы крайне спѣшаютъ перегономъ скопа, дабы поскорѣ сдать оный спаршинамъ слѣдующей спанціи и возвратиться домой. Идамъ обѣщалъ поправить сіе зло. Между тѣмъ, въ продолженіе разговора, онъ спрашивалъ о нашихъ войскахъ, о Генералахъ и проч. Мы, пользуясь симъ новымъ случаемъ, изобразили ему счастливые успѣхи побѣдоносныхъ нашихъ войскъ въ битвахъ съ непріятелями, и особенно въ послѣднюю войну. Сія война довольно извѣстна Китайскимъ чиновникамъ и часпію Монголамъ, по сношенію Иркутскаго Губернатора съ Ургинскимъ Ваномъ и Начальникомъ нашей Пекинской Миссіи. Къ большому разпространенію здѣсь славы о на-

своему должнику въ провинцію, и самъ уже заботился — и не щепило — о возвращеніи своего капитала съ произвольныхъ процентовъ.

шей опечесшвенной брани способсшвовали также газешы, получаемыя изъ Европы Поршугальскими Миссiонерами, въ Кипаѣ пребывающими, кои, изъ мести къ Галламъ, охотно сообщали извѣстія объ ихъ пораженіи Кипайцамъ.— Не преминули мы упомянуть о военномъ искусствѣ Румянцова, Суворова, Купузова и многихъ другихъ изъ Генераловъ нашихъ, кои живутъ нынѣ и живутъ будущъ въ сердцахъ признашельныхъ соопечесшвенниковъ до позднѣйшихъ временъ. Идамъ, сей преспаръльый попомокъ воинновъ Балпыевыхъ, слушалъ съ любопытсшвомъ искреннія повѣсшвованія наши. Чшобъ не ошпашься въ долгу, рассказалъ онъ намъ, съ своей спшроны, два случая изъ исторіи Кипайскаго полководца Кумина [1], прославившагося въ глубокой древности своимъ умомъ. Вотъ они:

1] При вшорженіи непріашеля въ Люшинское или Любеево государсшво, Куминъ приказалъ на большой дорогѣ, по коей надлежало проходитьъ непріашельскому войску, посшавившъ каменную человѣческую спашую: въ одну руку испукана положили книгу, коей листы напоены были ядомъ; а въ другую мечъ. Предводителъ вшоргнагося ополченія, приближась къ шому мѣсшпу и увидѣвъ развернутую книгу въ рукѣ испукана, подошелъ къ

(1) Сей Куминъ, Минисшрь полководецъ, дѣйсшвительно упоминаешся въ Кипайской Исторіи. Онъ жилъ въ западной части или Сычуани при Государѣ Любее, когда Кипай былъ раздѣленъ на три Царсшва, въ III вѣкѣ по Р. Х.

оному первый и спалъ чпашь. Содержаніе книги было любопытно. Опъ частаго прикосновенія пальцемъ къ ядовитымъ листамъ и языку, вдругъ почувствовалъ онъ во рту дѣйствіе яда; хотѣлъ отойти, но тщетно. Подножіе спашуи сдѣлано было изъ магніпа, который весьма крѣпко припавуль желѣзную кольчугу предводителя. Въ шакомъ положеніи полководецъ, вырвавъ изъ другой руки у спашуи мечъ, ударилъ въ оную. Сей поступокъ еще для него гибельнѣе: опъ удара посыпались искры; положенныя во внутренности исплукана горючія вещества, вспыхнувъ, разрывающъ спашую, и подъ обломками ея окончиваетъ жизнь свою воинъ, обманутый хитростію Кумина. Войско, разсроенное внезапною смертію предводителя, принуждено было возвратиться.

2] Тому же Кумину, во время военныхъ дѣйствій съ непріятелемъ, случилось быть въ шакомъ положеніи, что одна только рѣка раздѣляла противныя стороны. Подошедъ къ берегу и занявъ мѣсто выше непріятельской арміи, Куминъ приказываетъ изготовить ночью изъ соломы нѣсколько сопенъ человеческихъ чучель, сажаетъ ихъ въ лодки, у которыхъ на носахъ зажжены были фитили, и наконецъ пускаетъ сію мертвую флотилію внизъ по рѣкѣ. Непріятель, примѣпивъ плывущія лодки съ сѣдоками, мепаетъ въ нихъ тысячи стрѣлъ до того, что всѣ колчаны опустѣли. Куминъ, видя, что хитрость его имѣла успѣхъ, переправляетъ

ся черезъ рѣку, нападаешъ на чужеземное войско, которое не ожидало болѣе непріятеля, и легко одерживаетъ надъ нимъ побѣду.—

Окп. 2. Монгольскіе часовые напоминали намъ во всю ночь о своемъ бодрствованіи. Разѣзжая вокругъ нашихъ юртъ и обоза, они безпреспанно или чинали свое *Омѣ ма ни батѣ ме хомѣ*, голосомъ жуужающихъ пчелъ, или напѣвали помныя пѣсни.

Со спанціи мы пустились въ 10 часу утра. Еще до оппращенія нашего, мимо насъ прошелъ въ Кялпу на верблюдахъ караванъ съ Кипайскими поварами.

По въѣздѣ на высоту, открываеиися на В гора *Тѣно*, находящаяся; какъ говорятъ, по пу спорону р. Херулюна. О сей горѣ упоминаетъ Езуиштъ Гербильтонъ въ своемъ пупевомъ журналѣ 11 Іюня 1696, когда онъ находился при Кипайскомъ Императорѣ Кансіѣ, въ походѣ пропивъ Зюнгарскаго Галдана. „Nous savons—говоритъ О. Герб. [1]—au-delà dela rivière de *Kerlon* proche de deux montagnes, dont celle qui est au nord, s' appelle *Tono*; celle qui est à l'occident, s' appelle *Suilhitou*, п. е. Лагерь нашъ былъ расположенъ за рѣкою *Херулюномѣ*, не подалеку отъ двухъ горъ, изъ коихъ спюющая къ сѣверу называется *Тѣно*; а западная *Суилгипу* [должно бытъ *Цзулгешу*].”

Верснѣ 8 вхали мы ровною дорогою до одной долины. Близъ оной, на хребтѣ нашли полосу мѣла

(1) *Дювальдъ шахъ же*; IV, 414.

кихъ агашовъ и яшмы. Съ сего возвышенія обширныя виды на степь: впереди стоятъ гора *Дарланъ*, какъ исполнь, спрегущій сія пущыни; вправо онъ оной находясь вмѣстѣ двѣ горы одинакія, какъ близнецы, а далѣе къ З синѣюща большія высопы. Спустился въ лощину, пошли мы шамъ Кипайскій обозъ, изъ двухъ сошъ шелъгъ состоящій: Шааньсійцы взяли въ Кяхту цвѣточный чай. Проспой чай обыкновенно перевозятъ зимою на верблюдахъ, шакъ какъ оный дѣлается уже изъ созрѣвшихъ листьевъ, и ранѣе не можеть бытъ доставленъ съ Фуцзянскихъ планшанцій въ Халганъ, для отправленія въ Россію. Чепыреста быковъ ихъ паслись на степи. Шааньсійцы идуть ошъ Халгана уже 40 дней: конечно, переѣздъ на быкахъ спокоенъ, но слишкомъ медленъ. Овшрѣчь съ Кипайскими торговыми караванами я упоминаю, можеть бытъ, слишкомъ часто. Къ сему однакоже побуждаетъ меня, во первыхъ, желаніе показатъ время и самый способъ перевозки Кипайскихъ поваровъ на Россійскую границу; а вовпорыхъ считаю сіе нужнымъ для разсѣленія подозрительности нѣкошорыхъ нашихъ соопечеспвенниковъ, доселѣ утверждавшихъ, будтобы Пекинскія Миссія наши съ умысломъ бывають проводимы до Кипая, совсѣмъ не по той дорогѣ, по коей опправляются сами Кипайцы, и кошорая будтобы гораздо удобѣе первой. Правда, Миссія не ѣздитъ чрезъ Монголію по почтовой дорогѣ; но причиною сему, весьма еспешпи-

венною, должно полагать невозможность, при большомъ проѣздѣ людей по службѣ, доставить въ удобствѣ въ пупи иноспранцамъ п. е. Россійской Миссiи, всегда имѣющей значительный обозъ.

Лоциною ѣхали мы верстѣ 5, попомъ увалами верстѣ 7 до станціи *Булбату́*, расположенной на косогорѣ, вправо отъ дороги; куда и прибыли мы въ 12 часовъ дня, проѣхавъ отъ ночлега около 20 верстѣ. Не довзжая до станціи версты за двѣ, еспѣ долина, покрывшая солончаками. На сей долину глубокой колодезь съ чистою водою.

Около 6 часовъ прибыли въ нашъ станъ пріятель мой Тусулахчи Демипѣ, возвращавшійся изъ *Урги* въ свои кочевья, до конхъ отсюда впередъ не болѣе 170 верстѣ. Онъ извѣспилъ при семъ насъ, что посланный Ваномъ курьеръ возвратился изъ Пекина черезъ 4 дня по нашемъ выѣздѣ, и Князь на другойже день опсправился въ столицу для прісяги новому Богдохану. Ванъ ѣздитъ обыкновенно въ носилкахъ, везомыхъ чепырьмя вершниками; свиха сопупспвуетъ ему верхомъ на лошадахъ. Тусулахчию Демипу сдѣлано отъ меня приличное угощеніе; послѣ чего онъ опсправился на свой ночлеги.

Монголы приводили къ намъ для промѣна много верблюдовъ и лошадей. Скопѣ здѣсь большаго роща, шучень, и не безъ причины: во всѣ спороны проспирается спель, зарощшая густою правою и изобилующая солончаками. Множество видѣннаго нами скопа доказываетъ, что сія опспраель хо-

зайства здѣсь въ цѣвущемъ соспаніи. Мы не могли однако, на сей разъ, вымѣнять ни одного верблюда, пошому что продавцы, унижая нашихъ верблюдовъ, пребовали большой придачи.

Собранные для провожанія Миссін Монголы жаловались, что въ ожиданіи нашего прибытія, употребили они на пищу много своихъ лошадей: 30 человекъ въ двое супокъ съѣдали по лошади.

Окп. 3. Обозъ Миссін двинулся впередъ въ 7 часовъ ушра. Вскорѣ попомъ привелъ къ намъ молодой Тайцзи [спешной дворянинъ] своего верблюда, молодого и сильного. За него опдали мы изъ своего казеннаго пабуна одного слабого и одного прехлѣпнаго верблюда: какъ шопъ, шакъ и другой вовсе не годились подъ вьюкъ. Торговались мы въ присущствіи Тусулахчія Идама; но дабы сіе извѣстно было и Пекинскимъ провожатымъ нашимъ, я посылаю предварительно своего Переводчика къ Бишхещи, для объясненія о намѣреніи моемъ промѣнивать Монголамъ нашъ усшальскій скошъ. Бишхещи одобрилъ сіе распоряженіе; но только совѣщовалъ осперегаться обмановъ. Я опвѣчалъ, что имѣю при себѣ опытныхъ людей; а впрочемъ, ежели и ошибемся, то опнюдь не войдемъ ни въ какіе искн. Совѣмъ другія мысли имѣлъ о семъ Г. Бишхещи, какъ по обнаружили его слуги своими поспупками: имъ хотѣлось получить пошлину со всего. — Какъ бы по ни было, но мы еще вымѣняли у одного изъ жипселей двухъ

бурыхъ лошадей, весьма хорошихъ, изъ коихъ одна приучена ходишь и въ запряжкѣ; что въ Монголіи можетъ почесться рѣдкостью: вѣроятно, сія лошадь досталась хозяину изъ Китайскаго обоза. За сихъ лошадей отдали мы нашихъ при изнурившихся, съ придачею $1\frac{1}{2}$ ланы или 3 руб. серебромъ.

Повозки отправилась съ *Бужбиту* около 9 часовъ утра.

Сперва поднялись мы на верхъ высоты, по срединѣ коей былъ нашъ ночлегъ. Дорога гладкая съ небольшими увалами: правы вездѣ хорошия, и до селъ еще селенія. Опѣхавъ верстѣ 12, достигли *Дархана*, горы высокой, величественной. Верстѣ 10 пробирались мы по оврагамъ, составляющимъ опрасли ея, до самой станціи *Борó хутжирб*; куда и прибыли въ 3 часу по полудни, подавшись впередъ на 22 версты. Юрты провожатыхъ нашихъ расположены были на пригоркѣ, влѣво отъ дороги; а для насъ поставлены еще далѣе къ В въ оврагъ, совершенно защищавшемъ насъ отъ вѣтра.

Не подалеку отъ сего урочища встрѣтили насъ Монгольскій мѣновщикъ, который вывелъ къ намъ, для продажи, чепырехъ лошадей. Ухватки его и мастерство весьма сходствовали съ хитроспями нашихъ Цыганъ. По причинѣ открытыхъ нами недостатковъ въ лошадяхъ, мы оставили предложеніе его безъ вниманія.

Впереди, отъ нашихъ юртъ за полверсты, пещеръ близъ дороги ключъ хорошей воды. Для удоб-

нѣйшаго напоенія скопа, казаки разрыли оный и запрудили камнемъ: симъ способомъ соспавилось глубокое и довольно широкое корыто прочной воды. Монголы, ведя кочевую жизнь, не могутъ водворяться на одномъ мѣстѣ и улучшаютъ оное опносительно колодцевъ, или пригоновъ для скопа.

Гора *Дарханъ* отъ станціи лежишь на В верспахъ въ двухъ. Любопытство, близость распоянія и хорошал погода заспавили меня посѣпшить гору, прославленную Монголами въ память Чингисъ Хана, знаменитѣйшаго изъ Геросвъ Азійскихъ. Въ 6 часовъ по полудни отправился я шуда, взявши съ собою Геродіакона Израила и казачьего Спаршину Анемподиста Разгильдѣева. Отъ самой станціи пробирались мы съ великимъ трудомъ по оврагамъ, изрытымъ дождевыми пропотоками. У подошвы горы живеть, въ нѣсколькихъ юрпахъ, какой-то богатый Тайцзи съ семействомъ: шамъ спонитъ и небольшое капище—всегдашній въ Монголіи признакъ мѣстъ, освященныхъ народнымъ уваженіемъ. Наконецъ спали мы поднимаешь на самую гору, по острымъ обломкамъ гранита. Гора *Дарханъ* занимаетъ большое пространство съ сѣвера на югъ; высокій хребетъ ея разрывается на нѣсколько огромныхъ утесовъ; она соспоитъ изъ краснаго гранита; по скапамъ растеть золотарникъ и другіе дикіе кусты. На послѣдней къ югу вершинѣ, до коей шолько успѣли мы достигнуть, сложены изъ камня высокіе Обо—подвигъ

благочестіи Монголовъ, спекающихся сюда лѣтомъ въ великомъ множествѣ, праздновавъ память опечесивеннаго ихъ героя. Съ высоты открываются виды на необозримое пространство: къ востоку лежатъ шеснь солонечныхъ озеръ [минеральной алкалической соли, или нашатыря], а далѣе въ тойже споронѣ снѣются Херулонскія горы; все пространство къ западу покрыто оспрыми возвышеніями. Солнце скрывалось, когда мы были на вершинѣ сихъ утесовъ, и напоминало намъ о сокрывшихся во мракѣ пролекшаго подвигахъ древнихъ Монголовъ, кои, подъ именемъ Гунновъ и Ташаръ, приводили въ шепешъ самую Европу. Теперь попомки ихъ скипаются въ шепяхъ съ своими спадями, съ пляжкою скорбію воспоминають о геройствѣ предковъ, и терпѣливо несутъ лежащее на нихъ иго. Таковъ жребій племень воинственныхъ, кошорымъ не доставало образованія, кошорыя не знали благошворныхъ дѣйсвій просвѣщенія!

Сдѣлалось шемно; намъ надлежало возвращишья. Долго спускались мы съ горы, будучи на каждомъ шагу въ опасости, скапшья въ пропасти вмѣстѣ съ камнями, разсыпавшимися подъ нашими ногами. Насшупившая ночь предшавила намъ окреспности совсѣмъ въ другомъ положеніи, такъ что мы не могли распознавать пѣхъ примѣшъ, по конмъ надѣялись найти обратную дорогу. Спанція находилась въ лоцинѣ, и мы не видѣли огней,

по которымъ могли бы опысывать наши зорныя. Каждый изъ насъ хопылъ казапсья лучшимъ Топографомъ, а попому и спарался бытъ пушеводителемъ. Въ семь скоромъ, бесполезномъ спранспивъ провели мы болѣе часа. Упоминувшись и даже изорвавши обувь, ходя по оспрымъ камнямъ *Дархана*, начали мы сомнѣваться, куда намъ идти, и какимъ образомъ возврашиться на спанцію. Вдругъ раздался ружейный выспрѣлъ; попомомъ слышавши мы крикъ казаковъ. Тупъ опкрямась ошибка наша: мы прошли по Халганской дорогѣ, по крайней мѣрѣ верспы 3 впередъ. Г. Разгильдѣевъ и, не видя насъ въ спомъ позднюю пору, принужденъ былъ разослать казаковъ для опысканія.

Возращеніе мое весьма обрадовало нашихъ спупинковъ; а не менѣе успокоило и провожающаго Миссію Тусулахчи, опасавшагося, чпобы мы не разбились на улесахъ Дарханскихъ, или не доспались въ добычу волкамъ.

Окш. 4. Дневали. Въ 8 часовъ ушра приходилъ къ намъ Бинхени, съ приглашеніемъ всѣхъ Членовъ Миссіи и сопровождающихъ оную Офицеровъ къ обѣду.

Черезъ часъ посѣпилъ меня Тусулахчи Идамъ, возвращавшійся ошъ нашего шабуна. На каждой дневкѣ онъ пересчиывалъ нашъ скотъ и подтверждалъ Монголамъ о сбереженіи онаго. Въ бесѣдѣ со мною, Тусулахчи спрашивалъ, въ большомъ ли унопробленіи у насъ языкъ Лапинскій? — Въ ош

вѣнъ объяснено ему, что сей языкъ употребляется только нашими учеными; а пошриванному правилу, переводящюся на оный бумаги, подымаемая въ Китайскій Трибуналъ иностранннкъ дѣлъ. Въ разговорѣ, Тусулахчи сказывалъ, что онъ давно уже не былъ въ Пекинѣ. Последний разъ ѣздилъ онъ туда для доставленія покойному Богдо оиъ Ургинскаго Вана 9 бѣлыхъ лошадей. Халхаскіе Ханы ежегодно дѣлаютъ подобное приношеніе. Богдохановы Шигалмейшеры наблюдаютъ строгій выборъ шаковымъ лошадямъ: первымъ достоинствъ въ нихъ полагаются, чтобы онѣ были смиренны, непутливы и имѣли свободную и скорую поступь. Говорятъ, что покойный Цзяцинъ, вдуни однажды изъ увеселишельнаго дворца своего Жжа, упалъ съ споткнувшейся лошади. Всѣ вельможи, сопровождавшіе Его Богдоханово Величество, ужаснулись; но Государь удовольствовался тѣмъ только, что приказалъ оную лошадь отослать въ степной шабунъ, и никогда уже не подавалъ ему. Лучшихъ и рослыхъ лошадей приводятъ къ Пекинскому Двору съ береговъ Или [Киргизскія], изъ Тарбагшаня, Кадикара и Улясутуда.

Въ 10 часовъ утра подулъ съ сѣверою запада холодный вѣтеръ; разогнавъ собравшіяся снѣжныя тучи, превратился онъ попомъ въ сильную бурю, которая всю атмосферу наполнила мелкимъ пескомъ и срывала войлоки съ нашихъ юртъ.

Въ 4 часу по полудни, во вторичному приглашенію Бинхешши, отправились къ нему Начальникъ Миссисъ со всѣми Членами, и я съ своими чиновниками, кромѣ Обознаго, ошпавагося за болѣзнію. Въсперъ усывивалоя болѣе и болѣе, и едва шолько спали мы подходиль къ юршамъ нашихъ провожащихъ, какъ посыпался снѣгъ. — Чень-люе встрѣпилъ насъ у дверей своей юршы, принялъ ласково и спарался угостить, сколько спешъ предспавила къ шому удобства. А какъ всѣ мы не могли помѣститься въ одной юршѣ; шо хозяйнъ просилъ Спуденшовъ, Разгильдьева 4 и Переводчика Фролова перейти въ юршу Бошка, гдѣ попеченіе о госпяхъ возложено было на Тусулахчи. Проведя около двухъ часовъ посреди Кипайцевъ, мы отправились обратно въ нашъ спанъ.

Около 7 часовъ поднялась жестокая метель со снѣгомъ. Сильный въсперъ попрысалъ наши легкія и прозрачныя жилища; дровки юршъ шрещали; кое какъ, собшвенными уже веревками, укрѣпили мы оныя, и нѣмъ шолько не допустили ихъ летѣшь по волѣ вихря. Самыя повозки наши шапались на колесахъ, и кажешся, еслибы приврѣпишь къ нимъ хотя небольшой парусъ; шо онъ покашился бы по дорогѣ къ Халгану, подобно лодкамъ Олега, кои нѣкогда, по словамъ лѣтописцевъ, сухимъ пушемъ подходили къ древнимъ спѣнамъ славнаго Царяграда.

Казачи лишены были всякой защиты отъ жестокой вьюги. Я посылалъ просить Тусулахчи о снабженіи насъ четвертою юрпою; но онъ съ сожалѣніемъ объявилъ, что лишней не имѣетъ, ибо юрты юрпы разобраны единственно для того, чтобы войлоками оныхъ укушать жилища Битхешія и Бошка. Между тѣмъ приказано отъ меня, загнать скотъ въ оврагъ у подошвы *Дархана*, дабы хопя нѣсколько прикрыть оный отъ непогоды. Въ проѣздѣ нашей Миссіи въ 1807 году, случившаяся вьюга, уже въ кочевьяхъ Цахарскихъ, разогнала по степи до 80 лошадей изъ казеннаго шабуна, кои, будучи несомы бурей, выбились изъ сѣлъ и пали.

Вечеромъ объявлено отъ меня провожатымъ, что ежели къ утру буря не утихнетъ; то мы не можемъ пуститься впередъ.

Окш. 5. Буря свирѣпствовала во всю ночь. По утру морозъ былъ около 10 град. по Реом. Долго занимались мы очисткою своихъ юртъ отъ снѣга, нанесеннаго въ оныя вѣтромъ. Пріѣхавшіе изъ шабуна караульные наши донесли, что тамъ все было въ порядкѣ; только люди много померзли отъ снѣга. Монголы, будучи въ холодной одеждѣ [ибо выѣхали изъ своихъ кочевьевъ еще до наступленія холоднаго времени], находились въ жалкомъ положеніи: одинъ изъ сославшихъ при нашемъ шабунѣ, не имѣя другаго средства для защиты отъ холода, подтѣзалъ подъ шею лежаща-

го верблюда, и окостенѣвшіе члены свои могли только согрѣвать длинною на оной шерстью.

Въпрѣ къ вечеру началъ спихать; а потому Бикхеші присылалъ своего Толмача ко мнѣ съ предложеніемъ, отправиться завтра на слѣдующую спанцію. О семъ убѣдительно просили насъ и Монгольскіе спанціонные спаршны, поспавля на видѣ, что они прѣехали издалека; опгь долговременнаго же пребыванія на спанціи издержали всѣ съѣстные припасы; при томъ на продовольствіе Бикхешія, Бошка и Тусулахчія со служителями, они принуждены покупать барановъ у мѣстныхъ жителей.

Я велѣлъ казакамъ гонѣвиться къ опгьѣзду.

Окш. 6. Около полуночи скрѣпъ по дорогѣ заспавилъ насъ пробудиться: двинулся съ мѣста Китайскій обозъ, идущій на Кяхту съ чаемъ и споявшій опгь насъ недалеко, шакже въ ожиданіи хорошей погоды.

Съ великимъ трудомъ собрались мы въ путь; ибо все было измѣнено спужею. Не взирая, что носившіяся по горизонту тучи опять грозили намъ снѣгомъ, отправились мы на слѣдующую спанцію въ 9 часовъ утра.

Переправясь черезъ упомянутый выше ручей, около вершины вѣхали мы по степи, покрытой снѣгомъ, до большой дороги, за два дня оставленной нами вправѣ. Потомъ спустились въ лощину, и версты черезъ $1\frac{1}{2}$ приблизились къ подшвѣ хреб-

та *Хамаръ даба*. Косогоромъ поднялись мы на вершину хребта. На половинѣ подъема спояло нѣсколько юршъ; изъ оныхъ вышли къ намъ на встрѣчу: бѣдые люди, и просили хлѣба и курищельнаго табаку. Мы охотно исполнили ихъ просьбу.

Опошедъ опъ спанціи верспъ 7, мы достигли горы *Буйланъ*, споящей опъ дороги на право и довольно высокой. По подошвѣ ея много находили мы обломковъ зеленой яшмы; вѣроятно, гора изобилуетъ оною. Верспы при ѣхали по скапу *Буйлана*, а попомъ спустились въ долину, со всѣхъ сторонъ окруженную высотамаи. Ровною дорогой по долинь шли мы верспъ 6. Влѣвъ видно было кочевье *Гуна Ахая*, Ургинскаго Полицмейспера: много юршъ, верблюдовъ и рогашаго скопа. Наконецъ, поднявшись по оплогой высотѣ верспы 4, достигли мы до спанціи *Шибѣту* черезъ 20 верспъ, въ началѣ 3 часа по полудни. Дорога лежала почти прямо на воспокъ.

При вѣспрѣ съ СЗ, день былъ ясный и тепльй. Лошадн въ упряжѣ послѣ спужи шли хорошо; но верблюды безпреспанно ложились. Содержаніе нашего скопа въ *Ургь* почти безъ корма, въ печеніе 10 дней, и слишкомъ рано заспигшая выюга подѣ *Дарханомъ* произвели великое распройспво въ силахъ онаго. Въ послѣдспвіи, къ живѣйшему нашему огорченію, увидѣли мы это на опытѣ. Между прочимъ, одинъ верблюдъ не могъ двинушся

со станціи *Борб хужиръ*, а другой на дорогѣ къ *Шибѣту* палъ подъ вьюкомъ.

Видя такое изнуреніе нашего скопа, я, по прибытіи на *Шибѣту*, отправилъ своего Переводчика къ Бишхешію сказать, что мы приведены въ необходимость опасаться слѣдующій день на мѣстѣ, дабы нашему скопу дать время хотя нѣсколько оправиться. Ибо вчерашняя непогода крайне изнурила оный; а въ семь урочищъ подножный кормъ самый лучшій и вода въ изобиліи. Спарикъ не хотѣлъ согласиться, изъясняя, что мы на минувшей станціи жили два дня. Не ужели пребываніе въ открытой степи, при всей суровости холодной бури въ печеніе двухъ сушекъ, можно почестъ опдыхомъ!—Бошко и Нербы поддерживали его мнѣніе, для насъ гибельное. Одинъ Тусулахчи вошелъ въ сомнительность нашего положенія, и вразумилъ Бишхешіа.

Переводчикъ Фроловъ былъ вторично отправленъ мною съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что мы опасемся на сей станціи на день и болѣе: Бишхешіа на все согласился, съ ласковымъ видомъ. О. Архимандритъ Петръ совѣдовалъ было мнѣ самому отправиться къ провожаемымъ съ просьбою, и хотя я всѣми силами опарался угождать имъ—постоянно сохраняя всѣ знаки приличія; но въ семь случаѣ починалъ я для себя унижительно просить о томъ, чего всегда имѣлъ право требовать. Впрочемъ довольно испытали мы, что

основательная, холодная швердосшь въ поведеніи съ Кипайцами гораздо лучше дѣйствуетъ на нихъ, нежели жаркія убѣжденія или крошкая угодливость, приняшая за правило обращенія между Европейцами. Кипаецъ просаго званія въ поступкахъ своихъ, а особливо съ иноспранцами, крайне высокомѣренъ; но, встрѣшивъ съ прошивной спороны справедливое упорство, унижается и раболѣпствуетъ.

Вскорѣ Тусулахчи посѣпилъ насъ и объявилъ, что спанцій черезъ десяшь, съ окончаніемъ Халхаскаго вѣдомства, онъ оставишь Миссію; а возвращаясь въ Ургу, едва ли поѣдетъ въ свое кочевье: ибо по установленному порядку, онъ долженъ будетъ оправишься, для обзорнія Монгольскихъ границъ съ Россією. Четыре Тусулахчія имѣютъ сію обязанность, и осматриваютъ границу каждый годъ. Идамъ вызвался при семъ, что онъ доставишь опъ насъ письма въ опечество, ежели мы сего желаемъ, шолько бы въ оныхъ опнюдь не заключалось никакихъ извѣстій о политическихъ предметахъ, какъ шо о смерти Богдохана и ш. п. Мы приняли шаковой вызовъ съ благодарностью.

Спанція наша расположена на высотѣ близъ холма; за нѣскольکو шаговъ впередъ высокая, кремнистая гора *Шибету* [крѣпость] съ двумя опраслями. У подошвы ея одинъ колодезь, опъ юрштъ въ 300 саженьхъ на СВ, а другой впереди за горою: вода чиспая и прѣсная. По шу сторону горы возвыша-

юпся нѣсколько граничныхъ утесовъ, какъ бы искусствомъ сложенныхъ, въ видѣ развалинъ каменной стѣны. На дальней опрасли горы, лежащей къ В, южный бокъ покрытъ во многихъ мѣстахъ бѣлымъ кварцомъ и шпашомъ вишневаго цвѣща.

Цзангинъ, самый услужливый, провожавшій Миссію чрезъ двѣ спанціи, *Бумбату* и *Боро хужирѣ*, лежащія въ Хошунѣ Цзасака Чжонѣна, бывъ у меня, не могъ не разсказать намъ своихъ народныхъ басень: онъ увѣрялъ, что на горѣ *Дарханъ* и теперь хранится наковальня Чингиса, сдѣланная изъ мепалла *бурьна*—имѣющаго свойство и желѣза и мѣди и. е. вмѣстѣ и твердаго и гибкаго, следовательно упругаго. А шамъ къ В на горѣ *Тонь*, о коей сказано выше [на стран. 187], сполщей на берегу рѣки *Херулюна*, находится *тоно* или дымная труба отъ той достопамятной юрпы, въ коей первоначально жилъ и гдѣ созрѣлъ Чингисъ—сей любимый герой у большей части народовъ Средней Азіи. Въ память ему, Чжононъ Цзасакъ приносишь жертву лѣшомъ на горѣ *Тонь*; а Гунъ Ахай, во владѣніяхъ коего находится спанціи *Шибету* и слѣдующая *Шара шороту*, исполняетъ сей обрядъ на горѣ *Дарханъ*.

Окш. 7. Въ 8 часовъ утра явился Тусулахчи ко мнѣ въ шапкѣ, съ собольею опушкой и съ *шарикомъ* на верху. Срокъ праура, по смерти Богдохана, для Монголовъ окончился. Всѣ шаршины надѣли свои шапки съ шариками, по чинамъ. Трауръ

у Китайцевъ и Манжуровъ продолжается спо дней, какъ выше примѣчено.

Около 4 часовъ по полудни проѣхалъ мимо насъ, въ обратный путь изъ Пекина, Амбань, управляющій 7 Хошунами западныхъ Урянховъ. Амбань ѣхалъ въ красивой Кипайской одноколкѣ, везомой однимъ верблюдомъ. Вся свита его, довольно многочисленная, ѣхала верхами, также на верблюдахъ. Три Монгола сего конвоя прѣзжали изъ любопытства въ нашъ станъ. Они сказали намъ, что Амбань вызванъ былъ изъ своихъ кочевьевъ, отъ подошвы Алтайскаго хребта, на Богдоханскую звѣрину охоту по Монгол. *Мурану абѣ*. [1] Однако охота въ сію осень не состоялась, по волю высшаго Правительсва. Монголы не рѣшились объявить намъ наслоящей пому причины; но мы знали уже, что смерть Цзяцина прекрапила, на время, и забавы всѣхъ подданныхъ Кипайской Державы. Амбань возвращается на *Уреу* для того, чтобы получить шамъ благословеніе отъ Кушухны.

Урянхи сославляють одно изъ поколѣній Монгольскихъ; кочують на сѣверозападъ отъ Халхасовъ, по южной сторонѣ хребта Алтайскаго; часть

(1) На сію охоту, сверхъ Манжуровъ, отпражается ежегодно до 10,000 Монголовъ, и при каждомъ изъ нихъ должно быть не менѣе шрехъ лошадей. Въ ней принимаетъ участіе самъ Богдоханъ, и она продолжается около чепырехъ мѣсяцовъ, до глубокой осени. Вообще охота сія имѣетъ видъ, а можешь быть, и самую цѣль воинскихъ маневровъ.

ихъ переходить на лѣпнее кочевье къ северной подошвѣ онаго хребта ш. е. въ предѣлы Россіи и плащить двойной ясакъ: нашему Правительству и Кипайскому. Войлочные юрты ихъ или кибишки, по словамъ Тусулахчи Идама, имѣють видъ длинныхъ сараевъ.

Часу въ 7 пришли, по обыкновенію, въ юрту мою Цзангинъ и Кундуй, назначенные для препровожденія Миссіи. Кундуй, назадъ тому лѣтъ 14 состоявшій въ *Урегъ* при Ванѣ, въ должности Хя [шѣлохранишеля], человекъ весьма распоропный. Онъ хвалился благосклонностію къ нему нѣкопрыхъ изъ Членовъ послѣдняго Россійскаго Посольства. Монгольскіе Цзангины и Кундуи выбираютъ въ сіи званія обществомъ; по выборѣ, взявъ въ *Уреу* на одобреніе: но совершенно утверждающа въ своемъ званіи Пекинскимъ Чжурганомъ или Палапою иносстранныхъ дѣлъ. Упоминаемый Кундуй долго находился въ своемъ Сомунѣ [эскадронѣ] Цзангиномъ. Но какъ по спискамъ, представляемымъ къ Богдохану, въ каждомъ Сомунѣ по положенію считающа не болѣе 150 семей; по остающіеся за шпаномъ, коихъ число весьма велико, иногда своевольствуютъ и производятъ беспорядки въ степяхъ. Однажды случилось здѣсь значительное воровство: по закону, взыскано съ Цзангина, за оплошность, 27 ланъ или 54 р. серебромъ штрафа, а какъ усмотрѣшь, говоритъ Кундуй — степь велика... Посему онъ просилъ уво-

лишь его отъ должности Цзангина. Въ послѣдствіи однакоже, за его хорошія способности, онъ выбранъ въ званіе Кундуя. При немъ какой-то Монголъ, молодой и крайне глупый, назначенъ быть для провожанія нашей Миссіи, въ качествѣ Цзангина.

Октя. 8. Ночь ясная; но упрямъ воспочный вѣтеръ нанесъ густыя тучи. Перебывавъ наиболѣе успалыхъ верблюдовъ на бывшихъ у насъ въ запасъ, отправившись мы съ *Щибету* въ 9 часовъ; на слѣдующую же станцію *Шарá шорóту*, въ 20 верстахъ отстоящую, пріѣхали во 2 часу по полудни.

Дорога лежитъ на В, по небольшимъ высокамъ, между коими естъ проспиранныя долины. Первая изъ нихъ, орошаемая ключемъ *Мухóръ булакъ* весьма хорошей воды, называется *Дерисú*, по правѣ *дерису* [Turgis paniculata?]: это здѣшній ковыль, имѣющій стебель длиною аршина $1\frac{1}{2}$, иногда и болѣе, а наверху колось, похожій на меплицу; растетъ цѣлыми нивами, во многихъ низменныхъ мѣстахъ *Гобйской* степи.

Здѣсь встрѣтили мы молодого Дагуна вѣдомщика Халхаскаго Хана Цасахшú, живущаго неподалеку отъ Алтайскаго хребта. Онъ равнымъ образомъ вызванъ быть въ Жехэ на охоту; но какъ, по извѣстнымъ обстоятельствомъ, она не состоялась, то Дагунъ возвращался въ свои кочевья также чрезъ *Уреу*.

На помянутой дощинѣ споятъ много юрты, коихъ вообще не мало видѣли мы въ нынѣшней переездѣ. Дорога гладкая, какъ шоссе; грунтъ земли—цемень съ мѣлкими разноцвѣтными камешками кремнистой породы. Во многихъ мѣстахъ кучами лежатъ халцедоны [Chalcedonius] цвѣтомъ черные, синешуманные, бѣлые непрозрачные или каколонги, и даже голубые. Сии послѣдніе много однакоже уступаютъ халцедонамъ Нерчинскимъ. Попадаются здѣсь и такіе халцедоны, кои, подобно Богемскимъ, содержатъ въ себѣ древесныя изображенія, происходящія отъ марганца.

Спанція *Шара шорту* лежитъ вправо отъ дороги, на обширной равнинѣ, на которую собралось нынѣ болѣе 20 юрты кочующихъ Монголовъ. Причину такого спеченія народа полагаю должно имѣющіеся здѣсь два прекрасные колодца, изъ коихъ одинъ неисчерпаемъ.

Лишь только мы пріѣхали, какъ множество Монголовъ, хорошо одѣтыхъ, окружили насъ; они вошли къ намъ въ юрту, и на все смотрѣли съ великимъ любопытствомъ. Черезъ часъ привели къ намъ, по приглашенію Тусулахія, нѣсколько верблюдовъ и лошадей для промѣна. Но, едва я съ Обознымъ успѣлъ осмодрѣшь ихъ, какъ прискакали на лошадяхъ отъ юрты Бижхешія ошанціонные Цзангивъ и Кундуй, и начали бить мѣновниковъ нагайками. Попомъ служивши Бижхешія, подспрекаемые старымъ Нербою,

въ виду нашемъ и самага Бипхешіа, дусили иду-
чу каменьсвъ на верблюдовъ и людей, и пѣмъ
разогнали всѣхъ. Виновинками шаковой наглосици
были: Толмачъ Бипхешіа, коему Тусудакчи недав-
но сдѣлалъ спротивъ выговоръ за то, что онъ не
допускалъ къ намъ мѣновщиковъ; а равно спарый
Церба, днл за при искавшій у нашихъ казаковъ
купишь [ш. е. получимъ въ подарокъ] моржану,
или коралловъ рублей на 25 серебромъ.

Но распоряженію моему, Обозный и Переводчикъ
Фроловъ немедленно опправились къ Бипхешію,
для объясненія дѣла. Сему Кышайду сказано, что
онъ самъ позволилъ намъ вымѣниванъ у Монго-
ловъ нужный для насъ скопъ; но сего дня мѣнов-
щиковъ прогнали опъ насъ насильственнымъ обра-
зомъ. Къ тому присовокуплено, что ежели онъ,
Бипхешіа, воспрелищъ намъ мѣну, каковую Рус-
кіе всегда производили въ проѣздъ по сямъ мѣс-
тамъ; погда, за обезсиліемъ скопа, споль да-
леко идущаго безъ перемѣны, мы должны будемъ
вспрѣпнишь великія оспановки въ пуши. Впрочемъ,
мы имѣли при семъ въ виду и ину мысль, что
Кышайскіе проводники Миссиа, конечно, желаютъ
привесши нашъ скопъ въ разспройсиво, и прину-
диль насъ къ найму верблюдовъ и лошадей, чрезъ
ихъ посредство, какъ шо было въ проѣздъ Ми-
ссіа 1807 и 1808, а погда вся сумма денегъ, на
прогоны употребляемая, не мнуетъ ихъ рукъ.
Къ сожалѣнію нашему, Бипхешіа, кромъ Кышай-

скаго языка, не разумѣлъ ни по Манжурски, ни по Монгольски; а Толмачъ его все переводилъ въ свою пользу.—Началось слѣдствіе. Бошко, Толмачъ и Нербы находились памъже. Всю вину слагали на Тусулахчи, приказавшаго будшобы Цзангину и Кундую не пускать въ нашъ спанъ лишнихъ людей, дабы не произошло какого либо воровства. Призванный Тусулахчи доказалъ ясно, что весь безпорядокъ происходитъ отъ Толмача и Нербовъ Г. Бишхеша; что онъ, провожая плпный уже разъ Россійскую Миссію, хорошо понимаетъ пушевыя нужды; а пошому самъ даже вызывалъ мѣновщиковъ скоша, будучи весьма далекъ отъ того, чтобы спѣснять Рускихъ путешеспвенниковъ. Наконецъ Тусулахчи, объявля, что онъ о всѣхъ шаковыхъ неуспройспвахъ, коимъ онъ ведешъ подробную записку, донесешъ Вану,—удалился. Бишхеша, обращая пошомъ къ Обозному и Переводчику, сказалъ, что онъ опнюдь не воспрещашъ намъ мвннать скошъ; но шолько опасашся, чтобы поспороніе люди не обезпокомили насъ. Какая изворпливосшь! Сколь необыкновенная потачка служилеямъ! — Вотъ новый урокъ путешеспвующимъ въ Кишай.

Идамъ вскорѣ позвалъ къ себѣ нашего Переводчика и спросилъ, чѣмъ дѣло кончилось. Разказано все. Тусулахчи шопчасъ далъ приказаніе, и къ намъ явились прежніе мѣновщики, изъ коихъ одного Нерба Бишхеша—человѣкъ весьма злобный—

сильно поранилъ въ щеку носкомъ сапога: обыкновенное орудіе мщенія Кипайской черни. Ночная темнота не позволила намъ вымѣннать болѣе одного верблюда, огромнаго и сильнаго; за него дали мы изъ своего шабуна двухъ верблюдовъ, негодившихся подъ вьюкъ.

Окп. 9. Вспали мы въ 4 часа упра. Ночь была теплая, ярко освѣщенная мѣсяцемъ. Упро было ясное, только съ сѣвера оплшѣ началъ душь въперъ, кошорый къ вечеру до того усилился, что въ 8 часу выпалъ снѣгъ. Миссія отправилась въ путь въ 10 часу упра и, проѣхавъ 25 версты, прибыла на станцію *Оло́нъ байшинъ* [много зданій] въ 2 часа по полудни.

Близъ станціи *Шара шорту*, вправо опъ дороги, видны мѣста двухъ солончныхъ озеръ. Верспъ 5 пробирались мы по уваламъ; въ споронѣ опъ дороги ходили спада верблюдовъ и лошадей. Еще черезъ версту, открылась къ Ю обширная равнина, называемая *Ула́нъ ху́дунъ* [красный колодезь], и простирающаяся впередъ верспъ на 25 до самаго хребта *Бусынъ голу́* [каменный поясъ]. Въ сѣверномъ концѣ равнины споятъ Кипайскій обозъ, шедшій въ Кяхту съ цвѣточнымъ чаемъ. Путешествующіе по своей волѣ имѣющъ шу выгоду, что располагаются опдыхать на мѣстахъ, изобилующихъ водою и кормомъ для скопа; а мы оспанавливаемся тамъ, гдѣ укажутъ. Верспахъ въ 10 опъ прежняго нашего ноч-

лега, на сей равнинѣ есть глубокой колодезь чистой воды. Вся дорога усыяна полупрозрачными камешками кремнистой породы. Отъ колодца версты черезъ 3, большой хребетъ *Мандабъ*, разрываясь, дѣлится на средній и западный. У подошвы онаго мы нашли мѣсто, совершенно покрытое сердоликами и агатами; лучшіе камни однако же въ печеніи времени выбраны Кишайцами, провѣзжающими по сей дорогѣ. Много также попадалось намъ зайцевъ. Попомъ прошли мимо горы, на лѣво отъ дороги лежащей, на коей стоитъ высокій Обо съ деревяннымъ шестомъ. Версты черезъ 2, встрѣпиль Миссію Монголь, всланный Тусулахчѣмъ для указанія пути.

Путь оставили мы большую коммерческую дорогу *Дарханъ цзанбъ*, поворопили съ нее влѣво на *Аргалинскую* и ѣхали версты 2 до каменной отрасли хребта *Мандала*. Здѣсь совсѣмъ не было ни дороги, ни пропьянки. Версты 4 пробрались по хребту и по южной подошвѣ онаго до урочища *Олонъ байшинбъ*. Съ хребта открывается обширный видъ. Вдали на В примѣтно солонечное озеро, каковыхъ въ сей странѣ весьма много; къ С отъ станціи синѣется гора *Баргъ* съ пятью вершинами.

И на сей станціи приводили къ намъ мѣняшь верблюдовъ и лошадей. Но какъ первыи большею частію были самки, а лошадей соглашались продать не иначе, какъ на серебро, пребуя за луч-

шихъ по 15 данъ или по 30 руб. серебромъ; что мы отказали симъ мѣновщикамъ.

Нынѣшній ночлеги нашъ расположенъ на песчаной долинѣ, проспирающейся съ В. на З и заросшей высокими ковылемъ. Въ вершнѣ опгъ юрше идешь, въ означенномъ направленіи, высота, докрытая камнями. Издали оныя имѣють видъ лѣса, но вблизи открываея необыкновенное явленіе природы. Дикіе камни представляють — одной фигуру огромнаго жершвенника, другой гробницю; тамъ возвышаея башня, а одѣсь спюашъ развалины дома съ каменнымъ помостомъ, и проч. и проч. Камень — извѣрвшій гранить лежиць большими глыбами, пощиною въ 2, 4 и 8 вершковъ; на камняхъ мѣспами роспешъ золошарникъ; дугихъ распѣній во все не было примѣново. Пошва песчаная. Монголы увѣрли насъ, что въ сихъ гранитахъ естъ магнитъ, и когда человекъ проѣзжаешъ мимо ихъ съ ружьемъ, то оно крѣпко присаеяетъ къ камню.

Окш. 10. Съ *Олонъ байшина* отправились мы въ половинѣ 8 часа и, проѣхавъ вершнѣ 12, пришли на слѣдующую станцію *Цзүлгету* въ 11 часу утра. Во всю нашу дорогу это былъ первый переѣздъ, споль корошкій.

По приглашенію Тусулахчія Идама, я съ прочими, ѣхавшими верхомъ, отправился со станціи нѣсколько въ сторону, дабы взглянуть на развалины — древній памятникъ спрошцельнаго иску-

*

ства Монголовъ. Вершпы при ѣхали мы по лоци-
нѣ на В, и наконецъ приближались къ қосогору,
покрытому каменными зданіями въ окружности
вершпы на двѣ. Здѣсь, по словамъ Тусулахчія, жилъ
лѣтъ за 300, а можетъ быть и прежде, одинъ
Монгольскій Тайцзи [попомокъ княжескаго рода] по
имени *Sainb Хунб* [прекрасный лебедь]. Сооруже-
нія, коихъ развалины видѣли мы передъ собою,
составляли его капища. Все свидѣтельствуетъ о
богатствѣ и пышности прежняго владѣльца сихъ
пустынныхъ зданій, въ числѣ копорыхъ нѣсколь-
ко огромныхъ жертвенниковъ и Субургановъ; мно-
го также поспроекъ, предназначеніе коихъ для
насъ было непоятно. Вершины полуразваливших-
ся зданій заросли мхомъ и правую; основаніе сло-
жено изъ гранита, почно шакого вида, какъ на
близъ споящемъ каменномъ хребтѣ, но опъ вре-
мени превратившагося почти въ дресву. Стѣны
выведены изъ кирпичей, довольно крѣпко засушен-
ныхъ на солнцѣ и положенныхъ въ иныхъ стѣ-
нахъ горизонтально, а въ другихъ наискось реб-
ромъ. Въмѣсто извести, камни и кирпичи связаны
были глиною, перемѣшанною съ хрящемъ. Сы-
роспъ и вихри, въ продолженіе времени, испреби-
ли глину и въ пазахъ ошлася только хрящъ. На
высокомъ, кругломъ зданіи, саженьяхъ въ чепырехъ
опъ земли, выведенъ карнизъ изъ камня, въ при-
ряда положеннаго. Въ большомъ капищѣ и въ Су-
бурганахъ сдѣланы впадины, въ видѣ сводовъ, въ-

ропшно, для приношенія жершвъ. На дворѣ, выстланнымъ камнемъ, валяюпся обломки зеленой черепицы и корыпо, высѣченное также изъ камня. Тамъ, гдѣ какой нибудь воинспвенный пошомокъ Чингисъ Хана ходилъ въ блестящей кольчугѣ, илцъ проѣзжалъ на пылкихъ иноходцахъ и легкихъ скакунахъ: тамъ бродяшъ нынѣ смиренныя спада. Изрѣдка, угнѣшенный Монголь цосѣщаетъ сн вешнхе пашашики прежняго своего могущества и независимости.

Опъ развалинъ спустились мы въ лоцину къ колодцу съ чисткою водою; близъ онаго видны еще мѣста колодцевъ, опъ времени развалившихся. Возлѣ одного изъ нихъ лежитъ разбиное каменное корыпо. Здѣсь спояло нѣсколько хорпъ и ходили многочисленныя спада овецъ. Зайцы во множествѣ выскакивали изъ справа *дериу*, коею покрыва вся сн обширная лоцина. Черезъ разнovidный каменный хребетъ, о коемъ упомянуто выше, мимо *гробницъ* и *башенъ*, проѣхавъ опъ станци верспъ 5, вступили мы въ глубокую долину, гдѣ виденъ колодецъ близъ пропивки, по коей надлежало намъ ѣхать. Влѣво опъ колодца, спойшъ разваливающійся каменный Субурганъ *Гахца сула* шакойже архитектуры, какъ и выше описанные. Въ семъ урочищѣ имѣла ночлегъ Миссия въ 1794 году на 8 Октября. Опсюда до слѣдующей станци ѣхали мы верспъ 7 на В, по песчаной пропивкѣ. Вправо къ 3 оставили высокую гору *Байнъ улзуйту*,

мимо коей идешь къ Ю покашая лощина. Версты при поднимаются по уваламъ на высоту. На СВ видны вдали горы; къ нимъ примыкають широкія долины, на коихъ шеряется уже *каменный полсъ*; а впередъ, въ опдаленной синевѣ опкрывается на необозримое пространство *Гобійское* песчаное море:

Но странника къ зрѣли очи
 Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
 Да горъ въ дали шуманной цѣль. — (1)

Къ счастью нашему, опъ бывшихъ сего лѣна проливныхъ дождей, здѣшніа пустыни покрылись нѣсколько справою; въ прошивномъ случаѣ, какъ на примѣръ въ 1807 году, по всюду лежалъ бы одинъ песокъ, оппѣняемый мѣлкими разноцѣпными камнями, или крупнымъ булыжникомъ. И тогда горе путешественникамъ: скопъ испазваспъ опъ голода и жажды. Пробхавъ версты 4 подъ гору, Миссія остановилась въ долину *Цзулету*.

Сія, равно какъ и слѣдующая станція, находилась въ Хошунѣ Бейсе [Князь 4 сп.] Хардѣла. Въ 200 саженьяхъ къ 3 опъ нашихъ юртъ находилась колодезь съ чистою, прѣсною водою. Долина изобилуетъ подожнымъ кормомъ. Много находили мы на оной агашовъ и сердоликовъ.

Еще до опѣзда съ минувшей станціа, я встрѣтился съ Бипхети въ юртѣ Начальника Миссіа. При помощи О. Архимандрита, на Китайскомъ

(1) Странствовашедь и домоудъ, *Батюшкова*.

языкъ, объяснился я съ Чень-лое о томъ, чшобы онъ оказывалъ болѣе вниманія къ сбереженію нашего скопа, ш. с. не упоминалъ бы онаго болѣшими переходами и опшводилъ хорошія мѣспа для пасбищъ, не препяшсшвуя намъ, при удобномъ случаѣ, промѣнивать успалыхъ верблюдовъ и лошадей на свѣжихъ и ш. п. Бишхеши съ своей спшроны увѣрлялъ меня, что онъ и самъ весьма зашпнился о томъ, чшобы по прѣздѣ нашѣмъ въ Пекинъ, могъ онъ донести Палатѣ иностранныхъ дѣлъ, что сопровождаемая имъ Россійская Миссія не прешерпѣла въ пшпи никакого смѣшенія. Бишхеши присовокупилъ, что онъ принимаетъ равное со мною учасшіе въ благополучномъ переѣздѣ Миссіи, какъ дѣлъ государспвенномъ; что ежели Миссія встрѣшитъ ошпановку въ пшпи, что и они—провожащые шажже должны будущъ ошпановишсь; что намъ надлежитъ вѣхашъ въ согласіи, дружбѣ и проч. Я сказалъ въ заключеніи, что будучи удостоенъ довѣрія своего Правительспва, поручившаго мнѣ имущество на нѣсколько тысячъ ланъ или рублей серебромъ, весьма безпокоюсь о томъ, дабы въ ономъ не послѣдовало ущерба казнѣ опѣ какихъ либо неправильныхъ распоряженій. Чень-лое обѣщалъ все сдѣлать къ нашей пользѣ, по долгу службы.—Мысли для насъ благопріятныя и конечно внушенныя холодному Кишайцу Тусулахчѣмъ Идамомъ, показавшимъ многіе опышпы примѣрнаго усердія къ Россіянамъ.

Огп. 11. Ночь была темная; утро пасмурное. Вчера дулъ вѣтеръ юго-западный; но сего дня съ утра повѣялъ онъ съ сѣверо-запада; около полу-дня усилился чрезвычайно, такъ что въ 4 часу выпала снѣгъ.

Высупили мы въ началѣ 9 часа утра и проѣхавъ 20 верстѣ, прибыли на станцію *Сугжинъ усѣ* въ 1 часу по полудни.

Дорога лежала, какъ и вчера, прямо на воспокъ. Изъ долины, въ коей ночевали, мы поднялись на высоту, покрытую камнями, весьма затруднявшими ходъ колесъ. Переѣхавъ небольшой уваль, опять надлежало взойти на бугоръ, гдѣ наши уже дорогу, нѣсколько пробишную. Верстѣ черезъ 7 отъ станціи, миновали мы небольшую падь или оврагъ, заросшій дикою шравою, у Монголовъ называемою *будургуна*. Отшуда поднялись на ош-логое возвышеніе, покрытое сердоликами, халцедонами, моховиками и яшмою разныхъ цвѣтвъ. Сей успроенный природою мозанкъ, при отраженіи солнечныхъ лучей, представляетъ картину необыкновенную, весьма пріятную для глазъ. Подавшись впередъ верстѣ на 5 по сему пестрому, минеральному полю, спустились мы къ солончяному озеру *Цаганъ тугурикъ* [по Монг. бѣлый кругъ; *тугурикъ* означаетъ еще и монету]. И шеперь примѣтны соляные ключи, текущіе съ разныхъ спорнѣ въ озеро; по дорогѣ много солонцовашой глин-

ны. Пробишья къ озеру пропинки заспавляли пред- полагають, что сіи солончаки должны бытъ поспѣваемы овцами, хошя впрочемъ мы не видѣли тамъ ни юрпъ, ни скоша. Онь *Цаганъ тугурика*, верспъ на 8 до станціи, дорога лежитъ по наклоненной къ востоку плоскости. На всемъ переѣздѣ пошва со- стонпъ изъ мѣлкаго хряща.

Юрпы для Миссіи поспавлены влѣво опъ до- роги на косогоръ *Сугжинъ усу*; къ Ю пропивъ онаго идепъ высоша *Цзажинъ арикѣ*, у подошвы коей есть колодезь съ хорошею водою. Колодезь сей изсѣченъ въ камень; вода опъ поверхности зем- ли въ 2 саженьхъ. Трава около станціи, судя по песчаному грунту, изрядна. Когда же, пріѣ- хавъ на мѣшпо, спросилъ я, по обыкновенію, у станціонныхъ спаршинъ, каковъ кормъ здѣсь, ка- кова вода? Они опвѣчали: „Все худо, господинъ; а на слѣдующей станціи и вода хороша, и правы много: „*Ине газарѣ усутай, убусутай.*„—Выраженіе усерднаго ихъ желанія, поскорѣ избавишья опъ пушешеспвующихъ иностранцевъ! Какъ бы по ни было, но я призналъ нужнымъ дать скошу оп- дыхъ на сей станціи; о чемъ, по порядку, объяв- лено провожаемымъ съ вечера.

Окп. 12. Дневали. Ночь ясная; но упромъ чув- спвительный холодъ опъ выпавшаго вчера снѣ- гу, который около полудня распаялъ. Во весь день дулъ вѣшеръ съ сѣвера.

По причинѣ возникшихъ недоразумѣній и холодноспи къ намъ Кипайскихъ провожатыхъ, я, по совѣщанію съ Начальникомъ Миссіи, послалъ имъ, въ видѣ признашельности нашей за оказываемое попеченіе о Миссіи, слѣдующіе подарки: Бишхешію соболей лучшаго сорпа 2, средняго 2 и красныхъ лисицъ 2, да Толмачу и двумъ его Нербамъ по одной лисицѣ.—Бошку 4 лисицы, его Нербъ лисицу.—Тусулахчию Идаму: соболей высшей доброты 2 и 2 лисицы, да его племяннику Хя Цебекъ Дорчжію одну лисицу, а служилелю черной сафьянъ.

Тусулахчи вскорѣ послѣ пого явился ко мнѣ съ благодарностію за присланные ему подарки; изъявлялъ свою совѣспливостъ и присовокупилъ, что они провожатые слишкомъ много получаютъ милоспей и, какъ будто непреспанно держашъ пропашныя руки для принятія знаковъ великодушія Россіянъ: эпо были его собспвенныя слова.

Бишхеши и Бошко, вечеромъ, также приходили ко мнѣ благодарить за подарки. Бошко однакоже не преминулъ и здѣсь, подобно какъ на р. *Ирѣ* [3 Септ. о часахъ], упоминать безпреспанно, что изъ лисицъ не прилично сдѣлать шапку, а для опушки оной употребляелся у Кипайцевъ соболь. Онъ видѣлъ соболя, данные Бишхешію.

Окп. 13. Ночь ясная и весьма холодная; ушпромъ морозъ до 8 град. по Реом. Повозки выступили въ началѣ 9 часа утра. Прѣхавъ 18 верспъ впередъ,

прибыли мы на спанцію *Хулугурб* въ часъ по полудни.

Опъ *Сугжинб* *усу* переѣхавъ лощину, на коей есть колодезь, перешли мы въ направленіи къ ЮВ. нѣсколько покашыхъ долинъ, переѣкаемыхъ небольшими возвышеніями. За 3 версты до спанція переѣхали черезъ ручей *Гашунб*, имѣющій воду горькую съ сѣрнымъ запахомъ.

Урочище *Хулугурб* въ полуверспѣ опъ дороги или, собственно говоря, опъ узкой пропинки, по коей пробирались мы опъ самаго поворота съ большой *Дарханской* дороги. Впередн къ Ю находится возвышенность, идущая съ В на З и въ копорой есть при главныхъ пади, или широкіе овраги, называемые здѣсь *Байнб кундуй*: восточный, средній и западный. У подошвы западнаго, верспы за 2 опъ спанція, за нѣсколькими буграми выпекаешъ ручей, кажешся, пошъ самый, копорый мы сего дня переѣжали вбродъ. Опъ сильной спужн, на глубокихъ мѣспахъ ручья ледъ пошциною вершка $1\frac{1}{2}$; но есть мѣспа, гдѣ вода бѣжншъ не замерзая; она непріятнаго вкуса, издаешъ сѣрный запахъ. Высопы, по пупи къ пропоку, усѣяны обломками грубой яшмы, болѣе желтоватаго цвѣта. Есть огромные камни, пошже породы, глабоко вросшіе въ землю и имѣющіе видъ окаменѣлыхъ пней большихъ деревьевъ. На шѣхъже высотахъ роспешъ золошарникъ; а по берегамъ

пропока находили мы колючее расптвнїе, шонкими прутьями спелющееся по землѣ.

Около станціи расптвнѣ много *будургуны*: это есть низенькій кустарникъ съ красноватыми листками; видомъ походитъ онъ нѣсколко на нехворощь. Будургуна есть собственность *Гобии*. При переходѣ чрезъ сїи мѣста Монгольскихъ каравановъ, изъ Халгана въ Кяхту, или обратно въ Халганъ и Долонноръ, въ зимнее время верблюды питающа полько сею правою, весьма способствующею къ ихъ ушученію. Она расптвнѣ во множествѣ, начиная отъ станціи *Цзулгету* къ югу; но скошъ нашъ, по непривычкѣ, не ѣлъ оной.

Во время подковки лошадей, одинъ Ламá, ходившій около нашего кузнеца и долго разсмапривавшій его работу, наконецъ вдругъ сѣлъ на лошадей и поскакалъ въ спорону. Оказалось, что сей любопытный причепникъ унесъ одинъ изъ кузнечныхъ желѣзныхъ инструментовъ. Хопя Тусудахчи далъ спрогое приказаніе Цзангину объ опысканіи попері; но всѣ спаранія оспались безуспѣшными. Нельзя бытъ довольно оспорожнымъ.

Цзангины Халхаскихъ станцій, отъ Кяхты до *Урги* на шапкахъ носящъ шарики бѣлые непрозрачныя; а по сю спорону *Урги* прозрачныя.

Окп. 14. Ночь крайне холодная, по ушпру морозъ град. 10. Сами жители здѣшніе говорящъ, что шакой холодной осени давно уже не бывало;

причиною тому полагають сильныя дожди, шедшіе во все лѣто и сдѣлавшіе землю сырою.

Со станціи опсправилась Миссія въ 8 часовъ утра и, чрезъ 18 верстъ, въ 1 часу по полудни прибыла въ урочище *Дерисуйнѣ усѣ* п. е. вода въ правѣ дерису.

За версту до станціи, вѣгхалъ къ намъ на встрѣчу сановитый Тайцзи съ Монгольскими спаршинами. Сей Тайцзи назначенъ Мергенъ Ваномъ [кочующимъ опсюда на З], для провожанія Миссии черезъ весь его Хошунъ, опъ урочища *Дерисуйнѣ усѣ* простирающійся до границъ Сунитскихъ, гдѣ оканчиваются уже земли Халхаскія. Опъ *Урги* до сихъ мѣстъ вѣхали мы черезъ владѣнія Цецень Хана.

Вскорѣ по нашемъ прибытіи, явился ко мнѣ въ богатой одеждѣ Хя Цыренъ Чжапъ, съ засвидѣтельствованіемъ почтенія опъ Тусулахчія Демиша, кочующаго опъ сихъ мѣстъ верстахъ въ 25 къ ЮЗ. При семъ случаѣ Хя, опъ себя и опъ двухъ младшихъ своихъ братьевъ, подарилъ Начальнику Миссии и мнѣ по живому барану, сверхъ того поднесъ мнѣ Хадакъ и Кипайскій кисетъ для табаку. Согласно Азіатскому обыкновенію и самому приличію, я взаимно подарилъ Хя Цыренъ Чжапу, три аршина чернаго сукна и зеленый сафьянъ; а братьямъ его по зеркальцу. Смѣлый и говорливый Монголь увѣрялъ насъ въ своей признательности за вниманіе къ нему, въ своемъ у-

сердцѣ, гоповности къ услугамъ и проч. Наконецъ Хя, прощаясь съ нами, спросилъ, чпó поручимъ сказать, черезъ него Тусулахчию Демишу, къ коему онъ шеперь же опсправляется. Я велѣлъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и просилъ, дабы онъ приготовилъ для промѣна, изъ своихъ многочисленныхъ спадъ, нѣсколько верблюдовъ и лошадей.

Окш. 15. Двинулись мы со спанціи въ 8 часу утра и, проѣхавъ верспъ 15, прибыли къ *Абургайнъ сумъ* ш. е. капицу на змѣиной горѣ.

Дорога сюда лежитъ также долинами, часшо прерывающимся, между плоскими возвышеніями. Верспахъ въ 5 опъ ночлега видѣли мы у колодца, въ лѣвой споронѣ опъ дороги, многочисленное спадо верблюдовъ, коихъ разводяшъ здѣсь великое множество. Верблюды *Гобійскіе* считающся лучшими въ Монголіи, хопя вообще Монгольскіе верблюды слабѣ Киргизскихъ. Лошади здѣшніе малы ростомъ; но крѣпки и болѣе спашны, нежели видѣнные нами по шу спорону *Урди*, ближе къ Россійской границѣ.

Миновавъ высоту, вѣхали мы прямо къ В верспъ 5, до подошвы высокой горы *Уланъ Обо* [красный Обо]; на самой вершинѣ ея насыпана куча камней — жершвенникъ спешныхъ поклонниковъ Шигемунія. Гора сосшопилъ изъ красного гранита, смѣшаннаго съ кварцомъ. Когда прошли мы съ верспу близъ *Уланъ Обо*, оспававшейся у насъ вправѣ; шо она

крылась впередъ весьма обширная равнина, на коей вдали споншь огромная гора *Чиндамони* [слово Тибетское]. Пошомъ верспы 3 пробирались мы по каменистымъ уваламъ до капища, кошорое споншь влво опъ дороги, на скапъ горы *Абурга*. Слово сіе на Монг. языкъ собспвенно означаешъ *злы*. Говорятъ, что въ ущеліяхъ сей горы водились нвкогда огромные змви, коихъ теперь, подобно какъ и лягушекъ, мы вовсе не видали. Какая земля! Нвпъ ни пресмыкающихся, ни прыгающихъ пварей! — Изъ горы шечешъ небольшой ключъ, нынъ покрывшійся уже льдомъ. Юрпы для Мисси были посшавлены въ верспъ опъ капища на Ю. Съ живѣйшимъ удовольспвіемъ смотрѣли мы на обитаемыя зданія, какъ бы на оспровъ посреди необозримаго Океана.

Не подалеку опъ спандіи вспрѣпилъ меня Хя Цыренъ Чжапъ, съ коимъ видѣлись мы вчера. Онъ извѣспилъ, что Тусулахчію Демишу, по болѣзни, едвали можно будешъ пріѣхашъ къ намъ, для свиданія; а что онъ выслалъ своего брата Ламу и старшаго сына, коимъ поручилъ промѣняшъ намъ кошпъ, если мы пожелаемъ: слѣдшвіе вѣжливой хипросии степнаго Генерала [1]. Самъ онъ, по ви-

(1) Тусулахчи Демишъ, подобно Идаму, нвѣшъ на шапкѣ красный шарикъ рѣзной; что, по Кышайскому чиноположенію, присвоено младшимъ и старшимъ чиновникамъ 2-й степени, по коей они могутъ равняшся съ чиномъ Генералъ Маіора и Генералъ Лейтенанта. Впрочемъ Монгольскіе чины, и при одинакихъ шарикахъ, достоинствомъ ниже Манжурскихъ и Кышайскихъ.

димому, опасался войти въ торговое дѣло, дабы честполубіе не убѣдило его сдѣлать уступки въ нашу пользу. Припомъ, всѣмъ его имуществомъ управляетъ младшій его братъ Лама.

Изъ числа верблюдовъ, находившихся подъ вьюками, принадлежавшими Пекинской Миссіи, нѣкоторые начали примѣтно ослабѣвать еще на пути до *Урги*, по причинѣ трудной дороги, ненастья, излишней тяжести ящиковъ съ серебромъ, а болѣе всего отъ совершенной непривычки къ работѣ. Чтобы сколько нибудь сему помочь, я спарался въ *Ургу* вымѣнять нѣсколько верблюдовъ, совершенно привыкшихъ къ трудному пути по *Гоби*. Желających мѣняться не нашлось; а при покупкѣ взрослый, сильный и обвѣзженный верблюдъ могъ обойтись почти въ 250 руб. ассигн. Тусулахчи Демишъ, одинъ изъ богатѣйшихъ скопководцевъ между Халхаскими Монголами [имѣеть болѣе 1000 верблюдовъ, 2000 лошадей, 7000 овецъ и немало рогатаго скота], по дружбѣ своей, вызвался сдѣлать намъ въ шомъ пособіе; о чемъ упомянуто выше. Прибывъ къ капищу *Абургайнъ сумо*, я принужденъ былъ привести дѣло сіе къ окончанію, пѣмъ болѣе, что въ шабунѣ нашемъ много оказалось такихъ уже верблюдовъ, кои отъ великаго изнуренія едва могли идти и безъ вьюка.

И такъ, съ вѣдома Кыпайскихъ проводниковъ Миссіи, въ 4 часа по полудни отправилъ я къ Тусулахчию Демишу, нарочно прибывшему въ сіи

мѣста, Сопника Захарова, въ сопровожденіи станціоннаго Монгола, чшобъ при засвидѣтельствваніи ему почтенія, вызвашь его на исполненіе даннаго имъ слова. Вмѣстѣ съ симъ я послалъ Демипу въ подарокъ двѣ красныя лисицы и чепыре соболя.

Вскорѣ по отъѣздѣ Сопника въ кочевье Тусулахчія, находившееся отъ нашей станціи верстѣ за 8 на 3, ближе къ горѣ *Чиндажони*, пріѣхали ко мнѣ Лама, братель Демипа, и сынъ его молодой Тѣйцзи. Послѣ взаимныхъ привѣтствій они предложили отъ имени Тусулахчія, въ знакъ дружбы, Начальнику Миссіи два барана и мнѣ сполько же, сверхъ того масла, сыру и хлѣбныхъ закусокъ. Посвѣщателямъ сдѣлано отъ меня приличное угощеніе.

Проведя около часа въ разговорахъ, они объявили наконецъ, что по приказанію Тусулахчія доставили для промѣна 10 верблюдовъ, кои весьма много превосходили нашихъ и роспомъ и силою, включая верблюдовъ, пожертвованныхъ сыновьями Главнаго Апамана Братскаго *легкокончаго* войска. Они обѣщали намъ привести, на другой день, еще трехъ верблюдовъ. Мы начали шорговаться о мѣнѣ. Лама за каждаго изъ своихъ 13 верблюдовъ преребовалъ по два изъ нашихъ, соглашаясь пріяшь ихъ безъ выбора, по нашему назначенію. Требованіе весьма высокое; но и разность въ скопѣ была очевидна. Спараясь о сбереженіи выгодъ

казны, я давалъ 15, 18, и 20 своихъ верблюдовъ; наконецъ, по долговременныхъ переговорахъ, я предложилъ 23 верблюда за ихъ 13. Лама и Тайцзи Демитъ никакъ не ошступали ошъ своего требованія, упираясь на то, что ихъ верблюды свѣжи, пучны; неоднократно ходили ошъ сихъ мѣстъ до Халгана, и ошшуда на Кяхту съ чаемъ; легко несуть на себѣ клади до 400 гиновъ п. е. около 14 пудовъ. Извѣстно, что Киргизы, при перевозкѣ поваровъ Рускихъ и Бухарскихъ, навьючиваютъ на одного верблюда 16 пудовъ.

Между пѣмъ возвратился Сопникъ Захаровъ ошъ Демитша, который располагался, на другой день, прѣхашъ въ нашъ станъ. Вскорѣ вошелъ въ юрту мою одинъ изъ его служившелей и вывалъ Ламу. Спусти чешверть часа, Лама возвратился, и сказавъ рѣшительно, что онъ не возьметъ мнѣ 24 верблюдовъ за своихъ 13, удался вмѣстѣ съ Тайцзіемъ, считая поргъ нашъ несостоявшимся. Я проводилъ ихъ съ пріязнію и, прощаясь, подарилъ сыну Демитша серебряную ложку и пару хрустальныхъ бокаловъ, въ знакъ памяти.

Окп. 16. Дневали. Ночь теплая; утро ясно. Около полудня вѣперъ съ 3 весьма рѣзкій.

Въ 8 часовъ утра вчерашніе постыпители опяшъ пришли ко мнѣ, съ такимъ извѣстіемъ, что согласно съ приказаніемъ Тусулахчія Демитша, по дружбѣ его съ Маіоромъ [мною], они принимаютъ 23 нашихъ верблюдовъ за своихъ 13, коихъ и при-

вели уже на спанцію. Наши верблюды опданы; а новые приняты, въ присудспвіи Тусулахчіа Идама. Кипайцы не показывались намъ и на глаза.

Въ 11 часу ходилъ я, съ нѣкоторыми изъ Членовъ Миссіи, осмапривать Абургайнское капище. Оно расположено на скапѣ горы и фасадомъ, по правиламъ Тибетской Архитектуры, обращено на югъ. У подошвы косогора устроены колодезь, мимо котораго течетъ изъ ближайшихъ горъ особый ключъ. Капище въ окружности имѣетъ около 250 сажень и обведено стѣною, которая, подобно какъ и всѣ зданія, устроена изъ кирпича и покрыта красною краскою. Кровли сложены изъ черепицы. У южнаго, главнаго входа вкопаны въ землю два бревна, въ видѣ высокихъ мачтъ; за стѣною, на восточной сторонѣ деревянный домикъ, общая столовая Ламъ во время бывающихъ здѣсь собраній; а на западной расположены 7 юртъ, въ коихъ живутъ безсмынные Ламы и причешники сего капища.

Провожавшій насъ Цебекъ Дорджи, племянникъ Идама, позвалъ изъ юртъ ключаря, съ конемъ и вошли мы, черезъ южныя врата, сперва въ преддверіе. Въ ономъ стоятъ четыре деревянныхъ кумира гигантскаго роста, въ видѣ воиновъ, покрытыхъ доспѣхами. Первый, на правой сторонѣ со входа, имѣетъ красное лице и въ обѣихъ рукахъ держитъ вѣющуюся змѣю; у 2-го лице бѣлое, въ правой рукѣ зонтикъ, коимъ различаются въ Кипаѣ

*

степени чиновниковъ, а въ лѣвой мышѣ. Нагъво: 3 имѣетъ лице синее, въ рукахъ мечь; наконецъ 4 съ желтымъ лицомъ, играетъ на люшнѣ. Сін Бурханы или священныя лица, согласно съ учениемъ Шигемунія, называются *Южурсунъ*, *Пагибу*, *Челцизанъ*, *Ножтоссерэ*. Они-то суть Тенгері или Махаравзѣ Ханы, кои живутъ по 2500 лѣтъ и имѣютъ каждый по 125 сажень роста. Они пекуются о временномъ благополучіи смертныхъ и обихаютъ на чепырехъ краяхъ горы Сюммэръ—средопочія вселенной, главнаго жилища духовъ-хранителей. Поверхность означенной горы, съ окружающими ону семью золотыми хребтами, простирается почти на 100,000 верстъ въ каждую изъ чепырехъ чашей свѣта.

Черезъ дворъ, высланный кирпичемъ, перешли мы въ главную кумирню, гдѣ Ламы обыкновенно собираются для моленія. Зимой, по причинѣ холода, таковыхъ собраній не бываетъ. Около внутреннихъ деревянныхъ столбовъ находятся хоругви, бубны и хадаки; а по стѣнамъ висятъ рисованныя на шелковой матеріи изображенія чинимыхъ праведниковъ. Противъ дверей, у сѣверной стѣны стоятъ большіе мѣдные кумиры, возлѣ нихъ устроены мѣста для спаршихъ Ламъ, въ видѣ креселъ съ подушками, покрытыми желтымъ апласомъ; а для сидѣнія низшихъ духовныхъ лицъ постланы на полу войлоки. Вездѣ чисто и опрятно. За сямъ капищемъ есть другой домикъ, въ коемъ, по сре-

динъ сѣверной стѣны, спонитъ позлащенный ку-миръ Шигемунія или Фо. Мракъ сего капища въ полной мѣрѣ изображалъ темношу понятій са-михъ Ламъ объ основаніяхъ Шигемуніанской религіи.

Говорятъ, что начало оной положилъ, за долго еще до Христіанскаго лѣтосчисленія, какойпо Князь Шигемуніи [Чжакцямуніи] или Фо, родившійся въ одной Индѣйской провинціи, на берегу р. Гангеса. Князь сей на 19 году своего возраста скрылся, и около 20 лѣтъ обучался у опшельниковъ своей земли. Возвращаясь въ Княжество, принадлежавшее ему по наследству, онъ основалъ шамъ новую вѣру, о коей написалъ безчисленное множесство книгъ и приобрѣлъ многихъ себѣ послѣдователей; учредилъ Браминскій безбрачный орденъ, который въ послѣдствіи принялъ, по со-сѣдству, Тибетцами а опъ нихъ Монголами, подъ именемъ ордена Ламскаго. Шигемуніи училъ народъ переселенію и безсмертнѣю душъ, обѣщая по смер-ши награду добрымъ, а злымъ мученія. Передъ кон-чиною, Шигемуніи опкрылъ двумъ избраннѣйшимъ ученикамъ своимъ за пайву, что онъ обыкновен-ный смертнѣй [1]. Шигемуніанскую вѣру, съ нѣко-порыми расколами, содержатъ Индія и Тибетъ; а съ 58 года по Р. Х. большая часть Кытая. Изъ Ис-торіи же Чингисскаго [Юанскаго] Дома извѣстно, что съ XII столѣтія вѣра сія введена спранспву-

(1) Жизнь его и дѣянія подробно описаны во вшоромъ отдѣленіи III Части сихъ Записокъ.

ющими Ламами, и волею Хановъ, въ Монголіи и Зюнгариі, гдѣ дополъ наблюдали обряды Шаманства. Сими же путями ученіе ея проникло и въ южныя обласи Сибири, особливо въ Иркутскую губернію.

И въ семь, подобно какъ въ первомъ капищѣ, висипъ много хадаковъ. Передъ кумиромъ Шигемунія находишся большой сполъ съ масломъ и пшеномъ, называемый *Ширэ* и кошорый у Монгольскихъ Ламъ, подобно Индѣйскимъ и Кипайскимъ, естъ главнѣйшая принадлежность служенія кумирамъ. Сіи идолопоклонники, полагая, и довольно разсудительно, что богамъ не угодна жершва убійспвенная, шакъ какъ и всякое умерщвленіе живыхъ тварей, упошрѣбляюпъ оный сполъ вмѣсто кровавыхъ алшарей, кои у язычниковъ Западныхъ нерѣдко обагралисъ даже кровію людей, и пѣмъ пивали эвѣрспиво ихъ жрецовъ. На сполѣ видѣли мы нѣсколько мѣдныхъ, позлащенныхъ чашъ съ замерзшею водою и чаемъ, блюда съ просомъ, и возлѣ круглое опахало изъ павлинаго хвоста. Наконецъ въ шрешьемъ домикѣ, споящемъ позади всѣхъ, хранишся въ деревянныхъ шкапахъ извѣстная Тибетская книга Шигемуніанскаго закона, называемая *Ганжурѣ*. Она писана въ лиспѣ и разложена шакимъ образомъ, что 54 шома находишся на правой споронѣ капища а 54 на лѣвой, всего 108 шомовъ, изъ коихъ каждый содержишъ до тысячи спраницъ. Близъ мѣдныхъ ишукановъ, шуптъ

находящихся, лежишь духовная же книга Юмбъ въ 16 томахъ. Оба упомянутыя шворенія напечапаны на Тибешскомъ языкѣ и переплешены богато. По сторонамъ послѣдняго зданія, стовишь еще по одному домику, кои однакоже пусты.

Капище сіе [коего духовная глава, юный Хубилганъ [1], уѣхалъ въ Ургу для воспишанія] посшроено иждивеніемъ предковъ Тусулахчія Демипа, издавна кочевавшихъ въ сихъ мѣстахъ.—Часа черезъ два, мы возвратились въ свои юршы.

Въ 5 часу пополудни наконецъ посѣпнлъ насъ и Тусулахчя Демипъ, прѣвхавшій съ многочисленною свипою и въ богатой одеждѣ. У зимней шапки его съ бобровымъ околышемъ, висѣло по спинѣ двойное павлиное перо, длиною вершковъ 5, съ однимъ очкомъ, полученное въ знакъ оппичія опъ покойнаго Богдо. Я началъ было благодарить Демипа за снабженіе обоза Миссиа хорошими верблюдами. Однако гопъ, съ коимъ пришли братья его Лама, молодой Демипъ и шестилѣтній сынъ сего послѣдняго, безпрешанно швердилъ: *Тымб, жорі надá хамá угé*, ш. е. до верблюдовъ и лошадей мнѣ нѣтъ дѣла: „я все поручилъ брашу и сыну, они все рѣшашъ, какъ знаютъ.” Онъ увѣ-

(1) Стѣпень Шигемуніанскаго духовенства; означаетъ перерожденца. Онъ достоинствомъ ниже Кушухшы. Въ Хубилганы возводиль, преимущественно предъ прочими, людей духовнаго званія. Чшобъ пріобрѣсти уваженіе народа и право на Хубилганство, не дошпатчно одного избранія Кушухшою: надлежишь оппичатъсь особеннымъ благочестіемъ и обширными свѣдѣніями.

рядъ въ своей привязанности ко мнѣ, какъ къ сыну, другу и проч. нюхалъ голову [у Монголовъ знакъ родительской ласки, вмѣсто лобзаній] своего внука, хвалился своимъ павлинымъ перомъ на шапкѣ и проч. Проводя въ юрпѣ моей около часа, Демишъ разошелся съ нами дружески.

Окп. 17. Ночь весьма теплая; но для насъ спокойная. Загорѣвшійся аргаль въ моей юрпѣ, копора, для большей теплошты, была со всѣхъ споронъ закушана, разбудилъ насъ въ 2 часа по полудни густымъ дымомъ, отъ коего были мы въ опасеніи задохнуться. Припомъ не могли мы крѣпко уснуть, по причинѣ, для вѣкопорохъ изъ насъ новой и спральной. Въ числѣ верблюдовъ, вымѣненныхъ у Демиша, находилась самка, ошлученная отъ своего жеребенка. Занимавшимся Еспешенною Испоріей конечно, извѣстна чувствительность сего животнаго. Верблюдица безпрестанно издавала прощажные и споль жалобные звуки, что, признаюсь, не можно было равнодушно ихъ слушать. Она посковала подобнымъ образомъ еще дней пять послѣ того, и я собственными глазами видѣлъ слезы, градомъ кашившіеся изъ ея глазъ. Сильно дѣйствіе природы! —

Миссіа опправила въ путь около 7 часовъ утра. На слѣдующую спанцію *Дурбанъ дерету* [4 подушки] прибыли въ 12 часовъ полдня, подавшися сего дня впередъ на 20 верстѣ.

Верстѣ 6 ѣхали мы по поймае равнинѣ, гдѣ имѣли ночлегъ, до большой поперечной высопы. У подошвы ея ходило болѣе спа верблюдовъ, принадлежащихъ Демипу, много лошадей и рогатаго скота. Еще верстѣ 6 продолжали мы пушь крупными увалами до колодца *Кутулъ*, гдѣ оспанаывивались наши Мисси въ 1794 и 1807 годахъ. Травы хороши, груншъ земли соспоитшъ изъ щебня; во многихъ мѣстахъ песчанниковая щешка лежитшъ длинными полосами: эшо самая оспрая пила для верблюжьихъ лапъ и конскихъ копытъ. Въ нѣкопорыхъ лощинахъ примѣтны слѣды солонечныхъ озеръ.

Верстахъ въ 4 опъ урочища *Кутула* догваль насъ Хя Цыренъ Чжапъ, съ благодарностію опъ Тусулахчія Демипа за вчерашнее угощеніе. Въспѣ съ симъ Тусулахчи прислалъ Начальнику Мисси небольшой кусокъ синей канфы или апыласу съ круглыми узорами, а мнѣ свой вѣрѣ. Сынъ Тусулахчія также подарилъ меня Монгольскимъ ножемъ. Хя, по моему приглашенію, проводилъ насъ до спанціи; гдѣ ему, въ награду за шруды, данъ аршинъ чернаго пилсу, а равно съ нимъже послалъ я Демипу въ подарокъ свою порпфедъ изъ зеленаго сафьяна съ пергаментными листами и карандашами; а сыву его, Тайцзію, споловый ножъ и вилку лучшей работы.

Спанція *Дурбунд дерету* находится въ шѣсной,

песчаной долинь, на коей глубокой колодезь съ прѣсною водою.

Вечеру приходилъ къ намъ старый Монголъ, бывший назадъ тому лѣтъ за шесть на караулѣ Нарымскомъ, противъ Бухшармы. Онъ знаетъ объ Ирпышѣ, знаетъ также нѣсколько Русскихъ словъ, и весьма хвалился ласковостію Линейныхъ нашихъ жипелей въ обхожденіи съ Монголами, охраняющими Кипайскую границу. Караулъ и Монголы называютъ *харагуль*, а Манжуры *карунь*; что означаетъ спража, пикешъ.

Окп. 18. Во всю ночь свирѣпствовалъ западный вѣтеръ, продолжавшійся сего числа съ утра до самого вечера.

Передъ нашимъ опѣздомъ пригоняли поить къ колодцу около 150 верблюдовъ, изъ числа принадлежащихъ Богдохану и пасущихся на южной границѣ Халхасовъ. Верблюды были молодые, болѣе самки и *буры* [жеребцы]; нѣсколько бѣлыхъ, какъ снѣгъ, весьма красивыхъ. Мы изъ любопытства спрашивали у пасуховъ, не согласятся ли они продать хопя одного верблюда; но они рѣшительно сказали, что это было бы уголовное съ ихъ стороны преступленіе.

Двинулись съ мѣста въ началѣ 9 часа утра. Подавшись впередъ на 15 верстъ, пріѣхали на станцію *Удэ* [дверь], въ 12 часовъ по полудни.

Отъ самого *Олонъ байшина* до сихъ мѣстъ дорога наша имѣетъ направленіе къ востоку.

Удэ, вышняя спанція, расположена въ глубокой долинь, со всѣхъ споронъ сѣверной каменными горами. Изъ сей долины, разсѣкаемой дорогою, выѣздъ къ Ю, равно какъ и на С, проложенъ между двумя ущесами, опспоящими одинъ опъ другаго не далѣе десяти сажень. Трудно увѣришься, чшобы рука человѣческая не участвовала въ разпорженіи сихъ огромныхъ камней. У възда на долину съ сѣверной спороны есть небольшое, продолговатое озеро съ мупною водою, весьма пропивною вкусу. По моей просьбѣ, Тусулахчи посылаъ къ колодезю, вершты за 3 опспоящему, и намъ вечеромъ привезли чистой воды. Группъ занимаемой нами долины состоиптъ преимущественно изъ солонцоватой глины.

Сіи пустынные врата, оптверзающія пупъ въ *Гоби* въ собственномъ смыслѣ, называющся у Монголовъ *Ару́ удэ* [сѣверная дверь]; переѣзда черезъ два, есть у Монголовъ Сунишовъ мѣсто, известное подъ именемъ *Убу́рб удэ* [дверь кожная]. Съ вершины хребта, окружающаго нашъ спанъ, открывающся обширные виды во всѣ спороны, а болѣе къ югу. Мѣстами на хребтѣ роспелъ шаволга (*Spiræa stenata*) и дикій персикъ; а въ ущеліяхъ много душистыхъ куспиковъ, имѣющихъ лиспья подобныя сосновымъ, у Линнея *Amargis mitillus*. Монголы съ пользою употребляютъ сію праву для припарки опухолей. Попадалось шакже намъ растѣніе *Equisetum arguense*, конская щешка

[родъ хвоща] и душистый куспарникъ *Artemisia*, похожій на нашу нехворощь. О. Пепръ сказывалъ намъ, что въ бытность его въ Пекинѣ, на Россійскомъ подворьѣ много росло артемизіи необыкновенной вышины.

Здѣсь явился въ нашъ спанъ Мейренъ [на шапкѣ имѣеть синій шарикъ 4 степени, равняющей его нашему Маюрскому чину] *Востогныхъ Сунитовъ*, по землямъ коихъ Миссія вскорѣ должна слѣдовать. Съ нимъ пришелъ въ юрпу мою Бошко и Тусулахчи Идамъ; они объявили, что ошъ Тусулахчія сдѣлано уже наставленіе Мейрену, дабы и по кочевьямъ Сунитовъ Россійская Миссія была провожаема на шѣхъже условіяхъ, кои наблюдались со стороны Халхасовъ: п. е. по причинѣ холоднаго времени, мѣстные жители, по дружбѣ, должны выспавлять для опдохновенія Миссіи шри юрпы на каждой спанціи, снабжать оную аргаломъ и водою; сверхъ того, по долгу службы обязаны пастыи нашъ шабунъ, сберегая оный въ цѣлости, давая проводниковъ въ пупи и караульныхъ на ночлегахъ. Я присовокупилъ шребованіе, чшобы спанціи одна ошъ другой выспавляемы были не слишкомъ далеко, на мѣстахъ, изобилующихъ водою и хорошимъ подножнымъ кормомъ, и ссылаясь на засвидѣтельствованіе Бошка и Тусулахчія, что Россіяне старающа быть признательными за оказываемыя имъ услуги. Мейренъ, выслушавъ все сіе, удалился.

Вовремя сего свиданія нашего съ Сувипскимъ чиновникомъ, Начальникъ Миссіи открылъ случившуюся у него покражу апласу, присланнаго вчера опъ Тусулахчія Демипа. О. Архимандритъ замѣтилъ, что одинъ молодой Монголь, изъ числа провожавшихъ Миссію опъ *Абургайнъ сумъ*, не задолго предъ тѣмъ ходилъ около нашихъ повозокъ. Тотчасъ послалъ я Переводчика къ Тусулахчію объявивъ о семъ непріятномъ происшествіи. По примѣпамъ, начали искашь виновника, и оказалось, что дѣйствительно за часъ передъ тѣмъ ухалъ со спанціи Монголь, обратившій на себя подозрѣніе О. Петра. По приказанію Тусулахчія поскакали за ухавшимъ, догнали, нашли у него украденную матерію и привели его обратно. По жестокомъ испязаніи со стороны Монголовъ, подозрѣваемый признался, что онъ дѣйствительно укралъ матерію. Дѣло сіе Гг. Бипхеши и Бошко рѣшили тѣмъ, что апласъ возвратили О. Архимандриту; а съ преступника взяли себѣ двѣ лошади, освободивъ его, по молодости лѣтъ, опъ суда по формѣ.

Покойный Игумновъ, въ качествѣ Пристава при раза провожавшій Пекинскую нашу Миссію, и доселѣ оспающійся въ памяти Монголовъ подъ именемъ *Шеронъ Хамсарѣ*, также опзывается, что въ сихъ мѣстахъ бываетъ много воровъ.

Ѣхавшій съ нами опъ минувшей спанціи Лама, изъ числа паспуховъ Богдохановыхъ верблюдовъ, сказывалъ, что въ сихъ мѣстахъ разведено болге

20,000 верблюдовъ, принадлежащихъ собственно Государю. Сверхъ того пасутся еще, далеко на западѣ, табуны верблюдовъ и лошадей, собираемыхъ, въ видѣ подапи, съ Владѣльцевъ Сунишскихъ и Халхаскихъ: оный скопъ содержишь на случай военныхъ обстоятельствъ, для перевозки казенныхъ пѣшестей. Здѣсь ходятъ однѣ только верблюдицы, нѣсколько жеребцовъ и молодые самцы до трехъ лѣтъ; попомъ перегоняютъ ихъ на Цахарскія степи, ближе къ Халгану или, въ собственномъ смыслѣ, къ Великой степи, гдѣ заведены особыя табуны кладеныхъ верблюдовъ и лошадей; сіи послѣднія предназначаются для Манжурской кавалеріи въ военное время. Много табуновъ Богдовыхъ содержишь опсюда на ЮВ въ урочищахъ, называемыхъ *Дарі* [имя горы] *Гангá* [озера]. Тамъ живеть особый Амбанъ Шшаммейстерскаго званія; а Генераль Инспекторъ всѣхъ Богдохановыхъ спадъ есть Гузай-Амбанъ, по есть Корпусный Командиръ Цахарскаго войска, имѣющій пребываніе въ Халганѣ. Табуны Богдоханскіе разбишы на многія отдѣленія, для удобности въ паспбѣ и водопбѣ. Въ каждомъ отдѣленіи есть особый Даргуй или смотришель, завѣдывающій Зоо верблюдовъ. Черезъ 6 лѣтъ бываетъ ревизія скопу: взрослыхъ самцовъ опгоняютъ къ Цахарамъ. Если окажется въ скопѣ большой приплодъ и вообще верблюды найдены будупъ въ хорошемъ положеніи; тогда Богдоханъ жалуетъ Амбана и его Бишхешіевъ [Со-

вѣшниковъ] шелковыми матеріями, а Даргульмъ по 100 кусковъ кипайки каждому, съ шѣмъ чптобы изъ шого числа Даргуи награждали и работниковъ, по своему усмотрѣнію. Каждому Даргую подчиняется 6 работниковъ, которые пасушъ шабунъ по очередно. Когда волкъ расперзаетъ верблюда, или оный пропадетъ безъ вѣспи; по съ богашаго смопришеля взыскивается нащурою, а бѣдныхъ наказываютъ шѣсно, и шабунъ ввѣряють другому. Всѣ пасухи зависяшъ опъ особаго, учрежденнаго въ Пекинѣ конюшеннаго Приказа. Жалованья получаютъ въ годъ: Амбанъ 150 ланъ [300 рублей], Бишхеши 60 л. [120 р.], Даргуй 24 л. [48 р.], а простой работникъ 12 л. [24 р.] серебромъ.

Тусулахчи Идамъ съ своей споронъ подтвердилъ справедливость всего вышесказаннаго, присовокупивъ, что казенные ихъ верблюды и въ мирное время тысячами употребляются на перевозку провіанша для многочисленнаго *Улясутуйскаго* гарнизона изъ *Или* и *Гобдо*, гдѣ весьма много зашвуютъ хлѣба. При рѣкѣ *Или* производяшъ обширное земледѣліе Ташары или Турки, переселенные Цяньлунемъ [1] изъ Восточнаго Туркестана.

Окш. 19. Въ 8 часу упра оспавили мы свой ночлеги. Проѣхавъ около 17 верспъ, въ 12 часовъ полдня прибыли на спанцію *Эргі* [яръ или оврагъ], послѣдній въ Халхаскомъ Княжествѣ. Дорога склоняется болѣе къ воспоку.

(1) *Мажуро-Кипайскій Императоръ*, царшвовавшій съ 1736 по 1796.

Тѣснымъ ущеліемъ, между высокими камнями, выѣхали мы изъ *Удэ* на обширную равнину. Вдали передъ нами синѣлся хребетъ *Аргали*, идущій съ СВ на ЮЗ. Симъ хребтомъ опдѣляющіяся кочевья *Халхаскія* опъ *Сунитскихъ*. Западная часть хребта разорвалась на три большія массы, кои издали представляются въ видѣ огромныхъ зданій. По имени хребта, и дорога сія получила названіе *Аргалинской*. Влѣвъ опъ нее, небольшая гора *Нарада*, у подошвы коей пасется часть *Богдоханскихъ* верблюдовъ. Спанція *Эрги* видна верспъ за 5: столь ровна степь. Въ окрестностяхъ *Удэ* пошва земли состоитъ изъ голой дресвы; но чѣмъ ближе къ *Эрги*, тѣмъ шва лучше.

Юрты для провожатыхъ нашихъ поставлены были на косогорѣ; а для *Миссіи* въ дощину, неподалеку опъ колодца, изобилующаго хорошею водою. Приславъ *Первушинъ*, сопровождавшій *Миссію* въ 1807 году, не останавливался здѣсь. Поможась на коварныя увѣренія своего *Бисхепи*, что слѣдующая *Сунитская* спанція близко, онъ опважился ѣхать прямо къ оной; тогда какъ до того мѣста опсюда около 35 верспъ. Таковой переѣздъ, въ одинъ пріемъ болѣе 50 верспъ, произвелъ въ скопѣ примѣнное разспройство.

Въ 4 часа по полудни приходилъ ко мнѣ *Тусулахчи* *Идамъ* и объявилъ, что онъ на другой день возвращается въ *Уреу*. Хошя и надлежало ему проводить *Миссію* до слѣдующей спанціи; но онъ,

переговоривъ вчера съ Мейреномъ, предоставилъ проводишь насъ и сдашь шабушъ нашъ Монголамъ Сунипамъ, Тайцзію Аюшъ Уйцзыну, поелику сіи мѣ-
сца принадлежатъ начальнику его, Мергенъ Вану.

Мы изъявили Тусулахчію общую благодарность всей Миссіи за его одолженія и дружескую попечительность о насъ въ проѣздъ по землямъ Халхасовъ, продолжавшійся ровно 50 дней; также за твердую защиту нашихъ справедливыхъ требованій передъ Пекинскими проводниками, кои въ послѣдствіи, пятоспными для насъ опытами, подтверждали мысль Кишайскихъ чиновниковъ, будто бы они ѣдутъ съ нами по *службѣ*, а мы по *своей* надобности, и потому мы же обязаны платишь за *все и всѣмъ*. Просили мы его о продолженіи и впредь усердія къ Россіянамъ; равнымъ образомъ не могли сокрышь нашего искренняго желанія, дабы Тусулахчи и въ обратный путь былъ нашимъ проводникомъ. При семъ случаѣ Тусулахчію отъ меня подарено алаго сукна на *Дубу* [плащъ] $5\frac{1}{2}$ аршинъ, коришневаго казимиру на *Хантацзу* [Манжурская фуфайка безъ рукавовъ, носимая сверхъ кафпана, въ видѣ лапъ] 3 аршина, сверхъ того, въ знакъ памяти, я отдалъ ему свое зажигательное стекло и спаканъ. Г. Разгильдѣевъ г-й, давно уже знакомый съ Тусулахчіемъ, поднесъ ему двѣ лисицы, столовую серебряную ложку и чайную фарфоровую чашку. Не легко могли мы убѣдишь Идама къ прилжитію подарковъ, а особли-

во сукна, казимиру и лисиць: онъ долго не принималъ оныхъ, считая, что мы, вмѣсто знаковъ дружбы, платимъ ему за услуги, какъ наемнику. Такихъ мыслей, признаюсь, не обнаружилъ передъ нами ни одинъ Кипасецъ, а шѣмъ менѣе Манжуры. Племяннику его подарено 3 аршина черного сукна, а служиведю 2 аршина плицу и зеленый сафьянъ. Тусулахчи впрочемъ вызвался доставить опъ насъ письма въ опечесво, если только мы почтимъ его своимъ довѣремъ.

Окш. 20. На сей станціи я нашелъ нужнымъ дать рабочему скопу опдыхъ, шѣмъ болѣе, что шрава здѣсь, судя по осеннему времени, была весьма хороша, исключая узкой долины, на коей наши юрты расположены; она вся, на большое пространство въ длину, покрыта хрящемъ.

Въ 11 часовъ утра Тусулахчи Идамъ проспился со всеми Членами Миссіи, а равно съ чиновниками и казаками, оную сопровождавшими. Я вручилъ Идаму пакетъ, на имя Кяхтинскаго пограничнаго Коммиссара; въ ономъ находились рапорты мои Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Азіатскій Департаментъ и г. Сибирскому Генералъ Губернатору [1]. Съ чувствомъ нѣкоторой скорби разсались мы съ Тусулахчiemъ, какъ съ человекомъ искреннимъ и весьма добрымъ. Удался изъ наше-

(1) Бумаги сіи Тусулахчiemъ представлены были Ургинскому Либю, который съ нарочнымъ переслалъ ихъ, въ совершенной цѣлости, на Кяхту къ нашему Коммиссару г. Пѣшухову.

то спана, онъ чрезъ полчаса уѣхалъ въ обратный путь къ *Урель*.

Съ самой полуночи до поздняго вечера дулъ западный вѣсперь, съ такою силою и порывами, что воздухъ наполнился пескомъ, корпы наши прещали и грозили совершеннымъ паденіемъ. Къ счастью, погода была теплая.

Окш. 21. Упромъ морозъ градъ 8 по Реом. при жестокомъ сѣверозападномъ вѣспрѣ. Съ великимъ трудомъ могли мы окомить [пошники укрьпашъ] и навьючить своихъ верблюдовъ, кои пошли впередъ въ 7, а повозки въ 9 часу упра. Проѣхавъ около 35 верстъ, достигла Миссія до кочевья Воспчныхъ Сувишовъ. На спанцію *Убурѣ ѳдэ* [южная дверь] собрались уже по полудни въ 5 часу.

Передъ опѣздомъ съ *Эрей*, Бишхеши просилъ меня запретить людямъ нашимъ стрѣлять вороновъ, какъ по сдѣлали они прешьяго дня, по вріездѣ на спанцію; ибо вчерашняя жестокая буря, по мнѣнію его, была послѣдствіемъ такового убійства. Для успокоенія сего просвѣщеннаго спарца, мы обѣщали впередъ щадить жизнь вороновъ, кои впрочемъ жестоко шерзають сиины верблюдовъ, коль скоро издали примѣняютъ кровь, показывающуюся на прошерпыхъ мѣстахъ или сѣднахъ. Сего дня вѣсперь былъ весьма сильный; при порывахъ онаго, едва можно было удержатся на лошади. Послѣ таковыхъ опытовъ, я не знаю, на чемъ основалъ Рюйсбрукъ свое замѣча-

*

ніе [1], сдѣланное имъ въ Декабрѣ 1253, во время пребыванія при Дворѣ Монгольскаго Мынгэ Хапа въ Харакорумѣ, что еслибы въ сихъ спранахъ, при сильномъ холодѣ зимою, дулъ такой вѣтеръ, какой случается въ Европѣ [или собственно въ Голландіи?]; по не возможно было бы жить въ оныхъ. Погода въ Монголіи, говоритъ О. Рюйсбрукъ, спойтъ шихая до самаго Апрѣля, въ которое уже время вѣтеръ начинаетъ подыматься.

Верстѣ 13 отъ *Эрги* ѣхали мы ровною степью, изрѣдка только прерываемою песчаными полосами; припомъ и дорога здѣсь опять пошла довольно убишная. Еслибы не столь сильные дожди, какіе шли лѣтомъ сего года; по здѣшнія мѣста оставались бы покрытыми однимъ пескомъ; теперь же напротивъ, почти вездѣ есть трава. Ошѣхавъ отъ ночлега верстѣ 7, мы наспягли обозъ Ламы, шедшаго отъ хребта Мандала на 8 верблюдахъ за шоварами въ городъ Долонбуръ, лежащій къ востоку отъ Халгана; шуда везъ онъ на продажу невыдѣланная овчины. Версты чрезъ 3, перѣехали мы небольшой, замерзшій ключъ *Чингі*, въ вершинѣ коего, близъ хребта *Аргали* ходило большое стадо *Цзэрсеновѣ* [серна, Gazelle] дикихъ козъ. Мы весьма жалѣли, что при насъ не было борзыхъ собакъ. Впрочемъ онъ и въ Пекинѣ обратили бы на себя большое вниманіе, по рѣдкости своей.

(1) У Бергерона стр. 99.

Потомъ спустились мы на песчаную долину, заросшую ковылемъ. Отсюда начали подниматься на хребетъ къ В. Проѣхавъ верснѣ 6 по уваламъ хребта, въ глубокой лощинѣ, на право отъ дороги, видѣли мы у колодца большой табунъ лошадей; не въ дальнемъ разстояніи отсюда сполла на скашѣ горы одна юрта, въ коей вѣроятно живущъ пастухи. Отъ сего послѣдняго колодца пробрались мы по кремнистымъ холмамъ верснѣ 8, поворотивъ на ЮВ. Здѣсь встрѣпили насъ выѣхавшіе со станціи *Убурѣ гдэ* Цзангинъ, брадатый, сѣдой Сунипъ воинственнаго вида, и приемъ около семи человекъ рядовыхъ. Видъ, одежда лошади—все показывало, что здѣшніе жишели бѣднѣе Халхасовъ. Цзангинъ, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе, велѣлъ одному Монголу проводить насъ до мѣста ночлега; а самъ поскакалъ къ нашему табуну. Проѣхавъ еще версны 2 по дорогѣ, своропили мы съ оной влѣво, и версны 3 ѣхали прямо къ горѣ, за которою расположены были для насъ юрты. Въ верснѣ отсюда къ С, въ глубокомъ оврагѣ колодезь съ хорошею водою.

Огонь былъ уже разведенъ въ моей курткѣ. Топчась по нашемъ прибытіи, посѣпилъ меня Мейренъ Намсарай съ увѣреніемъ въ готовності къ нашимъ услугамъ; что въ послѣдствіи доказалъ онъ на опытѣ самымъ лучшимъ образомъ. Онъ угощалъ насъ, по примѣру Тусулахчія Идама, кирпичнымъ чаемъ, масломъ и сыромъ. Сія мѣра

госпепрiмства была оказываема намъ до самаго Цахарскаго Рода Монголовъ. Вскорѣ явился и Бошно, въ чьейпо изрядной шубѣ: Первыя слова его ко мнѣ были: „Ну, вошъ видите, Тусулахчiл нѣшъ; а юршы у васъ есть, и лучшiя нежели у Халхаовъ!„ Мы будучи симъ обязаны распоряженiю Мейрена, приличнымъ нашли однакоже изъявишь благодарность нашу и Кипайцамъ.

Вечеромъ простился со мною Тайцзи Аюши Уйцзынъ [попомокъ славнаго въ древности Князя], сдавъ скопъ нашъ Сунитскимъ снаршипамъ. За усердiе, оказанное Тайцзиемъ въ провожанiи Миссiи, черезъ пять станицъ Мергенъ Ванова Хошунна, подарены ему лисица, два аршина чернаго плису и красный сафьянъ. Кундую, и прочимъ при немъ, также сдѣланы приличные подарки. Наконецъ разспались мы и съ Тайцзиемъ, послѣднимъ чиновникомъ Халхаскимъ.

Тайцзи пошелъ отъ меня къ Начальнику Миссiи также проспiшься; при чемъ каждый Монголь обыкновенно подноситъ свою спiеклянную баночку или пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ. Мейренъ оспазя у меня, для опредѣленiя настоящаго порядка въ проѣздѣ Миссiи. Я изъяснилъ ему все, что только нужно было для удобнѣйшаго свершенiя пути по симъ мѣстамъ; а въ заключенiе, дабы склонить Мейрена въ нашу пользу, подарены ему двѣ хорошiя лисицы. Сувилы весьма

уважающъ лисій мѣхъ, а особливо красный, конемъ обкладывающъ они зимнія свои шапки. Бѣдные зимою носящъ нагольные тулупы и шапки, опущенныя бѣдою овчиной.

Г Л А В А V.

Перевъздъ Миссiи по Аймаку Монголовъ
Сунитовъ.

Октябръ 22. Ночью и ушромъ тепло. Выѣхали мы въ 8 часу утра, вмѣстѣ съ провожаемыми нашими; но Бошкѣ, Нербѣ и прочіе, кромѣ Бишхѣшiя, помѣщавшагося въ моей повозкѣ, вскорѣ поскакали на слѣдующую станцію *Гаиунѣ*, до коной Миссiя достигла въ 2 часа по полудни.

Сперва надлежало перебраться черезъ одинъ изъ овраговъ, окружающихъ *Убурѣ уде*. Лишь только поднялись мы на высоту, какъ открылась передъ нами степь, необозримая для глазъ и упоминательная для духа, по-совершенной пустотѣ. Самыя отдаленныя высокія мѣста, верстъ за 50 и болѣе, синѣются вдали, подобно морю, коего неровную зыбь образуютъ продолговатые увалы и пригорки, сославляющіе единственное разнообразіе сихъ пустынныхъ мѣстъ. Отсюда исподволь видишь на высочайшую плоскость Средней Азiи, называемую въ спрогомъ смыслѣ *Гѣби*. Дождливое лѣто сего года нѣсколько приодѣло зеленью нагону сихъ степей; но во время засухи, это юдомъ сѣпованiя: скопѣ замираетъ отъ голода и жажды. Испину сего довольно испытали наши караваны, ходившіе нѣкогда въ Пекинъ съ товарами, и почти всѣ ошправлявшiяся шуда наши Миссiи.

Съ высоты ѣхали мы около 3 верстѣ до равнины, имѣющей пошву глинистую и заросшую *будургуною*. Тупѣ много попадалось зайцовъ, весьма неробкихъ. Проѣхавъ еще версты 2, вышли мы на большую дорогу, вчера нами оставленную. Черезъ 8 верстѣ попомъ приближились, по наклоненной, гладкой плоскости къ высотѣ *Харá тологóй* [черный холмъ]; гдѣ останавливалась Миссія въ 1794 году. Названіе *черный холмъ* дано сему мѣсту вѣроятно по тому, что вся высота, идущая въ длину съ В къ З на необозримое пространство, а въ ширину версты на 2, покрыта *будургуною*, издали чернѣющеюся въ видѣ дубовыхъ перелѣсковъ. На сей высотѣ грунтъ совершенно болотный. Съ оной спускались мы версты 4, и попомъ верстѣ 6 ѣхали по уваламъ до самой станціи. Въ сей сѣпни водится великое множество полевыхъ мышей, коихъ норы такъ близки одна отъ другой, что земля, сдѣлавшись рыхлою, безпрестанно проваливается подъ копытомъ лошади.

Бошко приходилъ ко мнѣ въ непрезвѣдъ видѣ, что впрочемъ не рѣдко съ нимъ случалось; ибо онъ дорогою, даже у Монгоговъ, ошнималъ ихъ вино, приготовляемое изъ молока. Лукавыми изворотами спарался онъ выманить у меня хопя одну изъ верховыхъ лошадей; но въ сей, во все уже неумѣстной просьбѣ рѣшительно ему отказано. При немъ явился и Мейренъ Намсарай — протпой, чистосердечной Монголь. Намсарай много дѣлалъ во-

просовъ Разгильдѣеву 1-му: о Солоняхъ, о Цурухайдуну и другихъ пограничныхъ мѣстахъ по Аргуню и близь рѣки Амура. Бошко, не получивъ на сей разъ отъ насъ ничего, соскучился, и выходилъ, сказавъ Мейрену: „Для чего ты спрашиваешь о тѣхъ мѣстахъ; вѣдь ты живешь далеко отъ Россійской границы, и тебѣ тамъ не бывашь..“

Мейренъ, оставшись у насъ, жаловался, что Бишхэши Чень сдѣлалъ выговоръ ему за то, что будто бы Рускимъ путешественникамъ даются юрты гораздо лучше, нежели для него, ѣдущаго по священному указу премудраго Хуандя или Богдохана, и за такую невнимательность грозить ему взысканіемъ. Это не что иное, какъ Манжурская удовка для пополненія своихъ доходовъ. Всѣ чиновники Кипайскіе, сопровождая наши Миссіи, позволяютъ себѣ особенную вольность въ земляхъ Суницовъ, и не безъ прибышка. Трудно изъяснить, что могло бы служить причиною сему; но кажется, что само Кипайское Правительствво не обращаетъ на нихъ того вниманія, какимъ пользующся соседственные Сунипамъ два Аймака: на югъ Цахарскій, а къ сѣверу Халхаскій. Изъ нихъ первый вошелъ въ число Манжурскаго войска; а Халхасы составляютъ важную пограничную спражу, и при томъ имѣютъ сильныхъ начальниковъ, каковъ Ургинскій Ванъ, Хавы и проч.

Между прочимъ, Намсарай сдѣлалъ намъ вопросъ: Государь Россійскій посылаетъ ли дары Кипай-

скому? Видя много ящиковъ съ серебромъ и прочими вещами Мисси, нѣкопорые изъ Монголовъ дѣйствительно похваляли, что мы веземъ подарки къ Пекинскому Двору, имѣя обязанность поздравить новаго Богдохана съ возшествіемъ на престолъ. На сдѣланный вопросъ мы отвѣчали: этого никогда не бываетъ; нашъ Государь Императоръ слишкомъ для сего великъ и силенъ. По одной только дружбѣ обоихъ Монарховъ, ѣдемъ мы въ Пекинъ съ учениками, кои памъ обучающся языкамъ Манжурскому и Кишайскому. Мейренъ продолжалъ: „Получаемъ ли мы въ пупи жадованье отъ Богдо?“,—Нѣтъ, мы ѣдемъ на счетъ своего опечесства. При семъ ему сказано, что Монгольскіе курьеры, пріѣзжающіе изъ *Урги* въ Иркутскъ, помѣщаются у насъ въ прекрасныхъ домахъ, получаютъ отъ нашего Правительсва въ изобиліи пищу и напитки, и сверхъ того еще хорошіе подарки. Скудный житель *Гобии* восхищался выгодами пользующихся нашимъ гостепрѣмствомъ.

Открывая въ нѣкоторыхъ изъ нашего конвоя сходство будно бы съ лицами Киргизовъ [называемыхъ здѣсь *Хасакѣ*], Мейренъ спросилъ, знаемъ ли мы Хасакѣ? Помомъ рассказываетъ, что въ Іюль минувшаго года провожалъ онъ чрезъ свой Хошунъ, по западной дорогѣ, 32 Киргизцевъ, ѣхавшихъ на Монгольскихъ подводахъ въ Пекинъ съ данью [1], которую они везли на 35 верблюдахъ.

(1) Въ 1819 году, къ торжеству, бывшему по случаю празднованія

Сверхъ того 35 верблюдовъ шло подь собственнымъ обозомъ Киргизцевъ и двухъ Манжурскихъ чиновниковъ, ихъ провожавшихъ [одинъ изъ *Улясуту*]. Семьдесятъ лошадей выспавлялось для свишпы; по 6 барановъ каждый день давалось Киргизамъ, и по 6 Манжурскимъ чиновникамъ съ ихъ свишою: все на счетъ Монголовъ. Киргизы ѣхали двумя отдѣленіями, черезъ день; по 3 юрты опводилось имъ на 16 чело-вѣкъ. Для старшихъ приготовляемы были кровати, на которыхъ они клали свои пюфяки—роскошь, Монголамъ мало извѣстная; а гдѣ не могли достать кровати, тамъ наспинали для нихъ войлоки, толщиною ось земли въ поларшина и болѣе. Все сіе опягощало Монголовъ. Намсарай шутилъ на счетъ Магомепанскаго обряда омовенія, и жаловался, что Хасаки обходились съ Монголами весьма грубо. Изъ Пекина въ обратный путь ѣхали они въ Ноябрь, по симъ же мѣстамъ и попомъ на *Улясуту*, бывъ щедро одарены ось покойнаго Богдохана. Какъ изъ числа Киргизовъ по Монгольски никто не говорилъ, кромѣ одного полмача и еще семидесятилѣтняго старика, который въ прешій разъ уже ѣхалъ въ Пекинъ; по и не можно было развѣдать о нихъ обстоятельнѣе. Впрочемъ, я долгомъ поставляю включивъ здѣсь любопытный опзвъвъ о Киргизахъ одного Кипайскаго чиновника, бывшаго на мѣспѣ [1].

60—лѣтня жизни Императора, пріѣзжали Депутаты ось всѣхъ народовъ подвластныхъ Кипаю; они приняты были въ Желѣ.

(1) Изъ книжки *Си юй сынъ цзянь лу*.

Хасаки [1] составляютъ большое владѣніе, лежащее отъ города Или на сѣверозападъ. Въ 21 лѣто Императора Цяньлуна [1756] войска Кипайскія вступили въ землю ихъ, и Ханъ Хасацкій Абдулла [Аблай-би] самъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и покорился. Онъ получилъ отъ Богдохана грамоту на княжеское достоинство и календарь [условія Кипайскаго вассальства]; съ того времени всѣ владѣнія его причислены къ Имперіи. Въ справнѣ сей нѣтъ ни городовъ, ни строенія или посольныхъ жилищъ, и не занимаютъ земледѣліемъ. Войлочныя юрты служатъ Хасакамъ домами; они пашутся скотоводствомъ и живутъ разсѣянно. Земли ихъ наполнены удолами и низменными горами, обилующими пшавою, что дѣлаетъ ихъ привольными для скотоводства. Главу народа называютъ *Би* [Бей, князь]. Владѣнія его довольно обширны. Жителей великое число; у нихъ много скота, такъ что богатые имѣютъ по 10,000 коровъ и лошадей, а овцамъ не знаютъ счета. Народъ сложенія крѣпкаго, нравовъ суровыхъ и непросвѣщенъ. Жены, по порядку, поступаютъ отъ брата къ брату. Сыновей на 16 году отдѣляютъ и снабжаютъ часпіню скота, чтобъ могли жить сами по себѣ. При пиршествахъ **Хасаки**

(1) Такъ называютъ Кипайцы народъ, известный у насъ подъ именемъ Киргизъ Кайсаковъ. Они раздѣляются на три владѣнія, изъ которыхъ восточное или Большое зависитъ по часпінямъ отъ сосѣдственныхъ Государствъ; а Среднее и западное или Малое находится подъ державою Россійскою.

ѣдятъ мясо верблюжье, конское, говядину и баранину; кумызъ служитъ имъ вмѣсто вина. Употребляютъ деревянную посуду; а богатые имѣютъ мѣдную и оловянную. Въ платьѣ поспавляютъ щегольство до того, что лѣтомъ, несмотря на сильныя жары, ходятъ на пиршества въ семи или осьми разныхъ платьяхъ. Очень любятъ Китайскій фарфоръ, чай, песпрыя выбойки, парчи, паясъ и подобныя сему матеріи, почитая оныя выше всего; гродетуровъ, шаффы и прочаго не уважаютъ. Они не имѣютъ ни законовъ, ни уложеній, и мало слушаются своего владѣльца. Если кто провинился, то преступника судятъ на общемъ сборѣ. За малую вину штрафуютъ скопомъ; а за большую предають смерти, и раздѣляютъ между собою имущество виновнаго, не сносясь съ своимъ владѣльцемъ. Въ военныхъ дѣлахъ Князь совѣщается съ народомъ; нежслающаго идши въ походъ [на грабежъ] не принуждаютъ. Хасаки ежегодно плашаютъ Кипаю, вмѣсто ясака, со ста коровъ и лошадей одну голову; съ тысячи барановъ одного [1]. Манжурскій Главнокомандующій въ Или

(1) Но и сіе получается весьма дорого. Китайскій Дворъ, для удержанія имени данниковъ, одариваетъ и Хасаковъ несравненно больше. Министерствю подносило Государю много докладовъ, дабы сія невыгодная дань была отменена. Жадный народъ сей пріѣзжаетъ въ Пекинъ на поклоненіе Богдохану въ новый годъ; но единственно изъ корысти. Китайскій Государь даетъ имъ чины и отплатъ; но они, выѣхавъ изъ Кипая, все сіе большею частію уничтожаютъ, и кладутъ знаки достоинствъ.

посылаесть чиновниковъ въ ихъ земли для сбора съ Хасаковъ ясака. Владѣлецъ ихъ и старшины, при первомъ требованіи, встрѣпили великія затрудненія. Хасаки говорили: „Небо производитъ праву и воду; скопгъ естъ даише Неба; пасемъ его и себя пропишываемъ сами: за чшожь будемъ отдавашъ другому?“,— Владѣлецъ всячески убѣждалъ ихъ, и наконецъ пропивъ воли Хасаки согласились внести ясакъ. Послѣ сего, опасаясь худыхъ послѣдствій, они ежегодно сами отдающъ оный сполна и безъ замедленія. Хасаковъ двѣ Орды. Первая, описываемая здѣсь [Больш. Киргиз.] граничитъ съ Или и Тарбахшаемъ, находится въ покровительствѣ Имперіи и каждый годъ пригоняесть много скопа на границу для промѣна на шелковыя матеріи; а Хасаки, граничащіе съ ними на сѣверъ, составляютъ особую Орду [Средн. Киргиз.], кошорая многочисленнѣе сей и не зависитъ отъ Китайской Имперіи.

Кѣргизы [1], по Китайски Бурұшы, супъ коче-

- (1) Киргизскія Орды издревле кочевали на сихъ мѣстахъ. Дѣцъ-Кипчакъ составляесть одну Орду или поколѣніе Киргизовъ, и понынѣ кочующее около горъ Кипчакскихъ. Извѣстный Монгольскій Князь Вашый получилъ въ удѣлъ всѣ кочевые народы, отъ Калмыковъ или Зюнгаровъ на западъ до Каспійскаго моря жившіе. Но какъ онъ сдѣлался Ханомъ въ поколѣніи Киргизовъ, именуемомъ Дѣцъ-Кипчакъ, гдѣ и имѣлъ главное пребываніе: по сей причинѣ, всѣ его владѣнія вообще назывались Кипчакскимъ Царствомъ; между шѣмъ каждая Орда, каждое поколѣніе оставалось при прежнемъ своемъ имени. Такимъ образомъ Киргизы и Хасаки вообще, по Ханству, были Кипчаки; а частно носили свои

вой народъ, находящійся за Восточнымъ Туркестаномъ на западъ. Обширная земля ихъ лежитъ между Аньцзичжаномъ и Кашхаромъ. Они называютъ владѣльцевъ своихъ Біями. Иные Біи имѣютъ отъ 10 до 20, другіе отъ 20 до 30 улусовъ. Улусные люди почитаются ихъ рабами. Кэргизъ есть общее названіе народу сему, который раздѣляется на многія Орды, и каждая Орда имѣетъ своего Бія, коихъ достоинство наследственно и рѣдкіе зависятъ другъ отъ друга. Кэргизы брѣютъ голову, не ѣдятъ свинаго мяса; платье носятъ съ узкими рукавами, шапки квадратныя съ плоскимъ верхомъ. Женщины, вмѣсто украшенія, втыкаютъ на шапкѣ фазановыя перья. Обыкновенія и языкъ почти шаковы, какъ и въ В. Туркестанѣ, и если имѣютъ, то небольшое различіе. Живутъ въ войлочныхъ юртахъ, питаются скотоводствомъ; мясо служитъ имъ пищею, а кумызъ вмѣсто вина, такъ какъ у Олушовъ или Зюнгаровъ. Любятъ Китайскій фарфоръ, чай, гродешуры, холсты, шабакъ и вино, и почитаютъ сіи вещи драгоценными. Кэргизы бѣдны, но отважны: не думаютъ о жизни; корыстолобивы, склонны къ грабежу и храбры на войнѣ. Хасаки и Белуры [1] боятся ихъ; даже Зюнгары, во время могущества своего, не могли покорить ихъ подъ

имена. Обыкновеніе шаковое у кочевыхъ народовъ и по сіе время продолжается.

(1) Не южные ли Туркестанцы, живущіе у подошвы горъ Белурскихъ?—

свою власть. Они грабили какъ В. Туркешанцовъ, за границы опсправлявшихся, такъ и иносанныхъ купцовъ, изъ Большой Бухаріи и другихъ мѣстъ въ Воспчаный Туркешанъ прѣѣзжавшихъ. Какъ скоро войска Кишайскія покорили Западный край; то и Кѣргизы оставили свои разбои. Бѣи ихъ ежегодно посылающъ своихъ старѣйшинъ въ городъ Ушѣ, къ Манжурскому Генералу, просить о доставленіи ко Двору ихъ лошадей. Въ 23 году Цяньлуна [1758], во время войны съ бунповцикомъ Хочжамомъ, одинъ Би, кочевавшій по близости Кашхара, спрашася могущества Имперіи, вышелъ съ 19 своими Султанами проптиву Хочжама, и всѣми силами сражался съ нимъ, за что пожалованъ судьбою города Бѣшбалека. Подвѣдомспвенные ему Князья такъже награждены чинами и павлиными перьями. Нынѣ его подвласпные кочующъ во внутренности глухихъ горъ и лѣсовъ Ярканьскихъ, Кашхарскихъ и Ушскихъ, спокойно занимался скотоводствомъ.

Окп. 23. Дневали. Часу въ 9 утра я ходилъ съ Переводчикомъ разспмапривать Обо, сполціей опъ юрпъ верспахъ въ 3 къ Ю, на самой вершинѣ спой оплогой выспы, по колпорой мы еще на канунѣ вхали верспъ 6 до сей спанціи. Обо сложенъ изъ кварцовыхъ обломковъ, въ видѣ квадрата; имѣетъ въ вышину 1 сажень, и по 2 саж. продольныхъ въ каждомъ изъ чепырехъ боковъ; на верху сдѣлана еще каменная насыпь, на колпорой

водружена разнодвѣшная хоругвь, а равно посшавлены выкрашенные шеспы съ плоскими концами, на конхъ нарисованы лошади и другія живописныя. Къ шеспамъ привѣшены холстинныя лоскушки, конскіе волосы, овечья шерсть. Сверхъ того ошъ основанія квадрата, во всѣ чешыре спороны свѣта, насыпано по 13 кучь изъ кварца. Мѣсто сіе Монголы называютъ *Цаганъ Обо* [бѣлый Обо]; ошъ чего и нынѣшняя спанція наша, *Гашунъ*, извѣстна болѣе подъ именемъ *Цаганъ Обо* и *Курдэ*. Въ Шигемуніевыхъ капищахъ *курдэ* называется высокій, многоугольный ящикъ, вершадійся кругомъ на шпиль. Онъ еспъ, пакъ сказашъ, молишвенникъ для неграмотныхъ. Бока его исписаны воззваніями къ Пророку Шигемуни на Тибетскомъ языкѣ, крупными золотыми буквами; въ сей ящикъ пакже кладупъ молишвы на языкахъ Тибетскомъ и Монгольскомъ, дабы припекцій въ капище, спавъ на колѣна передъ *курдэ* и швердя свое *Омъ ма ни батъ ме хомъ*, могъ поворачивашъ оный сполько времени, сколько внушишь ему шо сердечное умиленіе: и сіе почипаешся спольже дѣйшвительнымъ, какъбы приносимыя имъ молишвы. Мнѣ случилось видѣшь въ Монголіи Ламу, который носилъ въ рукахъ шаковой цилиндръ съ привязанною къ нему оловянною гирькою, для скорѣйшаго кругообращенія; съ шакою же поспѣшностію и языкъ Ламы ошправлялъ свое дѣло, въ коемъ душа его, кажешся, не принимала ни малѣйшаго учашсія.

Въ 3 часа по полудни Начальникъ Миссия, Л, Обозный и Переводчикъ были у Бисхенія и Бошка, какъбы изъ благодарности за ихъ ежедневныя посѣщенія. Къ сожалѣнію, Китайскіе проводники наши или по скромности, или по невѣднію, всегда почта обращали разговоръ свой только на лошадей, собакъ, на похвалу Пекинскихъ ословъ, муловъ и п. п. Инакъ любопытство наше, спремившеся къ познанію важнѣйшихъ обстоятельствъ сей чуждой намъ земли, не находило для себя пищи.

По возвращеніи нашемъ, провожавшій Миссію Цзангинъ, опъ имени Мейрена, привелъ мнѣ и Начальнику Миссия въ даръ по два живыхъ барана. Никакъ не могли отклонить опъ себя такого приношенія, мы согласились на сіе съ тѣмъ, что въ свое время будемъ благодарить Мейрена и прочихъ, намъ усердствовавшихъ.

Октя. 24. Отправля впередъ обозъ въ 7, а повозки въ 8 часу утра и пройдя 20 верстъ къ ЮВ, прибыли мы на станцію *Харатуйнъ Сугжи* въ 1 часу по полудни.

Съ *Гашуна* ѣхали сперва вершы 3 въ гору до вершины высоты, на коей вправо находилъ выше описанный Обо. Съ сей высоты надлежало намъ спускаться все подгору, по кремнистымъ уваламъ, имѣя передъ собою въ виду, какъбы цѣлію, Обо на высокомъ холмѣ, находящемся неподалеку опъ станціи *Харатуйнъ Сугжи*. Поблекшія травы сначала нынѣшняго переѣзда худы; но бли-

*

же къ слѣдующей станціи оныя нѣсколько лучше. Версты за 3 отъ оной спустились мы въ длинный песчаный оврагъ и, поворошивъ прямо на В, пробирались по оному до самыхъ юрть, приговленныхъ для Миссіи на пригоркѣ. Не доѣзжая до юрть сажень за 50, мы примѣтили колодезь съ прекрасною водою и съ огромными двумя корыщами, сдѣланными изъ сосновыхъ досокъ и окованными желѣзомъ. Устройство колодезя, ко-ему подобнаго доселѣ еще въ Монголіи мы не видали; мѣсто вокругъ онаго, избитое на большое пространство конскими копытами; со всѣхъ сторонъ изъ степи глубокія пропавки—все показывало, что въ окрестности ходящъ многочисленныя стада, но кому оныя принадлежатъ, намъ утвѣдительно не сказали.

Пошва подъ нашимъ спаномъ состоитъ изъ мѣлакаго камня; между коимъ находили мы и обломки чернаго шифера.

Вечеромъ, по обыкновенію своему, посѣпилъ меня Мейренъ. Ни одинъ Монголь, ни одинъ Кипаецъ не обнаружилъ передъ нами столько любопытства о Россіи и о всемъ Рускомъ, какъ сей добродушный Сунипъ. Нынѣ разспрашивалъ оя о Руской музыкѣ, о музыкальныхъ инструментахъ, о пѣсняхъ и проч. Съ своей стороны сказалъ намъ, что и у нихъ есть родъ флейты, баса, также гусли. Въ праздничные дни, въ юртахъ степныхъ Вановъ и Амбаней, бряцающъ на сихъ

музыкальныхъ орудіяхъ ученые музыканты по нотамъ.

Окп. 25. Съ ночлега двинулись мы въ 8 часовъ ушра, и чрезъ 30 верстъ прѣѣхали на урочище *Цзунъ Сугжи* [воспочный Сучжи] въ 3 часа по полудни.

Блпая дорога, по коей мы ѣхали опъ *Эргі* до *Харатуйнъ Сугжи*, пошла лѣвѣе на В, къ Долоннору; а насъ провожали по степи. Верстъ 15 должно было пробирапсья прямо на югъ, по по глубокимъ долинамъ, по по крупнымъ высотамъ. Верспахъ въ 5 опъ *Харатуйнъ Сугжи*, прѣѣхали мимо солонечнаго озера. На половинѣ дороги видно шакоеже озеро, нѣсколько обширнѣе перваго. На сѣверномъ берегу сего послѣдняго спонпъ кузнечная печь о двухъ горнахъ, какъ примѣпно, недавно еще оспавленная. И въ сихъ пустыняхъ человѣкъ позналъ необходимость и пользу молопа.—Опсюда мы долго поднимались на оплогую высоту, гдѣ нашли слѣды дороги; но и ша заросла нынѣ правою. По сей шрогѣ ѣхали на ЮВ верстъ 15, частыми увалами, оспаяя вправѣ бѣлѣющееся, какъ снѣгъ, соляное озеро. Съ сей высоты оказывается большая покапость на 3 къ хребту *Дархану*, опстоящему опъ дороги верстъ за 20. Послѣднія версты .4 до *Цзунъ Сугжи* ѣхали по ровному мѣсту, усянному камнями, имѣя въ виду, на воспочной споронѣ, высокую гору *Сугжинъ Обо*. Лоцины по сей дорогѣ покрыты пескомъ. Ни одинъ изъ провожав-

шихъ насъ Монголовъ, не зная прямой дороги, люди собраны были изъ отдаленныхъ кочевьевъ; и съ здѣшними мѣстами незнакомые: а по тому и ѣхали мы сего дня большими излучинами. Вообще переходъ нынѣшній для скота былъ крайне прудень.

Въ полуверстѣ на югъ отъ юрты нашихъ, колодезь въ песчаной долинь: воды глубиною на сажень.

Сего дня съ утра дулъ холодный восточный вѣтеръ; но по полудни сдѣлалось шакъ тепло, какъ въ Петербургѣ бываетъ въ Августѣ.

Окт. 26. Восточный вѣтеръ усилился къ утру чрезвычайно, и сопровождается былъ великою стужей. Солнце взошло изъ рдяныхъ тучъ. Мы выступили впередъ въ началѣ 9 часа, и пройдя 25 верстъ, достигли станціи *Батхэй* въ 2 часа по полудни. Лошади наши, изнуренныя дальнею, прудною дорогой и скудными кормами, начали примѣшпо ослабѣвать въ силахъ; нѣкопорыя изъ нихъ едва выдержали наспоющій переѣздъ.

Отъ *Цзунъ Сѹнжи* проѣхавъ версты 2, очутились мы въ глубокой песчаной долинь: путь близъ колодца спояли 4 богатыхъ юрты и много ходило рогатаго скота, весьма тучнаго. Попомъ поднялись на высошу, отъ копорой верстъ 12 надлежало пробирашьяся по каменистымъ горамъ, и дущимъ съ В на З и примыкающимъ къ подошвѣ хребта *Дархана*. Переѣздъ сей крайне пятгоспенъ

для скопа, а особливо везущаго шельги. Гряды высоки, и одна опъ другой не въ дальнемъ разстояніи; спуски съ нихъ крупы, подъемы шрудны. Сей многосложный хребешъ, похожий на кладбище, покрытое множествомъ надгробныхъ камней, называютъ *Сумъинъ голу* [кумирный камень], можетъ быть потому, что на 3 опъ хребта *Дархана*, какъ говорятъ, находился Шягемуніево капище. Въ южной части сихъ грядъ есть ключъ, извивающійся къ В; гдѣ вдали бѣлется соляное озеро. Наконецъ вышли мы на равнину, опъ коей по песчанымъ уваламъ шли вершъ 10, до *Батхал*. Съ лѣвой стороны шанутся цѣпью солончяныя озера, подходящія даже къ спанціи, расположенной на песчаномъ бугрѣ. Во 150 саженихъ опъ оной къ югу два колодезя съ водою солонцоватую.

По прибытіи на мѣсто, мы заспали, что у колодцевъ поили табунъ Богдоханскихъ лошадей, коихъ болѣе 2,000 ходилъ въ окрестности. Лошади сіи разношерстны, многія съ лысынями [1] или со звѣздочкой на лбу, въ Кипайскомъ вкусѣ; онѣ болѣею частью малаго роста, но довольно спанчны. Близъ онаго колодца долины покрыты со-

(1) Монголы вовсе не шерпятъ лошадей съ продолговатой, а шѣтъ мѣше съ широкою лысною, что у нашихъ заводчиковъ называется съ *фонарели*. Таковыя лошадей никогда не употребляютъ они подъ сѣдло, но шощасъ изъ своихъ заводовъ продаютъ Кипайцамъ въ шельжную работу. Монголамъ нравятся лошади слѣдующихъ шерстей: бѣлой (для знашныхъ) соловой, гѣдой и вороной.

дончаками. Сія горькая соль, какъ извѣстно, вольному скошу весьма полезна; но опнюдь не должно допускать, чтобы рабочій скопъ ходилъ на солончаки; ибо опть] упопробленія ихъ распровяется его внупренность.

Окш. 27. Дневали. Около полуночи вѣшеръ унихъ было; но въ 9 часу упра подулъ съ сѣверо-востока съ великою силою, и сдѣлалось пасмурно.

Упромъ всходилъ я на гору *Батхай*, лежащую къ В, за верспу опъ нашего спана. У подошвы ея спояло нѣскольکو бѣдныхъ юрпъ, въ конхъ живуть пасхуи Богдовыхъ стадь. Съ вершины ссей горы, подобно какъ съ *Дарханѣ олы* [3 Окш.] во всѣ спороны открывающя обширныя равнины. Много ходило по онымъ скопа, а мѣстами чернѣлись юрпы, какъбы острова на большомъ озерѣ. Пошва здѣсь псчаная; изрѣдка роспешъ золотарникъ. Смощра на сїи опкрышыя и безплодныя пусшыни, шрудно повѣрить, чтобы жипель *Гоби* могъ наслаждаться благополучіемъ. Не имѣя лѣсовъ, онъ терпшть крайность въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ попробностяхъ; при наступленіи лѣша. онъ ежедневно молишъ Небо о дождяхъ, кои рѣдко орошаютъ сїи степи; лѣшняя засуха губишъ скопъ, единственное его достояніе и пицу; зима вновь грозить ему испробленіемъ всѣхъ стадь его; ибо при глубокыхъ снѣгахъ, особенно же во время гололедицы скопъ, питающійся однимъ подножнымъ кормомъ, и не

ивьющій пріюша опъ спужи, поцаепъ и гибнепъ. Монголы намъ сказывали, что за пять лѣтъ предъ симъ былъ весною споль сильный падежъ на скопъ во всей Гѣби, что изъ 500 лошадей у нѣкопорохъ хозяевъ не оспалось и 20; а кто имѣлъ рогатаго скопа головъ 200, у того спаслось опъ падежа не болѣе 4 скопинъ. Послѣ шаковой великой потерн скопа, жилили и шеперь еще не могутъ совершенно оправнпсья.

Въ 11 часовъ пошелъ снѣгъ, около двухъ часовъ продолжавшійся, который однако же, по причинѣ теплой погоды, таялъ. Къ вечеру сдѣлалось весьма сыро.

Окп. 28. Около полуночи вѣтеръ перемѣнился: подулъ западный со снѣгомъ. Упромъ густой туманъ. Мы не рѣшались было ѣхать сего числа, опасаясь, дабы не заспнгла насъ въ пуши выюга. Но, принявъ въ уваженіе, что скопъ, подкрѣпившій нѣсколько силы свои вчерашнимъ опдыхомъ, можетъ сдѣлать предспоящій переходъ, а припомъ видя, по близости зимняго времени, необходимость какъ можно скорѣе прійти подъ Халганъ, мы предпочли продолжать путь до слѣдующей спавціи.

Предъ выѣздомъ, по обыкновенію, явился къ намъ Бнпхешн. Въ разговорахъ о трудности настоящей дороги, я спарался дапъ почувспнговать сему чиновнику Пекинскаго Трибунала иностранныхъ дѣлъ желаніе наше пробъхать на обратномъ

пути въ Россію изъ Халгана прямо на Цурухай-пу, куда дорога короче; при томъ она идеть по такимъ мѣстамъ, кои орошаются рѣками и обилуютъ влагою. Мы объясняли, что начальники Россійскихъ каравановъ, ходившихъ съ шоварами въ Пекинъ, предпочтительно выхваляютъ эту дорогу. Но Битхеси сказалъ, что тамъ живутъ не Халхасы, а Монголы другихъ Удѣловъ, кои будучи отъ Лифуояня [Пекинской Палаты ин. дѣлъ] не зависятъ. Мы довольно понимали, что Ургинскій Ванъ, вельможа весьма шонкій и самолюбивый—едвали допуститъ, чтобы Россійская Миссія, при жизни его, ѣздила въ Пекинъ мимо *Урги*. На сіе обстоятельство, въ послѣдствіи, указывалъ и самъ Битхеси.

Ненасъе было причиною, что мы оставили ночлегъ не прежде 9 часовъ по утру. Прошедъ, при жестокомъ западномъ вѣтрѣ, верстъ 40, съ великою успалостію достигли мы до станицы *Олонъ худукъ* [много колодцевъ] въ 5 часовъ по полудни.

Перебравшись отъ *Батхал* чрезъ песчавый оврагъ, мимо колодца, верстъ 5 шли мы на Ю по уваламъ; потомъ поворопили къ В, прошивъ высокаго каменнаго бугра, и ѣхали верстъ 7 до колодца, вѣво отъ дороги стоящаго: вода чиста, но солоновата. Дорога лежала между двумя высотами по лощинѣ, имѣющей ширины не болѣе полуверсты: здѣсь мы видѣли много кортъ и скопа.

Лощиною вѣхали верспъ 20 на ЮВ: грунтъ песчаный, идѣ съ мѣлкимъ камнемъ; много роспешъ правы *дерису*, копорая до сихъ поръ еще зелѣнѣлась. Изъ лощины поднимались верспъ 5, а потомъ верспъ 10 вѣхали до *Олонѣ худука*, часпю по ровному мѣсту; а болѣе по плоскости, наклоненной къ югу.

Въ продолженіе всего переѣзда, дуль рѣзкій западный вѣперъ. До 12 часовъ носилась въ воздухѣ гуспая мгла; но съ полудня вѣперъ разогналъ снѣжныя пучи. Во весь день былъ холодъ градусовъ до 8, и мы принуждены были половину пунни идти пѣшкомъ, дабы хопя нѣсколько согрѣпсья.

Спанція *Олонѣ худукѣ* расположена въ долину близъ колодца прѣсной воды, весьма глубокаго. На версту опъ юрпъ нашихъ, весьма вепхихъ и шѣсныхъ, во всѣ спороны земля совершенно обнажена часпымъ прохожденіемъ скопа къ водопою; но даѣе подножный кормъ изряденъ. Въ $1\frac{1}{2}$ верспахъ на С, въ отккрытой степи видны 7 юрпъ, въ коихъ живетъ какой-то Хубилганъ, по имени *Дайнѣ*. Ничего не замѣтили мы шакого, чпо возвѣщало бы о величии или богапспвѣ сего перерожденца, высоко чтимаго здѣшними Монголами. Вечеромъ распались съ нами Цзангинъ и прочіе Сунипы, провожавшіе Миссію опъ спанціи *Убурѣ удэ*; при чемъ за ихъ усердіе и помощь, сдѣланы имъ опъ насъ приличныя подарки. Между спарыми Сунипами

находили мы не мало шакихъ, кои уже въ 5 разъ Россійскую Миссію провожаютъ. Мейренъ и нѣсколько Тайцзиевъ повдуть съ нами до жилищъ *Западныхъ Сунитовъ*.

Окш. 29. Въсперъ продолжался до полуночи, и сдѣлалось весьма холодно: упромъ морозъ 10 град. по Реом. Западный въсперъ около полудня спихъ было; но въ 3 часа поднялась жестокая буря съ сѣверозапада.

Миссія опсправилаь далѣе въ 8 часовъ упра, и въ 2 часа по полудни оспановилась у колодца *Сайинъ усу́* [по Монг. добрая вода ш. с. колодезь нсвзсякающій] проѣхавъ 23 верспы.

Верспъ 6 опъ *Олонъ худука* вхали мы на Ю по каменистымъ мѣстамъ, совершенно обнаженнымъ, или заросшимъ *будургуною*, а потомъ начали спускаься къ подошвѣ стоящаго вдали хребта *Талайнъ ирмыкъ* [степный рубежь]. Симъ хребтомъ, говорятъ, раздѣляется *Гобійская* степь на сѣверную и южную. Проѣхавъ еще верспъ 6, поверопили на В, и пробирались около 11 верспъ до слѣдующей станціи по песку. На большое разспояніе съ обѣихъ спороивъ поднимаются высокіе песчаные бугры; вправо опъ дороги протекаетъ ручей, нынѣ замерзшій. Все сіе мѣспо имѣетъ сходство съ морскимъ дномъ, и изобилуетъ солончаками. Грунпъ сего дна покрытъ разноцвѣшными камешками, между коими примѣшны и сердолики желпаго цвѣпа. Песчаные бугры

изрышы потоками опъ бывшихъ лѣшомъ сильныхъ дождей; правы на нихъ непримѣнно; волновался одинъ только ковыль или *дерису*.

При семь не излишнимъ считаю сказаць предварительно, что опъ *Олонъ худука* идешь къ югу дорога самая шрудная для нашего скопа, а особливо послѣ засухъ лѣшнихъ: пошва вездѣ песчаная; много возвышеній и даже горъ, покрытыхъ глубокимъ пескомъ. Но, что всего пагубнѣе, на сихъ пескахъ распептъ одна шолько длинная, зеленаяшя права, Монголами называемая *сули*: родъ осоки. Когда лошадь повсптъ *сули* и напьется здѣшней солонцоватой воды; шо получаешь жестокой поносъ, опъ коего многія издыхають. Ужасныя мѣспа сіи продолжають на семь станцій или 150 версптъ, до самаго кочевья Монголовъ Цахарскаго Аймака.—Такова степь *Гоби*, устрашающая путешественниковъ, подобно Африканской песчаной пустынь Сагаръ, копорая для проходящихъ каравановъ бываептъ ввроломнѣ самаго моря.

Версптъ за 5 не доѣзжая до *Саинъ усу*, поворотили мы опашь на ЮВ, оставл влѣвъ замерзшее озеро, а за 3 верспты, вправо опъ дороги, колодезь *Булбату* [1], гдѣ оспанавливалась Миссія 3 Ноября 1807.

(1) *Булба* ешь мешаллическій сосудъ, изъ серебра или мѣди сдѣланный и упошребляемый при жертвоприношеніи въ калищахъ Шингемуніанскихъ; въ оноеъ пригошовають *Аршанъ* или св. воду, принимающую, по мнѣнію Ламъ, чудную силу, посредш-

Колодезь на глинистой долинь, заросшей высокимъ ковылемъ, находилсѣ близь самыхъ юрты нашихъ; отверстіе онаго сверху обложено конскими черепами: вопъ наспоюще сшешное украшеніе! При нашемъ прїездѣ Монголы повли свои стада и взмушили соленую воду до того, что оной мы никакъ не могли употреблять. По распоряженію Мейрена, принесли намъ нѣсколько кусковъ льду, копорый надлежало опшпавать для воды: оная хошя вкусу не прошивна, но смѣшана была съ пескомъ и пиравою. Не оспавалось другаго средства, какъ доспавать воду изъ колодца *Бумбату*.

По прибытіи на мѣсто, я приказалъ казачьему Сотнику развѣдать, каковъ кормъ по близости станціи: оказалось, что на 3 по хребту *Талайнъ ирмѣку* права изрядная. Опъ дальнаго вчерашняго перехода, при жестокомъ вѣтрѣ, скотъ нашъ почувствовалъ большую усталость; а попому я призналъ нужнымъ дать оному на другой день роздыхъ. Съ объявленіемъ о семъ намѣреніи послалъ я къ нашимъ проводникамъ Переводчика. Бишеши все предоспавилъ нашему производству.

Между тѣмъ мы узнали опъ одного изъ станціонныхъ Монголовъ, что за провозъ глады опъ

вопъ возліянія предъ Вурханами. Оная вода составлелась изъ слѣдующихъ шешпи лѣкаршвенныхъ расшвнїи: мускашнаго орѣха (*цзали*); гвоздики (*биши*); кардамона (*суліелъ*), другаго рода онаго (*хагѣлъ*); шафрана (*хуреѣли*) и мергеля или бѣлой глины (*цзунанъ*).

Халгана до *Урги*, [около 1000 верспгь берутъ они съ верблюда по $6\frac{1}{2}$ ланъ (13 р.) серебромъ, навьючивая на каждаго по 300 гиновъ шяжести п. е. около 11 пудовъ. Онъже сказывалъ, чпо въ $1\frac{1}{2}$ верспахъ ошъ вынѣшней спавціи на СВ, есть озеро самосадочной соли; окрешные жиптели собираютъ оную и возятъ продаватъ въ лежащіе у Великой Кипайской стѣны города: *Халганъ*, *Кукъ хотó* и проч. Нынѣшнимъ лѣпомъ продавали памъ ношу одного верблюда [около 300 гиновъ, или выше 10 пуд.] отъ 3 до 5 ланъ; въ случаѣ же большаго привоза, ноша соли продается ниже 3 ланъ.

Окн. 30. Дневали. Ночью поднялась жестокая буря, продолжавшаяся до самаго восхожденія солнца; а по упру 12 град. морозу. Причину такого сильнаго холода приписать должно здѣшнимъ солянымъ мѣспамъ.

Въ 10 часовъ утра ходилъ я осматривать соляное озеро, не подалеку отъ нашихъ юршъ лежащее. Оно имѣетъ видъ продолговатый, отъ С на Ю; въ окружности верспгь 6; нынѣ вода изсякла, но илъ, не взирая на жестокий морозъ, такъ мягокъ, чпо ноги вязли въ ономъ. Соль была собрана; во многихъ мѣспахъ блеспѣли соляные кристаллы. Вокругъ озера пошва болотная, заросшая мѣлкимъ проспникомъ, желпою *бѹдурѹгной*, и вся покрыта солончаками.

Монголы, согласно съ своими преданіями, сказывали намъ, чпо здѣсь было нѣкогда море — *далай*

[Байкаль называющъ Буряпы такъ же *далай*], или большое озеро. Видимыя признаки подшверждающъ основательность сего извѣстiя. Долина, покрытая пескомъ, находится между примѣшными возвышенiями или берегами и занимаетъ ограниченное пространство; мѣлкiе камешки, выносимые обыкновенно волнами на берега озеръ и рѣкъ—все сiе заставляетъ думать, что тушь дѣйствительно могло бытъ нѣкогда большое озеро.

Кундуй, провожающiй Миссiю рассказывалъ, что Сунимы восточныя [*цзунѵ*] имѣющъ одинъ Хошунъ, раздѣленный на 4 Цзаланъ [полкъ], въ каждомъ Цзаланѣ 5 Сомуновъ [эскадронъ], а въ Сомунѣ 200 семей.— Западныхъ [*барунѵ*] Сунимовъ такъ же одинъ Хошунъ, имѣющiй 2 Цзалана, одинъ изъ 7, а другой изъ 6 Сомуновъ. О семъ подробнѣе сказано будетъ въ III. Части сихъ Записокъ.

Окш. 31. По утру морозъ 10 град. по Реом. Съ сего спана пустились мы далѣе въ 9 часу, и прошедь 23 версты, прибыли на станцію *Хужирту* [солонцовое мѣсто] въ 1 часу пополудни.

Отъ *Сайнѵ усѵ* вѣхали мы по равнинѣ, покрытой красною глиною, версты 4 до восточной отъ хребта, отдѣляющаго сѣверную *Гоби* отъ южной. Съ сей высоты на С видны два соляныхъ озера, а на Ю обширная степь, имѣющая паденiе къ хребту *Серѣнѵ* [спинной хребетъ, или позвоноки], въ видѣ амфитеатра подавшемуся на югъ. Хорошая шрава по сей степи дѣлала прiятную про-

шивоположность мрачности степей, лежащихъ между урочищами *Сѣинъ усѹ* и *Олонъ худѹкѹ*. Частыя пропавки, проложенныя къ водопою показывали, что здѣсь ходитъ много скота; но мы не замѣтили ни одной корпы. Въроятно, приближеніе Пекнскихъ чиновниковъ, непріятныхъ для Суниповъ, заставило почтительныхъ жителей, на время ихъ проѣзда, откочевать въ спорову ошь дороги. Верстѣ 11 вѣхали мы до пригорка, на самомъ пуши сплющаго и весьма крушаго. Дорога бышая и, какъ видно, здѣсь часпо проходятъ обозы на колесахъ. По споронамъ роспешъ золошарникъ, коего нигдѣ не видали мы въ шакомъ множествѣ; къ корнямъ его вихрями нанесло большія кучи песку. Сей кушарникъ, равно какъ и похожее на дерево растѣніе *будургу*, съ пользою можно бы употреблять вмѣсто дровъ. Съ усиленіемъ перебрались мы черезъ вышеозначенный пригорокъ, и проѣхавъ верстѣ 5 по наклоненной плоскости, поворотили съ дороги влѣво, и шли версты 2 до спанціи *Хужирту*, находящейся у колодца въ глубокомъ оврагѣ, на берегу солонечнаго озера. Вода чиста, по солонч. Верспахъ въ 3 къ 3. отдѣльно споншъ высокая гора *Заринъ*, украшенная большимъ Обо; у подошвы оной есть колодезь *Зарі сѣинъ усѹ*, нынѣ брошенный. Тамъ имѣла ночлеги Миссія въ 1794 съ 26 на 27 Окт.

Бошко, по пріѣздѣ нашемъ на ночлеги, посѣщилъ меня. Между прочимъ, онъ возобновилъ высокопаръ

ныя изъясненія 'своихъ желаній, имѣвъ почто ша-
кую саблю [офицерскую], какую получилъ ошъ насъ
Бипхещи. Словами и шѣлдвиженіями спарался
Бошко показавъ, сколь сильно забошился онъ,
чпобы оспавишь дѣшямъ прочный памятникъ
своего знакомства съ Россіянами, дабы и позднѣе
попомки, взирая на булашную саблю, имѣли пра-
во сказавъ, чпо онъ нѣкогда провожалъ Россійскую
Миссію... Выслушавъ его, мы изъявили наше со-
жалѣніе, чпо не имѣемъ уже шакихъ сабель.

Н о л б р ъ.

1. Во всю ночь свирѣпствовала буря съ такою
силой, чпо верхъ нашей юрты погнулся на спо-
рону; къ очаспію, насъ прикрывали высокіе уше-
сы лежавшаго впереди оврага. Западный вѣтеръ,
съ быспрыми порывами и холодомъ, дулъ во весь
день.

Осправились мы впередъ въ 9 часу ушра, и
чрезъ 23 вершы, съ великимъ шрудомъ едва дос-
стигли до саѣдующей спанціи *Кулѣ худукѣ* [пу-
шевой колодезь], въ половинѣ 3 часа по полудни.
Одноколки пришли въ 6 часу. Въ первый разъ еще
ошъ *Урги* имѣли мы шакой шрудный и непріят-
ный перевѣздъ.

Вершы 3 надлежало всходипъ на хребетъ *Се-
рэнѣ* песчаною дорогою. По споронамъ вездѣ зеле-
нѣлась *оули*. Къ колодцу *Хужирту* прилегавшъ
большая дорога, ведущая изъ Богдохановыхъ кон-

ѣкихъ заводовъ въ *Долоннорѣ*; по оной ѣхали мы сего дня верспѣю.

Поднявшись на хребетъ, увидѣли вправо на 3, верспахъ въ 3 отъ дороги, бѣлющееся на скалѣ горы капище и юрпы какого-то богатаго Ламы; насшоящаго имени его, по Монгольскому обычаю, намъ не объявили, изъ уваженія къ лицу. Отъ сего мѣста до самаго колодезя *Кулѣ худука* надобно пробираться по хребту: спуски и подъемы круты и весьма часты, подобно какъ по нашимъ Валдайскимъ горамъ. Грунтъ — песокъ, перемѣшанный съ красною глиной. Въ дождливое время бываетъ здѣсь весьма грязно; тогда сей переходъ крайне шлюспенъ для обоза на колесахъ.

Въ горахъ лежало много снѣгу, который, при сильномъ вѣтрѣ, производилъ чувствительный холодъ. Припомъ, хопя мы ѣхали сего дня болѣе въ направленія къ юговостоку; но западный вѣтеръ, отражаясь въ ущеліяхъ, дулъ намъ почти на встрѣчу. Одинадцатый день, или лучше скажешь съ самаго вспупленія Миссиі въ кочевья Суниповъ, продолжающійся жестокой вѣтеръ, морозъ, большіе переходы, вредныя sprawy и соленая вода нынѣ обнаружили гибельное дѣйствіе свое на рабочемъ скопѣ нашемъ: 6 верблюдовъ упали подъ вьюками; сполькоже лошадей въ повозкахъ выбились изъ силъ и не могли дойти до станціи; даже верховыя лошади наши едва, едва пащились шагомъ.

Наконецъ, перешедъ пространный оврагъ, изрытый горными водоспоками, и миновавъ два замерзшихъ озера, оставили мы бипую дорогу влѣвъ, и чрезъ долину, заросшую высокими [до 2 арш.] *дерису*, выбрались на пространную лощину, окруженную горами. Тропинка, по коей мы вѣхали раздѣлилась на двое. Сунитскіе проводники скрылись опъ спужи въ юршы. Не зная дороги, мы пошли было прямо на предстоящій хребетъ, гдѣ, какъ послѣ мы узнали, можно проѣхать полько верхомъ на легкѣ, по причинѣ весьма крутыхъ ушесовъ. Къ счастью, на вершинѣ хребта показались два Западныхъ Сунита, выѣхавшихъ къ намъ на встрѣчу; они остановили обозъ и указали легчайшій путь по ущелію восточному. Сдѣлавъ такимъ образомъ крюку вершны 3, вступили мы крутыми подъемами въ оное ущеліе, не мало затруднившее переходъ чрезъ сей хребетъ. Въ горахъ нашли мы великое множество дикихъ козъ или цзереновъ. Съ послѣдней вершины видна, верстахъ въ 3, станція *Кулѣ худукѣ*, расположенная у южной подошвы хребта. Колодезь вблизи, но не было водопойла; а попому скопъ нашъ, вмѣсто воды, довольствовался снѣгомъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ спана есть также соляныя озера.

Здѣсь встрѣтили уже насъ Дамалы Западныхъ Сунитовъ, со всѣми знаками снѣпнаго гостепріимства: юршы для Миссін выпавлены прекрасныя; сверхъ шого пригоповленъ былъ кирпичный

чай, сыръ и масло. Тотчасъ по нашемъ прїѣздѣ, явился ко мнѣ Мейренъ Намсарай, возвратившійся отсюда въ свои кочевья, и нѣсколько Барунъ-Сунипскихъ Тайцзевъ, изъ коихъ старшій именовался Араши. Передъ 2 отдѣленіемъ III Части сихъ Записокъ онъ представленъ вѣдущимъ, въ зимнемъ плащѣ, верхомъ на верблюдѣ. Видя безсиліе нашего скопа, я, по прибытіи на станцію, послалъ Переводчика объявить Бипхешію, что мы должны завтра дать скопу ошдыхъ на семь урочищъ, дабы между шѣмъ собрашъ въ одно мѣсто верблюдовъ и лошадей, разбросанныхъ по дорогѣ, по причинѣ совершеннаго ихъ изнеможенія.

Соображая между шѣмъ силы оспальнаго скопа и количество глади, принадлежавшей лицамъ, соспавлявшимъ Миссію, по общему соглашенію съ своими чиновниками, я намѣренъ былъ идти на казенномъ скопѣ до Цахаровъ ш. е. еще верстѣ 100, навьючивая даже, если необходимость потребуетъ, до десяти лошадей, по 4 пуда на каждую; по кочевьямъ же Цахарскимъ оспанется только пять переходовъ до рѣчки *Шабартал*, на берегахъ коей обыкновенно оставляется скопъ нашъ на зимовку, по распоряженію Кипайскаго Правительсва. Для переѣзда послѣдняго распоялія, можно было бы или нанять часть скопа у мѣстныхъ жишелей, или же оспавить пляжести, нужныя къ обратному пуши, подъ сохраненіемъ двухъ казаковъ и перевезши оныя послѣ на своемъ

скопѣ. Начальникъ Миссіи былъ одного съ нами мнѣнія; почему и рѣшились мы привести оное въ дѣйствіе, коль скоро Кишайскіе проводники не будутъ прекословить.

Нояб. 2. Въсперъ не переставалъ дуть; на горизонтѣ съ самаго утра носились густыя шучи, и въ 2 часа по полудни пошелъ снѣгъ: новый ударъ для нашего скопа!

Около 9 часовъ утра приходилъ ко мнѣ Бишхешіи. Я извинялся, что неважное и холодное время, обезсидивая нашъ скопъ, заставляющъ ихъ также медлить прїѣздомъ въ Халганъ. Услышавъ о предположеніи нашемъ оставить часть обоза на время у Цахаровъ, Бишхешіи находилъ мѣру сію не выгодною для насъ, по наклонности ихъ будшобы къ воровству. Нанимать верблюдовъ подъ свозку тяжестей Миссіи, по мнѣнію Бишхешіи, вездѣ можно, но сіе могло бы стоить слишкомъ дорого; а пошому онъ совѣтовалъ намъ идти на своемъ скопѣ до самаго *Шабартая*, или *Цаганъ Балгасу*. Конечно, мы и сами желали бы сего; но силы верблюдовъ и лошадей нашихъ примѣрно истощились.

Казакіи ѣздили за оставшимъ, по изнеможенію, наканунѣ скопомъ и пригнали оный сюда. При всемъ томъ, изъ казеннаго пабува сдано мною на сохраненіе у Восточныхъ Суниповъ, до нашего возвращенія, два верблюда и одна лошадь, подъ росписку Мейрена Намсарая.

Въ 3 часу по полудни простились съ нами Воспочные Сувишы, провожавшіе Миссію. Въ знакъ благодарности за оказанныя ими услуги, подарено Мейрену, находившемуся при насъ 11 дней, два соболя высшей доброты и юфшевая кожа. Прочіе старшины, провожавшіе Миссію, равнымъ образомъ получили подарки.

Нояб. 3. Поушру 14 градусовъ морозу по Реом. Не безъ труда могли мы собраться въ пушь на слѣдующую станцію *Шара будургунá* [желшая будургуна], опшоящую опсюда версахъ въ 22; куда выѣхавъ въ 8 часовъ ушра, прибыли въ 2 часа по полудни.

Дувшій съ вечера и ночью воспочный вѣтеръ перемѣнился; повѣялъ съ запада и былъ весьма рѣзкій. Дѣйствіе бурь въ степи и тѣмъ еще вредно для верблюдовъ, что противный вѣтеръ, упираясь во вьюкъ, какъ бы въ парусъ, умножаетъ тяжесть онаго.

Версты 3 сначала ѣхали мы по степи; попомъ вышли на дорогу, прилегшую съ правой стороны. Поднялись на небольшую высоту, отъ коей идетъ покапность къ югу верствъ на 20. Травы хороши. Пошва песчаная, но мѣстами естъ полосы красной глины. Отъ станціи версахъ въ 8 естъ колодезь; много также попадалось зайцовъ. Вершы черезъ 3, направо отъ дороги, стоить небольшое капище; нѣкошорыя зданія онаго выспроены изъ дерева, а другія изъ камня.

Вдали на 3, верстѣ за 10 оупъ нашей дороги, сивѣюща оспроконечная гора. Барунъ - Сунишъ, вѣхавшій съ нами верхомъ на верблюду, сказалъ, что гора сія именуется *Харбату* [спрѣмецкая]; названіе сіе получила оупъ того будпобы, что Гесэръ Ханъ—богшворимый Монголами, какъ Геркулесъ у Грековъ—спавилъ на сей горѣ цѣль, а съ другой, оупсшоящей къ западу еще на день ѣзды [верстѣ за 50], пускалъ изъ лука спрѣлы: ни одна спрѣла не пролешала мимо. Между Монголами, а равно у нашихъ Бурятовъ и Калмыковъ, много носившихъ чудесныхъ преданій во славу сему Гесэру [1]. О необыкновенныхъ его подвигахъ напечатана да-

(1) *Палласъ* (Mongol. Nachr. Ч. II, 103) говоритъ, что *Гесэръ Ханъ* собственно естъ лице, въ кошорое превращался нѣкогда Бурханъ *Арябалу* или *Луваншири*, нынѣ обитавшій въ шлѣ Далайламы; а божешвенный духъ, почивающій на Кушухшѣ Монгольскоу (въ Ургѣ), соупшествовалъ оному Бурхану во всѣхъ его спраншествованіяхъ, и служилъ иногда въ видѣ лошади Гесэръ Хана; въ нѣкоторыхъ же превращеніяхъ былъ шо спую или шшшоносцемъ, шо сподвижникомъ его.

Г. *Клапротъ* въ своихъ любопытныхъ замѣчаніяхъ о Китайскооруской границѣ, относительно упоминаемаго предмета, говоритъ слѣдующее: „*Гесэръ Ханъ* естъ Монгольское названіе одного причтеннаго къ богамъ военачальника, жившаго въ началѣ III столѣтія по Р. Х. и, по Монгольскимъ книгамъ, происходившаго изъ земли, лежащей при Хухунорѣ, между Тибетомъ и Кыш. губ. Шаньси. Кышайцы называютъ его *Гуаньюй* или *Гуаньюнжань*. Онъ былъ военачальникомъ въ арміи Любея, кошорый во 199 году по Р. Х. возбушсовался прошивъ Имп. Сянди, послѣдняго изъ династїи Ханьской, завоевалъ городъ Хіабей, и ошдалъ его подъ охраненіе *Гуаньюя*. Но какъ въ слѣдующемъ году Цаоцзао, Императоръ

же на Монгольскомъ языкѣ особая книга, въ нѣсколькихъ часяхъ. Желая познакомить моихъ читателей съ Миеологическими повѣстями поклонниковъ Шигемунія, рѣшился я помѣстить здѣсь извлечение изъ двухъ повѣстей о Гесэрѣ.

I.

Богдо Гесэръ Ханъ родился для испребленія корня десяти золъ. Владычествую во всѣхъ десяти странахъ небесныхъ, возспалъ льву подобный Богдо, силами Хубилганскими поразилъ двѣнадцатиплаваго Мангуша, духа злаго, взялъ къ себѣ его супругу Арулу и водворился въ западныхъ его черпюгахъ.

Арула, высокая супруга, съ душею исполненною ненависти, однажды поднесла Богдо волшебный напитокъ и просила вкусить онаго. Гесэръ Ханъ

скій Генералъ, завоевалъ это мѣсто; но онъ попался въ плѣнъ и перешелъ въ его службу. Въ сраженіи при Вема, въ которомъ Цаоцао разбилъ другихъ ишежниковъ, Гуаньюй весьма опличился и собственною рукою убилъ Еяляна, чѣмъ рѣшилъ сраженіе. Хотя Цаоцао, очень уважавшій Гуаньюя, употребилъ все возможное, чтобы привлечь его къ нему; однакоже никакъ не могъ склонить его оставить Любея. Соединясь съ Любеємъ, Гуаньюй совершилъ еще многіе подвиги и выигралъ сраженія; но въ 220 году наконецъ взявъ въ плѣнъ Сунъ Гуномъ и казненъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и другими предводителями.— Нынѣшніе Кипайцы думаютъ, что онъ не умеръ, но пережъченъ въ число полубоговъ, и царствующая шеперь Манжурская династія считаетъ его своимъ Пашрономъ, давъ ему имя: Гуань Мафа Хуанди, а по Кип. Гуань Шендигунъ. Обыкновенно изображаютъ его сидящимъ; по лѣвую руку сплоситъ сынъ его Гуаньпинъ, а по правую его щипюсець съ чернымъ лицемъ., Сѣвер. Архивъ, изд. Г. Вулгаринымъ. 1823; стран. 422.

имѣлъ познаніе о всѣхъ вещахъ; но едва опивдалъ сего напишка, какъ все исчезло въ забвеніи.

Двѣнадцатъ лѣтъ оставался Богдо въ области двѣнадцатиглаваго Мангуша. Между пѣтъмъ шри Хана Шарагольскіе напали на прежнія его владѣнія; царство раззорили и народъ разсѣяли. Тогда воззрѣли съ небесъ шри праведныя сеспры Владыки, и опъ спѣсеннаго сердца рекли: „Волшебный напишокъ Арулы побѣдилъ не побѣдимаго. Съ силами Хубилганскими ты возспагъ на область двѣнадцатиглаваго Мангуша, и шамъ все предалъ забвенію!“ Тако вѣщали праведныя; на черпали письмо на пернатой спрѣлѣ, и пустили оную къ Владыкѣ. Онъ прочишалъ писанное, и началъ размышлять о прежнихъ событіяхъ. Но злобная Арула не медля подаетъ ему волшебный напишокъ, и Владыка погружаещя въ новое забвеніе.

Три праведныя сеспры нисходятъ въ область Мангуша и подкрѣпляютъ твердость Гесэръ Хана. Наконецъ онъ освобождается опъ очарованія, возобновляетъ въ памяти своей прошекшее. Вдругъ раздался его лъвинный голосъ; земля поколебалась, и въ сильномъ вихрѣ повернулись кругомъ 88 разъ златыя черпоги его и прижды градскія спѣны. Все испреблено было огнемъ. Владыка возсѣлъ на волшебнаго гнѣдаго коня [1] и возвратился въ

(1) Въ Шигемуніевыхъ капищахъ представляють Гесэръ Хама Мунцимъ на шакой лошади, сдѣланной изъ дерева.

свое царство. Возвысясь на степенъ тысящекрапнаго Хубилгана, Владыка опустошилъ всю Шаргольскую землю, взялъ брашно изъ плѣна свою божественную супругу, и учредилъ пресполю опять въ городѣ, имѣющемъ принадлежь разъ удвоенные храмы и 108 пространныхъ крѣпостей.

Повелитель десяти спранъ небесныхъ, увидѣвъ своего осмидесятилѣтняго воина Царгина со дщерьми и дѣтьми выплзей, пораженныхъ Шаргольскими Ханами, возсепалъ. Съ омраченнымъ духомъ началъ онъ воспоминашь о своихъ герояхъ, зывая тако: „Ястребъ между человѣками, ты, копорый съ благороднымъ сердцемъ кидаешься всегда впередъ, возлюбленный Сессе Шихеръ, мой дражайшій братъ, гдѣ ты? — И ты орелъ между людьми, ты, всегда неуспрашимый, и, подобно слону, все подавляющій, мой знаменитый Шумаръ, гдѣ ты? — И ты соколъ между человѣками, одаренный сердцемъ кремнистымъ, рано посвятившій мнѣ силы свои, гдѣ ты мой Буянпыкъ? — Львиная когти Владыки, ты, подобно соколу, вѣрно настигающій на свою добычу, сокрушившій силу 88 народовъ, гдѣ ты, мой пятнадцатилѣтній Нансонъ? Гдѣ ты мой герой съ каменнымъ сердцемъ, все поражающій Барсъ? Такъ въцалъ онъ. Помышляя о герояхъ, возвысилъ голосъ свой, и спѣныши крапы повернулись въ вихрь.

Владыка приказываетъ осѣдлать своего гнѣдаго коня и усpreмляется на мѣсто побоища героевъ. За нимъ Царгинъ побуждаетъ своего огромнаго чалаго коня.

По прибытіи на сіе поле, Владыка громко возопилъ; увидѣвъ коспи Буяншыковы и Барсовы, Владыка палъ на землю въ безчувствіи. Но волява переселилась душа Нансонова, въ слона душа Шумарова, и Владыка воспрянулъ опять; обнявъ слона и льва, обратился къ богамъ всѣхъ десяти стpанъ и въ сѣшваніи произнесъ: „Несравненные мои герои! Нансонъ, Шумаръ, и ты возлюбленный мой брашъ Сессе Шихеръ! и ты, яроствно на враговъ лешающій Барсъ! Рано посвятили вы мнѣ свои силы; вы были свѣшильники, озаряющіе мракъ ночи. Варный Буяншыкъ и вы всѣ мои выпязи, жрецы и мой народъ, непоколебимо прошивосполяли вы врагамъ, подобно скалѣ гранитной. Такъ, я конечно владычествующій Богдо; но, побѣдивъ двѣнадцатипглаваго Мангуша, я самъ побѣжденъ былъ волшебнымъ напипкомъ Арулы.,,

Подобно грому, производимому въ небѣ синими драконами, раздася вопль Владыки. Къ нему приближились души героевъ въ видѣ слоновъ, пигровъ, волковъ, и три крапы обошли вокругъ Владыки, издавая жалобный голосъ.

Три праведныя сестры Владыки, услыша его вопли, спустились изъ горняго жилища для его успокоенія. Но видя Гесэра безумѣшнымъ, воз-

вращались къ Хурмуспѣ его родителю, верховному надъ 33 Тенгеріями и главному покровителю земли. Хурмуспа раскрываетъ книгу судебъ, и читаетъ въ оной слѣдующія слова: „Изъ царства Тенгеріевъ Гесэръ Ханъ посланъ съ своими героями; но судьба допустила ихъ погибнуть прежде смерти повелителя. Впрочемъ Гесэръ Ханъ, еще до изхода на свой подвигъ, успѣлъ девять разъ побѣдить прехъ вѣроломныхъ Тенгеріевъ, кои въ видѣ прехъ сильныхъ Хановъ поразили его однажды на землѣ.“

Хурмуспа, окруженный сонмомъ Тенгеріевъ, является передъ Шигемуни и съ покорностію вѣщаетъ: „Наспавникъ боговъ! Посланникъ ихъ, отправленный на землю, поперялъ 30 своихъ героевъ. Подвигъ его окончанъ; но исполнитель, спеная, возлежипъ на костяхъ своихъ героевъ.“

Наспавникъ боговъ, съ пріятнѣйшею улыбкой внемлетъ ему, и въ присутствіи 1000 Бурхановъ беретъ черный Бадиръ [1] съ Аршаномъ, наполняетъ Бумбу и отдавая оную Хурмуспѣ, вѣщаетъ: „Отправь сей Аршанъ къ исполнителю своего подвига: коль скоро брызнетъ онъ одну каплю на обновившіяся плѣта, онъ получаетъ опять жизнь и душу; отъ прешей же капли они совершенно возродятся. Наконецъ пусть они напьются Аршана,

(1) Священный сосудъ, съ конемъ обыкновенно изображаютъ Монголы главнаго своего Вурхана.

и духъ хранитель опятьъ возвратился къ нимъ и надѣлилъ ихъ пѣло высокими свойствами.“

Хурмушта принялъ Аршанъ и вручилъ оный премъ праведнымъ сеспрамъ, при слѣдующихъ словахъ: „Скажише исполнителю своего подвига: что сдѣлалось съ шобою? Главу твою храняшь боги то спранъ; швоя грудь находится подъ защишою могущественныхъ Тенгсривъ, а спопы швон ограждаютъ 88 сильныхъ Бурхановъ; 180 богинь спрегутъ швой поясъ, о Гесэръ Ханъ! Ты владычествуешь во всѣхъ то спранахъ небесныхъ, ты шшпомецъ Хурмушты! И еслибы ты пребылъ неразлученъ съ своими героями; шо не горевалъ бы, оплакивая ихъ кончину.“

Три праведныя сеспры спустились съ облаковъ при сильныхъ ударахъ грома, подобныхъ реву то драконовъ. Гесэръ Ханъ, сдѣлавъ девять девятикратныхъ поклоненій предъ божественнымъ наставникомъ и девять передъ Хурмушою родителемъ, принялъ Аршанъ. Дѣйствіемъ сей чудесной воды 30 героевъ ожили, и явились въ прежнемъ видѣ.

По возвращеніи изъ похода въ отчизну, Владыка собралъ возродившихся героевъ вмѣстѣ съ преша племенами народа, и клнки радости неслись во всѣ предѣлы моря. Жершвенныя куренія воздымались въ видѣ густыхъ облаковъ. Съ необыкновеннымъ блескомъ цвѣшущія лиліи возникли изъ земли: ни одинъ глазъ не видалъ ихъ днемъ, а ночью

служили онъ вмѣсто свѣщильниковъ. Закрытые неприспунными спѣнами, герои совершили поклоненіе Владыкъ. Послѣ радостнаго шоржества, продолжавшагося при мѣсяца, всѣ возвратились въ дома свои. Львиная сила повелителя обновила героевъ; все исполнено, и Богдо Гесэръ Ханъ жилъ въ безмятежномъ удовольствіи.

II.

Богдо Гесэръ Ханъ владычествовалъ во всѣхъ десяти спранахъ небесныхъ надъ духовенствомъ подобно солнцу, надъ народомъ подобно каменной скалѣ. Въ области Докуршибъ царствовалъ Андуманъ Ханъ, одаренный чудеснымъ пѣломъ: онъ имѣлъ, съ демонскою силой, сто рукъ и сто глазъ. Средину его пѣла охраняли четыре вѣроломныхъ Тенгери; надъ верхнею частію онаго бодрствовали восемь силъ пьмы. Онъ располагалъ 70 Хубилганами. Въ его повелѣніяхъ было 360 воиновъ опчаянныхъ, 3000 випязей и 33 милліона протсыхъ воиновъ. Его желпочубарой конь равнялся крѣпостию 13 драконамъ. На берегахъ земли Тукъ покорилъ онъ 500 милліоновъ областей, и послалъ князей сего народа къ Богдо Гесэръ Хану съ такою вѣстію: „Изъ области Докуршибской пришелъ Андуманъ Ханъ. Кто изъ Хановъ Сампушиба противостанешь ему? Мы побѣжденные ему покорились. Ему повинуются 3000 випязей. Его желпочубарый конь равенъ силою 13 драконамъ. Пятнадцать лѣтъ мы вхали въ Докуршибъ, его область.“

Опустивъ каждому изъ шрехъ князей и каждому изъ 300 ихъ сопутниковъ по 100 коней, онъ вѣщалъ: „Спѣшите день и ночь; чрезъ три года достигнете царства Гесэрова; чрезъ три года прійдите обратно: и тогда останется вамъ девять лѣтъ спранспивовать до моей области.“

Спусти три года, посланные достигли царства Владыки и приближась къ черпогамъ на разстояніе, чрезъ которое можно слышать голосъ, девятикратно девять разъ поклонились до лица земли. Громко произнесли они велѣніе Хава Докуртибскаго Андулмана. Владыка созываетъ своихъ героевъ. Они съ усмѣшкою пріемлютъ вѣсть о побѣдахъ Андулмана и просятъ немедленно объявить войну. Говорящій на шести языкахъ Бултыкъ предлагаетъ послать 10 вѣспниковъ, и съ каждымъ вѣспникомъ 10 милліоновъ всадниковъ, приказавъ имъ день и ночь продолжать шествіе свое, присовокупляя, что съ главнымъ войскомъ должно отправиться самому Владыкѣ. Шумаръ герой привѣщиваетъ уже къ блестящей кольчугѣ тяжелой лукъ и колчанъ съ 88 широко оперенными стрѣлами, препоясываетъ себя мечемъ длиною въ 9 сажень, вскакиваетъ на своего бурога коня, и подѣхавъ къ Владыкѣ, гласитъ: „Грозный Владыка! Я одинъ иду пропиву пятнадцатиглаваго Мангуша. Пятьсотъ милліоновъ нашихъ земель покорилъ онъ: почто же медлимъ мы?“

Наконецъ Владыка дастъ приказаніе изгнать вышья войнамъ къ брани.

Когда герои собрались, Владыка опредѣлялъ, чѣмъ походъ свой, могшій продолжаться 12 лѣтъ, окончится въ 12 мѣсяцовъ. Пресварѣлаго Царгина оставлешъ онъ въ домѣ, для попеченія о народѣ и спадахъ. Но дряхлый, осмидесятилѣтній Царгинъ обратился къ Владыкѣ съ сими словами: „Боже! Конечно, я живу восемьдесятъ лѣтъ; но желалъ бы еще разъ быть свидѣтелемъ грозной битвы. При низпосланіи тебя Хурмушою въ Сампутибъ, предопредѣлены были двѣ знаменитыя войны. Первая война была воздвигнута Шарагольскими Ханами; вторая теперь начинается. Много дней видѣлъ я: уже не долго мнѣ жить. И такъ, позволю Владыка соупривовать тебя на брань.“ Такъ вѣщала печальный старецъ, и Владыка самъ не могъ удержатъ своихъ слезъ. Тогда приближился къ нему герой Нансонъ и сказалъ: ты всегда являлся послушнымъ Владыкѣ, для чего же теперь прекословишь его велѣніямъ? На сіе пресварѣлый Царгинъ возразилъ: „Что думаешь ты обо мнѣ, пятнадцатилѣтній Нансонъ? Я, осмидесятилѣтній Царгинъ, согбенъ уже подъ бременемъ лѣтъ. Мой чалый конь отъ старости едва щиплетъ траву. Сѣдые волосы покрыли мою голову. Еще желалъ я сразиться предъ глазами Владыки и въ одномъ ряду съ побоемъ, любезный Нансонъ.“—Такъ говорилъ онъ въ скорби, и всѣ герои прослезились

вмѣспѣ съ нимъ. Тогда Богдо, отдавая спарцу одежду свою, рекъ: „Царгинъ, мой возлюбленный! ты говоришь истину. Но, ты всегда уважалъ мои приказанія; и шакъ, пребуди здѣсь и пекись о народъ.,— „Священны слова твои, Богдо, ошвѣчалъ Царгинъ. Во дни юности всегда исполнялъ я твои повелѣнія, и можешь ли преслупить ихъ дръхлый Царгинъ. Коспи мои изсохли. Черная кровь моя заспыла въ жилахъ. Спароспъ преклонила меня къ землѣ. И я желалъ выйтн на рашное поле, дабы умерешъ предъ твоими очами. Но тебѣ угодно повелѣшь: Царгинъ! ты не имѣешь уже силъ, останься дома. Такъ, мои силы изнуридись, и я оспаюсь.,

Владыка, устроая свое воинство пропнвъ пашнацпашглаваго Мангуша, ошдалъ Улану и Буянпыку приказаніе: „Сступайше впередъ. Коль скоро вступише въ непріятельскую землю, по вѣщайше: Гесэръ Ханъ, владычеспвующій въ Сампушвбъ, грядешъ съ своимъ ополченіемъ, дабы у Хана Мангуша срубншь всѣ 15 головъ, одну послѣ другой.,

Уланъ и Буянпыкъ радоспно съян на коней, и пущнлись къ землѣ непріятельской. Оба рннулись на бѣлый шабунъ Хана, ошбили 11,000 бѣлыхъ коней, и съ шумнымъ попопомъ, ошъ коего земля дрожала, вмѣспѣ съ конями поскакали въ обратный пупъ.

Андулманъ Ханъ, чувствуя колебаніе земли, вскрик-

Нулъ: „Кто сей дерзновенный, съюда пришедшій? Ни одно земное существо не можетъ проникнуть до меня: то долженъ быть Хурмуспа., — Вскорѣ являющіяся спражи его спадъ, и увѣдомляющъ о случившемся. Сколь велико было воинство? спросилъ Андудманъ Ханъ. Спражи опивѣспивовали: казалось намъ, что болѣе 10,000 неприятелей напали на табунъ; но открылось, что ихъ было только два. Ханъ воскликнулъ: „Это должны быть князья, посланные моимъ врагомъ, Гесеръ Ханомъ. Вы, герои мои Архай и Шархай, возьмите 1000 воиновъ и быстро преслѣдуйте бѣгущихъ. Не умерщвляйте ихъ. Приведите ихъ живыми и возвратите табунъ., — Архай и Шархай ударились въ погоню.

Между тѣмъ Уланъ и Буяныкъ достигли уже до вершины лъвиной горы, выбрали изъ всего спадъ лучшаго коня и заклали его. Молясь Владыкъ земли, Буяныкъ слышитъ шумъ, садится на коня и глядитъ кругомъ съ вершины лъвиной горы. Узря выплзей Архая и Шархая съ 1000 воиновъ, онъ воскликнулъ: Уланъ! возсѣдь на коня; близокъ неприятель. Уланъ съ громкимъ смѣхомъ вскакиваетъ на свою лошадь. Оба героя спремются на враговъ, взывая къ духу-хранителю Владыки. Буяныкъ насупуаетъ на выплзю Архая, и голова его далеко покашлась. Уланъ однимъ ударомъ меча ошкъкъ обѣ руки Шархая выплзю. Буяныкъ возопялъ: не умерщвляй его, любезный Уланъ! Ска-

*
#

завъ сіе, онъ однимъ махомъ своего меча поразилъ тысячу воиновъ. Попомъ, привязавъ къ поясу Шархая опрубденныя руки его, послали сего вѣстца къ Хану Андулману съ вѣстію о приближеніи грознаго Гесэра.

Уланъ и Буянцыкъ возвращающагося съ 11,000 бѣлыхъ коней къ Владыкѣ, и доносятъ о своемъ подвигѣ. Владыка то спранъ небесныхъ сказалъ: „Нашъ походъ не оспадетса безъ успѣха, когда Уланъ и Буянцыкъ счастливо къ намъ возвратились: 11,000 бѣлыхъ коней сущь благопріятное предзнаменованіе. „Сказавъ сіе, повелѣлъ онъ раздѣлить коней между вѣстцами.

Герои продолжали свой походъ, и за 3 мѣсяца пупи узрѣвъ градъ Андулманъ Хана, воскликнули: „смоприме! памъ сповишь градъ Андулманъ Хана.“ Всѣ успремилась впередъ по слѣдамъ Владыки.

Едва Гесэръ Ханъ приблизился къ полчищамъ непріятельскимъ, споявшимъ уже въ готовности, какъ увидѣлъ Андулманъ Ханъ на поверхности земли миллионы воиновъ, и воспрепешалъ ошъ ужаса. Гесэръ Ханъ остановился и вѣщаль своимъ героямъ: „Любезные сподвижники, ваши сердца подобны кремнистой скаль. Велико число враговъ: но если вы упоминесь поражая ихъ, воззовише ко мнѣ; Гесэръ Ханъ имвешъ силы девашерныя, и обновишь ваши силы. Будете ли покрыны ранами, воззовише ко мнѣ; Гесэръ Ханъ исцѣлишь ваши раны безъ лѣкарствъ. Будете ли изнемогашъ ошъ

жажды, воззовише ко мнѣ; Гесэръ Ханъ упомяну оную Аршаномъ.,

Такъ вѣщаль онъ, и всѣ герои въ воспоргѣ единогласно воскликнули: „Могущественный Владыка десяти странъ! Рожденный для испіребленія керил десяти золь! ты наша опрада!.,

Съ колънопреклоненіемъ произвели они сія слова; Владыка внемлетъ и възсѣдаетъ опяшь на своего коня. Подобно солнцу и лунѣ, блиспаешъ кольчуга грознаго смью драгоцѣнными камнями. Черезъ плечо виситъ чернѣй тяжельй лукъ вмѣстѣ съ свѣплымъ колчаномъ; у лѣваго бока звучитъ длинный, булапный мечъ. Въ семь видѣ выснупилъ Владыка на бой съ Мангушемъ. Подобно реву 1000 драконовъ, раздаешся его голось. Десяти цѣпная радуга озарешъ его шлемъ, украшенный 5 крылами райской пшпцы Гарудина. Лице пылаешъ божешвеннымъ огнемъ. Чело его подобно лицу Махагаллана [1]. Искры лептѣли опъ копытѣ волшебнаго гнѣдаго коня; каждый волосъ сверкалъ огнемъ. Тако спремипся Владыка на враговъ, съ булапнымъ мечемъ въ рукахъ.

Всѣ 30 героевъ въ рапныхъ доспѣхахъ възсѣли на коней, и радости исполненные, какъбы нашедъ неразрушимый камень, воскликнули другъ ко другу: смѣло ударимъ на враговъ!

Началась спрапная свча. Владыка 10 странъ небесныхъ, сопупспвумый 30 героями, възсѣлъ

(1) Грозное божештво Монголовъ, описанное выше, на спрап. 161.

голосомъ, подобнымъ рёву 1000 драконовъ. Мечъ его увеличился до 1500 сажень, и каждымъ ударомъ низлагалъ тысячи враговъ. Подкрѣпя силы Аршаномъ, Гесаръ Ханъ устремляется на Хана Андулмана; а герои ударяють въ оба крыла непришельскаго ополченія. Гесаръ Ханъ приближается съ Мангушемъ, оспрымъ мечемъ опсѣкаетъ ему 5 головъ, но головы опять выросли. Между тѣмъ выплязъ Мангушевъ, предводишель лѣваго крыла Саниъ Тупимель съ корнемъ вырываетъ дерево, коего пяшь человекъ не могли обхватить; мащепъ имъ и шуда и сюда, все поражая, Нансонъ и Шумаръ однако совершили побѣду надъ врагомъ, и умершвили его. Владыка го спранъ небесныхъ вновь опсѣкъ пяшь главъ Мангуша; но онъ паки появились. Изумленный Владыка опускаетъ свой мечъ на землю. Тогда Андулманъ Ханъ разсѣкаетъ Владыку опъ лѣваго плеча до самыхъ стопъ. Но пѣло вдругъ исцѣлилось. „Хурмуспа, родишель мой! воскликнулъ Владыка: я не въ силахъ поразишь сего Хана.,,

Три праведныя, великія сестры внимлющъ сииъ словамъ, спѣшашъ къ Хурмуспѣ. Повелитель Тенгеріевъ, низпосылаетъ на помощь Владыкѣ брата его Сессе Шихера. На сѣромъ, осьмикрыломъ кофѣ пускается Сессе изъ Царства Тенгеріевъ. Взглянувъ на всѣ чешыре стороны, за 5 дней пуши наконецъ Сессе Шихеръ усматриваетъ Владыку, рапоборспвующаго съ Мангушемъ. Попомъ говоритъ

онъ Гимсунъ, своей супругъ: „Коль скоро я приближусь еще болѣе; но долженъ буду изрубить Мангуша въ мѣлкя часпи. Душа враждебнаго Хана находится въ его очахъ. Дабы Владыка позналъ меня, я омрачу взоръ Хана.,,

Сказавъ сіе, онъ за 5 перевозовъ пустилъ стрѣлу въ глазъ Мангуша, въ коемъ пребывала его душа. Подобно обрушившейся горѣ, палъ на землю мерзвый Мангушъ съ своего желпочубараго коня.

Гесэръ воскликнулъ тогда: по ваше дѣло, при великія сеспры! То ваше дѣло, могущеспвенные при Тенгери!

Сессе Шихеръ опускаетъ бразды сѣраго, осмикрылаго коня, спремится съ обнаженнымъ мечемъ: какъ спадо овецъ, поразилъ онъ оспапки неприпелельскаго войска и разсѣялъ оное подобно пеплу въ воздухъ. Все сіе совершилъ онъ однимъ ударомъ меча, и поскакалъ къ Владыкѣ.

Гесэръ Ханъ узнаетъ возлюбленнаго, и съ волшебнаго гнѣдаго коня бросается въ объятія своего брата, привѣстствуя его такъ: „Дражайшій братъ! Шарагольскіе Ханы изрубили шебя въ мѣлкя часпи. Несравненный мой, откуда ты пришелъ и куда спремится сперъ? Владыка го спранъ воздушныхъ и Сессе Шихеръ возвысили вмѣстѣ гласъ свой, опъ коего земля при крапы повернулась въ вихрѣ; но Владыка го спранъ небесныхъ и Сессе Шихеръ ушвердили оную на прежнемъ мѣстѣ.

Послѣ шаковой побѣды надъ пятнадцатиглавымъ Мангушемъ, герои умертвили его супругу Бадму Раку, сожгли его сына, предали огню самое тѣло Андудманъ Хана, и народъ его взяли въ плѣнъ.

Уже пятнадцать переѣздовъ совершили побѣдители опъ того мѣста, на коемъ Сессе Шихеръ, спустившійся съ облаковъ, поразилъ Мангуша, какъ узрѣли они божественную царицу Гесэрову Алмуръ, копорую окружали болѣе тысячи сопутниковъ и осьмидесятилѣтній Царгинъ. Народъ оживился воспоргомъ, увидѣвъ Сессе Шихера и своего Владыку. Всѣ приближились къ нимъ; но послѣдній явился князь Чопонъ, предапель въ битвѣ съ Ханами Шарагольскими.

Владыка 10 спранъ воздушныхъ, вмѣстѣ съ братомъ Сессе, возвратился въ свое царство: во градъ съ храмами, принадлецашъ крапъ удвоенными, и съ 108 обширными крѣпостями. Тамъ, въ огромныхъ черпогахъ праздновали они цоржество радости. Великій Сессе Шихеръ выпилъ 20 чашъ вина, и узнавъ князя Чопона, пребовалъ его смерти. Народъ тогоже пребовалъ. Тогда Владыка 10 спранъ небесныхъ вѣщаль: „Любезный Сессе Шихеръ оспановись; его не должно умерщвляель. Духъ Чопоновъ соблюдаетъ насъ во время сна, напоминаетъ о нашихъ обязанностяхъ въ минушы забвеніи, и нынѣ доставилъ намъ удовольствіе наслаждаться симъ циршествомъ. Чопонъ еель всему виновникъ,

Злонравный Чотонъ есть одинъ изъ 1000. монахъ Хубилгановъ. Лишась моего благоволенія, давно исчезъ бы сей коварный. Для чего же я сохраняю его, вы сами теперь судите.“ Всѣ умогли.

Наконецъ Владыка 10 спранъ раздѣляя приобрѣтенную добычу. Сесе Шахеру вручилъ онъ Мангушева желточубараго коня, имѣющаго силу 15 драконовъ; девятиричную же его кольчугу опдалъ Шумару. Саннъ Тушимелова огромнаго коня подарилъ Царгину; а лошади его, огненнаго цвѣта, достались пятнадцатилѣтнему Нансому. Такъ и всѣ прочіе герои получили дары. Свршавъ все сіе, воцарился грозный Гесэръ Ханъ въ спранъ Нулумъ, воссѣлъ въ своихъ чершгахъ, по волѣ священныхъ Тенгеріевъ, спокоенъ и радостенъ. Владыка 10 спранъ, грозный Богдо Гесэръ Ханъ истребилъ корень десяти волъ, побѣдилъ пятнадцатиглаваго Мангуша, возвратилъ брата Сесе Шихера, и обрадовалъ симъ всѣ земныя швари.

Таковыя повѣсти предсказываютъ новое доказательство, къ какимъ недѣльнымъ вымысламъ и заблужденіямъ способенъ умъ, погруженный во шмъ язычества.

*

Спандія *Шарá будургуна* лежитъ между двумя опдаленными песчаными вышами. Съ восточной споровы прилегаетъ къ оной глубокая рышвина, размышая въ песокъ дождевыми попокамц; колодезь былъ подлѣ юршъ нашихъ, но вода въ немъ мупная.

Еще до отправленія со станціи *Куль хулука*, Бишхеша объявилъ мнѣ, чптобы мы вразсужденіи найма верблюдовъ не заботились; ибо онъ успѣлъ склонить станціонныхъ Тайцзівей, дававшъ намъ подъ выюки нѣсколько верблюдовъ изъ числа общеспивенныхъ. Я благодарилъ Бишхеша за сей опытъ его дружбы и усердія къ намъ. Впрочемъ, легко можно было понять, что сіе согласіе ихъ было послѣдствіемъ выгодныхъ опзывовъ о Рускихъ, каковыя переданы Цзунъ-Сунинскимъ Мейреномъ старшинамъ Барунъ-Суниншовъ.

Въ 5 часу по полудни вѣсперь опять перемѣнился: подулъ юго-восточный. Сдѣлалась опшпепель; потомъ пошелъ мокрый снѣгъ, продолжавшійся до 10 ч. ночи.

Нояб. 4 Ушромъ морозъ 15 град. по Реом. при западномъ вѣспрѣ. Въ 7 часу привели намъ станціонныхъ верблюдовъ. Мы положили на нихъ свои комы [пошники] и 10 ящиковъ съ вещами, опредѣлили къ нимъ казака, — и Монгольскій проводникъ шакъ погналъ своихъ навьюченныхъ верблюдовъ, что на слѣдующую станцію прибылъ двумя часами прежде насъ. Таковымъ пособіемъ пользовались мы въ проѣздѣ нашъ опскода до самаго Халгана. Наконецъ въ 9 часу утра двинулись мы въ пушь, самый шрудный во всю дорогу. Проѣхавъ 25 верствъ, болѣе на югъ, въ 3 часу вечера благополучно достигли станціи *Дурма*.

Вся дорога, между *Шара будургуною* и *Дурмой* лежишь чрезъ высокій, песчаный хребетъ, идущій отъ востока къ западу. По сыпучему песку и косогорамъ надлежало безпрестанно по спускающься въ глубокія долины, по взбирающься на бугры, со всѣхъ сторонъ стѣснявшіе дорогу. Къ счастью, песокъ смоченъ былъ дождемъ и крѣпко замерзъ; а пошому колеса увязали только на четверть аршина. Въ 1807 году обозъ Миссиа плывулся по симъ мѣстамъ дней 5. —

Для облегченія сего перевала, нѣкоторые изъ Членовъ Миссиа рѣшились ѣхать верхомъ. Езуитъ Гербильтонъ, сопровождавшій Китайскаго Императора Кансиа, во время его похода въ Халхаское Княжество, 1696, упоминаетъ въ журналѣ своемъ 20 Апр. что Императоръ, достигнувъ сихъ мѣстъ, повелѣлъ, дабы составляющіе свишу его въ продолженіе четырехдневнаго перехода сими песками, начиная отъ урочища *Кецу булакѣ* и болота *Погжохтой* шли пѣшкомъ, для облегченія лошадей, Императоръ даже охотою забавлялся пѣшкомъ, стрѣляя зайцевъ, коихъ и тогда водилось здѣсь великое множество. [1]

Въ песчаныхъ буграхъ видѣли мы юрты и много домашняго скота. На половинѣ дороги вспрѣщали мы, въ первый разъ, большой караванъ, шедшій съ чаемъ на верблюдахъ изъ Халгана въ Казахъ.

(1) *Дювальдъ шамъ же*; IV, 392.

пу. Извопикъ живеть близъ *Олобъ хулука*; а попому, оспая собспвенно купеческую дорогу въ западъ, пробирается сими мѣстами. Онъ находишся въ пуши уже то двей, и сказалъ намъ, что подножныя нормы впереди весьма хороши; но выпалъ глубокий снѣгъ. Вершъ за 7 не довзжая *Дурль*, начали мы примѣнно спускашся по уваламъ, и наконецъ, вершны черезъ 4, вышли на обширную долину; окруженную песчаными горами. Долина сія естъ болопо, гдѣ находишся нѣсколько озеръ съ прѣною водой; права луговая израдна, во засохла ошъ наступившихъ морозовъ. Снѣгу вездѣ много. Вершны за 2 встрѣшили мы на лугу шолпу Барунъ [западныхъ] Суншповъ новаго Цзаланна или полка, выѣхавшихъ для пріема нашего скоша. Они не придерживающся дороги; но скачутъ въ прямомъ направленіи по оврагамъ, какъ горныя серны.

И здѣсь поспавлены были для Миссін самыя лучшія юршы, какихъ не получали мы даже ошъ Халхасовъ, по ско спорону *Урги* живущихъ. Всѣ Монголы поздравляли насъ съ удачнымъ переходомъ, въ одинъ день, споль шрудной дороги, какова между послѣдними двумя спанціями. — Колодезь выкопанъ здѣсь передъ нашимъ пріездомъ, на 1 аршинъ ошъ поверхности земли; воды мало, а пошому скошъ нашъ поили изъ близъ лежащаго озера. На семъже лугу, въ западной споронѣ, естъ и соляное озеро.

Нояб. 5. Дневка. Поутру морозъ 12 град. по днемъ погода ясная и шихая; чшбъ нѣсколько ожи- выло нашихъ скошъ.

Изъ числа обезсилѣвшаго въ пупи казеннаго скоша, одна часть пригнана сего дня въ шабунъ; прочіе 3 верблюда и 4 лошади, по распоряженію Битхенія и Бошка, опзданы на сбереженіе, до возврашнаго нашего пупи, мѣспному спаршинѣ Тайцзію Араши.

Провожавшіе Миссію, чрезъ минувшіе двѣ спанціи, Барунъ-Сунипы опскуда возвратились въ свой Хошунъ. При прощаніи, сдѣланы опъ меня Тайцзіямъ и Кундую приличные подарки.

Нояб. 6. Мѣсяцъ свѣпиль во всю ночь. Часу во 2 по полуночи югозападный вѣперъ сдѣлалъ такой сильный порывъ съ ревомъ, чшо мы всѣ про- будились и весьма опасались, чшобы не унесло юршъ.

Выспунили впередъ въ 8 часу ушра; проѣхавъ около 20 верспъ, прибыли на спанцію *Цакилдакѣ* [1] по полудни въ прешьемъ часу. Съ *Дурмы* прямо под- ялись мы напесчаную высошу; попомъ до самаго *Цакилдака* пробирались по песчанымъ буграмъ, бу- дучи принуждены слишкомъ часто подниматься на пригорки и съѣзжать въ долины. Группъ пес-

(1) Растеніе Пискульникъ (*Jris an Sprigia*) въ великомъ множествѣ растетъ по низменнымъ, песчанымъ и солонцоватымъ мѣспамъ здѣсь и въ Забайкальскихъ степяхъ.

чаный, смѣшанный съ дровою. Ближе къ *Цакилдаку* начинаешъ показывашся хорошая права; но еще много *Сули*. Версты за 4 до сей станціи, песокъ весьма глубокой.

Во всю дорогу сопутшествовали намъ порожніе 25 верблюдовъ, принадлежавшихъ какому то Ламѣ изъ Хошуна, управляемаго Тусулахчіемъ Демпюмъ. Они шли въ Халганъ, для перевозки опшуда купеческихъ поваровъ до *Урги*. На вопросъ нашъ, что взяли бы, на верблюда, за доставленіе части нашихъ тяжестей до Халгана [250 верстъ] навьючивая на каждого около 12 нашихъ пудовъ. Лама запроехъ по 2 лавы [4 руб.] серебромъ. — Подъѣзжая къ *Цакилдаку*, видѣли мы въ споронѣ къ западу, караванъ верблюдовъ, шедшихъ изъ Халгана съ чаемъ. Вообще теперь наступило время перевозки Кышайскихъ чаевъ на Кяхту; откуда Россійскіе шовары перевозятся болѣе въ Февралѣ и Маршѣ.

По прѣздѣ нашемъ на станцію *Цакилдакъ*, расположенную влѣво отъ дороги; явились ко мнѣ назначенные для провожанія Миссіи Барунъ-Суниты: 2 пожилыхъ Хя и 3 сѣдыхъ Тайцзія; одинъ изъ нихъ порядочно говорилъ по Китайски, ибо часто бывалъ въ Халганѣ и Пѣкинѣ. Видѣ сихъ Монголовъ весьма важень; они обращались съ нами съ особенною вѣжливостію.

Близъ станціи естъ 3 колодезя, но воды мало; оная, вѣроятно, вычерпана жишелями передъ на-

шимъ прѣздомъ. Прямѣнно впрочемъ, что на семь мѣсцѣ не мало собирается юрщъ. Мы видѣли нѣсколько круглыхъ очаговъ, складенныхъ изъ камня; а для самыхъ юрщъ окопаны мѣста. Монгольскія юрщы спавягся дверями на югъ: это непрѣмѣнное правило ихъ степнаго хозяйства; ибо южный вѣтеръ не сподѣ холоденъ и зимою, какъ дующіе съ сѣвера и запада.

Въ одной верстѣ на 3 есть колодезь *Тоготу*, у кошораго оспанавливалась Миссія въ 1794 на 1 Ноября.

Здѣсь оканчивается вѣдомство *Сунитовѣ*, и слѣдующая спанція назначена уже въ кочевьяхъ Монголовъ *Цахарскаго* рода.

Нояб. 7. Погода сдѣлалась довольно теплая. На *Цакилдакѣ* сданы, за успалоспико, казенныхъ шри лошади и одинъ верблюдъ, для возвращенія намъ въ будущемъ году, если живы оспанутся.

Миссія выѣхала въ 8 часу упра, и черезъ 22 вершны доспигла до Цахарской спанціи *Елесуту* [песчаная], въ половинѣ впораго часа по полудни.

Вершны $2\frac{1}{2}$ отъ *Цакилдака* должно было ѣхать все еще песчаною дорогою: песокъ неглубокій; но есть два подъема, по причинѣ крупизны ихъ, весьма шрудныя для переѣзда на колесахъ. Попомъ выбрались мы на равнину, гдѣ пошва довольно уже швердая. Вправо видно капище и близъ онаго, на пригоркѣ, спойшѣ пирамидальный *Субурганъ*; а на лѣво отъ дороги, есть колодезь чистшой воды, глу-

бокій и хорошо устроенный. Равниною вхали мы верстъ 5; права хороша, какой мы давно уже не видали. Попомъ надлежало взойти на хребетъ, проспирающійся съ В къ З. Симъ песчанымъ хребтомъ, имѣющимъ частые и крупные увалы, съ великими усиліями пробирались мы верстъ 5. Съ вершины представляется горизонтъ, со всѣхъ сторонъ застѣненный высокими хребтами. По горамъ ходило много рогатого скота и овецъ; а въ глубокихъ лощинахъ стояли юрты. Наконецъ спустились мы на долину, имѣющую глинистый грунтъ: тутъ виднѣя глубокій колодезь; много роспелъ травы *дерису*, изъ коей выскакивали въ большомъ числѣ зайцы.

Здѣсь встрѣтили насъ выѣхавшіе со слѣдующей станціи, съ своими рядовыми, Цахарскіе чиновники: *Цзангѣйнѣ* [имѣетъ на шапкѣ синій шарикъ не прозрачный], равняющійся нашему эскадронному начальнику; *Хаванѣ* [Манж. *хафань*—чиновникъ] и *Чжуньда* [по Мавж. *Чжуанида*—десятникъ]; послѣдніе двое, Хаванъ и Чжуньда, съ бѣлыми шариками на шапкахъ. Всѣ одѣты были чисто, и въ обращеніи довольно ловки. Цахары соспавляютъ одинъ изъ осьми корпусовъ войска Манжурскаго, покорившаго Кипай въ 1644 году. Многіе изъ нихъ имѣютъ надзоръ за овчарными и другими заводами Богдохана и соспоятъ на жалованьѣ.

Изъ помянутой долины мы очень долго поднимались на глинистую гору до холма, возвышаю-

щася съ лѣвой стороны дороги. На семь холмѣ сдѣлана земляная насыпь, на коей сложены высокій: Обо изъ прутьевъ пальяиковыхъ. Сего кустарника много растетъ на востокъ отсюда, за песками. Лѣтомъ собираются шуть окрестные Монголы, для совершенія духовныхъ празднествъ. Пропивъ Обо, на правой сторонѣ, стоитъ отдѣльная песчаная высота, въ видѣ огромнаго насыпнаго вала; а далѣ къ З, хребетъ *Ногонъ нуру* [зеленый хребетъ]; отдѣляющій кочевья Цахарскія отъ Сунипскихъ. Хребетъ сей весьма почитается Цахарами; а потому они, такъ сказать, изъ благоговѣнїя не приносятъ настоящаго его названїя.

Отъ Обо видѣ обширныя. До станціи *Елесуту* ѣхали мы верстѣ 5, спускаясь ниже и ниже, по небольшимъ уваламъ. Версты за $1\frac{1}{2}$ находится въ долинѣ колодезь, весьма хорошо устроенный. Вообще у Цахаровъ, по сему предмету, замѣтили мы большую попечительность: это, кажется, есть подражаніе хозяйственности сосѣдей Китайцевъ. Отъ колодезя надлежало перебраться черезъ послѣднюю песчаную высоту, за коею поставлены были для насъ юрты въ широкой долиинѣ. На востокъ отъ станціи, въ долинѣ близъ самой дороги, есть хорошій колодезь. Пасбица здѣсь тучная; справа, обыкновенная въ земляхъ Цахарскихъ, *догтрещѣ*. Скопъ нашъ, изнуренный голодомъ на прежнихъ шрехъ станціяхъ, кормился не сходя съ мѣста.

Юрши поставлены были для Миссін и шѣсныи и весьма вѣснїя. Но мы, подобно мореходцамъ, счастливо миновавшимъ въ глубокую осень спрашныя скалы и опмѣли Балпійскїя, обрацали болѣе вниманїя на то, что милосердное Провидѣніе бездѣшвенно повело насъ чрезъ мѣста, весьма трудныя для проѣзда на безперемѣнномъ скотѣ. По близости много ходилъ овецъ Богохановыхъ: пастухи, большею частію изъ званїя Ламъ, въ великомъ числѣ собрались сюда, увлекаясь любопытствомъ видѣть Россїянъ. Сїя спанція, равно какъ и слѣдующїя 3, находятся въ Хошунѣ или дивизїи *Кубошарá* [имѣющей желтое знамя съ каймою].

Для поощренїя Цахаровъ къ шѣмъ же пособїямъ, коими пользовалась Миссїя опъ Халхасовъ и Суншовъ, я подарилъ Хавану и Чжундѣ по одному соболу.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КОЧЕВЬЯМЪ ВОЙСКА ЦАХАРСКАГО ДО КРѢПОСТИ ХАЛГАНЬ, ЛЕЖАЩЕЙ ВЪ ВЕЛИКОЙ СТѢНѢ КИТАЙСКОЙ.

Ноября 8. Въ пособіе для перевозки нашихъ вьюковъ, Цахарскіе старшины, по призыву [1] Сунитовъ, снабдили насъ чепырема верблюдами и Китайскою двухколесною телѣжкою, въ которую запрягаютъ одну лошадь. На минувшей станціи и здѣсь Монголы спрашивали у насъ въ продажу одноколокъ. Поручивъ старѣйшіимъ двухъ изнуренныхъ верблюдовъ и 1 лошадь, отправились мы съ *Елесуту* въ 8 часу утра, и переѣхавъ верстѣ 30 въ южную сторону, пришли на станцію *Харѣ толгобѣ* [черный холмъ] въ 4 часа по полудни. Переѣздъ сей крайне былъ тягостенъ для нашего упомянутого скота; ибо дорога лежитъ по крутымъ уваламъ.

Опѣхавъ верстѣ 6 отъ *Елесуту* мы съ изумленіемъ увидѣли на самой дорогѣ лежащаго, въ кожаномъ мѣшкѣ, мертваго ребенка, коему было отъ роду болѣе года. На мѣшкѣ положенъ былъ доскупъ овчины, нѣсколько пшени и хлѣбцы: это обыкновенное погребеніе мертвыхъ у Монголовъ.

(1) Азіатецъ, у коего обычай предковъ почтается главнымъ закономъ въ дѣлахъ, охотно руководствуется въ подобныхъ обстоятельствахъ чувствомъ соревнованія единоплеменника.

Смерть конечно есть для всякаго прогашельнѣйшее явленіе въ природѣ. Воображеніе, смущенное видомъ оной, не внемлетъ голосу разсудка и предсдвлялетъ неизвѣспную будущность въ самыхъ мрачныхъ карпинахъ. Въ такомъ дѣйствіи суевѣріе открыло для себя полную свободу составлять множество спранныхъ предположеній, вѣрять темнымъ догадкамъ, и самыя мечпанія признавать законами судьбы. Жрецы Септы Шигемуніевой, къ обузданію своихъ послѣдователей, почли вѣрнѣйшимъ средствомъ угрозы объ ужасахъ смерти. Добрый просполудимъ, для избавленія себя и умирающаго отъ злополучія, насполщаго и будущаго, видя близкій конецъ своего больнаго, немедленно зоветь Ламу. Тайнспвенный жрецъ, соображался со днями, часами и прочими обсполпельсшвами, при рожденіи усопшаго или въ послѣднія минуы его жизни случившимися, произносилъ, на основаніи своихъ духовныхъ книгъ и Аспирологіи, приговоръ: мертвое тѣло предать огню, или бросить въ воду; выспавить оное на высокомъ срубѣ, или замешать камнями и ш. п. При чемъ однако наблюдаются нѣкоторыя непремѣнныя исключенія, напримѣръ: повѣсившагося не предають землѣ; удушеннаго опухолью не сжигаютъ; пошонуващаго во время наводненія, убишаго громомъ и сгорѣващаго на пожарѣ въ воду не выдаютъ; умершаго отъ заразительной болѣзни не хоронятъ на горѣ. Словомъ, безъ причины не

сожигайте деревья въ огонь, не кидайте огня въ воду, не кладите земли подъ водою, не носите дерева на гору и въ лѣсъ:—вошь завѣтъ Шигемуніевъ! Обыкновеннѣйшее погребеніе состоитъ въ томъ, что покойника отвозятъ на широкую степь, и тамъ ставятъ его на сѣденіе дикимъ звѣремъ и пицамъ воздушнымъ. Но и въ семъ случаѣ могущественный Лама даетъ рѣшеніе, въ которую сторону свѣта должно лежать тѣло годовою: ставятъ въ полѣ флюгеръ, и направленіе вѣтра опредѣляетъ сію участь покойника. Впрочемъ, все зависитъ отъ усмотрѣнія Ламы, кошорый равнымъ образомъ предписываетъ, какъ положить покойника: въ одеждѣ или безъ оной, подъ открытымъ небомъ или въ вѣтхой юртѣ, и какія должны при немъ находиться вещи и жерновныя принадлежности. Въ случаѣ созженія умершаго тѣла, не прикрываютъ ничѣмъ ни мѣста сихъ похоронъ, ни бранныхъ остатковъ. Нѣкошорые ставятъ тамъ хоругви противъ четырехъ сторонъ свѣта, либо окружаютъ пепелище восткнушими въ землю лопатками, на коихъ бывающъ написаны Тибетскія молитвы. Желашціе придать мѣсту нѣкоторый родъ святости, или люди знатные спроятъ деревянные или каменные памятники и кладутъ въ оные пепель созженнаго тѣла. Сей обрядъ замѣченъ въ Монголіи и Европейскими путешественниками давнихъ временъ. Рюйсбрукъ [1]

(1) у Бергерона, стр. 66.

именно говорятъ: „Ташары [Монголы], подобно народамъ глубокой древности, сжигаютъ мерзвыхъ, и ихъ прахъ берегутъ въ высокихъ пирамидахъ. Богатые приглашаютъ Ламъ для отвращенія надъ пѣлами умершихъ своихъ родственниковъ, смотря по достатку, болѣе или менѣе моленій объ упокоеніи души, продолжающихся по крайней мѣрѣ 40 дней.

На 13 верстѣ отъ *Елесуту* спустились мы въ глубокой оврагъ, гдѣ, какъ и по всей дорогѣ, ходили многочисленныя стада овецъ Богдохановыхъ. Мы насчитали здѣсь болѣе 50 юрты, въ коихъ живущіе смотрѣли и пасухи сихъ стадъ. Довольно попадалось намъ и рогатаго скота, малорослаго, но весьма пучнаго. Нельзя не примѣтить, что въ Цахарскихъ степяхъ, болѣе нежели гдѣ либо въ Монголіи, разводятся быковъ, коихъ или продаютъ въ Китай на пищу, или сами Цахары перевозятъ на нихъ цвѣточный чай и китаичку, отъ Халгана до *Урги* и даже до *Кяхты*. Еще верстѣ черезъ десять, мы приблизились къ сноющему влѣвъ большому хребту *Онебѣ* [царь Шамановъ]. Шаманъ по Монгольски называется *Бэгѣ*, а Шаманка *Удлугунѣ*: они въ призваніи духовъ отличаются пламеннымъ воображеніемъ, приводящимъ ихъ въ дикій восторгъ. *Онебѣ* же собственно есть домашнее божество, покровительствующее семейству и стаду: это остатокъ Шаманскихъ обычаевъ, коимъ, не взирая на сильное противоборство

жрецовъ Шигемуня, нѣкоторые изъ Монголовъ слѣдуютъ съ ревностію и сердечнымъ довѣріемъ. Кумирь *Онгона*, состоящій изъ нѣсколькихъ доскушковъ краснаго холста, получается или изъ рукъ знаменитаго Шамана, или суевѣрныхъ шарушки дѣлаютъ оныя сами изъ какихъ нибудь вешешекъ, по своему вкусу. Магери семействъ весьма почитаютъ сихъ Ларовъ, хранящъ ихъ въ юрпахъ, и въ случаѣ приключившагося несчастія, которое обыкновенно приписываютъ ихъ гнѣву, приносящъ имъ обильныя жертвы, съ горячими молитвами о примиреніи и пощадѣ.

Потомъ перѣехали мы черезъ валь, едва примѣтный и, по словамъ жипелей, опредѣлявшій нѣкогда владѣнія Кытайцевъ отъ независимой Монголіи. Валь сей идетъ съ востока далеко на западъ и будтобы примыкаетъ тамъ къ вершинамъ р. *Орхона*. Отъ вала ѣхали мы верстъ 8 до *Хард толгобя*, по по каменистымъ высотамъ, по по глинистымъ и безправнымъ долинамъ. Въ южномъ концѣ самой большой изъ нихъ расположена станція, не подалеку отъ колодезя при кочевьѣ, состоящемъ изъ 15 юртъ пастушьихъ. Впереди на ЮВ, верстъ за 15 видѣнъ длинный хребтъ, на коемъ высоко поднимается гора *Чживхаланту*, весьма огромная. На оной, въ положенное время, приносятся жертва Цахарами Кубошарской дивизіи.

Мимо нашихъ юртъ прошли два каравана на верблюдахъ, возвращавшіеся изъ *Долоннора*, куда

отвозили они соль, и на такую вымѣняли пшеница, табаку и проч.

Нояб. 9. Дневали. Во весь день дулъ холодный западный вѣтеръ, и было весьма пасмурно. Нѣсколько разъ прорывался снѣгъ; а пошому скопъ нашъ, и при хорошемъ кормѣ, мало освѣжился. Цахарскіе паспухи приглашали къ себѣ Начальника Миссиа и меня пить чай: знакъ Монгольскаго гостепріимства. По причинѣ ненастья, мы опоздались.

Монголы, какъ и всѣ народы сего племени [разумѣю Буряты, Калмыковъ] большіе охотники до куришельнаго табаку. Мѣшочекъ съ табакомъ, маленькая трубка, огниво—суть нужнѣйшіе для каждого снаряды дома и въ пути. Знакомые, при встрѣчѣ, другъ другу подносятъ раскурениую трубку, взаимно наблюдая сіе почтиваніе. Ученивые Цахары показывали сію вѣжливость и передъ нами. Трубки большою частію покупаютъ Монголы у Кыпайцевъ; а огнива приготовляютъ Монгольскіе кузнецы сами, и довольно искусно, съ хорошею закалкой спали. Монголь носитъ огниво за кожанымъ поясомъ назади, какъ необходимую принадлежность и вмѣстѣ украшеніе, подобно папровой сумкѣ у нашихъ кавалеристовъ; для сего обдѣлываютъ огнива серебромъ, кораллами и проч. Здѣсь у многихъ замѣтили мы на огнивахъ, вмѣсто пуговицъ для прикрѣпленія къ поясу, Россійскую монету — пятаки и старинныя Сибирскіе

гривенники: сіе украшеніе мѣспными жипелами весьма уважается.

Бипхеши приходилъ упромъ съ посѣщеніемъ къ Начальнику Миссін и ко мнѣ. Онъ разными способами изъяснялъ намъ, что ему нужна лисья шуба, какую онъ видѣлъ на О. Архимандритѣ Пестрѣ. Съ своей стороны я далъ замѣшить, что такихъ мѣховъ не имѣю, и оныя продаюныя на Кяхтѣ не дешево.—По требованію моему, Бипхеши сдѣлалъ распоряженіе, чтобы успалые наши четыре верблюда были оставлены здѣсь, хотя до вѣкопорого поправленія, и попомъ доставлены жипелами на урочище *Цагандъ балгасу*.

Вечеромъ былъ у меня Цзангинъ Энкѣчжиргалъ [по Монг. *вѣное счастье*] лѣтъ 30. За пособіе нашему обозу верблюдами, подарена ему лисица, и сверхъ иного рюмка изъ зеленого стекла, копорою онъ весьма любовался. Въ разговорѣ Цзангинъ между прочимъ сказывалъ, что онъ, имѣя отъ роду 15 лѣтъ, былъ уже отправленъ въ числѣ многолюднаго конвоя, для сопровожденія Россійскаго Чрезвычайнаго Посла въ 1806 году. И здѣсь на каждой станціи приготовлено было по 20 лошадей, 150 верблюдовъ и 50 юртъ для свиты Посольства. Мы долгомъ почли объяснить, сколь важное лице представлялъ Посолъ и проч. Цзангинъ слушалъ также съ великимъ вниманіемъ, и восхищался нашими извѣстіями о Россійскихъ домахъ, вещахъ, экипажахъ и ш. п. Съ своей спо-

роны Энкечжиргаль рассказывалъ, что въ Цахарскихъ Хошунахъ чиновники получаютъ опъ казны жалованья въ годъ: Ухерида, дивизионный начальникъ 120 ланъ, ш. е. 240 руб; Цзаланъ, полковой командиръ 115 ланъ — 230 руб; Сомунъ Цзавгинъ, эскадронный командиръ 100 л. 200 руб; Хаванъ или Кундуй и Чжуанида, какъ бы Поручикъ и Корнетъ по 60 л. 120 руб; наконецъ Бошко или вахмистръ 24 л. ш. е. 48 руб. *серебромб.* Ухерида и старшій Цзаланъ [Тусулахчи] не могутъ сами прѣбывать для себя жалованья изъ Халгана; но дѣлаютъ о семъ представленіе своему Гузай-Амбаню, за приложеніемъ печатей Цзавгиновъ. Всѣ Цахары составляютъ военный Корпусъ, изъ осьми знаменъ или дивизій состоящій и подчиненный Халганскому Гузай-Амбаню. Миссія прѣзжаетъ по землямъ только двухъ дивизій: *Куббшарá* [знамя желтое съ каймою] и *Гулишарá* [желтое безъ каймы], въ сей дивизіи находящія послѣднія 2 станціи къ Халгану.

На слѣдующую станцію, опстоящую въ 35 верстахъ, опправился нашъ обозъ до разсвѣта, въ 4 часу упра. Повозки двинулись въ 7, и чрезъ 10 часовъ достигли станціи *Куйтунъ* [холодный].

Прѣхавъ съ *Харатолого* 3 версты, поднялись мы на пригорокъ, опъ котораго вхали почти до самаго *Куйтуна*, по длинной, опчасти песчаной равнинѣ, ограничивающейся съ В и З хребтами горъ, кои соединяются попомъ у сей станціи. На рав-

нынѣ расположены въ разныхъ мѣстахъ пастушья жалища цѣлыми улусами. Юрпы, стоящія улусами и. е. по нѣскольку вмѣстѣ, нашли мы только въ кочевьяхъ Цахарскихъ. Прочіе Монголы, по причинѣ недоспашка въ правѣ для скота, кочуютъ разстѣяно по степи, включая значнѣйшихъ чиновниковъ, кои съ своими семействами, ближайшими подчиненными и прислугою спаваютъ на одномъ мѣстѣ юрпъ 15, 20 и болѣе.

Наковецъ вышли мы на большую купческую дорогу *Гунъжу*, съ кою соединилась и *Дарханъ џамбъ*, оставленная нами еще 9 Окп. у Халхасовъ, на переходѣ отъ станціи *Шаръ шоръту* до *Олонъ байшинъ*. Отъ соединенія двухъ путей ѣхали мы, широкою и весьма гладкою дорогою, верстъ 10 до самой станціи *Куйтунъ*, лежащей въ горахъ, по лѣвую сторону нашей дороги. Последнія 5 верстъ все поднимались на гору, имѣя съ правой стороны большую лощину, покрытую густою травой.

На сей станціи размѣстили насъ въ трехъ юртахъ, принадлежащихъ жителямъ здѣшняго улуса, кои на сей разъ выбрались изъ оныхъ къ сосѣдямъ, оставя только въ переднемъ углу мѣдные кумиры Бурхановъ, своихъ Ларовъ и Пенашовъ. Ближе къ дорогѣ печенъ ключъ, нынѣ замерзшій. Есть и колодезь съ хорошею водою, въ смѣжности съ юртами: но при ономъ не было колоды, а попому и принуждены мы были, для напоенія лошадей, наливать воду въ чугунныя чаши. Про-

чій скопъ довольствовался снѣгомъ, глубоко уже покрышимъ хребты горъ и равнины. Аргаль большою частію мы покупали; что продолжалось по всему вѣдомству Цахарскому, до вступленія Миссиі въ предѣлы Кипалъ.

Нояб. 11. Морозъ въ 15 град. по Реом; но къ счастію, безъ вѣтра.

Мы двинулись въ 7 ч. утра и проѣхавъ 20 верстъ, прибыли на станцію *Цзальинъ усѣ* [вода при дорогѣ] въ 12 часовъ полдня.

Отъ мѣста ночлега ѣхали мы верстъ 5 тѣсными ущеліями хребта *Куйтунъ*; потомъ вышли на равнину, покрышую богатыми пасбищами. Не взирая на глубокой снѣгъ, мѣстами зеленѣлась прекрасная трава. Тутъ попадались намъ цѣлыя стада дикихъ козъ. Надлежало пройти еще верстъ 6 до той дороги, которая пересѣкаетъ нашу *Гун-жу цзаль* и ведетъ на В въ *Долонноръ*. Проѣхавъ еще верстъ 5, принуждены мы были поворочиться съ большой дороги вправо, и версты 3 пробираться по снѣгу, между огромными, разжовидными камнями и высокими холмами, пока наконецъ достигли до станціи *Цзальинъ усѣ*, учрежденной въ глубокой и проспанной долинь. Монголь, взявъ какую нибудь почку зрѣнія, въ прямомъ направленіи стремится обыкновенно пуда, не взирая ни на что, верхомъ или съ своею одноколкой. Но мы, имѣя тяжелые возы и скопъ усшалоу, много потерпѣли отъ таковыхъ переѣздовъ по правиламъ

Монгольской Аспроляби. Оспавалось шолько про-
вхатъ по большой дорогѣ версты 3; обойдя высо-
кую гору, мы вышли бы на ту самую долину, въ
кошорой къ 3, блязь колодезя, расположена стан-
ція, въ верстѣ отъ дороги.

Для Миссиі поставлены были здѣсь 2 хорошихъ
и проспранныхъ юрты на глубокомъ снѣгу; поче-
му и шерпѣли мы безпрерывный холодъ и сы-
рость, когда земля, очищенная отъ снѣгу, начала
оногрѣваться. Великой недостапокъ шерпѣли мы
и въ аргалѣ.

Верстахъ въ 8, даѣе къ Ю еспѣ урочище *Ца-
ганъ обб*, гдѣ имѣли ночлегъ Миссиі въ 1794 и въ
1808 Іюня 3. Въ 100 шагахъ отъ нашихъ юртъ
къ 3, живешъ какой-то богатой Цахаръ, имѣющій
болѣе 3 юртъ и много скота. Овъ сказывалъ намъ,
что нынѣ обыкновенная цѣна за провозъ кладѣ
отъ Халгана до Кяхты, на верблюдахъ, 3 ланы
6 чинъ со ста гиновъ; а какъ навьючивается на
каждаго по крайней мѣрѣ 500 гиновъ [до 10 $\frac{1}{2}$ пудъ],
то причитаешъ на верблюда 10 ланъ, 8 чинъ;
около 20 рублей серебромъ, за доставку 11 пу-
довъ шажеспи чрезъ разетояніе какихъ нибудь
1200 верстѣ.

И Цахары, подробно Халхаскимъ Ламамъ, какъ
замѣчено выше, докучали намъ своими вопросами:
нѣтъ ли продажныхъ лисицъ, коралловъ, юфтей?
Лисицу, каковая подарена отъ насъ Цзангину 8
Ноября въ 25 руб. ассигн., по отзывамъ Цахаровъ,

можно купить въ Халганъ за двѣ ланы или 4 руб. серебромъ; а юфшевая кожа [20 руб. 70 коп.] продается тамъ, будишобы, по 1 ланѣ и 7 чинѣ — 2 руб. 70 коп. серебромъ, около 12 руб. ассигн.

Нояб. 12. Морозъ 17 град. по Реом. Со станціи *Цзайинъ усу* выступилъ нашъ обозъ въ половинѣ 2 часа по полуночи, и перешедъ въ южную сторону около 37 верстѣ, достигъ до станціи *Тулги* во 2 часу по полудни.

День былъ весьма мрачный, и съ сѣверозападнымъ вѣтромъ шелъ небольшой снѣгъ.

Версты 2 ѣхали мы при лунномъ свѣтѣ, по глубокому снѣгу, пока не выбрались на дорогу. Тупъ безпрещанно встрѣчались намъ Монгольскіе караваны, шедшіе въ Кяхшу съ чаемъ. Между горами, покрытыми снѣгомъ, ѣхали версты 11; попомъ перешли черезъ древній земляной валъ, пересѣкающій дорогу въ направленіи съ востока къ западу. Не одно ли и тоже правило военной обороны руководствовало въ сооруженіи древнихъ валовъ подѣ Перелаславемъ въ Полтавской губерніи, въ Бессарабіи и по разнымъ мѣстамъ Россіи?— Валъ и теперь еще довольно высокъ; на ономъ оканчивающіяся горы, попянувшіяся болѣе къ В и З; а на югъ открывается обширная степь, весьма выгодная для скопководства. Отъ вала продолжали мы путь версты 6 до поперечной высоты; на половинѣ сего разстоянія пересѣхали большую купеческую дорогу, идущую съ З на В, думашь на-

добно изъ *Кукүхото* [по Кип. Гуй-хуа-чэнь] въ *Долоннорб*. Въ городъ *Кукүхото* расположенъ Китайскій гарнизонъ, наблюдающій за безпокойными [прежде] Цахарами. Тамъ же выдѣлываеися большою частію ружьядь, покупаемая Шааньсійцами на Кахшѣ, и опшуда развозишя, чрезъ Халганъ, въ Пекинъ и другіе Китайскіе города.

Поднявшисъ на означенную высоту, оплшь надлежало ѣхашъ покатымъ косогоромъ до озера *Дуту* [ду знач. на Монг. языкѣ пѣнь, голость], влѣво опъ дороги лежащаго; тамъ споялъ большой улусъ казенныхъ пасшуховъ юршъ изъ 18. — На семь мѣспѣ дали мы своимъ выючнымъ верблюдамъ опдохнушь около двухъ часовъ. По близости опстановишя, также для роздыха, Лама изъ окрестностей *Ургинскихъ*, привѣществовавшій насъ по Руск.: *здравстуй*. Онъ возвращался изъ Халгана, куда гонялъ продавашь быковъ и лошадей: первыкъ продалъ по 8 и 10 ланъ [16 и 20 руб.]; а лошадей по 6 и 8 ланъ [12 и 16 руб] серебра.

Опъ *Дуту-нора* до *Тулги*, еще верстъ 16, ѣхали мы по уваламъ. Въ разныхъ мѣспяхъ бѣлѣлись юршы здѣшнихъ улусовъ: эшо подвижныя села. Особенное же вниманіе обрапило на себя кочевье, влѣво опъ дороги, Цахарскаго Ухериды или прошо Укирды, изъ 50 юршъ состоящее. Сей Укирда еспъ начальникъ надъ пасущимися здѣсь Богдоханскими овцами, лошадьми и рогатымъ скопомъ. Вообще на сѣверъ опъ Великой спъны, между за-

спавами Чжанцзя-кэу и Души-кэу, содержатся многочисленные спада, Кипайскому Императору принадлежащая. Никто изъ Монголовъ не могъ сказать мнѣ о дѣйствительномъ количествѣ оныхъ. Аббатъ Грозье [1], основываясь на давнихъ извѣстіяхъ Французскихъ Миссіонеровъ, жившихъ при Пекинскомъ Дворѣ, и сказавъ: *La quantité de bestiaux entretenus dans ces fermes royales est prodigieuse*, удостовѣряетъ, что въ Богдоханскихъ заводахъ считается 90,000 овецъ, раздѣленныхъ на 223 спада, и почти столькоже головъ рогатаго скота пасомаго спадами, изъ коихъ въ каждомъ находится до 100 головъ. Не меньшее число находится и жеребцовъ. Такое богатство, продолжаетъ Аббатъ Грозье, заключающееся въ земляхъ, конскихъ заводахъ и спадахъ, производимъ на Монголовъ несравненно болѣе впечатлѣнія и представляетъ величіе Богдохана гораздо ощутительнѣе, нежели все великолѣпіе Пекинскаго Двора его.—Правда, табуны быспрыхъ коней, большіи спада овецъ и плому подобные признаки несмыннаго богатства царскаго, конечно, могутъ удивлять кочевой народъ, и возбуждаютъ въ немъ чувства глубокаго уваженія. Но съ другой стороны, Монголы гораздо сильнѣйшее убѣжденіе въ величій Кипайскаго Богдо видятъ въ безчисленномъ множествѣ сирѣлъ и пуль, принадлежащихъ его войску, бодрствующему надъ Монголією.

(1) *Dela Chine*, 1818; Ч. I. стран. 275.

Верста 7 до станціи вхали мы по обширной долинѣ, оставя вправѣ, близъ одного улуса большое озеро; дорога во многихъ мѣстахъ весьма ровная и гладкая. За версту до *Тулги*, близъ самой дороги, есть два глубокихъ колодезя, противъ горы, сполщей вдали на ЮВ съ высокимъ Обо. Отъ колодезя перебрались мы черезъ песчаную высоту, и вдругъ очутились въ глубокой и тѣсной долинь, гдѣ для Миссии приготовлено три изрядныхъ юрты.

Станція *Тулга* лежитъ въ Цахарской дивизіи Гулішарá, ведомство коей простирается до самой Китайской границы, или вершины сполщаго впереди хребта *Синьханъ Даблаханъ*. Спранною игрой природы произведены здѣсь три скалы въ долинь, на востокъ, сѣверъ и югъ, представляющія громады набросанныхъ камней; подъ каждою изъ оныхъ есть колодезь съ водою, имѣющею вкусъ селипренный. Мѣстные жители называютъ сіи скалы *Гурбунъ тулготу* [3 шагана], объясняя, что здѣсь во времена глубокой древности Чынгисъ Хань, предводитель Монголовъ, несъ брань противъ Китайцевъ, имѣлъ свой воинскій станъ.

Вскорѣ по нашемъ прїѣздѣ, пришелъ къ намъ пожилой Даргуй [смотритель известнаго количества казенныхъ лошадей] Молонъ, для поздравленія насъ съ прибытіемъ въ сіи мѣста. Онъ давно уже знакомъ съ Рускими, проезжающими въ Пекинъ.

Нояб. 13. Послѣ перехода въ три дня около 100

верстѣ на упомянутомъ скотѣ, а нужнымъ мѣшечкомъ дасть одному здѣсь отдохновеніе на цѣлый день.

Ночью былъ жестокій морозъ, но къ утру сдѣлалось нѣсколько теплѣе; днемъ погода ясная и тихая.

Утромъ приходили проспитъся съ нами провожавшіе Миссію старшины минувшей Цахарской дивизіи. Они, подобно Сунитскому Мейрену, дали мнѣ на Монгольскомъ языкѣ росписку въ пріемъ на сохраненіе казенныхъ 8 успалыхъ верблюдовъ, съ тѣмъ чтобы, по отдохновеніи ихъ, пригнать въ *Ц. Балгасу*. За оказанную помощь верблюдами, въ проѣздъ Миссіи чрезъ минувшія четыре станціи, подарено Цзангину Энкечжиргалу два соболя, а Хавану или Кундую и Чжундѣ по красной лисицѣ. Подарки приняли они съ благодарностію и распались съ нами дружески.

Въ слѣдъ за ними, явились ко мнѣ Цзангинъ и Кундуй новой дивизіи, назначенные провожать Миссію до Халгана: приняты съ ласкою и угощены приличнымъ образомъ. Мы не могли не замѣтить, что должностные люди у Цахаровъ довольно молоды. Въ теченіе сего дня безпрестанно приходили къ намъ съ посѣщеніемъ чиновники, служащіе при Укирдѣ, управляющемъ Богдохановымъ скоповодствомъ въ сихъ мѣстахъ. Они всѣ были одѣшны чисто, въжлявы въ обращеніи и, кромѣ своего Монгольскаго языка, хорошо говорятъ по

Маньчжурски и Кипайски. Въ Халганѣ, при Гузай-Амбанѣ, учреждено особое училище для образованія Сахаровъ. Многіе изъ посѣпшителей убѣдительно приглашали насъ къ себѣ пить чай: мы отказались за недосугомъ. Въ числѣ гостей былъ со свиною одинъ изъ родственниковъ Укирды. Въ удовлетвореніе ихъ любопытству, мы съ удовольствіемъ объяснили ему и прочимъ Сахарамъ о военныхъ силахъ Его Императорскаго Величества, о великомъ числѣ и превосходномъ устройствѣ нашей Пѣхоты, Конницы, Аршиллеріи, Флота; о побѣдахъ, надъ многими народами одержанныхъ и проч. Кундуй съ своей стороны сдѣлалъ вопросъ: обрѣемъ ли мы свои головы, по пріѣздѣ въ Пекинъ, когда окончится срокъ праура по смерти Цзяцина? Онъ думалъ, что и Россіяне, подобно намъ, отроспили волосы на головѣ, слѣдуя тому же обычаю. — Съ другой стороны, однажды какойто Монголъ откровенно выразилъ передъ нами свою догадку, что наши Офицеры и Студенты, имѣя на головѣ короткіе волосы, и слѣдовательно сходствуя въ томъ съ здѣшними Ламами, по его мнѣнію, должны быть люди духовнаго званія. Сахары сказали намъ, что вѣкъ новаго Богдохана будетъ названъ по Маньчжурски: *Дорой Эдденгэ*, а по Кипайски *Дао Гуань*. Смыслъ сихъ словъ О. Архимандритъ Пепръ объяснилъ на Рускомъ языкѣ: *Свѣтъ разума*; а по толкованію Переводчика Фролова, онѣ должны значить *Правленіе, озаренное закономъ*.

Часу въ 4 по полудни Начальникъ Миссиі и я, съ Обознымъ и Переводчикомъ, посѣщали Битхеші и Бошка. Битхеші въ разговорахъ сознался, что Сахары [усердѣннѣе къ Манжурамъ изъ числа подвластныхъ Монголовъ] великимъ пользуются уваженіемъ при Пекинскомъ Дворѣ. Они всѣ получаютъ отъ Правительсва жалованье; даже мальчикамъ на содержаніе выдается въ мѣсяцъ по одной ланѣ п. е. по 2 руб. серебромъ. Станціонный Кундуй или Хаванъ на шанкѣ носитъ шарикъ бѣлый непрозрачный [6 класса Кип. наравнѣ съ нашимъ Поручикомъ], каковымъ Битхеші пользуется только внѣ Пекина; а Цзангинъ имѣетъ шарикъ синий непрозрачный [4 класса, противу Маіора].

Нолб. 14. Ночью, изъ числа казенныхъ лошадей, двѣ пали отъ изнуренія и стужи. — Обозъ выступилъ въ 2 часа упра.

Ночь весьма мрачная. По причинѣ холода, многіе изъ насъ лучше предпочли идти пѣшкомъ, нежели ѣхать на лошади. Изъ Тулги по берегу замерзшаго озера выбрались мы къ В на большую дорогу, и по оплогимъ мѣстамъ ѣхали верстѣ 12, нѣсколько въ гору. И въ сію ночь много встрѣчали мы каравановъ съ чаемъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было по 100, по 200 и 250 верблюдовъ. За провозъ отъ Халгана до Кяхты, съ 100 гиновъ клади взяли по $3\frac{1}{2}$ ланъ. Прощедъ означенное разстояніе, приблизились мы къ каменистому уступу, отъ котораго сопровождавшіа насъ горы потонулись

дѣлью далеко на В; а съ правой стороны бѣглое обширное озеро *Ангалъ*. По случаю мороза, солнце взошло изъ рдяныхъ пучъ, и открыло виды обширные. Впереди представилась намъ низменная равнина, просипирающаяся къ югу вершъ на 40, до самой подошвы хребта *Синьханъ дабаханъ* [горный пучъ]. По вершинѣ онаго снѣжались башни на рубежѣ, отдѣляющемъ Кипшай отъ Монголіи. Какое радостное волненіе произвелъ въ насъ первый видъ Кипшай!

По примѣтному уступу сошли мы на сей лугъ необозримаго пространства, заросшій высокими, шучными травами. Къ великому сожалѣнію нашему, снѣгъ теперь уже покрылъ сіи богатыя пастбища на $\frac{1}{4}$ аршина и болѣе. Влѣво отъ дороги, расположился въ палаткѣ какой-то богатый Монголъ изъ подѣ *Уреи*, ожидавшій на степи, со 100 верблюдами, повышенія цѣны на перевозку товаровъ изъ Халгана въ *Уреу* и *Кяхту*. Намъ сказывали, что за опиравленіемъ многочисленныхъ каравановъ, еще останавливались въ Халганѣ товары, для подъема которыхъ нужно было около 2000 верблюдовъ. Версты при ѣхали мы по равнинѣ, и миновавъ урочище *Хажхунъ*, гдѣ останавливались Мисси въ 1794 и 1807, перешли черезъ замерзшій протокъ воды на самой дорогѣ. Много попадалось намъ дикихъ козъ и зайцевъ. Попомъ верстъ 8 поднимались мы на возвышенную плоскость, по коей проходить съ В на З земляной валъ, гораздо ниже ви-

дѣйствительныхъ нами прежде, и конни вообще Кипшай никогда препоясалъ себя прошивъ Номадовъ. Около сего мѣста нѣсколько Монголовъ раскинули сию палатку свою на самой дорогѣ. Они везли въ Кипшай изъ *Ургинскаго* Маймачена, на верблюдахъ, сосновыя брусья и нѣсколько лщиковъ съ сушеными грибами, до коней Кипшайцы большіе охотники. За провозъ до Халгана взяли по $1\frac{1}{2}$ и по 2 ланы серебра со 100 гинговъ тяжестн.

Опъ вала верспахъ въ 3 на юговостокъ, спонитъ чешырехугольный земляный городокъ, называемый *Цаганъ балгасу* [бѣлый валъ] и пришедшій уже въ совершенное запустѣніе. Миновавъ сей городокъ, противъ юговосточнаго угла мы оснаовились близъ колодца въ 10 часу утра, прѣхавъ сего дня около 27 верстъ.

И такъ, мы уже вступили въ гавань, гдѣ скоро бросимъ якорь. Благополученъ былъ нашъ переходъ подъ снѣгомъ и холодными бурями песчаныхъ пустынь, въ коней Небо спасло насъ опъ бѣдсвій!

Но прибышн на мѣсто, занялись мы описью вещей и скота, оставляемаго здѣсь на зимовку. Для сбереженія обоза и пасьбы казеннаго пабуна, я назначилъ, въ первую смѣну, Сопника Захарова и при немъ девять казаковъ, положивъ перемѣнить ихъ въ Мартъ мѣсяцъ будущаго года. Сего требовала самая необходимость, по необыкновенной суровости нынѣшней зимы, и по сомнительному состоянію скота. Опведенное мѣсто для зимовки

есть обширная равнина; травы, какъ привычно, хороши, но все теперь уже подъ снѣгомъ. Сіе самое заставляло меня весьма опасаться, будетъ ли утомленный скотъ нашъ въ силахъ выдержать зиму на открытой степи, и не имѣя достаточнаго корма, для подкрѣпленія силъ. Всего скота оказалось:

а] Въ наличности 51 верб. 135 лош.

б] Сдано въ пупи Монголамъ
на сохраненіе, за услугою 19 — 10 —

в] Опцано въ придачу, при вы-
мѣнѣ новыхъ, 12 — 1 —

г] Пало 3 — 4 —

За границу опущено было 85 — 150 —

Быковъ вышло за границу 27; за исключеніемъ употребленныхъ на пищу 13, осталось 14.

Окончивъ наши хозяйственныя распоряженія, мы почли долгомъ Христіанской обязанности, опслужить панихиду въ память объ умершемъ здѣсь 13 Маія 1808, изъ конвола Миссіа, казакъ Якимъ Таракановскомъ. Могила его, прикрытая камнемъ, находилась въ верстѣ на югозападъ отъ городка.

Въ 4 часа по полудни Бошко отправился въ Халганъ, для донесенія Гузай-Амбаню о приближеніи Миссіа. Съ нимъ поѣхалъ и старый Нерба Бишхешіа. Я просилъ Бошка и Нербу изготовить для помѣщенія Миссіа теплые покровы; ибо оставаясь, въ продолженіи 2½ мѣсяцевъ, почти на открытомъ воздухѣ, нѣкошорые изъ нашихъ путе-

деспиченниковъ чувствовали примѣтное ослабленіе въ здоровьѣ.

Нояб. 15. Съ вечера минувшаго дня началъ идти большой снѣгъ, и какъ ошій не переставалъ до самаго утра, по я счелъ за необходимое провести сей день на мѣстѣ; на что и Бишкеши согласился охотно. Снѣгъ шелъ до вечера.

Находящійся близъ спанціи городокъ можетъ служить нѣкоторою защитою для скопа, во время зимнихъ выюгъ. Стѣны онаго, нынѣ полуразвалившіяся, выведены изъ земли въ 5 сажень вышины; по четьремъ угламъ примѣтны небольшіе бастионы. Внутри городка, въ сѣверозападномъ углу есть круглое мѣсто, обложенное дикимъ камнемъ; вѣроятно, оное служило основаніемъ Ханскаго шапра. По срединѣ площадки высокая земляная насыпь; на западной сторонѣ лежатъ изломанный четверугольный сподбикъ изъ бѣлаго мрамора, на коемъ изсѣченъ драконъ, гербъ Китайской Имперіи. Иные ушверждаютъ, что сей городокъ, какъ и лежащіе далѣ къ югу, служили военнымъ спаномъ во время походовъ славнаго Китайскаго Императора Кансіа, въ концѣ XVII столѣтія. Неограничивая древности онаго однимъ или двумя столѣтіями, можно однакоже сказать, что сіе мѣсто дѣйствительно имѣетъ видъ крѣпости. Со всѣхъ сторонъ примѣтны еще слѣды небольшихъ окоповъ, въ коихъ, по правиламъ Китайской Фортификаціи, располагается войско лагеремъ. Мимо го-

родка ведутъ въ Халганъ двѣ дороги: одна, разчищенная, лежитъ по восточной сторонѣ черезъ рѣчку *Шабартай* и деревню *Толайсу-мэ* [1], вѣдуть по ней Цахары дивизіи Кубошара, и шлемъ же пушеть были проводимы прежнія наши Миссіи, другая на 3 отъ городка, черезъ гору *Сенгжитъ* называется верблюжій или караванный путь. Въ семъ направленіи обыкновенно вѣдуть до Халгана Цахары дивизіи Гулишара, нынѣ насъ сопровождающіе.

Въ 12 часовъ прибылъ къ намъ Хаванъ Тукжи дивизіи Кубошара, принявшій въ свое вѣдѣніе казенный скотъ. Черезъ мѣсяць онъ смѣнился старшиною изъ дивизіи Гулишара, а тамъ обратно. Для большаго убѣжденія пишется о нашихъ людяхъ и о казенномъ скотѣ, подарена Хавану лучшая лисица.

Между тѣмъ у Цахарскаго Ламы Байнъ Цагана, вочующаго по сосѣдству, навяли мы юрпу для помѣщенія казаковъ, оставляемыхъ на зимовку. Условились платить въ мѣсяць по 1 ланѣ [2 руб.] серебра; другіе хозяева мѣше не отдавали, какъ по 2 ланы. Помилуемый Монголь снабжалъ также своею юрпой казаковъ, бывшихъ при Миссіи въ 1807 и 1808.

Въ 5 часовъ по полудни снѣгъ пересталъ; но

(1) Слова Монгольскія, и значатъ: *Толай* заяцъ, а *Сулиэ* капище. Кипчакцы называютъ сію деревню *Толо-мисо*: *Мисо*, на ихъ языкѣ, то же капище.

сдѣлалась сильная спужа, до 18 град. по Реом. Не смоншря на то, мы рѣшились на другой день ѣхать далѣе.

Пояб. 16. Ошобравъ надежнѣйшій скоть, верблюдовъ 27 [Монгольскихъ дано въ помощь 4], а равно взявъ 9 повозокъ и 4 одноколки съ вещами, Миссиа принадлежавшими, двинулись мы впередъ въ 3 часа по полуночи. Для вспомошествованія въ трудномъ пути до Халгана, отправился при Миссиа и Сопникъ Захаровъ съ пятью казаками, изъ числа оставленныхъ здѣсь на зимовку.

Версты двѣ пробирались мы къ западу до караваннаго пути. Верстѣ черезъ 6, у самой дороги видѣнъ большой холмъ, насыпанный изъ земли. Оттуда верстѣ 5 до излучистой рѣчки *Бургасу-ту*, по Монг. изобилующая ильмовникомъ. Вправо отъ дороги, смоншря на лугу каменный, четверугольный городокъ. Черезъ рѣчку перебрались мы по льду, и поѣхали прямо къ большому ущелію въ хребтѣ *Синханскомъ*. Влѣвъ оставили дорогу, ведущую также въ Халганъ, но по другому направленію. Близъ оной, на пригоркѣ видѣнъ трепій городокъ, занимающій весьма большое пространство. Верстѣ 7 ѣхали мы по лугу до Китайскихъ посноялыхъ дворовъ. Тутъ смоншря у подошвы горы капище, называемое *Бороцѣджи*. Противъ онаго есть театръ. Въ годичные праздники пріѣзжаютъ сюда изъ Халгана комедіаншпы, и представляютъ разныя фарсы въ народномъ вкусѣ.

Съ восхожденіемъ солнца, подулъ сѣверозападный вѣтеръ при 17 град. морозу, и въ 10 часу упря поднялась жестокая метель. Луга и горы почти не были примѣныны ошъ снѣга, носившагося въ воздухѣ; даже за полверсты ничего не можно было видѣть. Вдругъ насыпало высокіе сугробы. Упомленный скотъ нашъ едва могъ пащитъ повозки. Спужа ошъ вѣтра сдѣлалась сильнѣе, такъ чпо пѣшкомъ идучи, не можно было совершенно согрѣться. При столь суровой погодѣ, надлежало намъ ѣхать еще верстѣ 20 до назначенной станціи.

Ошъ капища прошедь версты 4, поворопили мы влѣво, и по пѣсному ущелію поднимались болѣе 4 верстѣ на гору. Верблюды, упряжныя и верховыя лошади безпрестанно то падали, идучи по скользкимъ косогорамъ, то упали въ снѣжныхъ сугробахъ. Проѣхавъ означенное пространство, спустились мы въ лоцину, гдѣ спощъ Монгольскій пикетъ изъ нѣсколькихъ юрщъ. Не могли мы не замѣнить здѣсь особеннаго движенія, производимаго и оживляемаго содѣствіемъ торговаго мѣсна. Безпрестанно встрѣчались намъ караваны и пелѣги, идущія изъ Халгана; или обгоняли насъ ѣдущіе шуда верхомъ, на лошадяхъ и верблюдахъ.

Еще версны 2 пробирались мы по оврагамъ между горами, и наконецъ достигли до рубежа, отдѣляющаго Монголію ошъ Кипая. По хребту насыпанъ изъ камня валъ. Въ извѣстномъ разсто-

являлись одна отъ другой сплошь высокія, четвероугольныя башни, сложенныя изъ кирпича; онѣ имѣютъ въ основаніи около 3 сажень, квадрашнихъ а вышины до 9 сажень.—Съ сего мѣста открывается Кишай въ самомъ грозномъ видѣ. На югъ, на востокъ и западъ, весь горизонтъ не представляеть ничего болѣе кромѣ горъ, коихъ черныя хребты, прикрытые снѣгомъ, досягаютъ до облаковъ. Отъ рубежа до Китайской деревни *Нордань*, ѣхали мы верстъ 5, примѣпно спускался внизъ, по самой тѣсной и скользкой дорогѣ. Съ правой стороны по высотамъ идееть упомянутый валъ; а съ лѣвой пропасть, всегда готовая поглотить неосторожнаго ѣздока. За оную на В поднимается громада высокихъ горъ, коихъ торчащія утесы имѣютъ видъ угрюмой дикости. Вотъ извѣстный спускъ съ высокихъ Монгольскихъ степей въ *глубокій* Кишай! [1]

Наконецъ, проѣхавъ сего дня около 40 верстъ, мы прибыли въ первую Китайскую деревню: обозные верблюды наши пришли въ 3 часа пополудни; а двѣ одноколки и шесть повозокъ, въ коихъ помѣщались Члены Миссіи, пріѣхали въ 5 часовъ.

(1) *Ritter* въ своей *Erdkunde* (1817. Ч. I; стр. 445) говоритъ, что симъ спускомъ обыкновенно выѣзжаютъ на *равнину* (Ebenen) Кишай: опредѣленіе не точное. Кишай, по всей справедливости, должно назвать степною гористою. Выраженіе сего же Сочинителя *bewohnte China, besiedeltes Kitai*, гораздо основательнѣе, въ сравненіи съ степями Монголіи, совершенно пустынными.

Прочія же, за крайнею усталостію лошадей, оставлены подь надзоромъ 3 казаковъ до другого дня, у Монгольскаго пикета.

Съ чувствомъ неизъяснимой радости вступили мы въ жилища Китайцевъ, не видѣвъ опть самой *Урги*, на пространствѣ около тысячи верстъ, ни какихъ признаковъ усовершеннаго хозяйства. Деревня состоятъ домовъ изъ 20; расположена на косогорѣ высокаго хребта. Къ востоку за оною, въ глубокомъ оврагѣ, также есть селенія; но всѣ чрезвычайно снѣжены. Мѣстами примѣчны воздѣланные вывѣ.

Для Миссін Цахары приготовили квартиру въ концѣ деревни, въ одномъ изъ постоянныхъ домовъ, послѣднемъ на лѣвой сторонѣ, при выѣздѣ въ Халганъ. Избы а равно всѣ службы оныхъ сдѣланы изъ глины т. е. мазанки, крышия соломой. Битхешинъ расположился въ томъ же домѣ. Здѣсь едва могли мы согрѣть свои члены, оочевнѣнныя опть сырости и спужи, кои мы перенѣли, находясь на открытомъ воздухѣ съ самаго выѣзда изъ Кяхты.

Сидя у раскаленныхъ углей, каждый изъ насъ почти забывалъ трудности и непріятности, перенѣнныя въ минувшій путь по Монголіи.—Китайскіе поселяне собрались во множествѣ въ постоянный домъ, чтобы посмотрѣть на Рускихъ. Между ними Толмачъ Битхешинъ Чакуръ, желая вѣроятно показать предъ нами свое искусство въ

музыкѣ, досталъ въ деревнѣ прехъ-спрунную бала-
лайку и наигрывалъ разныя національныя пѣсни,
съ припѣвомъ. По своему тону и содержанию, намъ
понравилась пѣсня, содержащая поскливыя меч-
ты Кишайской царицы, выданной замужъ въ
Монголію за Харачинскаго Кнзя.

Для кормленія скопа покупали мы, у хозяина
поспюлага двора, порядочное зеленое сѣно, по 3
чеха [1] небольшой снопъ, вѣсомъ около 1 фунта.
За водою скопа изъ колодезь, крайне глубокихъ,
равнымъ образомъ должно было плашью по 1
чеху съ каждой головы.

Нояб. 17. Морозъ 16 град. Дулъ сильный сѣве-
розападный вѣтеръ, опть суровости коего нѣсколь-
ко защитили насъ близъ сноящіе утесы.

Когда лошади наши нѣсколько оправились; по
посланы были казаки обратно, для доставленія
сюда оспальныхъ двухъ повозокъ и одноколокъ,
кои привезены на поспюлаый дворъ во 2 часу по
полудни.

(1) Чохъ, или по Киш. циль, есть небольшая, круглая монета
изъ желшой мѣди, съ четверугольною дырочкой и съ надписью,
при какомъ Государѣ била. Чехи низызыняются на связки по
500 монетъ. До Пекина давали намъ по 1150 ч. за 1 лаку или
83 волошниковъ серебра.

Г Л А В А VII.

Привытіе въ Халганъ Превываніе въ
ономъ.

Ноября 18. Трудная впереди дорога и опасныя пропасти, близь оной лежащія, не позволили намъ выѣхать отсюда рано; а поному мы двинулись къ Халгану уже въ 9 часовъ утра.

Версипъ 5 ѣхали по крупнымъ и тѣснымъ спускамъ, имѣя съ лѣвой стороны глубокія спремнины. Переездъ по симъ мѣстамъ немало затрудняли встрѣчавшіяся намъ огромныя Кипайскія телеги о двухъ колесахъ, запряженныя въ 4 и 5 лошадей, такимъ образомъ, что одна только шла въ оглобляхъ, а прочія впереди взяли рядомъ за веревочныя поспромки. Лошади здѣсь весьма сильныя; но по большей части вмѣсто ихъ запрягають муловъ и ословъ. Версипы черезъ 3 наконецъ вышли мы на ровную дорогу, копорая имѣетъ большую покатошь къ Халгану, и проѣхали мимо постоялаго дома, гдѣ останавливалась Миссіа въ 1807. Мы не могли преняго дня доѣхать сюда, по причинѣ отдаленности: оныя *Цаганъ балгасу* считаютъ до сего мѣсяца 48 версипъ. По косорамъ расположены Кипайскія деревни съ капищами. Нѣкоторые дома высѣчены въ крупныхъ скалахъ или къ онымъ приделаны, подобно гнѣдамъ пшяцъ; много деревьевъ и пашень на глини-

стой пошвѣ. Болѣе всего поразила насъ смѣлость Китайскихъ земледѣльцевъ, вынужденная впрочемъ недоспапкомъ земель: вершины высочайшихъ горъ обращены въ прекрасныя нивы. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ успѣли воздѣлать сіи каменистыя и почти неприступныя скалы. Но усиленный трудъ, единственное условіе существованія Китайскихъ поселянъ, ихъ постоянный трудъ восторжествовалъ надъ всеми препонами, какъ бы вопреки самой природѣ, отказавшей путь въ нужнѣйшемъ, въ землѣ. Видя сіи опыты неуспѣшной дѣятельности Китайцевъ, должно сознаться, что поселяне нашихъ среднихъ, а тѣмъ болѣе южныхъ губерній, въ сравненіи съ ними суть богатые, роскошные помѣщики.

Отсюда дорога до Халгана, верспѣ 12, извивается между высочайшими каменными утесами, висящими надъ головою путешественника. Поверхность дороги есть шоссе, усроенное самою природой. Мѣлкіе камни, смѣшавшись съ хрящемъ и глиною, слеглись весьма плохо отъ дождей и безпрестаннаго проѣзда. Спояло бы хопя слегка приложивъ руку искусства, и сія дорога, конечно, не уступила бы въ совершенствѣ дорогѣ Сямплонской, ведущей изъ Швейцаріи въ Італію, черезъ горы Симплонъ и Монсени. Горный потокъ, на самой дорогѣ текущій и орошающій послѣ часнѣ Халгана, своими лдяными накипями немало затруднялъ проѣздъ нашихъ повозокъ.

Мы привыпили Халганъ не прежде, какъ подѣхавъ къ Великой, полуразвалившейся стѣнѣ онаго, сложенной изъ кирпича между двумя крупными скалами, недалеко отстоящими одна отъ другой. Большое множество народа собралось смотрѣть на путешественниковъ Россіянъ. Въ числѣ прочихъ, выѣхавъ на встрѣчу намъ одинъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ, съ золотымъ шарикомъ на шапкѣ. Бипхеси Чевъ вышелъ изъ моей повозки и опираясь съ нимъ верхомъ. Когда же перебрались черезъ обвалъ въ стѣнѣ и приблизились къ огромнымъ городскимъ воротамъ; то Бипхеси просилъ встѣхъ насъ пройти черезъ ворота *пѣшкожд*, какъ при первомъ входѣ въ свѣплѣйшую Дацинскую Имперію. Удалясь отъ всякихъ, а тѣмъ болѣе безполезныхъ споровъ съ иностранцами, мы удовлетворили ихъ требованію. Потомъ сѣли на лошадей, а Члены Миссиіи въ свои повозки, и поспѣли прямо по большой улицѣ, между купеческими лавками. Выѣхавъ на большую площадь, гдѣ на лѣвой сторонѣ видѣнъ домъ Гузай-Амбана, Генерала Инспектора войскъ Цахарскихъ, мы проѣхали черезъ площадь, прямо на посполый дворъ, отведенный Халганскимъ начальствомъ для Миссиіи. Прибыли на мѣсто во 2 часу по полудни.

Для помѣщенія Миссиіи, были отведены только два покоя; но по тѣсноствѣ оныхъ, встрѣтившій насъ здѣсь Бошко Ургентай уступилъ и прешью, сосѣдственную компану для Спуденшовъ. Казаки

помѣщены были въ особомъ отдѣленіи. Пекинскіе наши провожатые расположились на томъ же дворѣ.

Часу въ 6 вечера посѣтилъ меня провожающій Миссію Бишхеси Чень съ двумя чиновниками, служащими при Гузай-Амбанѣ: Заргучеемъ, съ хрустальнымъ шарикомъ на шапкѣ, и тѣмъ самымъ Бишхеси Чжа-лое, котораго встрѣтилъ насъ еще у городскихъ воротъ. Они спрашивали насъ о удобствахъ въ пущи, и я хвалился доброхотствомъ къ Миссіи нашихъ провожатыхъ, Бишхесія и Вошка. Госпльмъ сдѣлано было приличное угощеніе. Потомъ они посѣтили О. Архимандриша, и черезъ полчаса удалились. Заргучей приходилъ однакоже къ намъ недаромъ. Ему чрезвычайно понравилась моя собака, впрочемъ довольно обыкновенной породы, взятая изъ Троицкосавской крѣпости; Манжуръ, чрезъ Бишхеси Чена, убѣдительно просилъ подарить ему оную. Я не могъ отказать Заргучею, и собака моя осталась въ Халганѣ.

Здѣсь великія затрудненія встрѣтили мы въ сужденіи продовольствія скоша нашего. Бошко объявилъ мнѣ, что кормъ будетъ опускаться на счетъ Кипайской казны. Поздно вечеромъ принесли только 5 корзинокъ соломенной сѣчки, а потому и принуждены мы были купить у хозяина постоялаго дома 20 сноповъ просяной соломы, по 50 чеховъ каждый.

Нояб. 19. Вступивъ наконецъ съ Миссіею соб-

спешенно въ Кипай, и слѣдовательно окончивъ, довольно благополучно, большую и самую трудную часть пути [отъ Халгана до Пекина оспаелся только 7 дней вѣды съ обозомъ], я долгомъ почелъ, изъ приличія, послать препровождающимъ Миссію Пекинскимъ чиновникамъ подарки: а именно Бишхешію соборей перваго сорпа 5, низшаго 4, двумъ его Нербамъ по лисицѣ. Бошку соборей лучшихъ 2, и вѣпорого сорпа 3; а служилелю его 1 лисицу. Я рѣшился изъяснить имъ такимъ образомъ нашу признательность въ послѣдній разъ, въ проѣздѣ Миссіи до Пекина.

Въ 9 часу утра пришли съ нами проспать Цангинъ и Кундуй, провожавшіе Миссію отъ станціи *Тулги*. Въ знакъ благодарности за оказанныя ими въ пути услуги, подарено имъ по лисицѣ. По просьбѣ нашей, Цангинъ обѣщаль прислать подрядчика для перевозки Миссіи въ Пекинъ. Въ слѣдствіе сего, Цахары дѣйствительно нашли было Туркестанца, который соглашался взять за перевозку со 100 гиневъ тяжести не болѣе 2 мань; но Кипайскіе приврашники, по желанію нашего Бишхешіа, не допустили къ намъ сего подрядчика, имъ *незнакомаго*.

Въ 12 часу Начальникъ Миссіи и я съ Обознымъ, казачьимъ Старшиною и Переводчикомъ, были угощаемы споломъ въ комнатахъ Бишхешіа Чена. Здѣсь оный обыкновенно дается проѣзжающимъ Россіянамъ, на счетъ Кипайскаго Правительства

Тамъ былъ нашъ Бошко, Халганскій Заргучей и Битхеши Чжа. За симъ обѣдомъ возникло у насъ недоразумѣніе съ хозяевами, по случаю прищѣсненій отъ Кишайскихъ привратниковъ. Еще по ушпру просилъ я Чень-лосе, о приказаніи купить на нашъ счетъ свѣна для скота; онъ обѣщаль немедленно сіе исполнить. Но какъ мы не видѣли исполненія, то и повторили Битхешію требованіе; онъ сказалъ шоже, но все тщетно. Наконецъ я просилъ дозволить, по крайней мѣрѣ, казакамъ съѣздить самимъ купить свѣна, за Великую спѣну, гдѣ примѣшили мы вчера много лавокъ съ спровымъ лѣсомъ и стномъ. Битхеши и на это былъ согласенъ. Но во время самага обѣда, Сопникъ Захаровъ явился ко мнѣ съ жалобою, что Халганскіе Бошки не пускаютъ казаковъ далѣе воровъ постоялаго двора. Съ помощію О. Архимандриша, я опять обратился къ г. Битхеши, и поспробоваль объясненія, кто дѣлаеть таковое прищѣсненіе нашимъ людямъ, присокупивъ, что не ужели мѣстные Правители хотять погубить скотъ нашъ голодомъ? — Началось разысканіе. Всю вину слагали на одного изъ привратныхъ Бошковъ; а сей оправдывался тѣмъ, что будтобы ему приказано Рускихъ не пускай за городскую спѣну. Услышавъ это, мы рѣшились было встать изъ заспола, находя во все несообразнымъ предложенное намъ угощеніе съ явнымъ, обиднымъ прищѣсненіемъ. Битхеши началъ насъ успокоивать. Чжа-

лое и Бошко вышли, и дѣло кончено шѣмъ, что черезъ часъ сѣно привезено на дворъ. Послѣ доставленіе онаго не встрѣчало явныхъ препятствій; только мы принуждены были заплатить за него, равно какъ и за всѣ съѣстные припасы, большія пошляны въ пользу бѣдныхъ здѣшнихъ чиновниковъ.

Часу въ 8 вечера явился къ намъ Кипаецъ Лочжѹ, посланный изъ Пекина Начальникомъ нашей Миссіи, тамъ находившейся, къ О. Пепру съ письмомъ отъ 13 Ноября. О. Архимандритъ Іакинфъ, съ шестью Членами своей Миссіи, привѣтствовалъ насъ съ прибытіемъ въ предѣлы Кипаа, извѣстивъ, что все приготовлено къ принятію новыхъ Членовъ Миссіи въ Пекинскомъ монастырѣ и проч.

Сего дня и вчера погода была ясная и довольно теплая; столція надъ Халганомъ горы защищаютъ оный отъ холодныхъ вѣтровъ. Весьма однако вредное вліяніе сдѣлали на наше здоровье сѣрныя испаренія камениныхъ угольсвъ; несмотря на то, надлежало нагрѣвать ими покои во все время нашего пребыванія въ Кипаѣ.

Нояб. 20. О. Архимандритъ Пепръ отправилъ нарочнаго, обратно, въ Пекинскій монастырь.

Часу въ 9 утра посѣтилъ насъ Халганскій Бисшеши, и принесъ О. Архимандриту и мнѣ нѣсколько шарлотскъ съ своимъ Кипайскимъ кушаньемъ. Мы привали Чжа-лое дружески, и для показанія

ему взаимной вѣжливости, я послалъ ему въ подарокъ, чрезъ своего Переводчика, лисицу и саблю.

Потомъ Обозный, со Слуденцами и нѣсколькими казаками, ѣздилъ въ здѣшнія лавки для покупки разныхъ припасовъ. Нерба Битхешія не преминулъ воспользоваться и симъ случаемъ, дабы, при нашихъ покупкахъ, соблюсти свои выгоды. Онъ успѣшилъ опправиться съ ними, невзирая, что никакой не имѣли въ немъ надобности; ибо Халганскіе купцы изрядно говорятъ по Монгольски. Провожатые наши весьма старались удерживать насъ отъ того, чтобы мы сами не опыскали подрядчика на перевозку Миссиа до Пекина.

Въ 5 часовъ по полудни явились ко мнѣ Нерба и полмачъ Битхешія съ двумя подрядчиками, кою осмотрѣвъ плещести Миссиа, предлагали торговаться по числу скота, нужнаго для перевозки оныхъ. Мы не могли на то согласиться, какъ на условіе, слишкомъ неопредѣлительное; а преобладали назначенія цѣны за провозъ съ вѣсу. Подрядчики, поговоривъ на Китайскомъ языкѣ между собой, а равно съ Нербою, копорый въ семь случаевъ игралъ ту же ролю, какъ Бошко при перѣздѣ Миссиа въ 1807, объявили цѣны: за нашу повозку, въ копорой О. Архимандритъ желалъ было опправиться до Пекина, за двѣ Китайскія коляски или шельжки, въ каждой изъ коихъ надлежало ѣхать двумъ человѣкамъ, а равно за двѣ боль-

шія шельги для десяти казаковъ — по 12 ланъ [24 руб. серебр.] за каждую. Сверхъ того, за верховыхъ лошадей и муловъ по 10 ланъ; а со 100 гиновъ, около $3\frac{1}{2}$ пудъ пшеспи, навьюченной на верблюдовъ и муловъ, по 7 ланъ серебромъ. Цѣны немовѣрно высокія!—Послѣ продолжительнаго спорга, мы объявили рѣшительно, что за повозки болѣе не дадимъ, какъ по 8 ланъ; за верховыхъ лошадей и муловъ по $2\frac{1}{2}$ ланы, а со 100 гиновъ по 2 ланы, имѣя въ виду, что въ 1807 пущеспиверники наши платили по 2 ланы 8 чинъ съ каждаго человѣка, вѣвшаго на шельгъ и со 100 гиновъ. Подрядчики, понизивъ нѣсколько цѣну, удалились. Вскорѣ полкомъ Нерба и Чакдуръ, шолмачъ Бишхенія, возвратились ко мнѣ съ увѣреніями о своемъ усердіи, присовокупивъ, что если мы сдѣлаемъ хотя малую прибавку къ вышеозначеннымъ цѣнамъ; то они, не взирая на ночное время, извѣстятъ о томъ подрядчиковъ. Мы просили согласишь ихъ на цѣны, нами уже предложенныя и копория были гораздо выше шѣхъ, кои полагалъ Туркеспанецъ, къ намъ недопущенный.

Нояб. 21. Ночью сильная буря; въперъ съ ревомъ прорывался чрезъ Халганскія ущелія, и производилъ въ воздухѣ великій шумъ.

Въ 8 часовъ утра пришли подрядчики. По нашему убѣжденію, они согласились взять: а) за носилки [о 2 мулахъ] для О. Архимандрипа [по совершенной невозможности везти нашу четырех-

колесную повозку; чему были и прежде прищвы], также за 2 коляски, въ коихъ послѣ ѣхали Иеромонахи, Иеродіаконъ и одинъ Спудѣнтъ, и за двѣ большія пелѣги для десяти казаковъ— по 8 ланъ за каждую; б.] за 19 лошадей и муловъ верховыхъ, для меня съ Обознымъ, казачьимъ Старшиною и Переводчикомъ, а равно для трехъ Спудѣншовъ, двухъ Церковниковъ и девяти человекъ казаковъ, назначенныхъ для сопровожденія обоза, по 2 ланы 5 чинъ. Положено отправишься изъ Халгана 24 сего Нолбря [по Кит. 2 числа XI луны] и черезъ 7 дней доставить Миссію въ Пекинъ на Россійское подворье; въ чемъ, по пребыванію моему, подрядчики должны были дать письменное обязательство. О такомъ окончаніи шорга, объявлено отъ насъ Бипхешію и Бошку, кои охотно поручились въ исправности главнаго подрядчика *Лиландыня*, родомъ изъ Воспючнаго Туркестана. Надобно замѣтить, что Туркестанцы промышляютъ въ Китаѣ преимущественно извозами и содержаніемъ постоялыхъ дворовъ.

Въ 12 часовъ наши люди, предназначенные зимовать на степи, приготовились къ отъѣзду въ *Цаганъ балгасу*. Сотнику Захарову, оставленному начальникомъ сего отряда, дано отъ меня письменное наставленіе. Однако казаки не могли выѣхать изъ Халгана сего числа, по причинѣ случившейся ссоры у Захаровъ съ Пекинскими нашими путеводителями. Провожавшій Миссію отъ

спанціи Тулеи до Халгана Цахарскій Кундуй явился на нашъ дворъ въ 4 часа по полудни. Бишхешіи, видя, что нашимъ людямъ поздно уже отпра- вляться, сдѣлалъ слишкомъ спрѣгій выговоръ Кун- дую за его неисправность. Кундуй, оскорблясь грубыми словами Бишхешіи, взаимно началъ его укорять въ разныхъ несправедливостяхъ, оказан- ныхъ Рускимъ въ пупи. Бишхешіи пошчасъ ушелъ со двора, подъ видомъ, чтобы принесши Гузай- Амбаню жалобу на онаго Цахара. Черезъ нѣсколь- ко минулъ онъ возвратился, и Нербы его упро- сили Кундуй удалиться въ миръ и тишинѣ. Волкъ что значить здѣсь воинственные Цахары, несно- сные для Кипшайцев!

Нояб. 22 въ Халганѣ, подобно какъ въ Маймаче- нахъ Кяхтинскомъ и Ургинскомъ, спрѣляютъ изъ въсповой пушки въ 6 часу утра и въ 9 вечера. Съ первымъ выспрѣломъ всякой можешь выхо- дить со двора и, въ случаѣ надобности, являться даже къ начальству; а послѣдній прекращаетъ сіе право, исключая чрезвычайныхъ произше- ствій.

Въ 10 часу утра явился къ намъ Кундуй, о смѣлости котораго мы упоминали вчера, съ нѣ- сколькими Цахарами, рассказывая съ торжествомъ объ униженіи Бишхешіи. Сопникъ Захаровъ пош- часъ отправленъ мною изъ Халгана съ пятью ка- заками и скотомъ.

По полудни подрядчикъ занимался перевѣскою

тяжеспей, принадлежащихъ Миссіи на Китайскомъ огромномъ безмѣнѣ. Всей тяжести оказалось 12,400 гиновъ или, на Рускій вѣсъ, около 452 пудовъ, полагая во 100 гинахъ, по принятому въ 1807 году вычисленію, 3 пуда 25 фунтовъ 80 золотниковъ. Согласно съ заключеннымъ условіемъ, за каждые 100 гиновъ причисалось платы по $2\frac{1}{2}$ ланы или 5 руб. серебромъ; слѣдовательно за провозъ означенной клади отъ Халгана до Пекина, чрезъ какихъ нибудь 200 верстъ, подрядчикъ взялъ съ насъ около 700 рублей п. е. съ пуда по 1 р. 35 коп. серебромъ. Какая дороговизна, въ сравненіи съ нашими цѣнами!

Черезъ часъ, Нерба и толмачъ Битхешіа опять явились ко мнѣ. Цѣль посѣщенія ихъ была странная. Нерба сперва началъ объяснять, съ какимъ усердіемъ его господинъ и Бошко Ургентай провожали Миссію; сколько безпокойствъ перенесли они, соображаясь въ поѣздкѣ съ нашими планами и положеніемъ казеннаго скопа; помощь поставлялъ на видъ и то, что Битхешіа много заботился о пріисканіи надежнаго подрядчика для перевозки Миссіи отъ Халгана до Пекина, и принимаетъ на себя ручательство въ исправности онаго. Онъ заключилъ хитросплетенный панегирикъ шѣмъ, что въ воздаяніе за шаковыя услуги, всего приличнѣе для Маіора, сдѣлать подарокъ провожаемымъ Миссіи въ Халганъ, а не въ Пекинъ. Выслушавъ шерпыливо [что всего нужнѣе

здѣсь для Европейца] такое предложеніе, я доказывалъ съ своей стороны, что не мало уже сдѣлано отъ меня подарковъ провожаемымъ въ нутти, а потому я оплагалъ, и не безъ основанія, опредѣлить приличную награду трудамъ Бисхешія и Бошка, по совершенномъ окончаніи нашего путешествія п. е. по возвращеніи съ прежнею Миссисі на Кяхту; но все тщетно. Нерба дерзнулъ намекнуть даже, что заключенный нами съ подрядчикомъ договоръ, безъ содѣйствія Бисхешія, легко можетъ разрушиться, и мы принуждены будемъ проживать здѣсь еще недѣлю, пока опыщемъ новыхъ подрядчиковъ, и вѣроятно заплашимъ гораздо дороже. Чувствуя въ полной мѣрѣ свое беззастѣнливое положеніе [1] между народомъ холоду-

(1) Собственными опытами дознали мы справедливость слѣдующаго отзыва, лѣтъ за 100 сдѣланнаго Агентомъ Лаггомъ — Всѣ Мандарины (Китайскіе чиновники) — говорятъ Лаггъ, которыхъ дѣлается какое нибудь порученіе отъ Двора, до поданныхъ ли Державы или до иностранцевъ касается оное, избираются и отправляются Министерствомъ. По окончаніи дѣла, обязаны они поднести дары знатнѣйшимъ Вельможамъ. А дабы сіе не было приносительнымъ убыточно, и чтобы сами также могли получить отъ того нѣкоторую пользу; но не имѣющъ они нужды спрашивать, чтобы ихъ поведеніе когда либо подверглось строгому разсмотрѣнію. Никто не можетъ представлять свои жалобы прямо Богдохану, а надлежитъ непременно переходить оныя чрезъ посредство Министровъ, либо тѣхъ, которые имѣютъ первые чины при Дворѣ; а сіи господа сполнѣнно связаны пользами съ первыми Вельможами Государства — что куда бы обиженный ни обращался, ошвыяду ошвыдешъ ни съ тѣмъ. — См. Дневникъ пребыванія Лагга, Агента или повѣ-

нымъ, любостыжательнымъ, я принужденъ былъ обѣщать сдѣлать удовлетвореніе требованію Бишхешіа. Вѣрные слуги его ушли отъ насъ съ веселыми лицами.

Коль скоро удалились сіи орудія здѣшняго корыстолюбія, я тотчасъ обратился къ Начальнику Миссіи съ испрошеніемъ его совѣта, какимъ образомъ приличнѣ поступить въ семъ случаѣ, для меня совершенно новомъ. По всѣмъ соображеніямъ опасаясь, чибобы приведенное уже почти къ концу дѣло, относительно перѣзда Миссіи до Пекина, не было испорчено нашими провожатыми къ великому ущербу казны нашей, Начальникъ Миссіи обще со мною положилъ удовлетворить, по возможности, любостыжанію Бишхешіа и Бошка.

Нояб. 23. И такъ въ 7 часовъ утра послалъ я слѣдующіе подарки: Бишхешію 5 арш. черн. сукна, 2 лучшихъ соболя и 2 посредственныхъ; ему весьма хотѣлось получить бобра, но сихъ мѣховъ не было намъ опущено; двумъ Нербамъ его и полману дано 6 аршинъ погоже сукна, 2 посредственныхъ соболя и 4 лисицы. Бошку 3 ар. сукна и 2 лучшихъ соболя, а его Нербъ 2 лисицы.

Въ 9 часу утра явились ко мнѣ Бишхешіи и Бошко, со всѣми служителями своими, благода-

реннаго въ дѣлахъ отъ Императора Петра I, при Дворѣ Пекинскомъ, въ 1721 и въ 1722 годахъ; въ Белевыхъ Путешествіяхъ (С. Петербургъ 1776) Ч. III, стр. 79.

рить за присланные подарки: явленіе самое комическое! Съ ними пришелъ и подрядчикъ. Принесенный имъ письменный контрактъ, на Китайскомъ языкѣ, былъ сперва доставленъ мною къ О. Архимандриту Пепиру, и принятъ съ его одобренія. На основаніи сего условія, подрядчику слѣдовало серебра 400 ланъ; изъ того количества я выдалъ ему въ присутствіи Бипхеси и Бошка, 301 лану, 8 фунтъ и 6 ли на Китайской вѣсѣ *Шипинъ* [опущенный изъ Троицкосавской Пограничной Канцеляріи], сходный съ *Купинымъ*, [1] по которому принимаются въ Кинаѣ всѣ сборы въ казну, а равно производится изъ оной выдача жалованья и проч. На вѣсѣ Шипинъ одинъ нашъ фунтъ соотвѣствуетъ 11 ланъ и 1 чину, почему и опущено подрядчику казеннаго серебра 27 фунтовъ и 12 золотниковъ; остатокъ, согласно съ условіемъ, назначено выдать по прибытіи Миссіи въ Пекинъ. Доброша нашего серебра здѣсь извѣстна, и по тому находится оно въ большомъ уваженіи.

Подрядчикъ, получивъ свою сумму, удалился съ Нербою. Вскорѣ потомъ Бипхеси и Бошко отправились отъ меня къ Гузай Амбаню съ донесеніемъ, что Россійско-Императорская Миссія завтра отправляется въ Пекинъ. — Гузай-Амбанъ не приглашалъ насъ къ себѣ; искать же свиданія съ нимъ, я считалъ не умѣстнымъ.

(1) Сравнительный расчетъ Китайскаго вѣса съ нашимъ приложенъ въ концѣ II Ч. сихъ Записокъ.

Въ 3 часу приходилъ проспитъся со мною Халганскій Бипхеші Чжалое, въ сопровожденіи одного молодого Кипшайца, который былъ одѣтъ богато и за поясомъ имѣлъ серебряныя Французскіе часы.

У насъ былъ еще одинъ Китайскій купецъ, знающій нѣсколько говорить по Руски. Въ слѣдъ за нимъ пришелъ полмачъ Бипхешія. Послѣ нѣкоторыхъ словъ полмача, сказанныхъ на Китайскомъ языкѣ, купецъ поспѣхъ удался. Отъ него мы узнали, между прочимъ, что Китайскій аршинъ, т. е. $\frac{1}{2}$ арш. на нашу мѣру, Силезскаго чернаго сукна, вымѣниваемого на Кяхтѣ, продается въ Халганъ по 6 и 7 чинъ, или же 1 нашъ аршинъ по 2 р. 50 к. серебромъ; хорошій соболь по 2—3 ланы, лисца по 2 л. Мыло наше весьма здѣсь уважается.

Скажемъ нѣсколько словъ о Халганѣ вообще. — Городъ сей названъ такъ отъ Монгольскаго слова *Халга*, означающаго *ворота* или *заставу*. Извѣстно, что жители, ближайшіе къ какому либо городу обыкновенно не называютъ оного по имени, а просто городомъ. Такимъ образомъ Рускіе, часто слыша отъ Монголовъ слово *Халга*, превратили сіе нарицательное имя въ собственное. У Китайцевъ Халганъ извѣстенъ подъ именемъ *Чжанцзя коу*. Онъ раздѣляется на верхнюю и нижнюю часть, по теченію рѣки. Верхняя лежитъ при выѣздѣ за границу въ Монголію, ограждена ворота-

ми, поспросившими въ Великой стѣнѣ, на горы взведенной. Опъ сихъ воротъ на западъ, древняя Великая стѣна видна только по одному валу изъ камней и зеленымъ буграмъ, оставшимся послѣ развалившихся башень. Нижняя часть Халгана лежитъ съ южнаго прѣзда, и имѣетъ небольшую крѣпость съ гарнизономъ. Городъ сей не обширенъ, въ немъ нѣтъ великолѣпныхъ зданій; но весьма многолюденъ. Жители большое показывали любопытство къ проѣзжающимъ иностранцамъ. Не только у воротъ нашего посольскаго двора, но даже на сосѣдственныхъ кровляхъ, стояли большими толпами зрители съ утра до вечера. Здѣсь считался 22 челоука гражданскихъ чиновниковъ; военныхъ же, при Гузай Амбанѣ или Инспекторѣ и поварищѣ его, великое множество. Сверхъ сего Халганъ есть ключъ торговли Китайской съ Россією, и отчасти съ Монголією. По сей причинѣ бываетъ здѣсь многочисленное стеченіе купцовъ. Въсь серебра не сходенъ съ Пекинскимъ; но одинаковъ къ Кяхтинскимъ и Ургинскимъ, по тому что сн мѣста находятся по дѣламъ торговли въ непосредственной связи между собою.

Переездъ Миссiи отъ Халгана до Пекина.

Ноября 24. Наконецъ сего числа выѣхала Миссiя изъ Халгана, при ясной и довольно теплой погодѣ. Обозъ, на 27 верблюдахъ и 25 мулахъ, двинулся въ 10 часу утра, подъ надзоромъ нашихъ казаковъ; а въ 11 часовъ отправившись и Члены Миссiи, въ соупспвiи Битхешiя и Бошка. Сверхъ того, дослѣдующаго города [1 сипени] *Сюаньхуа-фу* провожалъ Миссiю Бошко, опряженный для сего Халганскимъ Инспекторомъ, т. е. Гузай-Амбанемъ.

Выѣхавъ изъ воротъ постоялаго дома, повернули мы на право. Версты двѣ пробирались по тѣснымъ и худо вымощеннымъ улицамъ. По обѣимъ сторонамъ много лавокъ съ разными поварамъ, въ томъ числѣ и пушными. Въ самомъ концѣ города перѣхали мы черезъ каменный мостъ, устроенный на рѣчкѣ, вытекающей изъ горъ выше Халгана, какъ о томъ прежде упомянуто. Мостъ въ длину имѣетъ около 50 сажень, а въ ширину саж. 7. Нѣсколько гранитныхъ перилъ свалились въ рѣку, и мѣсто ихъ ни чѣмъ не закрыто:—безпечность Полициi, могущая имѣть для проезжающихъ вредныя послѣдствiя; ибо мостъ возвышается надъ поверхностью рѣки сажени на 3. На лѣвомъ берегу рѣки, за городомъ, продается куча мѣна навозъ для удобренiя полей.

За мостомъ, дорога принимаетъ направлѣніе по равнинѣ къ 3. Отсюда только можно примѣтить, что Халганъ выстроенъ подѣ самымъ хребтомъ высокыхъ горъ длиною полосой, по правому берегу вышесказанной рѣчки. Дома изрядной архипектуры и обсажены ивами. Вся равнина, по сую спорону рѣчки, есть богатая, воздѣланная нива. Вершины горъ бѣлѣются подѣ снѣгомъ, коего на поляхъ во все не видно. Пошва земли глинистая, перемѣшанная со щебнемъ: густыя облака пыли вились кругомъ насъ во весь переѣздъ. Самая дорога имѣетъ углубленіе аршина на два и на три ниже полей: скотъ, идущій по оной, не имѣетъ возможности порпиться засѣянныя нивы. На поляхъ видно много сельскихъ домиковъ. Но дорога болѣе всего служить доказательствомъ промышленности и многолюдства въ Кипаѣ: на каждомъ шагу встрѣчались мы съ людьми, вѣхавшими верхомъ, везшими соломѣ и проч. на мулахъ и ослахъ. Черезъ каждыя 5 ли, или $2\frac{1}{2}$ нашихъ версты [1], находилъ караульни, похожія на каланчи, на сѣзжихъ домахъ въ С. Петербургѣ устроенныя. Подѣ караулень стоятъ по 5 каменныхъ столбиковъ, въ видѣ толстыхъ конусовъ, на коихъ показано число верстъ. На стѣнахъ караульнаго двора изображены краска-

(1) Говорятъ, что ли имѣетъ болѣе 250 сажень. Но какъ, по расчету времени, я не могъ примѣтить слишкомъ большой разности прошивъ сей мѣры; по каждыя двѣ ли полагаю, примерно, въ 500 сажень или одну нашу версту.

ми, довольно неискусно, лошади, ружья, луны и колчаны со стрѣлами. Сін караульни служатъ вмѣсто телеграфовъ: въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ на сѣверной границѣ Кипаа, вдругъ передается вѣсть о помѣ въ Пекинѣ, и войска немедленно должны быть въ готовности для встрѣчи непріятеля. Въ каждой караульнѣ живетъ по нѣскольку солдатъ Зеленаго знамени, или собственно Кипайснаго корпуса. Сін, какъ и всѣ Кипайскіе солдаты, исключая Манжуровъ, болѣе сущь земледѣльцы, освобожденные отъ повинностей крестьянъ; но вмѣсто того обязанные, въ извѣстныхъ случаяхъ, отправлять военную службу.

Отвѣхавъ отъ Халгана верстъ 15, наши Пекинскіе провожатые и извозчики шельгъ, по обычаю своей земли, остановились для роздыха въ огромномъ посполомѣ домъ *Маюйлинъ*, на лѣво отъ дороги.—Кипайцы никогда не упускаютъ случая пользоваться приманками и удобствомъ сихъ перепушій. Тутъ мы нашли множество путешствующихъ чиновниковъ, поселянъ и купцовъ. Они сидѣли въ длинной галлерей чайнаго трактира и подкрѣпляли свои силы, всякой по своему вкусу и достатку: пили чай, ѣли лапшу—любимое здѣсь кушанье, и проч. Извозчики между шѣмъ, напоивъ своихъ муловъ и лошадей, кормили ихъ сѣчкою, покупаемою на посполомѣ же дворѣ и состоящею изъ рубленной соломы и хлѣбныхъ зеренъ.

Опять Маюйлива примѣшно начали мы подниматься на высоту, на копорой сповить небольшое, весьма красивое капище. Пропивъ онаго выстроены каменный псапръ, или одна шолько сцѣна. Въ праздники спранствующіе комедіанты забавляютъ здѣсь народъ своими предспавленіями. Потомъ надлежало намъ пробираться по весьма тѣсному ущелію. Для проложенія дороги, нарочно разорвана гора порохомъ; самое же ущеліе на нѣсколько сажень выплано дикимъ камнемъ.

Изъ ущелія вышли мы на долину, копорую со всѣхъ споровъ окружающъ высокія горы. Между песчаными буграми ѣхали, поворота къ югу, до самаго города Сюаньхуа по дорогѣ, для повозокъ весьма запруднительной. Въ окрестностяхъ города много нивъ, пригошпвленныхъ, между прочимъ, для посѣва сарацинскаго пшена. Сіи послѣдніи налиты водою, копорая нынѣ, превратившись въ ледъ, представляла видъ огромныхъ зеркалъ; багровые лучи заходящаго солнца придавали онимъ много блеску. Долго пробирались мы подлѣ городской стѣны по ивовымъ рощамъ и каналамъ, проведеннымъ изъ пропекающихъ вблизи горныхъ рѣчекъ.

Перешедъ черезъ мостъ, лежащій на главномъ каналѣ, а потомъ черезъ густую рощу, спустили мы въ Сюаньхуа, проѣхавъ сего дня 35 верспъ. Городская стѣна, вышиною до 30 фусповъ, сходспвуетъ съ зубчатой стѣной Московскаго Кремля

*

и вообще съ старинными каменными стѣнамъ и въ-
копорохъ городовъ Россійскихъ. Она выведена, какъ
то замѣтили мы на обвалахъ, изъ двухъ тонкихъ
кирпичныхъ стѣнокъ, а внутри насыпана глиною
съ пескомъ; на ней построены башни, въ извѣст-
номъ разстояніи одна отъ другой. Въздъ въ пер-
вые, сѣверныя ворота, обитыя желѣзомъ и боль-
шими гвоздями, находилъя влѣво отъ дороги; изъ
оныхъ надобно ѣхать на право въ другія, гдѣ сто-
ялъ караульня; отсюда въ прѣсьи ворота, и по-
шомъ уже вступаете въ самый городъ. Сначала, какъ
и во многихъ нашихъ городахъ, кузнечный и пелѣж-
ный ряды. По широкой улицѣ ѣхали мы до боль-
шихъ триумфальныхъ воротъ, пошомъ повернули
на право. По переулкамъ и улицамъ прошли почти
до самой южной стѣны города, гдѣ опиведень былъ
для Миссиа особый домъ, гораздо удобнѣйшій и оп-
рашнѣйшій, нежели въ Халганѣ. На одномъ съ на-
ми дворѣ расположились и наши проводники.

Губернскій городъ Сюаньхуа-фу, Монголами на-
зываемый *Байнъ Сумъ* [богатая капища], прост-
раннѣе и великолѣпнѣе Халгана; улицы въ немъ
широки и чисны. Судя по пространству города,
жишелей здѣсь слишкомъ мало. Намъ сказывали,
что при послѣдней Кишайской династіи Минъ,
Сюаньхуа былъ весьма значителенъ и многолюденъ;
тогда находилось въ семъ городѣ и окрестностяхъ
оного до ста тысячъ войска, для наблюденія за
Монголами и для опраженія ихъ набывовъ на

Китай съ сей спороны, имѣющей болѣе удобныхъ проходовъ, нежели другія мѣста границы.

Здѣсь пригопвляюпся лучшіе войлоки и валяныя изъ шерспи, легкія шапки или колпаки, кои во всеобщемъ упошребленіи у Китайскихъ поселянь.

Нояб. 25. Изъ Сюаньхуа Миссія выпунила въ 10 часу утра и чрезъ шесть часовъ прибыла подъ крѣпость *Цзимінъ-и*, проѣхавъ 30 верспъ.

Передъ отпѣздомъ, просилъ я нашего Бипхешіа сдѣлать распоряженіе, дабы отводимыя для Миссія кварпиры были нѣсколько нагрѣваемы до пріѣзда нашего; ибо мы весьма много шерпили отъ чаду каменныхъ углей, разжигаемыхъ по нашемъ прибытіи. Надобно сказашъ, что Китайцы весьма легко переносятъ сырость и холодъ въ домахъ. Бѣдные люди, даже въ самую суровую зиму, очень рѣдко нагрѣвають свои жилища, и разводягъ въ оныхъ огонь только для пригопвленія умѣренной своей пици; но и сію хозяйственную опраду имѣютъ они не каждый день, по причинѣ примѣшнаго въ семъ народѣ убожества. Здѣсь продается все необходимое для жизни, начиная отъ кружки воды, нужной для перваго освѣженія послѣ сна. Само собою разумѣется, что прихотъ находишъ для себя удовольвореніе только на шоржищахъ: порядочный споль путешественники, равно какъ и сами жители, получаютъ изъ сѣстныхъ практировъ. Недовѣряя числотѣ здѣшнихъ поваровъ, я

во всё время моего путешествія и пребыванія въ Кипаѣ, всегда почти имѣлъ свой походный сполъ, казаками приготовленный, покупая одни припасы, кои можно находить во всякомъ почтѣ городкѣ. Всегда однакожь пребудетъ здѣсь осторожность и точное знаніе Физиологіи, дабы иногда не видѣшь у себя на сполѣ варенаго или жаренаго куска того самаго живошнаго, которое за часъ передъ тѣмъ шло подъ вашимъ сѣдломъ или вьюкомъ. Китайскій вкусъ допускаетъ въ семъ отношеніи шерпимость несогнаниченную.

Настоящій путь лежитъ въ направленіи къ Ю. по лѣвому берегу рѣки *Янцъ*, не глубокой, но имѣющей стремительное теченіе и отъ того весьма мушной. Нынѣ сія рѣка покрылась льдомъ, кромѣ водоворотовъ, кои не замерзаютъ. Во время дождей, отъ горныхъ потоковъ она прибываетъ скоро, и разливается по всему низменному пространству между горъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются высочайшія горы; на вершинахъ ихъ лежало много снѣгу. Сперва ѣхали мы по равнинѣ мимо Китайскихъ кладбищъ; потомъ перейдя мостъ на ручѣ, впадающемъ въ Янцъ-хэ [1], долго пробирались по ивовой роцѣ и между паханными полми, кои вообще напоются водой, проводимою въ канадахъ. Грунтъ земли есть глина съ пескомъ; а по подошвамъ горъ—булыжникъ и щебень. Отъѣхавъ вершъ

(1) *Янцъ* есть собственное названіе сей рѣки; а *хэ* на Кит. языкѣ означаетъ рѣку.

и ошъ Сюаньхуа, надлежало переходить черезъ небольшой хребетъ, по весьма узкой дорогѣ, пробытой въ скалѣ. Вершины четыре вѣхали мы ущелиемъ, сперва между камнями, а потомъ въ глинистомъ оврагѣ. И здѣсь на половинѣ дороги, въ селеніи *Шаньсялу*, извозчики съ шельтами ошанавливались кормить своихъ лошадей. Обозъ нашъ, на верблюдахъ и мулахъ, прошелъ мимо.

Последняя половина дороги къ Цзиминь-и, крайне затруднительна для проѣзда: наши четырехколесныя повозки никакъ не могутъ здѣсь проходить. Большею частію вѣхали мы по кремнистымъ скаламъ; во многихъ мѣстахъ камни, по конямъ пробирались, висящъ надъ самою рѣчкой, съ шумомъ разбивающагося объ утесы; а съ другой стороны они грозятъ подавить проѣзжающихъ. По ту сторону рѣчки стоить гранитная гора *Хуань лѣнь*, коей осприя вершины скрываются въ облакахъ. Грозныя, величественныя мѣста сіи производятъ сильное впечатлѣніе на путешественника, вѣдущаго изъ открытыхъ степей. — Безпрерывно шли въ Халганъ караваны съ кирпичнымъ чаемъ на верблюдахъ. На мулахъ и ослахъ везли каменный уголь изъ ближайшихъ горъ. Въ пѣсныхъ ущелияхъ едва можно было разойтись со вспрѣчающимися. На случай разливія рѣчки, и во избѣжаніе пѣсновны, проведена пропінка по горамъ, на правомъ берегу р. Яна лежащимъ: по

оной пробирающся навьюченные ослы до самой Цзиминь-и. Для перехода черезъ рѣку зимою, устроены по льду временные мосты изъ жердей и соломы, кои, при первомъ разлитіи воды весною, разрушаются до основанія. Много попадалось намъ на встрѣчу Монголовъ, а особливо Цахарскаго Удѣла, возвращавшихся изъ Пекина.

Ближе къ Цзиминь-и есть деревни. Хозяйственное устройство сельскихъ жилищъ Китайскихъ достойно подражанія: на оградахъ, сѣпленныхъ изъ глины, посаженъ терновникъ; а въ улцахъ, по дорогѣ и около кумиренъ стоять древнія, въспышныя ивы. Верста за 8 до помлупной крѣпости, лежитъ дорога по песчаному берегу рѣки Яна; пошомъ вершны при черезъ горныя ручьи и каменныя ущелія; оспальное же пространство идетъ у подошвы крутыхъ и высокыхъ горъ, стоящихъ по лѣвую сторону дороги; въ оныхъ добывается каменное угольс. Миссія остановилась въ предмѣстіи, прошивъ западной крѣпостиной стѣны, въ казенной гостинницѣ; а Битхешы и Бошко расположились на почтовомъ дворѣ.

Вершны за двѣ до предмѣстія встрѣпили мы Китайскихъ курьеровъ, слѣдовавшихъ изъ Пекина. Впереди ѣхалъ Бошко, имѣя на спинѣ свертокъ, обернутый желтою матеріей; за нимъ два чиновника, въ сопровожденіи еще чепырехъ чловѣкъ служителей, или солдатъ. Въропно, везли они какое нибудь Богдоханское повелѣніе: цѣпля

обертки подтверждають справедливость сего предположенія.

Противъ гостиницы на сѣверовостокъ, почти надъ крѣпостью, возвышается каменная гора Цзиминь. На утѣсистой вершинѣ ея, куда глазъ едва можетъ достигнуть — стоитъ зданіе: это монастырь, обихаемый Хошанами, Кипайскими монахами Фоевской вѣры. [1] Сооруженіе монастыря, на семь непреступномъ мѣстѣ, Кипайцы приписываютъ подвигу благочестія одной женщины. Въ древнія времена [говоритъ преданіе] двѣ сестры богатаго дома удалились на сѣн горы, и проводили тамъ жизнь свою въ молитвѣ. Наконецъ для испытанія своей вѣры, вознамѣрились въ одну ночь выспроить — старшая сестра капище на горѣ; а младшая каменный мостъ противъ оной, черезъ рѣку Янь. Еще до разсвѣта капище окончено, спрощельница померла и похоронена въ ономъ съ честію. Младшая сестра, между тѣмъ, успѣла только вывести сподобы для основанія арокъ мостовыхъ; съ появленіемъ утренней зари, она погреблась въ волнахъ рѣки Яна.

Бель, ѣхавшій въ Пекинъ 1720 года [2], передалъ намъ обстоятельство спсрощенія кумирни и мо-

(1) Пророка Шигенуни — основателя ученія, извѣстнаго въ Европѣ болѣе подъ именемъ Ламайскаго, Кипайцы называютъ (фо; а пошому, говоря о немъ въ Кипай, а буду держаться и названія, тамъ употребительнаго.

(2) Белевы Путешествіа, II, 69.

ста въ другомъ, болѣе романическомъ видѣ. „Сіе зданіе п. е. монастырь—пишеть Бель—представлялся очень красивымъ, когда смотришь на него съ долины; а повѣсь опкрываешь, что оное было построено въ одну ночь, и вошъ по какому случаю. Нѣкопояя госпожа, сполькожъ знаменитая своею красотой, сколько добродѣтелию и богатствомъ, видя, что многіе Князья спарались вступити съ нею въ супружество, и не смѣя отказать имъ явно, объявила, что имѣетъ намѣреніе соорудити на вершинѣ сей скалы собспенными руками въ одну ночь монастырь и выдешъ замужъ за того, кто построитъ, во сполько же времени, на близъ текущей рѣкѣ каменный мостъ. Женихи ея, чувствуя невозможность сего предпріятія, оставили свои надежды, и каждый возвратился въ свое владѣніе. Одинъ чужеземецъ согласился на сіе условіе. Госпожа и ея женихъ приступили къ исполненію обѣща въ одно время, и первал окончила свой подвигъ до наступленія дня. Когда солнце взошло; по увидѣла она съ горы, что иноземецъ построилъ только столбы моста, и пѣмъ признала себя свободною опъ даннаго ею слова. Несчастный любовникъ удалился въ свою землю; а госпожа провела оспашки дней своихъ въ семъ монастырѣ.—Каждый народъ питаетъ свои мечпы, по своему вкусу. Въ каждомъ почпи вѣкѣ находимъ мы разипельные примѣры швердаго духа и рѣшишельности прекраснаго пола.

Противъ упоминаемой горы, дѣйствительно видѣли мы нѣсколько каменныхъ четверугольныхъ столбовъ; но почное предназначеніе оныхъ не извѣстно. Говорятъ, что для сокращенія объѣзда излучины рѣки Яна, отъ крѣпости Цзиминъ—и къ Сюаньхуа, Кипайское Правительство старалось, противъ горы Цзиминъ, сдѣлать чрезъ Янъхэ мостъ каменный, дабы провести прямую дорогу. Кажется, песчаный грунтъ и ширина случающихся разливовъ рѣки остановили сіе предпріятіе.

Нояб. 26. Во всю ночь свирѣпшовада буря. Горный вѣтеръ съ ревомъ наносилъ на дворъ кучи леску и сильно ударялъ въ бумагу, коею обыкновенно оклеиваются въ Кипаѣ окна во всѣхъ домахъ, не исключая и царскихъ палатъ. Впрочемъ еслибы и введено было здѣсь въ большее употребленіе стекло; то сильныя, нерѣдко случающіяся бури причиняли бы жителямъ двойной ущербъ: тогда надлежало бы часпіо покупать для окошекъ новаго стекла, кои несравненно дороже бумаги; а при томъ острые обломки разбитаго стекла могутъ даже причинять вредъ людямъ. Вотъ, кажется, главнѣйшая причина равнодушія Кипайцевъ къ счастливому изобрѣщенію стекла, нынѣ довольно имъ извѣстнаго.

Обозъ двинулся впередъ въ 9 часовъ утра, а въ слѣдъ за онымъ оправились и Члены Миссіи,

Пройхавъ вершпъ 30, прибыли мы въ городокъ *Тумбу*, въ 2 часа по полудни.

Отъ Цзиминь—и къ югу идешь пространныя равнина. Рѣка Янъ отошла далѣе къ 3; а съ лѣвой стороны плынутся обнаженныя, ушесистыя горы. На равнинѣ много селеній. Поля воздѣланы наилучшимъ образомъ, невзирая, что пошва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ и мѣлкимъ булыжникомъ. Въ одномъ мѣстѣ устроены бассейны, для накопленія воды, которою поливають нивы, засѣваемыя сарацинскимъ пшеномъ; а лѣвомъ орошаютъ и другія пашни.

Верстахъ въ 8 отъ Цзиминь—и пройхали мы подъ спѣнами небольшого селенія. Вершы черезъ двѣ надлежало проходить чрезъ городъ *Новая Баоань*, который обведенъ хорошею каменною стѣной. Въѣхавъ въ первыя городскія ворота, увидѣли мы нѣсколько маленькихъ чугунныхъ пушекъ на глиняныхъ амбразурахъ, конечно, сдѣланныхъ Езуитами. Такія же орудія, ѣдкостію времени испорченныя и грозныя, можетъ бытъ, для Китайцевъ и Монголовъ, лежатъ при нѣкоторыхъ дорожныхъ караульняхъ или маякахъ. Батареи устроены подъ особыми деревянными навѣсами. Въ Баоани встрѣтились мы съ однимъ военнымъ чиновникомъ, который на шапкѣ имѣлъ шарикъ синій непрозрачный, 4-й степени. Онъ возвращался изъ Пекина въ городъ Или, насюящее мѣсто его службы: говоришь по Манжурски и

нѣсколько по Монгольски; спрашивалъ: кто мы, куда ѣдемъ и за чѣмъ?—Городокъ Баоанъ устроенъ довольно хорошо. По правиламъ Китайской Архитектуры, въ срединѣ онаго находятся большія ворота съ чешырьмя проѣздами. Жители, какъ примѣтно, болѣе занимающа плотничною и столярною работою.

Мы ѣхали версты 4 до крѣпости *Дунбали* и потомъ, черезъ 6 верстъ, прибыли въ другой городъ *Шагенъ*, также обведенный каменною стѣною, но пространнымъ и числотою превосходящій Баоанъ. Городская стѣна во многихъ мѣстахъ обвалилась. Въ *Шагенѣ* гонятъ изъ сарацинскаго пшена лучшую водку *шауцзю*, которую Китайцы пьютъ нѣсколько разогрѣтую, самыми малыми рюмками. Около 10 верстъ потомъ мы ѣхали между глиняными ущеліями, а болѣе по равнинѣ, совершенно покрытой булыжникомъ, нанесеннымъ съ горъ во время дождей. Дорога въ семь мѣстъ крайне пѣгостна для верблюдовъ и лошадей: одни только мулы и ослы, имѣющіе узкія и острые копыта, могутъ свободно проходить по симъ горнымъ дорогамъ, чуждымъ всякаго устройства.

Наконецъ прибыла Миссія въ городокъ Тумэу, и пославлена въ одномъ обывательскомъ домѣ.

Здѣсь опапливають комнатны болѣе содомою Индѣйскаго проса (*Lin. Panicum Indicum*; *Bobarts-gras*, Бобартская трава), называемаго по Китайски

Гаолінъ. [1] Спелель онаго нѣшетъ аршина 4 въ длину и весьма толстѣ. У Китайцевъ распѣніе сіе замѣлаешъ лѣсъ, дровяной и спроевой. Въ деревьяхъ спѣвны глинаныхъ домовъ или мазанокъ, пощолки, кровли, ограда и проч. все дѣлаешся изъ гаолна; а сѣмена онаго служатъ пицею людямъ въ видѣ каши. Равнымъ образомъ даюшъ оныя и скопу, какъ рабочему, такъ и домашнему; ибо по недоспашку земли, здѣсь вовсе нѣтъ выгоновъ. Упоминаемое распѣніе могло бы доспавишъ великую пользу жителямъ Россійскихъ степныхъ, безлѣсныхъ губерній, еслибы удалось развести оное въ нашемъ климатѣ. [2]

Нояб. 27. Во всю ночь дулъ сѣверный вѣтеръ. Казаки, бывшіе ночью на часахъ, упромъ донесли мнѣ, что во впоромъ часу по полуночи слышенъ былъ на сѣверѣ шрескъ въ воздухъ, подобный громовымъ ударамъ; попомъ сдѣзалось вдругъ свѣшло, какъ днемъ; черезъ полчаса все прекратилось.

(1) О семъ распѣніи упоминаешся въ Путешествіи Английскаго Посланника Лорда Макартнера въ Кышай; М. 1804. II, 157. „На поляхъ (къ югостпоку отъ Пекина) видно было великое количество самой высокой сахарной травы (*Holcus sorghum*), кошорой произведеіе служишъ въ пицу людямъ, ш. е. то, что доспавляешъ зерна, обыкновенно называемыя просомъ Барбадоскимъ (*Millet des Barbades*). Оно вырослаешъ въ 10 или 12 футовъ, и даешъ, по самому умѣренному вычисленію, на одно зерно по спу..“

(2) По возвращеніи изъ Кышай, я имѣлъ честь представишъ сіе просо, для опыта, нѣкоторымъ знаменитымъ нашимъ коллегамъ

Явленіе сіе должно бытъ слѣдствіемъ необыкновеннаго метеора или слабаго изверженія огнедышущей горы: Лѣтъ за сто и болѣе, случались въ сей странѣ олуспошнпелъныя землспрясенія.

Въ 7 часу упра посѣпнлъ меня нашъ Бпшхешп, останавлпвавпшійся въ казенной госпннннцѣ, въ западной частп города. Между прочпмъ, онъ спрашпвалъ нашего мпѣнпя, гдѣ сего числа имѣшь ночлегъ Миссіи въ *Хуайманъ*, или проѣхавъ далѣе до *Юйлики*?

Мы предпочпнали послѣднее, желая скорѣе достигнуть цѣли нашего пупешествія. Но Бпшхешп, по своему обыкновенію, сказаль неопредѣлптельно, что въ первомъ городкѣ учреждена почтовая спанція.

Отправнлись въ пупь въ 9 часу упра. Дорога лежала по равнннѣ, усѣянной камнпями, смесспными съ горь водою. Влѣво шпанешся высокій горный хребешъ въ два ряда: горы споянпъ на горахъ; вправо блеспѣлъ ледъ на рѣчкѣ Янъ; за рѣкою споянпъ горы съ снѣжными вершпнами, достигающпми до облаковъ. Поля воздѣланы съ прпмѣрнымъ пщаніемъ. Поселнне здѣшніе неусыпно шрудяпся надъ удобреніемъ пошвы: на каждомъ шагу мы вдѣли мальчпковъ и взрослыхъ мужчпнъ, кои ходплп съ корзпнками по дорогѣ для собпранія навоза. Мѣстами дорога проведена въ пѣсныхъ глпнпспныхъ ущеліяхъ, какъбы въ коррпдорахъ.

Отѣхавъ ошъ Тумэу верспъ 6, мы проходи-

ли мимо большаго селенія; спѣна, окружающая оно, сложена изъ подспыхъ кусковъ глины. Еще оставалось 9 верстѣ до городка Хуайлай; мы прибыли туда въ 11 часу утра, проѣхавъ всего 15 верстѣ. Здѣсь положено имѣть ночлегъ Миссиа, сколько ни желали мы ѣхать далѣе.

Членовъ Миссиа и нашихъ провожающихъ помѣстили въ здѣшней казенной гостинницѣ; гдѣ останавливаются обыкновенно Кипайскіе чиновники, отправляемые по дѣламъ службы. Комнаты пространныя и весьма чистыя; но, по причинѣ зимней сырости, весьма неудобныя для долговременнаго пребыванія. Передъ воротами, на деревянномъ щитѣ, нарисованъ огромный драконъ— гербъ Кипайской Имперіи. Немало приходило къ намъ любопытныхъ посѣщителей; въ числѣ ихъ былъ и двѣнадцатилѣтній сынъ здѣшняго Комеданта. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, дворъ гостинницы наполнился солдатами мѣснаго гарнизона: они одѣты были въ синіе кипайчашые кафтаны, а сверху имѣли короткія курмы [родъ широкой куртки] краснаго цвѣта. Солдаты держатъ себя прямо и выступаютъ смѣло; въ рукахъ каждый носилъ заржавѣвшій песакъ. Но они скорѣ оставили се оружіе, по видимому, для нихъ слишкомъ незнакомое.

Вчера въ Тумэу и здѣсь, въ Хуайлаѣ, при вѣздѣ въ городъ видѣли мы, какъ одинъ солдатъ, ходя по улицѣ, ударялъ въ мѣдный пазъ колошущкою

и что-то кричалъ. Битхеши объяснилъ намъ, что сей въспникъ естъ одинъ изъ городскихъ приврашниковъ. Они обязаны давати знати о въздѣ и въздѣ какихъ нибудь извѣстныхъ чиновниковъ; такъ же, въ случаѣ воровства, полицейскій *герольдъ* объявляетъ жителямъ объ украденной вещи и ея примѣтахъ.

Сего числа Китайцы, подбриптемя своихъ головъ, ознаменовали конецъ траура по Богдоханъ Цзядинъ.

Нояб. 28. Въсперъ, дувшій въ теченіе прошлыхъ чепырехъ дней съ сѣвера, ушихъ, и погода сдѣлалась гораздо теплѣе.

Мы выѣхали въ 9 часовъ утра. Въ половинѣ 11 часа прибыли мы, черезъ $12\frac{1}{2}$ верстъ, въ крѣпость *Синь* [т. е. новая] *юйлинъ*; гдѣ отдохнувъ, опять пустились далѣе, и перешедъ еще $12\frac{1}{2}$ верстъ, достигли до постоялаго двора близъ крѣпости *Чадао*, во 2 часу по полудни, проѣхавъ всего 25 верстъ, или 50 Ли Китайскихъ.

При отправленіи изъ Хуайлая, я подарилъ смотрителю гостинницы левантинový плашокъ и хорошій ножикъ. Мы выѣхали въ южныя городскія ворота. Спускъ весьма крутъ; но еще труднѣе было съѣзжати съ близъ лежащаго каменнаго моста. Мостъ сей устроенъ на рѣчкѣ, вытекающей изъ восточнаго хребта и впадающей въ Янхэ: зданіе огромное и великолѣпное. Прежній мостъ имѣлъ 11 арокъ, а теперь только 3, находящихся ближе

къ городу; сверхъ того, спонить еще арка за нѣсколько сажень впереди; въ промежуткѣ по видимому былъ также мостъ, но своды онаго опгъ времени обвалились и камни разнесены. Кипайцы спускающъ свои огромныя шелъги съ крушаго мостоваго обвала необыкновеннымъ образомъ: позади шелъги оспавляютъ мула, коему накидываютъ на шею веревку, прикрѣпленную къ оси. Мулъ, ко его между шѣмъ бьютъ по мордѣ, сходя по крутизнѣ осторожно, вмѣстѣ съ собою удерживаетъ и шелъгу: работа слишкомъ шрудная и опасная.

Южная, равно какъ и сѣверная стѣна города Хуайлая, взведены на сплющіе къ востоку два пригорка. На одномъ изъ нихъ крѣпость, а на другомъ, южномъ пригоркѣ Хошанскій монастырь. Въ семъ послѣднемъ оспанавливался [4. Апр. 1696] Императоръ Канси, шедшій съ своимъ ополченіемъ прошивъ свирѣпаго Хана Зюнгарскаго.

Сначала идетъ дорога ровная и весьма гладкая; далѣе она весьма камениста. Черезъ 6 верспъ проѣхали мы подъ развалившимися стѣнами одного селенія, опгъ коего въ $6\frac{1}{2}$ верспахъ городъ Юйлинъ. Къ городскимъ воротамъ ведспъ длинная ивовая аллея, каковыми ѣхали мы и прежде. Должно опдаться Китайцамъ справедливость, что они умѣютъ украшать свои жилища произведеніями природы. Густыя ивы доказываютъ путешественнику благоустройство здѣшнихъ сель и, въ часы лѣшняго зноя, гоповашъ ему прохладную шѣнь.

Долго искали мы въ окрестностяхъ города, того мѣста, гдѣ погребенъ нашъ Архимандритъ Іоакимъ Шишковскій, умершій въ Юйлини, на возвратномъ пути изъ Пекина въ Россію въ 1795 году. Но мы немогли найти никакихъ признаковъ его могилы.

Выѣхавъ въ сей городокъ, Миссія остановилась на время, по приглашенію Бисхешя, въ казенномъ домѣ. Когда провожатые наши перемѣнили почтовыхъ лошадей; то вмѣстѣ съ ними и мы отправились далѣе.

Выѣхавъ изъ Юйлини, приблизились мы къ хребту горъ, замыкающему съ юга равнину, по коей мы ѣхали отъ самой крѣпости Цзиминъ-и. Земля здѣсь покрыта булыжникомъ, занесеннымъ горными потоками, и пашень вовсе не примѣшно.

Наконецъ, у подошвы высокихъ горъ увидѣли мы нѣскольکو развалившихся башенъ. А памъ, по вершинѣ хребта, приосѣненного облаками, извивается, подобно страшному дракону, зубчатая полоса огромнѣйшаго зданія: это знаменитая Китайская стѣна, *великая* по работѣ и по своему предназначенію: единственное въ своемъ родѣ произведеніе рукъ человѣческихъ. Сей вѣковой памятникъ, гордо высіяющийся на неприступныхъ горахъ, поражаетъ взоры чужеземца, останавливаетъ его шаги и невольно погружаетъ въ размышленія о чрезвычайныхъ событіяхъ народа необыкновеннаго.—

Въ тѣ времена, когда искусственная оборона по-

*

средствомъ окоповъ не была вовсе извѣстна или упопреблялась въ великомъ несовершенствѣ, мысль оградить себя отъ внезапныхъ вторженій хищнаго народа стѣною крѣпкою, длинною и высокою, была весьма основательною. Древность представляеть намъ многіе сему опыты у Египтянъ, Мидянъ и Сиріянъ. Въ Европѣ даже видимъ тому доказательство на стѣнѣ, по повелѣнію Императора Севера воздвигнушой Бриггнами, или болѣе Римлянами, господствовавшими въ Бригганіи. Она простирается, отъ Карлиа въ Кумберлендѣ до Ньюкастля на Тинъ въ Норпумберлендѣ, на 80 Англинскихъ миль въ длину, имѣя 12 фузовъ вышины и 8 ширины. Но сколь незначительно сіе, впрочемъ довольно великое сооруженіе Римлянъ предъ Китайскою стѣною, тянущеюся на 1500 Англ. миль въ длину, какъ то означено ниже.

Рѣка Янъ пошла между горъ прямо на югъ; а наша дорога склонилась нѣсколько къ юговостоку. Проѣхавъ отъ Юйлини 12½ верстъ, прибыли мы въ постоялый домъ, усроенный подъ стѣнами крѣпости Чадао. Тупъ нашли мы великое стеченіе народа: одни готовились къ переходу впередъ черезъ пруднѣйшее горное ущеліе; а другіе отдыхали, по благополучномъ совершеніи шагоспнаго пуши сего.

Постоялый домъ, содержимый Туркестанцами, весьма обширенъ; имѣеть чешыре двора; лежишь на самомъ пуши, между двумя высокими горами;

его окружающъ проведенные опгь большой стѣны оборонительные флигели, нынѣ развалившіеся. Изъ крѣпости собралось къ намъ на дворъ, для караула, много солдатъ въ парадѣ.

Подрядчикъ Лиляндынь, на подводахъ моего слѣдуетъ Миссія и кошпорый ѣхалъ съ нами безопасно, просилъ меня здѣсь о вспоможеніи, сверхъ договорной плащы, деньгами для найма особыхъ работниковъ, чшобъ успѣшнѣе переправить обозъ черезъ ущеліе *Гуаньгюу* [1], покрытое на 20 верстѣ высокими камнями и пропастями. Я оппущилъ весьма охотно Лиляндыню полфунша серебра; что на Шипинѣ вѣсъ составило 5 ланъ, 5 чинъ и 5 фунъ. Къ сей выдачѣ побудила меня примѣрная заботливостъ подрядчика объ успѣшномъ перевѣздѣ нашемъ.

Нояб. 29. Въ 9 часовъ ушра Миссія опправила въ путь.

Изъ посполлага двора выѣхали мы въ крѣпость Чадао, окруженную высокими стѣнами; она служилъ защитой сѣверному устью ущелія. Опгь крѣпости далѣе идетъ путь споль шрудный, какого никшо изъ насъ никогда еще не видалъ. Дорога лжжипъ между кучами огромныхъ каменьевъ, оппорванныхъ опгь скалъ временемъ и пошоками дождевыми. По споронамъ видишь или всяціе надъ головою ушесы, или окруженныя опшрыми камнями пропасти: подъемы шрудны, спуски опасны. Одинъ

(1) *Гуань* по Кинш. крѣпость, а *Гоу*-ущеліе, ш. е. укрѣпленный горный проходъ.

непвердый шагъ, а особливо верхомъ, можешь погубишь здѣсь вздока; даже въ двухколесной повозкѣ опасно было сидѣть. Мы радовались, что не взяли ни одной изъ нашихъ кибитокъ; въ проливномъ случаѣ, были бы принуждены бросишь ихъ непремѣнно на первомъ шагу въ сіе ущелье.

Опъ крѣпоспи поднимались мы верспы 3 на отрасль горы *Бадалинъ*, у Гербильона *Palin*, [1] высочайшей почки въ сихъ мѣспахъ, съ коей большія горы, лежація къ югу, предспавляющся подъ вами. Тамъ доспигли мы до Великой Кишайской стѣны, коей внѣшнюю линію соспавляетъ стѣна *Хадганская*. Проѣхавъ въ вороша, подъ сводомъ главной башни, вспутили мы на пространный дворъ. По устроеннымъ, для дѣйствующихъ войскъ, всходамъ я съ нѣкопорымъ благоговѣніемъ поднялся на стѣну. Невзирая на многія уже проспекція спольшія [2], все зданіе, по искусной и щцащельной

(1) См. *Дюгалда IV*, 425.

(2) Стѣна сія построена Кишайцами за 213 лѣтъ до Р. Х. въ царствованіе Императора Цинской династіи Ши-Хуандіа. Полководцу Мыньшянь, прогнавъ Сюнхусцовъ (Монголовъ), приобрѣлъ Орхось и построилъ Великую стѣну отъ Ляншао до Ляодуна, простирающуюся отъ 3 къ В на 10-ш. Лн ш. с. болѣе 5000 верстъ. Работа продолжалась около 10 лѣтъ. — *Мальбрена* (*Précis de la Géographie univ.* III, 548.) основываясь на показаніяхъ *Марка-Поло* и *Велл*, полагаешь, что сія стѣна отъ вѣтхости разрушалась и была неоднократно возобновляема, смотря по нуждамъ политическимъ. Слѣдовательно, по его мнѣнію; существованіе нынѣшней стѣны не можешь восходишь до глубокой древности, и дѣлосъ оной не заслуживаешь большого удивленія.

опдѣлкѣ, спомъ еще далеко отъ разрушенія, что походитъ на каменный валъ, произведенный самою природою, для огражденія сѣверныхъ губерній Китая: Чжили, Шааньси, и Шаньси отъ набѣговъ вѣкогда воинственныхъ чадъ сѣверной степи, Монголовъ. Стѣна выстроена собственно изъ двухъ стѣнокъ, имѣющихъ вверху широкіе зубцы; промежутокъ наполненъ землею и щебнемъ. Основаніе оной сдѣлано изъ четверугольныхъ плитъ дикаго камня; а все прочее изъ большихъ жженныхъ кирпичей. Отъ основанія до верху, она имѣетъ вышины 26 фуп. ш. с. около 4 саж: а полцины вверху 14 фуп. или 2 сажени. Въ башняхъ, устроенныхъ чрезъ каждые почти сто шаговъ, сложено въ кучу нѣсколько сотъ чугунныхъ пушекъ. Главная башня обвалилась; вѣропта весьма повреждены; равно и въ стѣнѣ, во многихъ мѣстахъ есть значительные обвалы, кои теперь уже не почииваются.—

Для почтѣйшаго понятія о чрезвычайной массѣ сего исполнскаго сооруженія, не излишнимъ нахожу упомянуть при семъ о вычисленіи Математика Бар-

Сколь ни правдоподобно сіе мнѣніе, въ сообразности съ непременными произведеніями нашихъ спрощелей; но мы остаемся при той мысли, что Великая стѣна Китайская есть сооруженіе весьма древнее. Еще *Алмیانъ Марцеллине*—писатель давній—знакомилъ насъ съ сими необыкновенными зданіемъ, говоря: Тамъ въ отдаленнѣйшемъ Востокѣ, воздвигнутые въ видѣ круговъ высокіе валы облегають землю Сересовъ (Китай). *Ultra hæc utriusque Scythiæ loca, contra orientalem plagam, in orbis speciem constructæ celsorum aggerum summitates ambiunt Seres.* XXIII, 6.

рова [1], бывшаго въ Кипаѣ 1793 и 94 при Английскомъ Посланникѣ Лордѣ Макаришеѣ. Онъ полагаесть все количество домовъ въ Англии и Шотландіи до 1.800, и выводитишь заключеніе, что спѣны сихъ домовъ въ общей сложности, считая на каждый домъ по 2000 кубическихъ футовъ, не имѣютъ столько матеріала, сколько содержишь оваго Великая Кипайская спѣна, и коего было бы достаточно для построенія такой спѣны, копорая бы двукратно окружала весь земной шаръ; въ сіе предположеніе Барровъ включаетъ однако и землю, находящуюся ввнутри спѣны Кипайской.

Сія спѣна, изумляющая всѣхъ и каждого своєю огромностію, памятникъ шрудовъ гигантскихъ и вмѣстѣ злосчастной судьбы Кипаѣ, всегда бывшаго или жертвою междоусобныхъ браней, или добычю вѣшнихъ враговъ — конечно не приступна для конницы степныхъ народовъ-пастуховъ; но, прошивъ 12-фунтовыхъ ядеръ не долго можешъ устоять. Впрочемъ, положеніе всего ущелія дѣйствительно можешъ почестъся надежнѣйшею преградю впорженіямъ непріятеля, если онъ не найдеть средства пробратъся черезъ сей хребтъ, да лѣе къ западу, какъ по дѣлали Монголы при своихъ набѣгахъ на Кипаѣ.

Отъ спѣны ѣхали мы $3\frac{1}{2}$ версты по крушому спуску до кумирни, сдѣланной въ ущелье: путь до рога поворачиваетъ съ сѣверо-запада на югъ. За

(1) Voyage en Chine; à Paris, 1802. II, 88. и 89.

полверсты до сего поворота сползъ древнее капище, прошивъ коего, проведена изъ горъ вода деревянною трубой. Мы проѣхали версты 3 до развалившейся крѣпости *Шаньгуань*. Отсюда начинается труднѣйшій переѣздъ, а особливо на колесахъ. Около 5 верстъ пробирались мы по снѣжкамъ, устланнымъ шѣснинамъ, пока не достигли до крѣпости *Цзюйюнь*, главной защиты прохода сего. Внутренность среднихъ ея вѣрохъ весьма красиво устроена; на стѣнахъ высѣчены изображенія героевъ. И сія крѣпость находится въ двухъ линіяхъ или флигеляхъ Великой стѣны, устроенныхъ между превысокими горами. Сей крѣпости не могъ преодолѣть и Чынгисъ Хань, во время своего похода въ Кипай. Онъ принужденъ былъ отсюда возвратиться въ Монголію, и потомъ вошелъ въ Кипайскія владѣнія съ западной уже стороны, чрезъ Кукуноръ.

Въ нѣкопрыхъ мѣстахъ сего ущелія видны сельскія хижины съ небольшими пашнями. Ручьи съ шумомъ бѣгутъ изъ горъ и составляютъ быструю рѣчку, съ ревомъ текущую по разбросаннымъ камнямъ. Нѣкогда на оной были устроены гранишныя и мраморныя мосты, но теперь остались однѣ развалины оныхъ. Дорога въ семь ущельѣ сколько трудна, по причинѣ шѣснопы и неровности своей, столько пріятна по пѣнистымъ каршинамъ, представляющимся на каждомъ шагу. Индѣ грозныя ошѣсныя скалы, кажутся, годовы

подавить смѣлаго путешественника, видѣ сплотивъ каменные дома съ пріятными садами, въ конхъ журчатъ ручьи, и видны ореховыя и кашпано-выя деревья, много виноградныхъ лозъ, кипарисовъ и проч. На дорогѣ мѣстами лежатъ большіе обломки порфира и сѣраго мрамора.

Отъ Цзюйюна, гдѣ есть почтовая станція, пробирались мы вершины $2\frac{1}{2}$ по камнямъ, до небольшой караульни подъ утесомъ; отсюда спустились на каменистый лугъ, заросшій ильмовникомъ, и вѣхали у подошвы высокихъ утесовъ вершю 5 до *Нань-кау* п. е. южнаго устья. Это небольшая крѣпость, обведенная каменною стѣной и лежащая при самомъ выходѣ изъ ущелья Гуаньгоу. Она заграждаетъ дорогу въ Пекинъ съ сѣвера. Перевхавъ чрезъ крѣпость, поворопили мы на лѣво въ предмѣстіе, гдѣ для Миссіи приготовлена была особая гостинница, у самой крѣпостной стѣны. Въ оную всѣ мы собрались во 2 часу по полудни, проѣхавъ около 23 вершю.

Въ 4 часа по полудни Бошко Ургентай отпра-вился въ Пекинъ, лежащій отсюда вершю за 45, для предварительнаго донесенія Трибуналу иностран-ныхъ дѣлъ о скоромъ прибытіи Россійской Миссіи.

Ноября 30. Ночью и ушромъ весьма тепло. Вообще, по выѣздѣ изъ ущелья Гуаньгоу къ югу, нельзя не замѣтить переменны въ климатѣ.

Мы двинулись впередъ въ 9 часовъ ушра. Отъ вѣхавъ 22 вершины до города *Шахъ*; гдѣ нѣсколько

ощдохнули, пустились мы далѣе, и чрезъ 13 верстѣ прибыли въ селеніе *Цинхэ* въ 4 часу по полудни, проѣхавъ всего 35 верстѣ.

Отъ Нанькэу вершны 3 пробирались мы по лу-гу, все еще усѣянному мѣлкимъ камнемъ; попомъ поднялись на высоту и вышли на равнину не-обозримую. Покрытый снѣгомъ хребетъ Цзюйюнь оспался позади насъ; одна часть горъ пошла къ В, а другая на З. высокою грядою. Ущелія и подошва южной ихъ стороны покрыты плодовишны-ми деревьями; а ниже, въ удобныхъ мѣстахъ, разчищены пашни для сарацинскаго пшена. Горы сіи пѣтъ еще достопримѣчательны, что отъ сѣвера къ югу сушь первая, на которыхъ водятся шигры, барсы и пестрыя дикія козы.

Здѣсь начинается Чжылиская [названіе всей губерніи] равнина, примѣрно воздѣланная. Нѣкоторые Геологи замѣчаютъ, что сія сѣверовосточная часть Кипая образовалась уже послѣ прочихъ возвышеннѣйшихъ мѣстъ Земнаго Щара, и что она состоитъ изъ одной только наносной земли, увлеченной низвергающимися съ сѣверныхъ горъ потоками. Сія земля сначала осѣда при подошвѣ горъ, и мало по малу принуждала удаляться море, ее омывавшее, и нынѣ лежащее уже отсюда верстѣ за 150 въ прямомъ направленіи къ востоку. Грунтъ сей равнины песокъ, перемѣшанный съ глиною. Много видно на оной селеній; дома окружены деревьями; во всѣ стороны примѣтны

большія роши ивъ, кипарисовъ, можжевельника, грецкихъ оръшняковъ и проч. Дорога извивается между нивами, на коихъ примѣнны гробницы поселенъ, сложенныя въ видѣ небольшихъ конусовъ изъ кирпича или одной земли. Это кладбища, для устройсва коихъ Кипасцъ, по завѣшу Конфуція—ничего не щадить, усерднѣйшія прилагая попеченія о цѣлости сихъ священныхъ убъжищъ.

Оставя влѣвъ, верспъ за 5, городъ Чанпинъ-гжѣу, куда Бипхешн съ своими Нербами и полмачемъ отправился для перемѣны почшовыхъ лошадей, мы продолжали ѣхать прямо, и черезъ 22 верспы отъ Нанькэу прибыли въ 12 часу въ предмѣстіе города Шахэ; гдѣ извозчики наши остановились кормить муловъ.

Подъ городомъ Шахэ мы проѣзжали черезъ огромный мраморный мостъ о 6 аркахъ, успроенный на рѣкѣ тогоже названія, коей берега покрыты пескомъ: огромные камни на ономъ связаны большими желѣзными шипами.

Во 2 часу отправилась Миссія далѣе. Продолжая путь по глубокому песку, подъ западную стѣной города Шахэ, мы переѣхали черезъ древній мостъ, успроенный изъ мрамора на рукавъ той самой рѣки, о коей сказано выше. Нельзя не пожалѣть, что сія красивыя и полезныя сооруженія, памятники благоразумной попечительности прежняго Кипайскаго Правительсва, близки уже къ разрушенію. Верспъ за 10 до селенія Цинхэ начи-

наюшся загородные дома и кладбища Пекинских чиновниковъ, не великолѣпные, но опдѣланные красиво: вездѣ видны бѣлокореы кипарисы, густыя рощи сшолѣшнихъ ивъ и можевельника, копорый здѣсь величиною съ большую сосну или ель. На семь проспранспвѣ встрѣшили мы полпу Монголовъ въ рубищахъ. Увидѣвъ насъ, сіи несчастные въ одинъ голосъ закричали: *Оросѣ! Оросѣ!* и. е. Рускіе. Подобное названіе употребляютъ и народы Турецкаго племени. Намъ сказали, что это были подсудимые, содержавшіеся по производству уголовныхъ дѣлъ въ Пекинѣ; по случаю вознествіа на престолѣ новаго Богдохана, они прощены и возвращаются въ свои кочевья. Сего дня видѣли мы также около 50 Монгольскихъ верблюдовъ, шедшихъ изъ Халгава въ Пекинѣ съ коровиимъ масломъ для Двора; на передовыхъ верблюдахъ повѣшенъ былъ на палочкѣ лоскутъ *желтой* матеріи въ видѣ знамени.

По прибытіи въ Цинхэ, Миссія заняла одинъ изъ посполныхъ домовъ, приготовленный на сей случай, по распоряженію Битхешіа.

Здѣсь явился къ Начальнику Миссіи окрещенный Езунтами Кышаецъ Ханцзю, выѣхавшій на встрѣчу изъ Пекина. Кышаецъ сей ремесломъ печникъ, заплывшій послѣ отца должностъ сію при Россійскомъ подворьѣ; онъ извѣстенъ былъ нашему Архимандриту и прежде, въ бытность О. Петра Студеншомъ при Пекинской Миссіи, съ 1795 по 1808 годъ.

Битхеши присылалъ ко мнѣ вечеромъ своего полмача освѣдомиться, нѣтъ ли у насъ продажныхъ соборей; ибо полученныхъ отъ насъ въ подарокъ не доставало ему и на короткую курму. Не имѣя у себя во все ничего продажнаго, а съ другой стороны не желая показаться слишкомъ наклоннымъ къ разрѣшенію таковыхъ иносказательныхъ предложеній, я опослалъ полмача обратно съ отвѣтомъ, что Г-ну Битхеши сдѣланы уже отъ Рускихъ значительныя угожденія; а потому я предоставляю ему въ Пекинѣ самому позаботиться о своемъ одѣяніи.

Д е к а б р я 1.

Заплашивъ хозяину постоялаго дома за ночлегъ Миссиі двѣ ланы [4 руб. серебромъ], выѣхали мы изъ Цинхэ въ 9 часовъ утра по дорогѣ къ Пекину.

Верстѣ на 5 дорога лежитъ между аллеями старыхъ ивовыхъ деревьевъ; за оными находятся селенія и кладбища. Видѣ сихъ мѣстъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашею Пешергофскою дорогою. Пройхавъ означенное пространство, всупуили мы въ Пекинское предмѣстіе. Тутъ выѣхали на встрѣчу къ намъ Спуденты прежней Миссиі Сипаковъ и Зимайловъ и, по распоряженію О. Іакинфа, привели съ собою чепыре лучшихъ Китайскія коласки, для вѣзда въ Пекинъ новыхъ Миссіонеровъ, и верховую лошадь для меня.

Въ сопровожденіи Гг. Сипакова и Зимайлова, а равно Битхеши Чена, продолжали мы свой путь.

Изъ предмѣстїа, въ коемъ великое спеченіе народа и шумъ предвѣщали близость столицы, многлюдивѣйшей въ мірѣ, новоропчили мы влѣво, и проѣхавъ улицу, вышли на широкое поле, за коимъ предсавлялись глазамъ Пеккинскїа снѣжны во всей ихъ обширности.

И такъ, мы видимъ Пекинъ! — Гдѣ сокрылось необъятное пространство между Санктпетербургомъ и Столицею Китая? [1] Жители береговъ Финскихъ, мы, кажешся въ одно мгновеніе перенесены непослужимую силою въ Государство, составлявшее предметъ нашего ранняго любопытства и темныхъ предположеній. Каждый изъ насъ съ чувствомъ радости и недоумѣнія взиралъ на сія зубчатыя снѣжны, кои древность облекала глубокимъ мракомъ.

По сѣверной сторонѣ поля видны красныя снѣжны Фоевскихъ капищъ. Близъ сихъ мѣстъ встрѣтили мы шестивѣ погребальной церемонїи какого то богатаго Кышайца. Версты 3 проѣхавъ поле, мы достигли до Рускаго кладбища, гдѣ погребаются умирающіе въ Пекинѣ Члены нашихъ Миссій. Сюда выѣхавъ изъ города и Бошко Ургеншай. Поклонившись праху нашихъ соотечественниковъ, мы оправились далѣе.

(1) Отъ С. Петербурга до Кяхты, или Кышайской границы считается 6500 верстъ; отсюда до Пекина около 1500 в. Следовательно отъ С. Петербурга до Пекина всего расстояніа можно полагать не менѣе 8000 верстъ.

Провѣвъ верспу отъ кладбища, Миссія наконецъ вступила въ сполницу Киплая воротами, называемыми *Андилянъ*, въ церемональномъ порядкѣ. Версты двѣ ѣхали мы при великомъ спешеніи любопытныхъ Кишайцевъ, прямо по Андиньской улицѣ, попомъ около полуверсты къ востоку переулкомъ. Изъ сего переулка опять къ югу, по улицѣ Дафосы версты три до деревянныхъ триумфальныхъ воротъ, изъ коихъ пошли на право, улицею Чананъ, мимо Шаманскаго храма Манжуровъ съ лѣвой и Трибунала иностранныхъ дѣлъ съ правой стороны, до мраморнаго моста [Бейцiao] на каналъ или рѣчкѣ Юйхэ. Спустившись съ сего моста, и оставя дворцовыя ворота вправѣ, мы проѣхали съ верспу на югъ внизъ по каналу; мимо моста Чжунъ Юйхэцiao поворотили къ западу въ улицу Дунъ-цзямисянь, и вѣхали, на право, въ великолѣпныя ворота Россійскаго подворья, въ первомъ часу по полудни. У монастырскихъ воротъ новую Миссію встрѣтили Иеромонахи прежней Миссії Серафимъ и Аркадій, а равно церковникъ Яфицкій. Мы пошли въ монастырскую церковь; попомъ въ настоятельскіе покои, гдѣ О. Архимандритъ Іакинфъ ожидалъ и принялъ новоприбывшихъ госпей. Онъ отличнo угостилъ Членовъ новой Миссії, а равно сопровождавшихъ оную Офицеровъ и Казаковъ.

Бипхеси Чень и Бошко Ургеншай привияты были въ особой комнастѣ, и вскорѣ удалились.

Послѣ обѣда прїѣзжали къ О. Іакинѣу назначенныя къ Россійскому подворью чиновники изъ Трибунала иноспранныхъ дѣлъ: 1] настоящій Приспавъ подворья 5-го [на равнѣ съ нашимъ 9] класса То-лое, бывшій некогда Заргучесмъ на Кяхтѣ; 2] пойдже степени преспарвльнй чиновникъ Фу-лое и 3] 7-го [нашего 14] класса, Дэ-лое. Два послѣдніе опредѣлены только на время пребыванія обвнхъ Миссій и чиновниковъ Рускихъ въ Пекинѣ. О. Іакинѣу пригласилъ къ себѣ Начальника новоприбывшей Миссіи и меня, по должности Приспава оной. Кипайскіе чиновники, сдѣлавъ намъ нѣсколько обыкновенныхъ привѣтствій, спросили меня о дорогѣ; благополучно ли мы ѣхали, всѣ ли путешестввенники находятся въ добромъ здоровьѣ?—Я хвалился и пѣмъ и другимъ, присовокупивъ, что во все время пущи мы были весьма довольны вниманіемъ къ намъ Кипайскаго Правительсва и попечительностію сопровождавшихъ Миссію Кипайскихъ чиновниковъ объ успѣшномъ проѣздѣ нашемъ.

Вечеромъ занимались мы размѣщеніемъ всѣхъ новопрїѣхавшихъ. Духовные Члены Миссіи расположились въ монастырѣ, въ приготовленныхъ для сего Іеромонашескихъ покояхъ; а свѣтскіе на Посольскомъ дворѣ во флигелѣ, гдѣ обыкновенно живутъ наши Сшуденшы. Я занялъ восточную половину, изъ двухъ комнашъ сосполщую, такъ называемаго Дашина или Посольскаго дома, а на

западной половинѣ расположились Обозный, Казачій Спаршина и Переводчикъ; девятнадцать казакъ помѣщены въ особомъ отдѣленіи, стоящемъ къ востоку. По недоспашку большой кладовой, всѣ вещи, новой Миссіи принадлежащія, сложены въ западномъ флигелѣ погоже двора.

Въ концѣ сей части прилагаю чертежъ Россійскаго Срѣшенскаго Монастыря и Посольскаго Двора въ Пекинѣ: первый изображенъ на лѣвой, а второй на правой половинѣ чертежа. Планъ онымъ составленъ мною на мѣстѣ; а фасадъ есць произведеніе одного молодого Китайскаго Художника, живущаго въ Пекинѣ. Вопшъ объясненіе зданій, показанныхъ на планѣ.

В ъ М о н а с т ы р ь

- а. Церковь Срѣшенія Господня.
- б. Колокольня: 3 колокола на двухъ столбахъ съ крышею.
- в. Покои Архимандрита.
- г. — двухъ Иеромонаховъ.
- д. — Иеродіакона.
- е. — Церковниковъ.
- ж. Библіотека Пекинской Миссіи.
- з. Ходъ позади сего домика.
- и. Колодезь, въ коемъ вода неудобная для пищья, и употребляется только на поливку садовъ.
- і. Солнечные часы на столбѣ изъ бѣлаго мрамора.
- к. Баня.
- л. Небольшая кладовая.

- м. Дворы передъ строеніемъ,
- н. Покои монашырскіе, отдаваемые въ наемъ,
- о. Кухня Архим.
- п. Тѣсный ходъ позади покоевъ.
- р. Виноградникъ.
- с. Терраса въ саду, близъ строенія.
- ш. Цвѣшникъ съ каменнымъ прошеуаромъ.
- у. Сады монашырскіе, состоящіе большюю частію изъ грушъ, яблонь, персиковыхъ, абрикосовыхъ и другихъ плодовишыхъ деревь; еспъ также кипарисы и большія акаціи.
- ф. Кухни.
- х. Крыльца. Лѣшомъ приосвѣняютъ оныя своими густыми листьями распѣніе Тѣнло; цвѣшы онаго походятъ на нашу синюю сирень, но кисти ихъ длиннѣе и запахъ несравненно пріятнѣе.
- ц. Сѣни.
- ч. Каретный сарай.
- ш. Ворота монашырскія.

На Посольскомъ Дворѣ.

1. Посланнической домъ, въ коемъ прежде оспанавливались Россійскіе Послы; а нынѣ, во время перемѣны Миссіи, помѣщается шамъ Приставъ оной съ чиновниками.
2. Покои, предназначенные для свишы Посланника, его служителей, кухни и проч.
3. Ливія покоевъ, занимаемыхъ 4 Слуденшами Миссіи.

4. Кухня и людская.
5. Кладовая.
6. Колодезь, въ коемъ вода также не хороша.
7. Сарай.
8. Небольшой дворъ.
9. Виноградникъ.
10. Садъ съ плодовищами деревьями.
11. Вороша на Посланической дворъ.
12. Дворъ.
13. Покои для служивелей.
14. Комната дежурнаго Кишайскаго Бошка.
15. Въездъ на дворъ.
16. Покои для Кишайскихъ чиновниковъ, кои съезжаются во время пребыванія Россійцевъ.
17. Жилье Кишайскаго дворника.
18. Вороша.
19. Дворъ.
20. Главныя большія вороша.
21. Караульня.
22. Фоевское капище.

Означивъ способъ и прудность путешествія Россійской Миссии отъ предѣловъ означенна до столицы Кишал, также образъ ея помѣщенія въ оной, перейдемъ къ описанію нашего пребыванія въ Пекинъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.